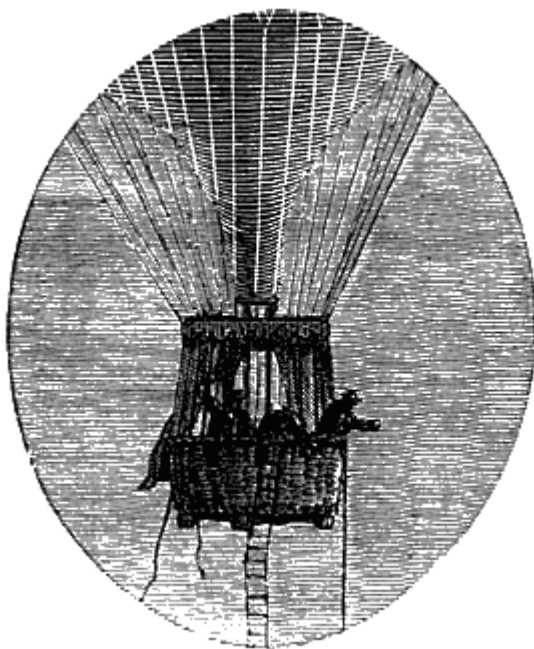
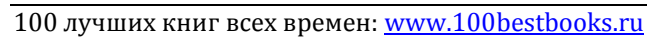

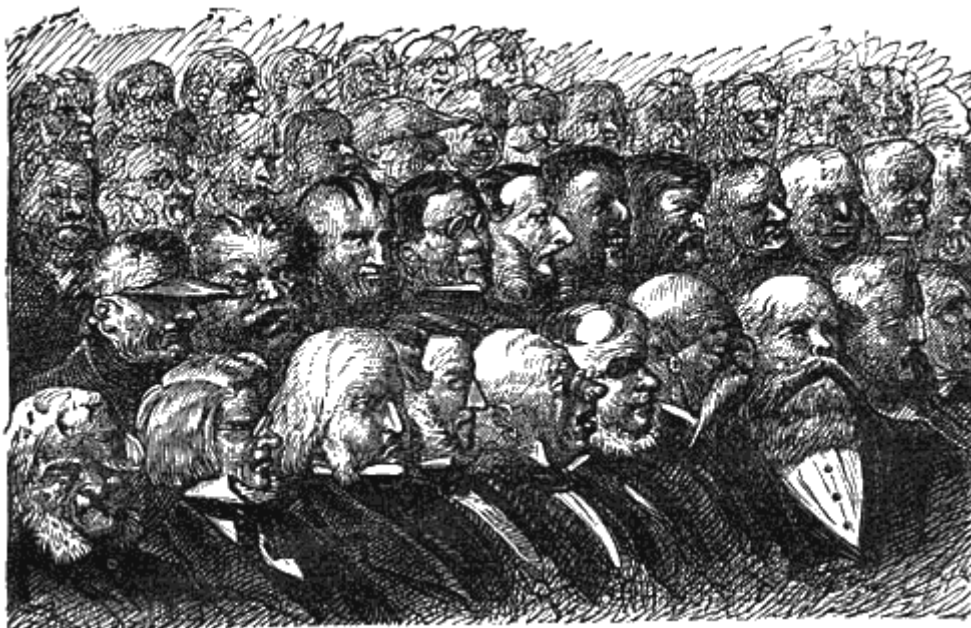
Жюль Верн
Пять недель на воздушном шаре

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Речь, вызвавшая аплодисменты. – Представление доктора Самуэля Фергюссона собранию. – «Exscelsior». – Портрет доктора Фергюссона. – Убежденный фаталист. – Обед в «Клубе путешественников». – Провозглашение тостов.

Заседание Лондонского королевского географического общества 14 января 1862 года в здании на площади Ватерлоо, 3 было весьма многолюдным. Президент общества сэр Френсис М... делал своим почтенным коллегам важное сообщение, и речь его часто прерывалась аплодисментами. Это выступление – редкий образец красноречия – завершилось, наконец, следующими напыщенными фразами, в которых целым потоком изливались патриотические чувства:

– Англия всегда шествовала во главе других наций. (Заметьте: нации всегда шествуют во главе друг друга.) Этим она обязана бесстрашию своих путешественников-исследователей и их географическим открытиям. (Оживленные возгласы одобрения.) Доктор Самуэль Фергюссон, один из ее славных сынов, не посрамит своей родины. (Со всех сторон: «Нет! Нет!») Если его попытка удастся («Конечно, удастся!»), то наши разрозненные сведения о географии Африки будут дополнены и связаны в одно целое. (Бурное выражение одобрения.) Если же она потерпит неудачу («Никогда! Никогда!»), то во всяком случае войдет в историю как один из наиболее отважных замыслов человеческого гения... (Неистовый топот ног.)

– Ура! Ура! – кричали присутствующие, наэлектризованные этими волнующими словами своего президента.

– Ура неустрашимому Фергюссону! – вырвалось у одного из самых восторженных слушателей.

Крики, полные воодушевления, неслись со всех сторон. Имя Фергюссона было у всех на устах, и мы имеем основание думать, что оно особенно выигрывало, проходя через глотки англичан. Зал заседаний содрогался от этих криков.

Ведь здесь было много тех самых бесстрашных путешественников, исколесивших пять частей света, теперь состарившихся, утомленных, но когда-то полных энергии. Все они благодаря своей физической или моральной стойкости спаслись от кораблекрушений и пожаров; всем им грозили и томагавк индейца, и дубина дикаря, и столб пыток, и опасность попасть в желудок полинезийца. И тем не менее во время доклада сэра Френсиса М... сердца старых путешественников бились восторженно, и в Лондонском географическом обществе еще не было примера столь шумных оваций оратору.

Но в Англии, энтузиазм выражается не одними только словами, он чеканит монету еще быстрее, чем пресс королевского монетного двора. Тут же на заседании было принято решение выдать доктору Фергюссону для осуществления его плана две тысячи пятьсот фунтов стерлин-

гов. Значительность суммы соответствовала важности, предприятия. Один из членов общества обратился к президенту с вопросом, не будет ли доктор Фергюссон официально представлен собранию.

– Доктор ждет распоряжений собрания, – ответил сэр Френсис М...

– Пусть войдет! Пусть войдет! – раздались крики. – Любопытно увидеть собственными глазами такого необыкновенно отважного человека!

– Но, быть может, этот невероятный проект лишь мистификация, – заметил старый капитан, выделявшийся своей апоплексической наружностью.

– А что, если доктора Фергюссона воэсе не существует? – выкрикнул какой-то насмешливый голос.

– Тогда нужно было бы его изобрести, – пошутил один из членов этого серьезного общества.

– Попросите пожаловать сюда доктора Фергюссона, – распорядился сэр Френсис М...

И Самуэль Фергюссон, нисколько не смущаясь, вошел в зал под гром рукоплесканий. Это был мужчина лет сорока, среднего роста и обыкновенного сложения. Лицо у него было бесстрастное, с правильными чертами и румяное – признак сангвинического темперамента. Крупный нос, напоминавший нос корабля, – какой и должен быть у человека, рожденного делать открытия. Добрые глаза, в которых светилась отвага и еще больше ум, придавали особую привлекательность этому лицу. Руки его были несколько длинные, уверенная поступь изобличала хорошего ходока.

Весь облик доктора дышал таким спокойствием и серьезностью, что при виде его и в голову не могла прийти мысль о мистификации, даже самой невинной.

Поэтому крики «ура» и аплодисменты замолкли лишь тогда, когда доктор Фергюссон любезным жестом попросил дать ему возможность говорить. Он направился к приготовленному для него креслу; став подле него, он устремил на собрание энергичный взгляд, поднял к небу указательный палец правой руки и произнес всего одно слово:

– Exscelsior!¹

Нет, никогда неожиданные парламентские запросы господ Брайта и Кобдена или выступления лорда Пальмерстона с требованиями чрезвычайных ассигнований для укрепления скалистых берегов Англии не имели такого бурного успеха, как это брошенное доктором Фергюссоном слово. Оно совершенно, затмило и самый доклад сэра Френсиса М... Доктор показал себя человеком одновременно великим, скромным и осторожным. Все дело он умудрился охарактеризовать единым словом: «Exscelsior».

Старый капитан, сразу перешедший на сторону этого необыкновенного человека, немедленно потребовал, чтобы речь Фергюссона была «полностью» напечатана в «Известиях Лондонского географического общества».

Но кто же был этот доктор Фергюссон и какому делу собирался он себя посвятить?

Отец молодого Фергюссона, честный капитан английского флота, с самого раннего возраста приучил сына к опасностям и приключениям своей профессии. Славный мальчик, по видимому никогда не знавший, что такое страх, рано проявил живой ум, исследовательские способности и удивительную склонность к научной работе; кроме того, он обладал редким умением выходить из затруднительных положений. Ничто никогда не ставило его в тупик: даже когда он впервые взял в руку вилку, и то он не растерялся, как это бывает обыкновенно с детьми. Рано приистрастился он к чтению книг о смелых похождениях и морских экспедициях, возбуждавших его фантазию. С страстным интересом изучал он открытия, ознаменовавшие первую половину девятнадцатого века. Он мечтал о славе Мунго Парка, Брюса, Кайе, Левайяна и, наверное, не мог немного не помечтать о славе Селькирка – прообраза Робинзона Крузо, – она казалась ему не менее заманчивой. Сколько чудесных часов провел мальчик с Селькирком на его острове Хуан Фернандес! Юный Самуэль порой одобрял действия одинокого матроса, порой не соглашался с его планами и проектами. Ему казалось, что на его месте он поступил бы иначе, быть может

¹ Exscelsior – высочайший (лат.)

лучше, и во всяком случае – не хуже! Но уж, наверно, он никогда не покинул бы этого благодатного острова, где Робинзон был счастлив, как король без подданных. Никогда! Даже если бы ему, Самуэлю, предложили стать первым лордом Адмиралтейства!

Можно представить себе, как развились все эти наклонности в пору его молодости, среди приключений, пережитых во всех частях земного шара! Отец его, будучи сам образованным человеком, не преминул развить живой ум сына серьезным изучением гидрографии, физики, механики, а также познакомил его с основами ботаники, медицины, астрономии.

Когда почтенный капитан Фергюссон скончался, сыну его Самуэлю было двадцать два года, и он уже успел совершить кругосветное плавание. После смерти отца он поступил на службу в бенгальский инженерный корпус и отличился в нескольких сражениях.

Но жизнь солдата была не по душе молодому Фергюссону: не стремясь сам командовать другими, он не желал никому подчиняться. Он вышел в отставку и стал путешествовать и, то охотясь, то составляя гербарий, добрался до северной части полуострова Индостан и пересек его от Калькутты до Сурата – простая прогулка любителя.

Из Сурата он отправляется в Австралию и здесь в 1845 году принимает участие в экспедиции капитана Стёрта, на которого была возложена задача найти огромное озеро, расположенное, по предположениям ученых, в центральной части Новой Голландии.²

Около 1850 года Самуэль Фергюссон возвращается в Англию. Охваченный более чем когда-либо страстью к открытиям, он до 1853 года сопровождает капитана Мак-Клора в его экспедиции, обогнувшей американский континент от Берингова пролива до мыса Фарвеля, Фергюссон хорошо переносил все климаты и все трудности, встречаемые на пути. Он прекрасно чувствовал себя среди самых тяжких лишений. Это был тип настоящего путешественника, чей желудок сжимается и расширяется смотря по обстоятельствам, чьи ноги укорачиваются и удлиняются смотря по длине случайного ложа, на котором он может в любой час дня заснуть и в любой час ночи проснуться.

Поэтому не удивительно, что наш неутомимый путешественник с 1855 по 1857 год исследует в обществе братьев Шлагинтвейт всю западную часть Тибета и возвращается из этой экспедиции с запасом любопытных этнографических наблюдений.

Принимая участие во всех этих экспедициях, Самуэль Фергюссон в то же время был самым деятельным и самым популярным корреспондентом дешевой, всего в один пенс, газеты «Дейли телеграф», ежедневный тираж которой достигал ста сорока тысяч экземпляров и едва удовлетворял спрос миллионов читателей. Вот почему доктор Фергюссон пользовался такой известностью, хотя он и не состоял членом ни одного научного учреждения, ни одного географического общества Лондона, Парижа, Берлина, Вены или Петербурга, ни «Клуба путешественников», ни даже Королевского политехнического общества, где тон задавал его друг, статистик Кокбурн.

² Новая Голландия – первоначальное название Австралии.

Этот ученый даже посулился однажды Фергюссону, желая быть ему приятным, решить следующую задачу: зная число миль, пройденных доктором в его странствиях, вычислить, насколько его голова проделала больше, чем ноги, вследствие разницы радиусов. Или же, зная число миль, проделанных ногами и головой доктора, вычислить его рост с точностью до одной линии³.

Но Фергюссон всегда держался вдали от ученых обществ, принадлежа, так сказать, к секте воинствующей, а не болтающей, и считал более полезным употреблять время на исследования и открытия, чем на споры и разглагольствования.

Рассказывают, что один англичанин специально приехал в Швейцарию, для того чтобы осмотреть Женевское озеро. Его усадили в одну из тех старых карет, где сиденья устроены, как в омнибусах, по бокам. Случайно наш англичанин сел спиной к озеру. И вот, объехав его кру-

³ Линия – мера длины, равная 2,54 мм.

гом, он ни разу не вздумал оглянуться и вернулся в Лондон в восторге от Женевского озера!

Доктор же Фергюссон не раз оборачивался во время своих странствований и, оборачиваясь, многое видал. Это уж было в его натуре. И мы имеем основание думать, что доктор был немного фаталистом, но фаталистом в подлинном смысле этого слова: он надеялся на судьбу и даже на провидение, он считал, что какая-то сила толкает его путешествовать и, объезжая земной шар, он подобен паровозу, который не избирает сам направления, а мчится по проложенным рельсам.

– Не я гонюсь за дорогой, а она за мной, – часто говаривал он.

Отсюда понятно то хладнокровие, с которым доктор Фергюссон встретил аплодисменты членов географического общества. Он, не знавший ни гордости, ни тщеславия, был выше подобных мелочей. Предложение, сделанное им президенту общества сэру Френсису М..., он считал делом совершенно простым и естественным и даже не заметил, какое огромное впечатление оно произвело на собрание.

По окончании заседания доктора повезли на улицу Пель-Мель в «Клуб путешественников», где в честь его было устроено великолепное пиршество. Количество блюд соответствовало значению, которое придавалось экспедиции почетного гостя, а поданный на стол осетр был только на три каких-нибудь дюйма короче самого Самуэля Фергюссона, Французские вина лились рекой, провозглашалось множество тостов в чести знаменитых путешественников, прославившихся своими исследованиями Африки. Пили за здоровье одних и за светлую память других, придерживаясь при этом алфавита, что уж было совершенно поанглийски: пили за Аббади, Адамса, Адансона, Андерсона, Арно, Арнье, Барта, Бейки, Бельтраме, Бьертон, Бёрчела, Бика, Бимбачи, Болвика, Болдуина, Болзони, Болоньези, Боннемена, Брун-Ролле, Брауна, Бриссона, Брюса, Буркхардта, Вайлда, Вальберга, Варингтона, Вашингтона, Вейсьера, Венсана, Берне, Винко, Водейя, Галинье, Гальтона, Гольберри, Дебоно, Дезаваншера, Деккена, Денхема, Диксона, Дочарда, Дункана, Дю Берб, Дюверье, Дюрана, Дюруле, Дю Шаллю, Жоффруа, ИбнБатута, Кайе, Кайо, Кауфмана, Кёмминга, Кемпбелла, Клаппертона, КлотБейя, Кноблехера, Коломье, Крапфа, Куммера, Куни, Курваля, Лажайя, Ламбера, Ламираля, Ламприера, Лафарга, Левайяна, Лежана, Ленга, Джона Лендера, Ричарда Лендера, Лефевра, Ливингстона, Мадьяра, Мак-Карти, Мальзака, Мольена, Монтейро, Моррисона, Моффата, Мунго Парка, Мэзана, Нейманса, Овервега, Пана, Партаррьо, Паскаля, Педди, Пеня, Пирса, Питрика, Понсе, Пракса, Рата, Раффенеля, Ребмана, Рилейя, Ритчи, Ричардсона, Ронгави, Роше, д'Эрикура, Рошера, Рюппеля, Сонье, Спика, Такки, Таусни, Тибо, Тирвитта, Томпсона, Торнтон, Троттера, Туля, Ферре, Фогеля, Френеля, Халма, Хана, Хейглина, Хорнемана, Хоутон, Чепмена, Штейднера, Эккара, Эмбера, Эрхардта, д'Эскейрак де Лотюра.

Наконец, подняли бокалы за доктора Самуэля Фергюссона, который своим удивительным начинанием должен был связать воедино труды всех своих предшественников и внести свой вклад в изучение Африки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Заметка в газете «Дейли телеграф». – Полемика в научных журналах. – Доктор Петерман поддерживает своего друга доктора Фергюссона. – Ответ ученого Конера. – Заключение многочисленных пари. – Различные предложения, сделанные доктору Фергюссону.

На следующий день, 15 января, в газете «Дейли телеграф» была напечатана следующая заметка:

«Наконец-то Африка раскроет тайну своих необъятных пустынь. Современный Эдип⁴ разгадает загадку, которая была не по силам ученым шестнадцати веков. В былые времена искать истоки Нила (fontes Nili quoerere) считалось безумной, по пыткой, неосуществимой мечтой.

Доктор Барт, шедший до Судана по пути, начертанному Денхемом и Клаппертоном; док-

⁴ Эдип – герой греческих преданий, славившийся мудростью.

тор Ливингстон, проделавший свои отважные исследования от мыса Доброй Надежды до бассейна реки Замбези; капитаны Бёртон и Спик, открывшие Великие внутренние озера, – все эти путешественники проложили для современной цивилизации три новых пути. Точка пересечения этих путей есть как бы сердце Африки, куда до сих пор не удалось проникнуть ни одному путешественнику. Сюда-то и должны быть устремлены все усилия.

И вот доктор Самуэль Фергюссон, чьи славные исследования не раз были оценены по заслугам нашими читателями, возобновляет труды смелых пионеров науки, предпринимает еще одну отважную попытку.

Этот неустрашимый исследователь намерен пересечь на воздушном шаре всю Африку с востока на запад. Если не ошибаемся, то исходным пунктом его изумительного путешествия будет остров Занзибар, расположенный у восточного берега Африки. Что же касается конечного пункта путешествия, он известен лишь providению.

Вчера на заседании Лондонского королевского географического общества было доложено об этом предполагаемом научном исследовании, и тут же на заседании было ассигновано на покрытие расходов экспедиции две тысячи пятьсот фунтов стерлингов.

Мы все время будем держать наших читателей в курсе экспедиции, не имеющей прецедента в географических летописях».

Разумеется, эта заметка наделала много шума; прежде всего она вызвала целую бурю сомнений: доктор Фергюссон казался какой-то сказочной личностью. Говорили, что все это вымысел Барнема, который в свое время «поработал» в Соединенных Штатах, а теперь нацеливается на Англию. В февральском номере «Известий географического общества», издаваемых в Женеве, появилась остроумная статейка, высмеивающая Лондонское географическое общество, пиршество в «Клубе путешественников» и даже феноменального осетра.

Петерман в своем «Бюллетене», издаваемом в Готе, заставил замолчать женевский журнал. Он лично знал доктора Фергюссона и ручался за неустрашимость своего отважного друга.

Впрочем, вскоре все маловеры были окончательно посрамлены: приготовления к путешествию делались в самом Лондоне. Стало известно, что лионские фабрики получили солидный заказ на шелковую тафту для воздушного шара; и, наконец, британское правительство предоставило в распоряжение доктора Фергюссона транспорт «Решительный» под командой капитана Пеннета.

Тут сразу со всех сторон посыпались тысячи поздравлений и пожеланий успеха. Описание подробностей экспедиции появилось на страницах парижских «Известий географического общества», интересная статья была напечатана в «Новых летописях путешествий, географии, истории и археологии», издаваемых В. А. Мальт-Бреном, добросовестный научный труд был опубликован в немецком «Географическом вестнике» доктором В. Конером, который убедительно показал возможность путешествия, вероятность успеха, характер препятствий и громадные преимущества передвижения по воздуху. Не одобрял он лишь отправной точки: по его мнению, разумнее было бы выбрать Массауа, маленький порт в Абиссинии, откуда Джемс Брюс в 1768 году отправился на поиски истоков Нила. Впрочем, он безоговорочно восхищался энергией доктора Фергюссона, железным мужеством этого человека, который замыслил такое путешествие и готовится осуществить свой замысел. Североамериканскому «Обозрению» трудно было примириться со славой, выпавшей на долю Англии, и оно, вышучивая проект доктора Фергюссона, приглашало его, раз уж он пускается в подобное путешествие, залететь и в Америку.

Словом, не считая газет всего мира, не было ни одного научного журнала, – от «Вестника евангелических миссий» и до «Алжирского и колониального обозрения», от «Летописей распространения христианской веры» и до «Миссионерских ведомостей», – который в той или иной форме не отозвался бы на это смелое предприятие.

В Лондоне и по всей Англии заключались крупные пари: во-первых, действительно ли существует доктор, или это только мифическая личность; во-вторых, будет ли предпринято путешествие; в-третьих, успешна ли будет эта экспедиция и, наконец, в-четвертых, вернется ли обратно или погибнет доктор Фергюссон. В книгу записей о заключенных пари заносились огромные суммы, словно дело шло о скачках в Эпсоме.

Таким образом, верующие и маловеры, невежды и ученые – все обратили свои взоры на доктора Фергюссона, и он стал, сам того не подозревая, героем дня. Доктор охотно сообщал всем интересующимся самые подробные сведения о своей экспедиции, был чрезвычайно доступен и держал себя очень просто и естественно. Не один смелый искатель приключений, жаждавший разделить с ним славу и опасности, являлся к нему, но он всем отказывал, не давая по этому поводу никаких объяснений.

Многие изобретатели предлагали Фергюссону свои приборы для управления его воздушным шаром, но ни одним из них он не пожелал воспользоваться. На вопрос же, не изобрел ли он сам подобного механизма, доктор неизменно отмалчивался. Он занимался упорно приготовлениями к путешествию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Друг доктора Фергюссона. – Когда возникла эта дружба. – Дик Кеннеди в Лондоне. – Неожиданное и странное предложение. – Малоутешительная поговорка. – Несколько слов о мучениках Африки. – Преимущества воздушного шара. – Тайна доктора Фергюссона.

У доктора Фергюссона был друг. Он не был его alter ego – вторым я. Дружбы не бывает между двумя во всем похожими друг на друга существами. В данном случае несходство характеров, склонностей, темпераментов несколько не мешало Фергюссону и Кеннеди жить душа в душу, а, наоборот, делало их дружбу еще крепче.

Дик Кеннеди был шотландец в полном смысле этого слова: откровенный, решительный и упрямый. Жил он под Эдинбургом, в маленьком городке Лейте – это почти пригород «старой коптильни»⁵. Кеннеди был большой любитель рыбной ловли, но главной страстью его являлась охота, что совершенно естественно для сына Каледонии⁶, выросшего среди гор. Особенно славился Кеннеди как стрелок из карабина. Он так метко попадал в лезвие ножа, что пуля расщеплялась на две половины, равные даже по весу.

Лицом Кеннеди походил на Хальберта Глендиннинга, как его нарисовал Вальтер Скотт в романе «Монастырь». Ростом выше шести английских футов, стройный и ловкий, он в то же

⁵ Старая коптильня – насмешливое название Эдинбурга.

⁶ Каледония – древнее название Шотландии.

время производил впечатление настоящего геркулеса. Его внешность невольно располагала к себе: потемневшее от загара лицо, живые черные глаза, смелость и решительность движений, наконец, что-то доброе и честное во всем облике.

Знакомство друзей завязалось в Индии, где оба служили в одном полку. В то время как Дик охотился на тигров и слонов, Самуэль собирал коллекции растений и насекомых. Каждый из них был мастером своего дела, и найденное доктором редкое растение часто оказывалось не менее ценным, чем пара слоновых клыков, добытых, его другом-охотником.

Молодые люди никогда не имели случая спасти друг другу жизнь или оказать один другому услугу. Это еще больше скрепляло их дружбу.

Судьба порой их разлучала, но взаимная симпатия всегда снова соединяла. По возвращении из Индии они часто расставались из-за далеких экспедиций доктора, но тот, вернувшись на родину, каждый раз неизменно проводил у своего друга несколько недель. Дик говорил о прошлом, а Самуэль строил планы на будущее: один глядел вперед, другой – назад. У Фергюссона характер был беспокойный. Кеннеди был олицетворенное спокойствие.

После своего путешествия в Тибет доктор около двух лет не заговаривал о новых экспедициях, и Дик уже начинал думать, что влечение к путешествиям и жажда приключений стали у его друга охладевать. Шотландец был в восторге. Не сегодня так завтра, размышлял он, это должно плохо кончиться. Как бы ни был опытен человек, нельзя же безнаказанно бродить всю жизнь среди людоедов и диких зверей. И Дик горячо уговаривал Самуэля бросить путешествия, уверяя его, что он уже достаточно много сделал для науки, а для того чтобы заслужить благодарность человечества, – и того больше. На все эти уговоры Фергюссон не отвечал ни слова. Он был задумчив, занимался какими-то таинственными вычислениями, проводил целые ночи над опытами с необыкновенными приборами, никому до сих пор не известными. Чувствовалось, что в голове его созревает какой-то великий план.

«Что он замышляет?» – стал ломать себе голову Кеннеди, когда приятель неожиданно в январе покинул его и уехал в Лондон.

И вот однажды утром он это, наконец, узнал из заметки «Дейли телеграф».

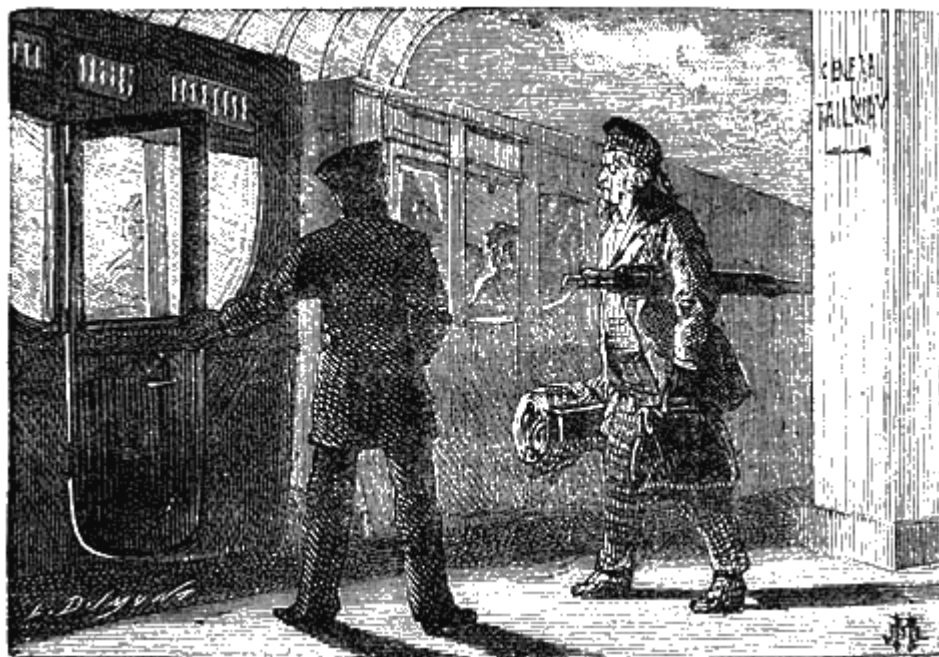
– Боже мой! – закричал Дик. – Сумасшедший! Безумец! Лететь через Африку на воздушном шаре! Этого еще не хватало! Так вот, оказывается, что он обдумывал в течение двух лет!

Если мы поставили после каждой его фразы восклицательный знак, то Кеннеди кончал их тем, что ударял себя кулаком по голове, и если вы представите себе эту картину, то получите понятие о состоянии Дика.

Экономка Дика, старушка Эльспет, решила было заикнуться, что это сообщение ложное.

– Ну, что вы! – воскликнул Кеннеди. – Точно я не узнаю в этом своего друга. Да разве это на него не похоже? Путешествовать по воздуху! Он, изволите ли видеть, теперь вздумал соперничать с орлами! Ну, нет! Такому не бывать! Уж я сумею его образумить! Дай ему только волю, – он в один прекрасный день и на луну, пожалуй, отправится.

В тот же вечер Кеннеди, встревоженный и раздраженный, сел в поезд и на следующий день был в Лондоне.

Через каких-нибудь три четверти часа его кэб остановился у маленького домика на Греческой улице, возле сквера Сохо, где жил доктор Фергюссон. Шотландец взбежал на крыльцо и пятью здоровенными ударами в дверь возвестил о своем прибытии. Фергюссон сам открыл ему.

– Дик! – воскликнул он, впрочем, без особенного удивления.

– Он самый, – заявил Кеннеди.

– Как это ты, дорогой Дик, в Лондоне в разгар зимней охоты?

– Да! Я в Лондоне.

– Для чего же ты приехал?

– Помешать неслыханному безрассудству!

– Безрассудству? – переспросил доктор.

– Верно ли то, что говорится в этой газете? – спросил Кеннеди, протягивая другу номер «Дейли телеграф».

– Ах, вот оно что! Эти газеты, надо сказать, довольно-таки нескромны. Но присядь же, дорогой Дик.

– И не подумаю! Скажи, ты в самом деле затеял это путешествие?

– В самом деле. У меня многое уже готово; и я... – И где же оно? Я разнесу, разобью все вдребезги!! Милый шотландец не на шутку вышел из себя.

– Успокойся, дорогой Дик, – заговорил доктор. – Я тебя понимаю. Ты обижен на меня за то, что я до сих пор не ознакомил тебя с моими проектами...

– И он еще зовет это своими проектами!

– Видишь ли, я был чрезвычайно занят, – продолжал Фергюссон, не обращая внимания на возглас Дика. – У меня уйма дел, но успокойся же: я ведь непременно написал бы тебе, прежде чем уехать...

– Очень мне это важно! – перебил его Кеннеди.

– ...по той простой причине, что я намерен взять тебя с собой, – закончил Фергюссон.

Шотландец отпрянул с легкостью, которая могла бы сделать честь серне.

– Послушай, Самуэль, не хочешь ли ты, чтобы нас обоих заперли в Бедлам⁷?

– Именно на тебя я рассчитывал, дорогой мой Дик, и остановился на тебе, отказав очень многим. Кеннеди совершенно остолбенел.

– Если ты слушаешь меня в течение каких-нибудь десяти минут, – спокойно продолжал Фергюссон, – то, поверь, будешь мне благодарен.

– Ты говоришь серьезно?

⁷ Бедлам – психиатрическая больница в Лондоне.

– Очень серьезно.

– А что, если я откажусь сопровождать тебя?

– Ты не откажешься.

– Но если все же откажусь?

– Тогда я отправлюсь один.

– Ну, сядем, – предложил охотник, – и поговорим спокойно. Раз ты не шутишь, дело стоит того, чтобы его хорошенько обсудить.

– Только если ты ничего не имеешь против, обсудим его за завтраком, дорогой Дик.

Друзья уселись один против другого за столиком, на котором возвышались гора бутербродов и огромный чайник.

– Дорогой мой Самуэль, – начал охотник, – твой проект безумен. Он невозможен. В нем нет ничего серьезного и осуществимого.

– Ну, это мы увидим. Сначала испробуем, – отозвался доктор.

– Но пробовать-то именно и не надо, – настаивал Кеннеди. – А почему, скажи на милость?

– А всевозможные опасности и препятствия? Ты о них забываешь?

– Препятствия на то и существуют, чтобы их преодолевать, – с серьезным видом ответил Фергюссон. – Что же касается опасностей, то кто вообще гарантирован от них? В жизни опасности на каждом шагу. Может быть, опасно сесть за стол, надеть на голову шляпу... Чему быть, того не миновать; в будущем надо видеть настоящее, ведь будущее и есть более отдаленное настоящее.

– Ну вот, – сказал Кеннеди, пожимая плечами. – Ты всегда был фаталистом.

– Да, всегда, но в хорошем смысле этого слова. Так не будем же гадать, что готовит нам судьба. Вспомним-ка добрую английскую пословицу: «Кому суждено быть повешенным, тот не рискует утонуть».

На это сказать было нечего, но Кеннеди все же нашел немало возражений, слишком длинных для того, чтобы их здесь приводить.

– Ну, хорошо, – заявил он после целого часа препирательств, – если ты уж во что бы то ни стало хочешь пересечь всю Африку, если это совершенно необходимо для твоего счастья, то почему не воспользоваться для этого обычными путями?

– Почему? – спросил, воодушевляясь, доктор. – Да потому, что до сих пор все такие попытки терпели неудачи. Мунго Парк был убит на Нигере, Фогель исчез бесследно в стране Вадаи, Оудней умер в Мурмуре, Клаппертон – в Сокото, француз Мэзан был изрублен на куски, майор Ленг убит туарегами, Рошер из Гамбурга погиб в начале тысяча восемьсот шестидесятого года. Как видишь, длинен список мучеников: немало жертв понесли мы в Африке. Очевидно, невозможно бороться со стихиями, с голодом, жаждой, лихорадкой, с дикими зверями и тем более – с дикими туземными племенами. А если нельзя сделать что-либо одним способом, оно должно быть сделано другим: если нельзя пройти посредине, надо обойти сбоку или пронестись сверху.

– Вот это-то и страшно, – заметил Дик.

– Чего же бояться? – возразил доктор с величайшим хладнокровием. – Ты ведь не можешь сомневаться в том, что я принял все меры предосторожности против аварии моего воздушного шара? Но даже случись с ним что-нибудь, и тогда я все же окажусь на земле, как всякий другой

путешественник. Повторяю, мой шар меня не подведет, а об авариях не стоит даже и думать.

– Наоборот, как раз о них и следует думать.

– Нет, дорогой Дик. Я намерен расстаться со своим воздушным шаром не раньше, чем доберусь до западного побережья Африки. Пока, я на нем, на этом шаре, все становится возможным! Без него же я подвергаюсь опасностям и случайностям прежних экспедиций. С шаром мне не страшны ни зной, ни потоки, ни бури, ни самум, ни вредный климат, ни дикие звери, ни даже люди! Мне слишком жарко – я поднимаюсь выше; мне холодно – я спускаюсь; гора на моем пути – я ее перелетаю; пропасть, река – переносюсь через них; разразится гроза – я уйду выше нее; встретится поток – промчусь над ним, словно птица. Подвигаюсь я вперед, не зная усталости, и останавливаюсь в сущности вовсе не для отдыха. Я парю над неведомыми странами... Я мчусь с быстротой урагана то в поднебесье, то над самой землей, и карта Африки разворачивается перед моими глазами, будто страница гигантского атласа...

Слова Фергюссона тронули доброго Кеннеди, но вместе с тем у него закружилась голова от картины, нарисованной его другом. Он смотрел на Самуэля с восхищением и со страхом, и ему казалось, что он уже раскачивается в воздухе...

– Но постой-ка, постой, дорогой Самуэль, значит, ты нашел способ управлять воздушным шаром? – спросил Кеннеди.

– Да нет же, это утопия.

– Как же ты полетишь?

– По воле providения, но во всяком случае с востока на запад.

– А почему?

– Да потому, что я рассчитываю на помощь пассатов, направление которых всегда одно и то же.

– Вот как... – проговорил в задумчивости Кеннеди. – Пассаты... конечно, в крайнем случае... пожалуй... быть может...

– Нет, не быть может, а навверное! В этом все дело, – перебил его Фергюссон. – Английское правительство предоставило в мое распоряжение транспортное судно. Вместе с тем условлено, что примерно к тому времени, когда я прибуду к западному берегу Африки, там будут крейсировать три или четыре судна. И вот не дальше как через три месяца я буду на Занзибаре. Там я наполню газом мой шар, и оттуда мы устремимся...

– Мы?... – повторил Дик.

– Да. Неужели у тебя еще есть какое-нибудь возражение? Говори, друг Кеннеди.

– Возражение? Их у меня целая тысяча! Начнем хотя бы с такого: скажи на милость, если ты собираешься осматривать местность, подниматься и опускаться по своему желанию, то ведь тебе придется тратить газ. До сих пор, насколько мне известно, иного способа не было, а это всегда и служило препятствием для долгих путешествий по воздуху.

– На это, дорогой мой Дик, я отвечаю тебе одно: я не буду терять ни одного атома газа, ни одной его молекулы...

– И ты сможешь по своему желанию снижаться?

– Смогу по своему желанию снижаться.

– Как же ты это сделаешь?

– А это уж моя тайна, дорогой мой друг. Положись на меня, и пусть мой девиз «Exscelsior» станет и твоим.

– Ну, ладно, «Exscelsior» так «Exscelsior», – согласился охотник, ни слова не знаящий полатыни.

Но в то же время он был твердо намерен всеми средствами противиться отъезду своего друга. Он сделал лишь вид, что согласился с ним, а в душе решил довольствоваться ролью зрителя. Самуэль же после этого разговора отправился наблюдать за приготовлениями к полету.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Исследователи Африки: Барт, Ричардсон, Овервег, Берне, Брьен-Ролле, Пеней, Андрей

Дебоно, Миани, Гийом Лежан, Брюс, Крапф и Ребман, Мазан, Рошер, Бертон и Спик.

Воздушный путь, которого собирался придерживаться доктор Фергюссон, был им выбран далеко не случайно. Он серьезно обдумал, откуда надо начать свой полет, и у него были основательные причины, чтобы подняться именно с острова Занзибар. Расположен этот остров на восточном побережье Африки под 6° южной широты, то есть на сорок три географических мили⁸ ниже экватора. Отсюда же отправилась незадолго до того последняя экспедиция, посланная к Великим озерам для открытия истоков Нила.

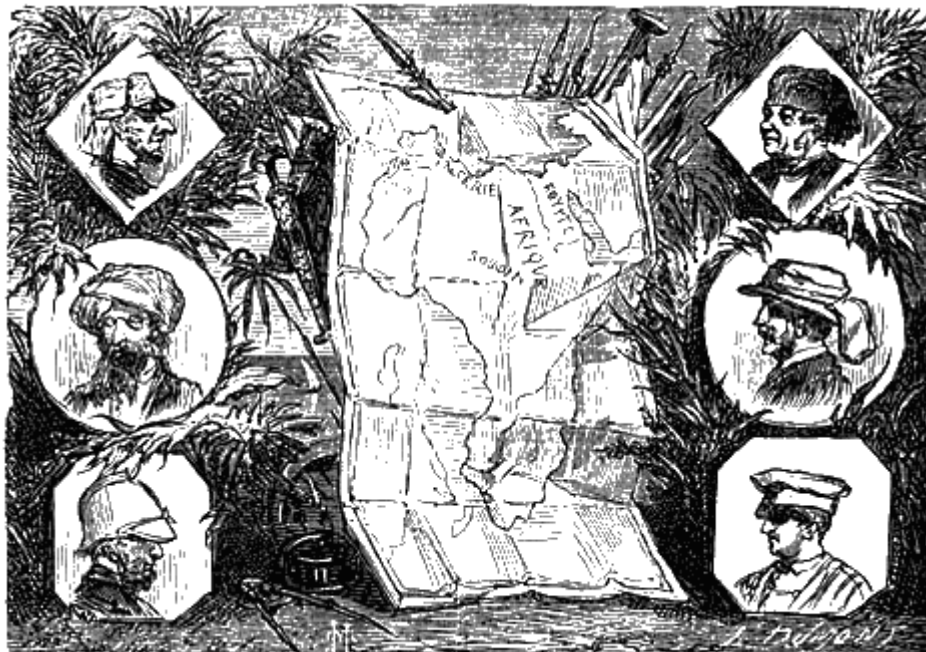
Нужно заметить, что Фергюссон имел в виду связать результаты двух главных исследований: доктора Барта в 1849 году и лейтенантов Бёртона и Спика в 1858 году.

После смерти своего последнего спутника, Овервега, доктор Барт 25 ноября 1852 года отправляется на запад, посещает Сокото, переправляется через Нигер и, наконец, добирается до Тимбукту, где томится в течение долгих восьми месяцев, перенося оскорбления шейха, дурное обращение и нужду. Но наступает момент, когда пребывание христианина в городе не может быть больше терпимо. Фулахи открыто грозят ему, и 17 марта 1854 года ему приходится бежать на границу, где он скрывается в течение тридцати трех дней, терпя страшные лишения. Отсюда в ноябре ему удается добраться сначала до Кано, а затем в город Кука. Прожив здесь четыре месяца, он снова идет по пути Денхема. Триполи доктор достиг только в августе 1855 года, а 6 сентября того же года он – единственный из членов экспедиции – приезжает в Лондон.

Таковы в общих чертах отважные странствования доктора Барта.

Самуэль Фергюссон отметил особенно тщательно, что Барт достиг 4° северной широты и 17° восточной долготы.

Посмотрим, что делали в это время лейтенант Бёртон и Спик в Восточной Африке.

Различным экспедициям, поднимавшимся вверх по Нилу, ни разу не удалось добраться до таинственных истоков этой реки.

По сообщению Фердинанда Берне, немецкого врача, экспедиция, отправившаяся вглубь Африки в 1840 году под покровительством Мехмета Али, остановилась в Гондокоро, между четвертой и пятой северными параллелями.

В 1855 году Брён-Ролле, савойец, назначенный консулом Сардинии в Восточный Судан, взамен умершего Водея, выехал из Хартума под именем купца Якуба, торгующего камедью и слоновой костью. Он достиг Белении, расположенной за четвертым градусом. Здесь он заболел и вернулся в Хартум, где умер в 1857 году.

⁸ Географическая миля равна 7,420 км.

Ни доктор Пеней, начальник египетской медицинской службы, который добрался на небольшом пароходе до местности, расположенной на градус ниже Гондокоро, и, вернувшись в Хартум, умер там от истощения, ни венецианец Миани, обогнувший водопады под Гондокоро и достигший второй параллели, ни мальтийский купец Андреа Дебоно, прошедший несколько дальше по Нилу, не могли переступить через эту заколдованную черту. В 1859 году Гийом Лежан по поручению французского правительства отправился в Хартум по Красному морю и отплыл по Нилу с двадцатью солдатами и экипажем, насчитывавшим десятка два матросов, но и он не пошел дальше Гондокоро; жизнь его была в большой опасности. Экспедиция, во главе которой стоял д'Эскейрак де Лотюр, тоже пыталась достигнуть истоков Нила.

Но путешественников останавливал все тот же роковой предел. Посланцы Нерона некогда достигли девятого градуса широты; следовательно, за восемнадцать столетий было выиграно каких-нибудь пять или шесть градусов, то есть от трехсот до трехсот шестидесяти географических миль.

Некоторые из путешественников пытались достигнуть истоков Нила, взяв за отправной пункт восточный берег Африки.

Шотландец Брюс, путешествие которого продолжалось с 1768 до 1772 года, выехал из абиссинского порта Массауа, пересек область Тигре, побывал на развалинах Аксума, увидел истоки Нила там, где их не было, и не добился никаких серьезных результатов.

В 1844 году доктор Крапф, английский миссионер, основал миссию в Момбасе, недалеко от Занзибара, и открыл вместе со священником Ребманом две горы на расстоянии трехсот миль от берега; это горы Килиманджаро и Кения, на которые поднялись Хейглин и Торнтон.

В 1845 году француз Мэзан высадился один в Багамойо напротив Занзибара и добрался до Джеламора, где погиб от жестокой пытки, которой его подверг вождь одного из племен.

В 1859 году в августе молодой путешественник Рошер из Гамбурга, присоединившись к каравану арабских купцов, дошел до озера Ньяса, где был застигнут во время сна и убит.

Наконец, в 1857 году лейтенанты Бёртон и Спик, два офицера бенгальской армии, были посланы Лондонским географическим обществом исследовать Великие озера Африки. 17 июля они покинули Занзибар и направились прямо на запад.

После четырех месяцев неслыханных мучений (багаж их был разграблен, а носильщики перебиты) они достигли Казеха, сборного пункта купцов и караванов. Это была область Лунных гор, и здесь они собрали драгоценный материал относительно быта, управления, религии, фауны и флоры страны. Отсюда они двинулись к первому из Великих озер – Танганьике, расположенному между 3° и 8° южной широты. Добрались они до него 14 февраля 1858 года. Здесь наши путешественники ознакомились с разными племенами (большая часть их – людоеды), жившими по берегам озера.

В обратный путь они пустились 26 мая и 20 июня были уже снова в Казехе. Тут Бёртон заболел и несколько месяцев пролежал в постели. Спик же воспользовался этим временем, чтобы пройти более трехсот миль к северу, к озеру Укереве. Достиг, он этого озера 3 августа, но ему удалось осмотреть лишь небольшую часть его, расположенную на 2° 30' южной широты.

Спик вернулся в Казех 25 августа и вскоре вместе с Бёртоном направились к Занзибару, куда путешественники прибыли только в марте следующего года. Отсюда эти два смелых исследователя отбыли в Англию. Парижское географическое общество присудило им премию.

Доктор Фергюссон не преминул с обычной своей точностью отметить, что эта последняя экспедиция не перешла 2° южной широты и 29° восточной долготы.

Итак, цель доктора Фергюссона заключалась в том, чтобы соединить исследования Барта с позднейшими исследованиями Бёртона и Спика. Для этого надо было продвинуться по африканскому материку более чем на двенадцать градусов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сны. Кеннеди. – Злоупотребление местоимениями множественного числа. – Намеки Дика. – Прогулка по карте Африки. – Между двумя точками циркуля. – Новейшие

Доктор Фергюссон очень энергично готовился к отъезду. Он лично руководил сооружением воздушного шара, делая в нем некоторые изменения, неизвестно какие, ибо доктор на этот счет был нем как могила. Он уже давно начал изучать арабский язык, а также разные наречия негров и благодаря своим лингвистическим способностям сделал большие успехи.

Тем временем его друг-охотник не отходил от него ни на шаг. Должно быть. Дик боялся, как бы Самуэль не улетел, не сказав ему ни слова. Не раз шотландец снова порывался убеждать друга отказаться от своей затеи, но тот был непоколебим. Порой Кеннеди обращался к нему с патетической мольбой, но и это не трогало доктора. И вот Дику стало казаться, что Фергюссон как бы ускользает у него из рук. Бедный шотландец действительно заслуживал сожаления. Он уже не мог иначе как с ужасом смотреть на лазурный свод небес. Даже во сне у Дика кружилась голова от какого-то покачивания, и каждую ночь ему мерещилось, что он летит вниз с неизмеримых высот.

Надо прибавить, что во время этих ужасных кошмаров бедный Дик раза два даже свалился со своей кровати. И он сейчас же показывал Фергюссону свою расшибленную голову.

– Ведь и упал-то я всего с каких-нибудь трех футов, никак не больше, – прибавил он добродушно, – а шишка вон какая! Посуди сам.

Этот намек, в котором слышалось глубокое уныние, однако, не смутил доктора.

– Мы не упадем, – заявил он.

– А если все-таки упадем?

– Говорю тебе – не упадем!

Это было сказано так решительно, что Кеннеди не нашелся что возразить.

Особенно раздражало его то, что доктор, казалось, совсем не считался с ним, находя, что Кеннеди бесповоротно предназначен самой судьбой быть его спутником в воздушном путешествии. Это было решенное дело. Самуэль невыносимо злоупотреблял местоимением первого лица множественного числа: «мы подвигаемся вперед», «мы будем готовы такого-то числа», «мы отправимся»... Частенько пользовался он местоимением «наш» и в единственном и во множественном числе: «наша корзина», «наше исследование», «наши приготовления», «наши открытия», «наши подъемы»...

Все это приводило Дика в содрогание, хотя он и решил не отправляться в это воздушное путешествие. В то же время ему не хотелось раздражать своего друга. Надо добавить, что он втихомолку выписал из Эдинбурга, сам не зная для чего, некоторое количество специально подобранной одежды и свои лучшие охотничьи ружья.

В один прекрасный день Дик притворился, будто решил уступить настояниям друга и отправиться с ним: есть же хоть один шанс из тысячи на успех, – при большой удаче!

Но тут же, чтобы отсрочить путешествие, он стал придумывать массу самых разнообразных уверток и выражать сомнение в пользе и уместности экспедиции.

– Так ли в самом деле важно открытие истоков Нила? – спрашивал он. – Действительно ли это необходимо для человечества? А если даже африканские племена будут цивилизованы, станут ли они от этого счастливее?.. Да, наконец, может быть, Африка еще более цивилизована, чем Европа?.. Это весьма возможно... И вообще, нельзя ли с этой экспедицией обождать маленько? Ведь когда-нибудь кто-нибудь да переправится через всю Африку, и притом способом менее рискованным... Без сомнения, появится какой-нибудь исследователь – ну, через месяц, полгода, год...

Но, увы, все эти разговоры и намеки имели как раз обратное действие, и Фергюссон, слушая их, лишь выходил из себя: – Чего же ты хочешь, мой бедный Дик? Мой неверный друг? Чтобы слава досталась другому? Потвоему, надо изменить своему прошлому? Да? Отступить перед какими-то ничтожными препятствиями? Трусостью и колебаниями отблагодарить английское правительство и Лондонское географическое общество за все, что они сделали для меня?

- Но... – начал Кеннеди, очень любивший это слово.
- Но, – перебил его доктор, – разве тебе не известно, что я должен содействовать успеху уже действующих экспедиций? Ты, видимо, не знаешь, что новые исследователи в настоящее время приближаются к центру Африки?
- Однако... – опять начал Кеннеди.
- Выслушай меня хорошенько, Дик, и взгляни на карту! Дик покорно устремил взгляд на карту.
- Поднимись по течению Нила, – проговорил Фергюссон.
- Поднимаюсь, – послушно ответил шотландец.
- Дойди до Гондокоро.
- Дошел!
- И Кеннеди подумал, как легко путешествовать... по карте.
- Теперь возьми циркуль, – продолжал доктор, – и поставь одну из его ножек на этот город, дальше которого не проник ни один самый бесстрашный человек.
- Поставил.
- А затем разыщи остров Занзибар на шестом градусе южной широты.
- Нашел.
- Следуй по этой параллели до Казеха.
- Есть.
- Теперь поднимись по тридцать третьему меридиану до того места на озере Укереве, где остановился лейтенант Спик.
- Ну, поднялся и едва не очутился в озере...
- Прекрасно! А знаешь ли ты, какие предположения можно сделать на основании сведений, полученных от обитателей берегов этого озера?
- Понятия не имею.
- Так слушай же: предполагают, что это озеро, южный берег которого находится на втором градусе тридцатой минуте южной широты, простирается также на два с половиной градуса севернее экватора...
- Вот как!
- ... и что из северной части озера берет начало река, которая неизбежно должна достигнуть Нила, если только это и не есть самый его исток.
- Очень любопытно!
- Теперь поставь вторую ножку твоего циркуля на этой крайней северной точке озера Укерева.
- Готово, друг Фергюссон!
- Ну, скажи: сколько градусов между двумя точками?
- Около двух.
- Известно ли тебе, Дик, какое это расстояние?
- Не имею ни малейшего представления.
- Это составляет менее ста двадцати морских миль, другими словами – ничто.
- Конечно, почти ничто, Самуэль!
- А знаешь ли ты, что происходит в данное время?
- Клянусь, не ведаю!
- Да будет же тебе известно: Лондонское географическое общество нашло необходимым исследовать озеро, открытое лейтенантом Спиком. Находясь под покровительством этого общества, Спик (в настоящее время уже капитан) соединился с капитаном Грантом, служившим раньше в Индии, и оба они поставлены во главе многочисленной и располагающей большими средствами экспедиции. Им поручено исследовать озеро Укерева, а также дойти до Гондокоро. Они получили субсидию более чем в пять тысяч фунтов стерлингов, и губернатор капской провинции предоставил в их распоряжение отряд солдат-голландцев. Экспедиция эта двинулась из Занзибара в конце октября тысяча восемьсот шестидесятого года. В это же самое время английский консул в Хартуме, Джон Питрик, получил от Foreign office – министерства иностранных

дел – около семисот фунтов стерлингов с приказанием снарядить в Хартуме пароход, погрузить на него необходимый провиант и отправить в Гондокоро. Там пароход будет дожидаться экспедиции капитана Спика и снабдит ее всем необходимым.

– Прекрасно придумано, – заметил Кеннеди.

– Из этого. Дик, ты видишь, что надо очень торопиться, если мы хотим принять участие в этих экспедициях. И это еще не все: в то время как одни исследователи – на верном пути к открытию истоков Нила, другие отважно устремляются в самое сердце Африки.

– Пешком? – поинтересовался Кеннеди.

– Да, пешком, – ответил доктор, не обращая внимания на намек своего друга. – Доктор Крапф собирается двинуться на запад вдоль Джоба – реки, протекающей у экватора. Барон Деккен пышет из Момбаса и, исследовав горы Кения и Килиманджаро, также углубляется к центру материка.

– И тоже пешком? – опять спросил Кеннеди.

– Да, пешком или верхом на мулах.

– Но, по-моему, это совершенно то же, – заметил шотландец.

– Наконец, – продолжал Фергюссон, – доктор Хейглин, австрийский вице-консул в Хартуме, только что организовал очень солидную экспедицию; она отправится на поиски путешественника Фогеля, посланного в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году в Судан на соединение с экспедицией доктора Барта. В тысяча восемьсот пятьдесят шестом году Фогель покинул Борну с намерением исследовать неизвестную страну между озером Чад и Дарфуром. С тех пор о нем не было ни слуху ни духу. Судя по письмам, полученным в июне тысяча восемьсот шестидесятого года в Александрии, он был убит по приказанию короля Вадаи; но по другим письмам, присланным отцу путешественника доктором Гартманом, который ссылается на свидетельство жителя Борну, Фогель содержится пленником в Варе; значит, надежда еще не потеряна. Образовался комитет под председательством великого герцога Саксен-Корбург-Готского; мой друг Петерман – секретарь этого комитета. По подписке собраны средства на экспедицию, в которой участвуют многие ученые. Доктор Хейглин уже двинулся в июне из Массауа. Разыскивая следы Фогеля, он должен в то же время исследовать местность – между Нилом и озером Чад, связав таким образом в одно труды экспедиций Барта и Спика. И вот, как видишь, Африка будет всеми ими пройдена с востока на запад.

– Ну, и чудесно! – воскликнул шотландец. – Раз у них, все так прекрасно налаживается, что же, спрашивается, нам остается там делать?

Доктор Фергюссон на это ничего не ответил, а только пожал плечами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Необычайный слуга. – Он видит спутников Юпитера. – Спор между Диком и Джо. – Сомнение и вера. – Взвешивание. – Джо-Веллингтон. – Джо получает полкроны.

У доктора Фергюссона был слуга, с готовностью откликавшийся на имя Джо. Это был чудесный малый; он во всем верил доктору и был безгранично ему предан. Он не только самым толковым образом выполнял все распоряжения Фергюссона, но даже предугадывал их. Словом, Калеб⁹, но не ворчливый, а всегда пребывающий в прекрасном расположении духа. Лучшего слуги нельзя себе представить. Фергюссон всецело полагался на него во всех житейских делах и был совершенно прав. Редкий, честнейший Джо! Подумать только: слуга, который сам заказывает вам обед, до мелочей знает ваши вкусы, укладывает ваш чемодан, не забывает при этом ни сорочек, ни носков, владеет вашими ключами и тайнами и никогда ни тем ни другим не злоупотребляет!

Но надо также знать, какими глазами смотрел Джо на доктора. С каким уважением и доверием относился он к распоряжениям своего хозяина! Когда Фергюссон что-нибудь говорил, то,

⁹ Калеб – персонаж из повести Чарльза Диккенса «Сверчок на печи».

по мнению Джо, было просто безумием ему возражать. Все, что доктор думал, было верно, что он говорил, – умно) все, что приказывал, – выполнимо, все, что предпринимал, – возможно, все, что делал, – достойно удивления. Вы могли бы изрезать Джо на куски – что, конечно, вряд ли бы сделали, – но он и тогда ни на волос не изменил бы своего мнения о докторе.

Потому-то, когда у Фергюссона зародилась мысль совершить перелет через Африку, для Джо это было делом решенным; никаких препятствий он не признавал. Раз доктор Фергюссон решил отправиться – значит, он со своим верным Джо уже у цели! Славный малый не сомневался в том, что без него путешествие состояться не может, хотя доктор не сказал ему об этом ни слова.

Да и в самом деле, сметливый, необычайно ловкий Джо мог оказать неоценимые услуги во время такого путешествия. Если бы понадобился учитель гимнастики для самых прытких обезьян зоологического сада, то Джо, несомненно, смог бы получить эту должность. Ему ничего не стоило прыгать, карабкаться и проделывать всевозможные гимнастические трюки.

Если Фергюссон был в этом предприятии головой, а от Кеннеди требовались сильные руки, то Джо был полезен ловкостью, проворством.

Джо сопровождал своего хозяина уже во многих путешествиях и обладал кое-какими научными сведениями, усвоенными им, конечно, своеобразно. У него была собственная философия – философия спокойствия и очаровательный оптимизм: все представлялось ему легким, логичным и естественным, а потому он не знал, что такое жалобы или проклятия. Среди других достоинств Джо обладал удивительно хорошим, острым зрением. Подобно Местлину, учителю Кеплера, он был наделён редкой способностью видеть без увеличительного стекла спутников Юпитера и мог сосчитать в созвездии Плеяд четырнадцать звезд, из которых несколько последних – девятой величины. Он ничуть этим не гордился, напротив, был скромнен и почтителен, но при случае прекрасно умел пользоваться своими глазами.

При том безграничном доверии, которое Джо питал к доктору, естественно, между слугой и Кеннеди то и дело поднимались бесконечные споры по поводу готовящейся экспедиции, хотя слуга не выходил из границ почтительности.

Один был полон веры, другой – сомнений, один был весь осторожность и проницательность, другой – слепое доверие; таким образом, доктор находился между сомнением и верой. Надо сказать, что он не обращал ни малейшего внимания ни на то ни на другое.

– Ну, мистер Кеннеди... – начинал Джо.

– Ну, милый Джо...

– Дело уже почти что в шляпе: кажется, мы скоро отправимся на Луну, – продолжал Джо.

– Ты хочешь сказать – к Лунным горам? Это, знаешь, не так далеко, как Луна, но, будь уверен, не менее опасно.

– Опасно! Что вы! С таким человеком, как доктор Фергюссон!

– Мне не хочется разочаровывать тебя, милый Джо, но должен сказать, что затея доктора просто безумна. Впрочем, куда он не полетит.

– Не полетит? Так вы, значит, не видели его воздушного шара в мастерских Митчела, в Бору?

– Очень нужно мне его видеть!

– Лишаетесь, сэр, прекрасного зрелища. Ну, до чего хорош! Как сработан! А корзина – игрушка! Воображаю, как удобно мы в ней усядемся!

– А ты, значит, серьезно думаешь отправиться со своим доктором?

– Я? Да я за ним хоть на край света, – с решительным видом ответил Джо. – Не хватало еще, чтобы я отпустил его одного, после того как мы с ним вместе объездили весь мир! А кто же его поддержит, когда он устанет? Кто протянет ему сильную руку, когда ему надо будет перескочить через пропасть? А заболеет он; кто станет за ним ходить?.. Нет, мистер Дик, Джо всегда будет на своем посту при докторе Фергюссоне или, вернее сказать, подле него.

– Славный ты малый, Джо!

– Но ведь и вы едете с нами, – заявил Джо.

– Конечно, – отозвался Кеннеди, – то есть я буду сопровождать вас, чтобы до последней минуты удерживать Самуэля от его безумной затеи. Да, я поеду за ним до самого Занзибара, рука друга вовремя остановит его, и он отступится от этого бессмысленного проекта.

– Позвольте вам сказать, мистер Кеннеди, что вы ровно ничего не остановите! Доктор Фергюссон не какой-нибудь сумасброд. Уж он, прежде чем решиться, обдумывает дело со всех сторон. Но раз решение принято, сам дьявол не заставит его отступить.

– Ну, это мы еще посмотрим! – бросил шотландец.

– Не тешьте себя, мистер Кеннеди, напрасной надеждой. Впрочем, самое важное – чтобы вы поехали. Для такого охотника, как вы, Африка – страна чудесная, и как бы там ни было, а вы не пожалеете, что отправились туда.

– Конечно, не пожалею, особенно когда этот упрямец сдастся перед очевидностью.

– А кстати, – прибавил Джо, – вы знаете, что сегодня будет взвешивание?

– Какое взвешивание?

– Да вот надо взвесить всех троих: доктора, вас и меня.

– Как жокеев!

– Да, как жокеев. Только успокойтесь: если вы окажетесь слишком тяжелым, нас не заставят худеть, – заберут таким, как вы есть.

– Уж, конечно, себя-то я не позволю взвешивать, – уверенно сказал шотландец.

– Но, сэр, это, кажется, необходимо. Его шар...

– Его шару придется обойтись без этого.

– Нет, уж извините! Что же получится, если из-за неверных вычислений мы не сможем подняться?

– Черт возьми! Мне только того и надо.

– Да что вы, мистер Кеннеди! Доктор сейчас придет за вами.

– Я не пойду.

– Вы не захотите доставить ему такую неприятность.

– А вот и доставлю!

– Ладно! – смеясь, воскликнул Джо. – Вы говорите это потому, что его здесь нет, а стоит ему сказать вам (уж простите мою дерзость): «Дик, мне необходимо узнать твой точный вес.», – «и вы, ручаясь, сейчас же отправитесь на весы, ни словечка не скажете.

– Нет, не пойду!

В это мгновение Фергюссон вошел в свой кабинет, где происходил разговор между Диком и Джо. Он взглянул на Кеннеди, который почувствовал себя не очень-то хорошо.

– Дик, – проговорил доктор, – и ты и Джо пойдете-ка со мной. Мне надо знать точный вес каждого из вас.

– Но... – начал было Кеннеди.

– Ты при взвешивании можешь не снимать своей шляпы. Идем же, – перебил его доктор. И Кеннеди пошел.

Все трое отправились в мастерские Митчела, где были приготовлены так называемые десятичные весы. Доктору Фергюссону для установления равновесия в своем воздушном шаре действительно надо было знать вес своих спутников. И он заставил Дика встать на площадку весов. Тот не противился, а только пробормотал:

– Хорошо, хорошо! Но ведь это ни к чему не обязывает.

– Сто пятьдесят три фунта, – объявил доктор, занося эту цифру в свою записную книжку.

– Что, я слишком тяжел?

– Да нет, мистер Кеннеди, – успокоил его Джо. – К тому же я очень легок, вот мы и уравновесим друг друга.

Говоря это, Джо сменил Кеннеди, и так стремительно это сделал, что едва не перевернул весы. Тут он принял позу статуи Веллингтона, изображенного в виде Ахилла при входе в Гайд-парк. Джо был поистине великолепен, хотя ему и не хватало щита!

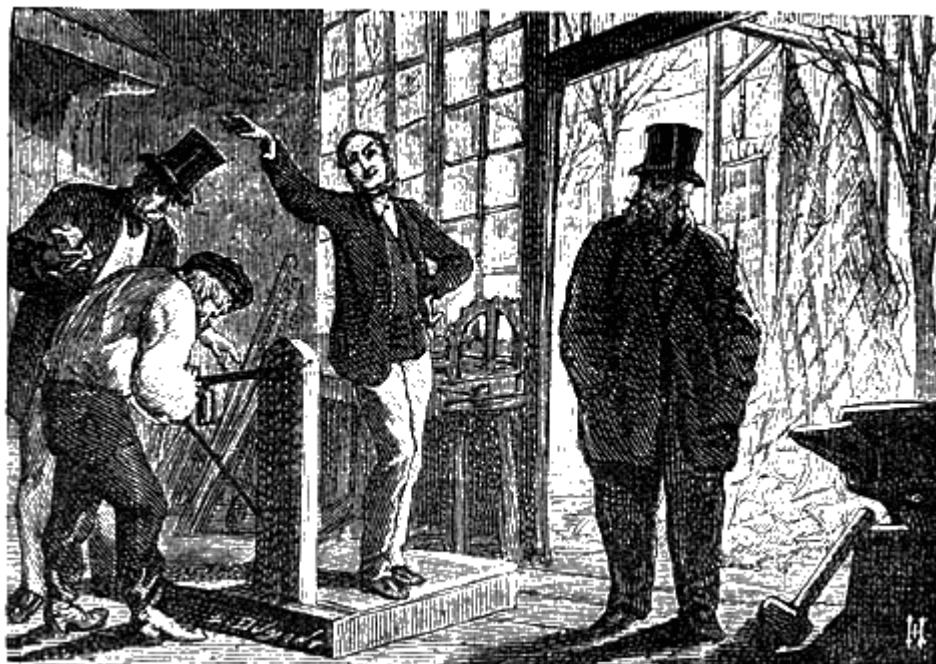
– Сто двадцать фунтов, – снова записал доктор.

– Э-ге-ге... – проговорил Джо, радостно улыбаясь, сам не зная чему.

– Теперь моя очередь, – сказал Фергюссон и занес в записную книжку свой вес: сто тридцать пять фунтов. – Все трое мы весим немногим больше четырехсот фунтов, – заявил он.

– Но, сэр, если только это нужно для вашей экспедиции, то мне ничего не стоит похудеть на двадцать фунтов, придется только поголодать, – обратился Джо к доктору.

– Это лишнее, мой милый. Можешь есть хоть до отвала. И вот тебе полкроны – угощайся, чем душе угодно.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Геометрические размеры воздушного шара. – Вычисления его подъемной силы. – Две его оболочки. – Корзина. – Таинственный аппарат. – Запасы провизии. – Окончательные вычисления.

Доктор Фергюссон уже немало времени был занят обдумыванием всех подробностей своей экспедиции. Понятно, что воздушный шар – это чудесное средство передвижения по воздуху – неотступно занимал, его мысли.

Прежде всего, стремясь к тому, чтобы объем шара не был слишком большим, он решил наполнить его водородом, который в четырнадцать с половиной раз легче воздуха. Добывание этого газа особых трудностей не представляет, и именно с ним при воздухоплавательных опытах достигнуты наилучшие результаты. После самого тщательного подсчета Фергюссон пришел к заключению, что воздушный шар вместе со своим содержимым должен весить четыре тысячи английских фунтов¹⁰. Вслед за этим надо было вычислить необходимую при этой нагрузке подъемную силу и, исходя из нее, определить емкость шара. Вся загрузка в четыре тысячи фунтов вытесняет сорок четыре тысячи восемьсот сорок семь кубических футов воздуха¹¹; другими словами, сорок четыре тысячи восемьсот сорок семь кубических футов воздуха именно и весят примерно четыре тысячи фунтов.

Дав оболочке шара емкость в сорок четыре тысячи восемьсот сорок семь кубических футов и наполнив ее вместо воздуха водородом, который в четырнадцать с половиной раз легче и потому в этом объеме весит всего двести семьдесят шесть фунтов, мы нарушим равновесие шара на три тысячи семьсот двадцать четыре фунта, получив, так сказать, разницу в весе. Эта-то разница между весом вытесняемого воздуха и весом содержащегося в оболочке газа и составляет подъемную силу шара.

Но если, как только что было сказано, ввести в воздушный шар сорок четыре тысячи восемьсот сорок семь кубических футов газа, то оболочка его окажется совершенно наполненной, а этого не должно быть, ибо, по мере того как шар поднимается в менее плотные слои воздуха,

¹⁰ Английский фунт равен 453,6 г.

¹¹ Английский кубический фут равен 0,028315 м³.

газ, заключенный в оболочке, стремится расшириться и непременно разорвет оболочку. Поэтому-то обыкновенно шар наполняют всего на две трети. Доктор же в силу каких-то своих, только ему одному известных, соображений решил наполнить шар лишь наполовину, а так как нужно было с собой забрать сорок четыре тысячи восьмьсот сорок семь кубических футов водорода, шару надо было дать емкость вдвое большую. Фергюссон придумал своему шару удлиненную форму, считающуюся наилучшей, причем горизонтальный диаметр его равнялся пятидесяти футам¹², а вертикальный – семидесяти пяти¹³. Таким образом получился сфероид объемом приблизительно в девяносто тысяч кубических футов.

Если бы доктор мог пользоваться двумя шарами, то шансов на успех у него было бы больше. В самом деле, лопни вдруг в воздухе один из них, можно было бы, выбросив балласт, удержаться на другом. Но дело в том, что управлять двумя шарами при необходимости сохранять в них одинаковую подъемную силу очень трудно.

И вот Фергюссон после долгих размышлений сумел очень остроумно использовать преимущество двух шаров, устранив неудобства: он заказал две оболочки разных размеров и поместил их одну в другую. Внешняя оболочка вышеуказанного размера заключала в себе меньшую, горизонтальный диаметр которой равнялся сорока пяти футам, а вертикальный – шестидесяти восьми. Объем этого внутреннего шара был только в шестьдесят семь тысяч кубических футов. Он должен был плавать в окружавшем его газе. Из одного шара в другой открывался клапан, дававший возможность при надобности соединять их между собой.

Это расположение шаров представляло то преимущество, что если бы при спуске, понадобилось выпустить газ, то можно было бы начать с большего шара и даже при необходимости совсем его опорожнить; в резерве нетронутым остался бы меньший шар. В случае же сильного ветра имелась возможность освободиться от внешней, ненужной, оболочки, и меньшая, наполненная газом, в состоянии была бы лучше выдержать напор ветра, чем обыкновенный шар, наполовину потерявший газ.

В этих размерах нет ничего необычайного. В 1784 году в Лионе Монгольфье построил аэростат емкостью в 340 тысяч куб. футов. Он поднимал груз в 20 тонн.

Да и вообще при каком-нибудь зловещем – порвись, например, оболочка большого шара – меньшая оставалась бы в резерве. Обе оболочки были сделаны из плотной, крученого шелка, лионской тафты, пропитанной гуттаперчей. Это смоло-камедное вещество обладает абсолютной непроницаемостью и не подвержено действию кислот и газов. У верхнего полюса шара, где сосредоточено почти все давление, тафта эта была положена вдвое.

Такая оболочка способна была сохранять газ любое время. Каждые девять квадратных футов этой оболочки весили полфунта – следовательно, вся оболочка внешнего шара, имевшая одиннадцать тысяч шестьсот квадратных футов, весила шестьсот пятьдесят фунтов. Оболочка же внутреннего шара, поверхность которого равнялась девяти тысячам двумстам квадратным футам, весила лишь пятьсот десять фунтов; таким образом, обе оболочки весили тысячу сто шестьдесят фунтов.

Сеть, поддерживавшая корзину, была сплетена из чрезвычайно прочной пеньковой веревки. Что касается обоих клапанов, то им уделялось столько внимания и забот, как если бы дело шло о руле корабля.

Круглая корзина, имевшая в диаметре пятнадцать футов, была сделана из ивовых прутьев на легкой железной основе. К нижней ее части были приделаны эластичные рессоры для смягчения толчков при спуске. Вес корзины вместе с сетью не превышал двухсот восьмидесяти фунтов.

Кроме того, доктор приказал сделать из листового железа, в две линии толщиной, четыре

¹² Английский фут равен 30,48 см.

¹³ В этих размерах нет ничего необычайного. В 1784 году в Лионе Монгольфье построил аэростат емкостью в 340 тысяч кубических футов. Он поднимал груз в 20 тонн.

ящика. Они сообщались между собой трубами, снабженными кранами. К этим ящикам был присоединен змеевик двух дюймов в диаметре, оканчивавшийся двумя прямыми трубками, из которых одна была длиной в двадцать пять футов, а другая всего в пятнадцать.

Эти железные ящики были помещены в корзине таким образом, чтобы занимать как можно меньше места. Змеевик, который следовало приделать позже, уложили отдельно, равно как и очень сильную гальваническую батарею Бунзена. Весь этот аппарат был так искусно скомбинирован, что весил не больше семисот фунтов, включая сюда и двадцать пять галлонов воды в особом ящике.

Инструменты, предназначенные для путешествия, были следующие: два барометра, два термометра, два компаса, секстант, два хронометра, искусственный горизонт и алыт-азимут для наблюдения за далекими и недоступными предметами.

Гринвическая обсерватория предложила свои услуги доктору Фергюссону. Впрочем, доктор не собирался заниматься физическими наблюдениями. Он хотел иметь лишь возможность ориентироваться к определять местонахождение главных рек, гор и городов.

Фергюссон запасся тремя надежными железными якорями, а также легкой прочной шелковой лестницей футов в пятьдесят длиной.

Он также вычислил очень точно вес съестных припасов, состоящих из чая, кофе, сахара, сухарей, солонины и пеммикана – препарата, содержащего в себе при незначительном объеме много питательных веществ. Помимо необходимого количества водки, доктор брал еще с собой два ящика питьевой воды, по двадцать два галлона¹⁴ каждый.

По мере потребления этих различных припасов нагрузка воздушного шара должна была постепенно уменьшаться. Надо знать, что равновесие шара в воздухе чрезвычайно неустойчиво. Даже незаметное уменьшение нагрузки шара может ощутительно изменить его положение. Доктор не забыл также ни тента, прикрывающего часть корзины, ни одеял, составляющих всю постель путешественников, ни охотничьих ружей с запасом пороха и пуль. Вот подсчет всего, находившегося в воздушном шаре:

Фергюссон... 135 фунтов
Кеннеди... 153
Джо... 120
Внешняя оболочка... 650
Внутренняя оболочка... 510
Корзина и сеть... 280
Якоря, инструменты, ружья, одеяла, тент, разная утварь... 190
Солонина, пеммикан, сухари, чай, кофе, водка... 386
Вода... 400
Аппараты... 700
Вес водорода... 276
Балласт... 200
Всего 4000 фунтов

Таков был состав груза в четыре тысячи фунтов, который доктор Фергюссон предполагал взять с собой. Балласта «на самый непредвиденный случай», как говорил Фергюссон, – ибо благодаря своему аппарату вовсе не рассчитывал им пользоваться, – он брал всего двести фунтов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Джо преисполнен важности. – Командир транспорта «Решительный». – Погрузка. – Арсенал Кеннеди. – Прощальный обед. – Отплытие 21 февраля. – Научные беседы доктора в кают-компании. – Дюверье и Ливингстон. – Подробности предполагаемого воздушного

¹⁴ Галлон равен 4,546 л.

путешествия. – Кеннеди вынужден молчать.

К 10 февраля все приготовления были почти закончены. Оболочки обоих воздушных шаров, заключенные одна в другую, подверглись сильному давлению нагнетенного в них воздуха и с честью выдержали это испытание, показав, как тщательно они были изготовлены.

Джо от радости не чувствовал под собой ног. С озабоченным видом, но сияющий, он то и дело носился с Греческой улицы в мастерские Митчела. Страшно гордый тем, что сопровождает своего доктору, Джо охотно давал всевозможные пояснения даже тем, кто его об этом и не думал спрашивать. Кажется, тут он даже заработал несколько полукрон, показывая аэростат, сообщая слушателям идеи и планы доктора и давая им возможность взглянуть на него в полуоткрытое окно мастерской или на улице. Но не следует ставить ему это в вину, он имел право немного поспекулировать на любопытстве и восхищении своих современников.

16 февраля транспорт «Решительный» бросил якорь у Гринвича. Это был винтовой пароход водоизмещением в восемьсот тонн, с прекрасным ходом, побывавший с Джемсом Россом в его последней полярной экспедиции. Командир «Решительного» Пеннет пользовался репутацией очень милого человека и с особенным интересом относился к путешествию доктора Фергюсона, которого очень ценил с давних пор. Командир Пеннет был скорее ученым, чем солдатом, что, однако, не мешало ему иметь на своем судне четыре пушки, правда, до сих пор не причинившие никому ни малейшего вреда и лишь производившие самый безобидный на свете шум.

Трюм «Решительного» специально приспособили для помещения в нем воздушного шара, и 18 февраля днем он был переправлен туда со всевозможными предосторожностями. Корзина и снасти, якоря и веревки, съестные припасы, ящики для воды, которые предполагалось наполнить по прибытии на Занзибар, – все это было погружено под присмотром самого доктора Фергюссона.

Кроме того, на транспорт погрузили десять бочек серной кислоты и десять бочек железного лома, нужных для добывания из них водорода. Это было больше, чем требовалось, но доктор учитывал возможность потерь. Части аппарата для добываний газа, размещенные в тридцати бочонках, тоже уложили на дно трюма.

Все эти приготовления закончились вечером 18 февраля. Доктору Фергюссону и его другу Кеннеди были предоставлены две комфортабельно обставленные каюты. Шотландец, продолжая клясться, что он ни за что на свете не двинется с места, тем не менее явился на «Решительный», захватив с собой целый арсенал оружия: два охотничьих двустольных ружья, которые

заряжались с казны, и превосходный карабин эдинбургской фабрики Мура и Диксона. С помощью этого замечательного карабина наш охотник мог свободно попасть на расстоянии двух тысяч шагов в глаз серны. Для непредвиденных надобностей шотландец захватил еще с собой два шестизарядных револьвера Кольта; но все его оружие плюс пороховница, патронташ, дробь и пули, взятые в достаточном количестве, не превышали предельного веса, разрешенного ему Фергюссоном.

Трое наших путешественников прибыли 19 февраля, днем, на транспорт «Решительный» и были с большим почетом встречены его командиром и офицерами. При этом у доктора Фергюссона, по обыкновению поглощенного мыслями о своей экспедиции, вид был довольно холодный, Кеннеди же казался взволнованным больше, чем ему хотелось это показать, а Джо подпрыгивал и смешил всех. Надо сказать, что он очень быстро стал общим любимцем в каюте боцманов, где ему была отведена койка.

Лондонское географическое общество 20 февраля дало доктору Фергюссону и Кеннеди парадный прощальный обед. На нем присутствовал также капитан Пеннет со своими офицерами. Обед был очень оживленный, вино лилось рекой, и задравные тосты провозглашались в таком количестве, что после них присутствующие смело могли рассчитывать на сто лет жизни. Председательствовал за обедом сэр Френсис М... Хотя и сильно взволнованный, он держал себя с полным достоинством.

К великому смущению Дика Кеннеди, на его долю тоже пришлось немало тостов. Выпив за здоровье «неустрасимого славного сына Англии» Фергюссона, пили также «за его смелого товарища, не менее отважного Кеннеди». Дик сильно покраснел, но это было принято за скромность, и аплодисменты только усилились, а шотландец стал еще краснее.

За десертом пришла телеграмма от королевы: она слала привет двум путешественникам и желала им успеха в их предприятии. Были провозглашены новые тосты в честь ее величества.

В полночь, после трогательных прощальных слов и горячих рукопожатий, присутствующие на обеде разъехались по домам. Лодки «Решительного» ждали у Вестминстерского моста; в них разместились капитан, офицеры, пассажиры, и быстрое течение Темзы понесло их к Гринвичу. В час ночи все на транспорте уже спали. 21 февраля, в три часа утра, были разведены пары, а в пять поднят якорь. Заработал винт, «Решительный» двинулся к устью Темзы.

Нечего и говорить, что все разговоры на транспорте вращались исключительно вокруг экспедиции доктора Фергюссона. Видеть и слышать доктора было достаточно для того, чтобы почувствовать к нему полнейшее доверие, и скоро ни один человек на «Решительном», кроме шотландца, не сомневался в полнейшем успехе его предприятия.

Во время долгих праздных часов морского путешествия доктор прочел в кают-компании офицерам настоящий курс географии, и молодежь положительно была увлечена открытиями, сделанными в Африке за последние сорок лет. Доктор знакомил офицеров с исследованиями Барта, Бёртона, Спика, Гранта, он описывал им эту таинственную страну, ставшую предметом научных исследований. На севере, рассказывал он, молодой Дюверье занимается изучением Сахары и собирается везти в Париж предводителей туарегов. При содействии французского правительства снаряжаются две экспедиции, которые выйдут с севера, отправятся на восток и встретятся в Тимбукту. На юге неутомимый Ливингстон все подвигается к экватору, а с марта 1862 года он поднимается вместе с Мэкензи вверх по реке Ровума. Вообще Фергюссон был убежден, что в девятнадцатом веке тайна Африки, в которую люди не могли проникнуть, целых шесть тысяч лет, будет, наконец, раскрыта.

Офицеры особенно заинтересовались путешествием, когда Фергюссон подробно познакомил их со своими приготовлениями. Им захотелось даже проверить его вычисления. По этому поводу между молодежью возникли споры, в которых доктор охотно принимал участие.

Больше всего удивляло офицеров то сравнительно небольшое количество припасов, которое доктор решил взять с собой. Однажды один из них заговорил об этом с доктором Фергюссоном.

– Это вас удивляет? – спросил доктор.

– Конечно.

– А сколько, вы считаете, может продлиться мое путешествие? Пожалуй, вы думаете – целые месяцы? Глубоко ошибаетесь. Если бы путешествие затянулось, мы погибли бы, не достигнув цели. Да будет вам известно, что от Занзибара до берега Сенегала не больше трех с половиной тысяч миль, ну, предположим даже, – все четыре тысячи. И вот, делая по двести сорок миль в двенадцать часов – это, заметьте, меньше скорости наших поездов, – нам будет достаточно и одной недели, чтобы пролететь всю Африку, ведь мы будем двигаться безостановочно, днем и ночью.

– Но в таком случае вы ничего не увидите, не сделаете никаких географических съемок, вообще совсем не обследуете страны, – возразил офицер.

– Вам надо иметь в виду, – ответил доктор, – что раз я хозяин моего воздушного шара и по своему желанию поднимаюсь и снижаюсь, то я могу сделать остановку, где мне заблагорассудится, особенно когда мне будут угрожать слишком сильные воздушные течения.

– А вы с ними, несомненно, встретитесь, – вмешался в разговор капитан Пеннет, – ведь, знаете, там бывают ураганы, несущиеся со скоростью более двухсот сорока миль в час.

– Ну, вот видите, при такой скорости можно перелететь всю Африку в каких-нибудь двенадцать часов, – проговорил, улыбаясь, доктор, – проснуться на Занзибаре, а заснуть в Сен-Луи.

– Но разве воздушный шар может быть унесен ветром с такой скоростью? – спросил другой офицер.

– Такие случаи бывали.

– И шар устоял?

– Конечно. Например, во время коронации Наполеона в тысяча восемьсот четвертом году. Аэронавт Гарнерен выпустил тогда из Парижа в одиннадцать часов вечера воздушный шар с надписью, начертанной золотыми буквами: «Париж, двадцать пятое фримера тринадцатого года. Коронование императора Наполеона его святейшеством Пием Седьмым». На следующее утро, в пять часов, жители Рима видели, как этот самый шар парил над Ватиканом, затем он пронесся над Римской областью и упал в озеро Браччано. Как видите, воздушный шар в состоянии выдержать подобную скорость.

– Воздушный шар – да, но человек? – отважился спросить Кеннеди.

– Человек тоже может выдержать это по той простой причине, что воздушный шар всегда неподвижен по отношению к окружающему его воздуху. Ведь движется не самый шар, а вся масса воздуха. Попробуйте зажечь в корзине вашего воздушного шара свечу, и вы увидите, что пламя ее не будет даже колебаться. И аэронавт, поднявшийся на воздушном шаре Гарнерена, нисколько не пострадал бы от быстроты этого полета. Впрочем, я вовсе не намерен испытать подобную скорость, и если я смогу зацепиться ночью за какое-нибудь дерево или неровность почвы, то, поверьте, не премину это сделать. К тому же мы берем с собой продовольствия на два месяца. А когда мы будем приземляться, ничто не помешает нашему искусному охотнику снабжать нас в изобилии дичью.

– Ну, и раздолбе же будет для вас, мистер Кеннеди! – воскликнул один юный мичман, с завистью поглядывая на охотника.

– Да плюс к этому еще слава, – заметил другой офицер.

– Господа, – ответил шотландец, – поверьте, я очень тронут вашими комплиментами... но... знаете ли... не имею права их принять...

– Как? – раздалось со всех сторон. – Разве вы не полетите?

– Нет, не полечу.

– Так вы не будете сопровождать доктора Фергюссона?

– Не только не буду сопровождать его, но и отправился я с вами единственно для того, чтобы удержать его от этого в последнюю минуту.

Все посмотрели на доктора.

– Не слушайте его, – проговорил Фергюссон своим обычным спокойным голосом. – Это вопрос, о котором с ним не надо препираться. А в сущности он прекрасно знает, что полетит.

– Клянусь чем хотите! – закричал Кеннеди. – Уверяю...

– Лучше не клянись, дорогой мой Дик. Ты вымерен, взвешен, и не только ты сам, но и твой

порох, и твои ружья, и твои пули... так что об этом и говорить не стоит.

И правда, с этого момента до самого прибытия на Занзибар Дик ни разу не заикнулся об этом. Да и вообще ни о чем не говорил. Он молчал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Решительный» огибает мыс Доброй Надежды. – На баке. – Курс космографии «профессора» Джо. – Управление воздушными шарами. – Исследование воздушных течений. – Эврика!

«Решительный» быстро несся к мысу Доброй Надежды. Погода держалась чудесная, хотя море и начинало волноваться.

Через двадцать семь дней после отплытия из Лондона, 30 марта, на горизонте показалась Столовая гора. В подзорную трубу можно было уже видеть город Кэптоун, расположенный среди амфитеатра холмов, и вскоре «Решительный» бросил якорь в его порту. Капитан зашел сюда только для возобновления запаса угля, на что потребовался всего один день. На следующее утро «Решительный» направился к югу, чтобы, обогнув южную оконечность Африки, войти в Мозамбикский пролив.

Джо не впервые путешествовал по морю, и он сразу почувствовал себя как дома. Прямодушие и веселость славного малого расположили к нему все сердца. К тому же на него как бы падали лучи славы доктора. Слушали его, как оракула, и, по правде сказать, ошибался он не больше других оракулов.

И вот, в то время как доктор в кают-компании читал свой курс географии офицерам, Джо царил на баке и по-своему излагал историю, в чем, впрочем, он только следовал примеру величайших историков всех времен.

Естественно, что и на баке разговоры все больше вертелись вокруг воздушного путешествия. На первых порах Джо трудно было убедить некоторых упрямцев, что такое путешествие вообще возможно, но когда матросы поверили в него, их воображение так разыгралось, что все уже казалось им нипочем.

Увлеченный рассказчик уверял своих слушателей, что за этим воздушным путешествием, конечно, последует немало других. Это только, уверял он, начало многих сверхчеловеческих предприятий.

– Видите ли, друзья мои, – говорил он, – когда испробуешь такой способ передвижения,

без него уже трудно обойтись. И когда в следующий раз мы полетим, то уже не будем держаться над Землей, а станем забирать все вверх и вверх.

– Вот как! Значит, прямо на Луну отправитесь! – с восторгом воскликнул один из слушателей.

– Очень нам нужно на Луну! – возразил Джо. – Это уж слишком просто, каждый может там побывать. К тому же на Луне и воды нет, приходится тащить с собой огромное количество. Да еще надо прихватить и бутылки с воздухом, чтобы было чем дышать.

– Пусть так! Но скажи: джин-то там есть? – спросил один из матросов, большой любитель этого напитка.

– И джина там, мой милый, не найдешь. Нет, зачем же на Луну? Мы полетим на те замечательные планеты, о которых часто рассказывал мне мой доктор. И начнем мы наше путешествие, скажем, с Сатурна...

– Это того, что с кольцом? – спросил квартирмейстер.

– Да! У него есть обручальное кольцо, только неизвестно, куда девалась его жена.

– Но как же вы можете взлететь так высоко? – воскликнул пораженный юнга, – Видно, ваш доктор сам дьявол.

– Какой же он дьявол! Для этого он слишком добр.

– А куда же вы полетите после Сатурна? – поинтересовался самый нетерпеливый из слушателей.

– После Сатурна? Да побываем на Юпитере. Удивительная страна, доложу я вам. Там день продолжается всего девять с половиной часов, так что лодырям там – житье! А год – длиною в наших двенадцать. Это, пожалуй, выгодно для людей, которым осталось жить каких-нибудь полгода, – порядочно-таки продлит их существование.

– Один год – наших двенадцать? – переспросил юнга.

– Да, дружок, ты там сосал бы еще свою соску, а тот вот дяденька, которому за пятьдесят, был бы теперь мальчуганом четырех с половиной лет.

– Ну, это уж небылицы! – в один голос закричали все присутствующие на баке.

– Истинная правда, – настаивал Джо. – И то ли еще бывает! Если станешь все торчать на этой Земле, так, пожалуй, ничего не узнаешь и будешь не умнее морской свинки. А вот поживи ты маленько на Юпитере, тогда кое-что и увидишь. Да, кстати, скажу я вам: там надо держать ухо востро, у Юпитера ведь спутники далеко не тихого нрава.

Все на баке смеялись, но наполовину верили Джо. А он уже описывал планету Нептун, где так хорошо принимают моряков, затем уверял, что на Марсе главную роль играют военные, и это в конце концов начинает даже раздражать. На Меркурии же – препротивном месте, по его словам, – живут только одни купцы да воры, и те и другие так похожи друг на друга, что их и не отличишь. Наконец, он описывал им Венеру, да так, что дух захватывало.

– Когда же мы вернемся из этой нашей экспедиции, – заявил веселый рассказчик, – нам, знаете, дадут орден Южного Креста; вон он там блестит в петличке у бога...

– И это будет вами вполне заслужено, – в один голос заявили матросы.

В таких оживленных разговорах и проходили вечера на баке. А в это же время в кают-компании шли своим чередом научные беседы доктора Фергюссона с офицерами.

Однажды разговор коснулся способа управления воздушным шаром, и Фергюссона попросили высказаться по этому вопросу.

– Не думаю, – начал доктор, – чтобы когда-нибудь возможно было управлять воздушным шаром. Мне известны все испробованные и предлагаемые способы, – ни один из них не имел успеха, и ни один, мне кажется, не пригоден. Вы, господа, конечно, прекрасно понимаете, что я должен был серьезно заняться этим вопросом, но разрешить его мне было, при данном состоянии механики, не под силу. Для этого надо было бы, изобрести двигатель необыкновенной мощности и невероятной легкости. А при всем том нельзя было бы противостоять сколько-нибудь значительным воздушным течениям. Надо сказать, что до сих пор занимались вопросом управления корзиной, а не самим шаром. И это было, по-моему, ошибкой.

– Между тем, – заметил кто-то из присутствующих, – есть много общего между воздуш-

ным шаром и судном, которым, однако, легко можно управлять.

– Да нет же, – ответил Фергюссон, – общего тут чрезвычайно мало или совсем нет. Воздух гораздо менее плотен, чем вода, в которую судно погружено ведь только до половины, в то время как воздушный шар весь плавает в атмосфере и остается неподвижным по отношению к окружающей его среде.

– Так вы думаете, доктор, что наука воздухоплавания сказала уже свое последнее слово? – спросил собеседник.

– Нет! Конечно, нет! Нужно искать иного выхода. Если нельзя управлять воздушным шаром, то надо научиться удерживать его в благоприятных воздушных течениях. По мере того как вы поднимаетесь ввысь, воздушные течения делаются гораздо ровнее и постояннее в своих направлениях. Там, в вышине, на них не оказывают уже влияния долины и горы, бороздящие поверхность земного шара. От них-то, как известно, главным образом и меняется направление ветров и их сила. И вот, когда атмосферные зоны будут изучены, воздушному шару можно будет держаться в наиболее благоприятных из них.

– Но тогда, чтобы попасть в эти благоприятные зоны, придется беспрестанно то подниматься, то спускаться, – заметил капитан Пеннет. – А именно в этом, дорогой доктор, я и вижу настоящую трудность.

– Почему же, дорогой капитан?

– Согласитесь, что эти подъемы и спуски, если они и не будут большим препятствием для простых воздушных прогулок, могут быть очень затруднительными при долгих путешествиях.

– Объясните, пожалуйста, капитан, почему вы так думаете?

– По той простой причине, что воздушный шар может подниматься только при сбрасывании балласта и снижаться благодаря выпусканию газа. А при таких условиях ваш запас балласта и газа скоро будет исчерпан.

– В этом-то, конечно, весь вопрос, дорогой мой Пеннет. Это единственное затруднение, которое наука должна преодолеть. Дело не в том, чтобы управлять воздушным шаром, а в том, чтобы заставить его подниматься и опускаться без затраты газа, – ведь газ-то, если можно так выразиться, его сила, кровь, душа.

– Вы правы, дорогой доктор, но эта задача еще не решена, способ этот еще не найден.

– Простите, найден.

– Кем?

– Мною!

– Вами?

– Вы сами прекрасно понимаете, что, не будь этого, я не рискнул бы предпринимать на воздушном шаре перелет через Африку, – ведь в течение каких-нибудь суток мой газ совсем истощился бы.

– Но в Англии вы об этом не сказали ни слова.

– Да, я не хотел, чтобы по поводу моего открытия велись публичные дебаты. Какой в них смысл? Я тайно производил подготовительные опыты, и они меня вполне удовлетворили. А я не считал себя обязанным кого-либо об этом осведомлять.

– Ну, что ж, дорогой Фергюссон, можно просить вас открыть нам вашу тайну?

– Сейчас сообщу вам ее, господа. Способ мой очень прост. Любопытство всех присутствующих было возбуждено до крайности. И доктор Фергюссон самым спокойным тоном начал излагать следующее.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Предшествующие попытки подъема и спуска на воздушном шаре. – Пять ящиков доктора. – Горелка. – Калорифер. – Способ применения. – Верный успех.

– Не раз уж пытались подниматься и снижаться на воздушном шаре без затраты газа и сбрасывания балласта. Французский аэронавт Менье стремился этого достигнуть, нагнетая сжатый воздух в оболочку шара. Бельгийский доктор Ван-Хекке тоже пробовал сделать это при помощи крыльев и лопастей, развивавших вертикальное движение. Но в большинстве случаев этой силы было недостаточно. Вообще результаты опытов Менье и Ван-Хекке были совершенно ничтожны.

И я решил подойти к этому вопросу посмелее. Начать с того, что я совершенно изъял из употребления балласт, кроме крайних, экстренных случаев, как, например, авария аппарата или необходимость подняться в один миг, чтобы избежать какой-нибудь непредвиденной опасности.

Мой способ подъема и снижения воздушного шара основан на расширении и сжатии газа, находящегося в оболочке, посредством изменения его температуры. И вот как я этого достигаю. На ваших глазах погрузили на этот транспорт вместе с корзиной несколько ящиков, назначение которых вам было неизвестно. Этих ящиков всего пять.

Первый из них содержит около двадцати пяти галлонов воды, к которой я прибавляю несколько капель серной кислоты для увеличения ее электропроводимости. Затем эту воду я химически разлагаю с помощью сильной бунзеновской батареи. Вода, как вы знаете, состоит из двух частей водорода и одной части кислорода. Кислород под действием электробатареи поступает с ее положительного полюса во второй ящик. Третий ящик, вдвое большего размера, помещенный над вторым ящиком, принимает в себя водород, получаемый с отрицательного полюса батареи. При помощи кранов, из которых у одного отверстие вдвое больше, чем у другого, эти два ящика соединяются с четвертым, который называется смесительным ящиком. Здесь действительно смешиваются оба газа, получившиеся от разложения воды. Емкость смесительного ящика около сорока одного кубического фута.

В верхней части этого ящика помещается платиновая трубка, снабженная краном.

Вы уже, конечно, догадались, господа, что описываемый мною аппарат есть не что иное, как кислородно-водородная горелка, температура которой выше температуры кузнечного горна.

Теперь я перехожу к описанию второй части моего аппарата.

Из нижней части герметически закрытого шара на небольшом расстоянии друг от друга выходят две трубки. Одна трубка доходит до верхних слоев водорода в шаре, другая – до нижних. Обе трубки снабжены в нескольких местах каучуковыми сочленениями, позволяющими им выдерживать колебания воздушного шара. Эти две трубки спускаются в корзину и входят в железный ящик цилиндрической формы, который называется ящиком нагрева.

Этот ящик закрыт снизу и сверху двумя дисками из того же металла, что и ящик. Трубка, идущая из нижней части шара, входит в этот цилиндрический ящик через нижний его диск и внутри его принимает форму змеевика, кольца которого, расположенные одно над другим, занимают всю высоту ящика. Прежде чем выйти из ящика, спиральная трубка входит в маленький конус, вогнутое основание которого, имеющее форму сферического колпачка, обращено книзу. Из вершины этого конуса выходит другая трубка, которая, как я уже упоминал, идет в верхние слои водорода в шаре. Сферический колпачок конуса сделан из платины, чтобы он не расплавился от высокой температуры. А горелка эта помещается на дне ящика нагрева, посреди спиралей змеевика, так, что верхняя часть пламени слегка касается платинового колпачка.

Вы, без сомнения, знаете, что такое калорифер, предназначенный для отопления помещений, и вам известно, как он действует. Воздух, которым наполнена квартира, пропускают через трубы, и оттуда он возвращается уже нагретый. Так вот: аппарат, который я вам только что описал, – в сущности тот же калорифер.

И в самом деле, что же тут происходит? Когда горелка зажжена, водород, находящийся в змеевике и в вогнутом маленьком платиновом конусе, нагревается и быстро поднимается по трубке, ведущей в верхнюю часть шара. Образовавшаяся внизу пустота заполняется газом из нижней части шара. Газ тут также нагревается и, поднимаясь, пополняется вновь образовавшимся газом. Таким образом, по трубкам и змеевику происходит чрезвычайно быстрое движение газа, который, выходя из шара, непрерывно нагревается и снова в него поступает. При нагревании на один градус газ расширяется на одну четырехсотвосьмидесятую¹⁵ своего объема. Если я повышу температуру на восемнадцать градусов, то водород, заключающийся в воздушном шаре, расширится на восемнадцать четырехсотвосьмидесятых своего объема, или на тысячу шестьсот семьдесят четыре кубических фута; следовательно, он вытеснит еще тысячу шесть-

¹⁵ Речь идет о шкале Фаренгейта, один градус которой равен 5/9 градуса Цельсия. При нагревании на 1° по Цельсию газ увеличивается на 1/273 часть того объема, какой он занимал при 0°

сот семьдесят четыре кубических футов воздуха, и это увеличит его подъемную силу на сто шестьдесят фунтов. Это равносильно выбрасыванию балласта такого же веса. Если я повышу температуру на сто восемьдесят градусов, то газ расширится на сто восемьдесят четырехсот-восьмидесятых своего первоначального объема, вытеснит шестнадцать тысяч семьсот сорок кубических футов воздуха, и подъемная сила шара увеличится на тысячу шестьсот фунтов.

Вы понимаете, что я могу легко изменять условия статического равновесия моего воздушного шара. Объем его был рассчитан таким образом, что, наполненный до половины, он вытесняет как раз такое количество воздуха, которое равно повесу самому шару, наполненному водородом, а также корзине с пассажирами и всей ее нагрузкой. Наполненный таким образом шар держится в воздухе в строгом равновесии: он не поднимается и не снижается.

Чтобы подняться, я с помощью горелки довожу газ в шаре до температуры более высокой, чем температура окружающего воздуха. От нагревания газ расширяется, шар увеличивается в объеме и поднимается тем выше, чем больше я нагреваю водород.

Снижение достигается естественным образом: понижением температуры в горелке, отчего газ внутри шара постепенно охлаждается. Вообще же подъем шара должен происходить, конечно, гораздо скорее, чем его снижение. И это очень благоприятное обстоятельство: надобности в быстром снижении у меня никогда не будет, и, наоборот, очень быстрым подъемом (могу избежать разных осложнений. Опасность ведь не вверх, а вниз).

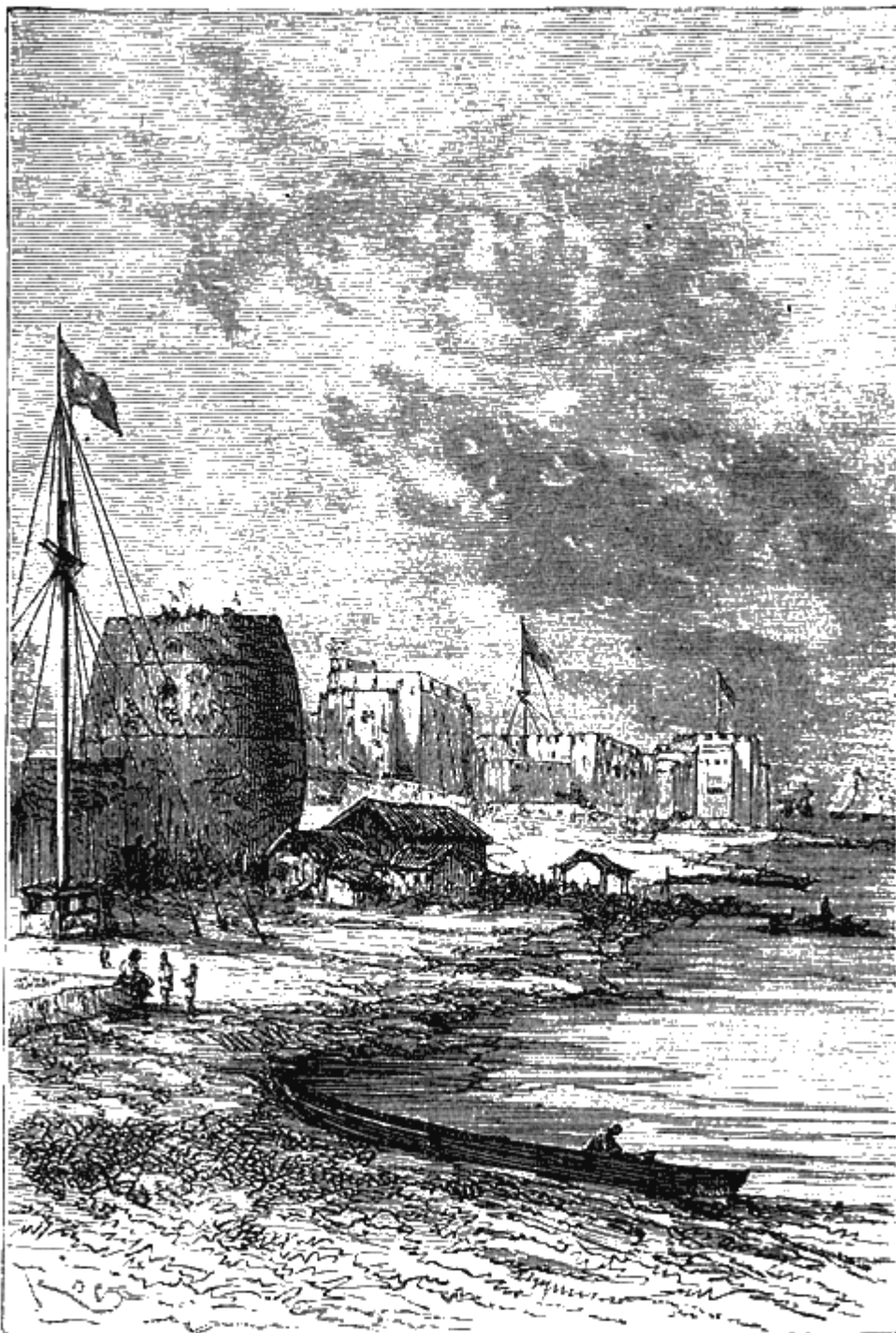
Впрочем, как я уже говорил вам, у меня есть некоторое количество балласта, который в случае экстренной надобности может дать возможность подняться еще скорее. Клапан, находящийся на верхнем полюсе шара, является только предохранительным клапаном. Воздушный шар неизменно содержит одно и то же количество водорода. Подъем и снижение, повторяю, происходит только благодаря изменению его температуры. А теперь, господа, я хочу сообщить вам еще одну подробность: при сгорании водорода и кислорода на конце горелки получаются водяные пары; поэтому я снабдил нижнюю часть цилиндрического ящика трубкой с клапаном, действующим при давлении в две атмосферы; следовательно, когда пар достигает такого давления, он сам автоматически выходит наружу.

Наконец, познакомлю вас с самыми точными цифровыми данными: двадцать пять галлонов воды, разложенные на свои составные части, дают двести фунтов кислорода и двадцать пять фунтов водорода. При нормальном атмосферном давлении это составляет тысячу восемьсот девяносто кубических футов первого и три тысячи семьсот восемьдесят кубических футов второго, итого смеси пять тысяч шестьсот семьдесят кубических футов. Моя горелка расходует при совершенно открытом кране двадцать семь кубических футов смеси в час, давая пламя по крайней мере в шесть раз сильнее пламени больших горелок светильного газа. Держась же на значительной высоте, я сожгу в среднем не более девяти кубических футов в час. Значит, двадцать пять галлонов воды мне хватит на шестьсот тридцать часов воздушного плавания, что составляет немногим больше двадцати шести дней.

А так как я по своему желанию в состоянии спускаться на землю и возобновлять свой запас воды, то мое путешествие может продолжаться сколько угодно.

Вот вам и вся моя тайна, господа. Она очень проста, и потому я уверен в успехе. Мой способ, основанный на расширении и сжатии газа, как видите, исключает надобность и в громоздких крыльях и в механических двигателях. Калорифер, с помощью которого я изменяю температуру, и горелка для его нагревания не представляют никаких неудобств и мало весят.

— Итак, я думаю, что у меня имеются все нужные условия для успеха.

Этой фразой закончил доктор Фергюссон свою речь, вызвавшую самые горячие, искренние аплодисменты. Тут нельзя было сделать ни единого возражения: все было обдумано и предусмотрено.

– Но все-таки, – заметил капитан, – это дело опасное.

– Что из этого, раз оно выполнимо! – просто ответил фергюссон.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Прибытие на Занзибар. – Английский консул. – Враждебное отношение местных жителей. – Остров Кумбени. – «Вызыватели дождя». – Наполнение воздушного шара. – Старт 18 апреля. – Прощание. – «Виктория».

Благодаря попутным ветрам «Решительный» шел ускоренным ходом. В Мозамбикском

проливе погода была особенно благоприятна. Удачный морской переход казался добрым предзнаменованием и для воздушного перелета.

Каждый жаждал поскорее добраться до Занзибара и там помочь чем только возможно доктору Фергюссону в его последних приготовлениях.

Наконец, показался город Занзибар, расположенный на острове того же имени, и 15 апреля, в одиннадцать часов утра, «Решительный» бросил якорь в его гавани.

Остров Занзибар является владением имама Маската, союзника Франции и Англии. Это, несомненно, лучшая его колония. В гавань заходит множество кораблей из соседних стран.

Остров отделен, от африканского материка только проливом шириной не более тридцати миль.

Занзибар ведет обширную торговлю камедью, слоновой костью и в особенности чернокожими, так как он является крупным рынком невольников. Сюда свозятся все пленники, захваченные в боях, а бои эти не прекращаются, ибо вожди внутренних африканских племен беспрестанно воюют между собой.

Эта торговля распространена по всему восточному берегу вплоть до Нила; Г. Лежан видел, что она ведется совершенно открыто на французских судах.

Не успел «Решительный» пришвартоваться в занзибарской гавани, как на нем появился английский консул с предложением своих услуг доктору Фергюссону. Уже целый месяц он знал из европейских газет о проектирующемся перелете, но до сих пор принадлежал к многочисленному разряду скептиков.

– Я сомневался, – заявил консул, протягивая руку Самуэлю Фергюссону, – но теперь все мои сомненья исчезли. И он тут же пригласил к себе в дом доктора. Дика Кеннеди и, конечно, милейшего Джо.

Консул был так любезен, что познакомил доктора с несколькими письмами капитана Спика, и Фергюссон узнал из них, что капитан и его спутники претерпели страшные муки и от голода и от непогоды, прежде чем добрались до страны Угого. Теперь же, как видно, они принуждены подвигаться чрезвычайно медленно, встречая на пути беспрестанные затруднения, и вряд ли в ближайшее время смогут дать знать о себе.

– Вот те опасности и лишения, каких мы сумеем избежать, – заметил доктор.

Багаж трех путешественников был отправлен в дом консула. Воздушный шар собирались выгрузить на занзибарском берегу, где для него было выбрано очень удобное место у сигнальной мачты, позади огромного здания, которое защищало бы его от восточных ветров. Эта массивная башня, походившая на бочку, по сравнению с которой Гейдельбергская бочка показалась бы всего лишь бочонком, играла роль форта, и на ее плоской верхушке дежурила стража – вооруженные копьями «белучи», шумливые бездельники. Но незадолго до предполагаемой выгрузки шара консул был извещен о том, что туземное население намерено силой воспрепятствовать ей. Нет ничего более слепого и бессмысленного, чем страсти, внушенные фанатизмом. Известие о приезде христианина, который решил подняться в воздух, возмутило местных жителей. Негры, взволнованные больше, чем арабы, усмотрели в этом полете что-то враждебное их религии. Они вообразили, что замышляется какое-то зло против Солнца и Луны. А так как оба светила являются предметами поклонения у африканских Народов, то и было решено силой противиться нечестивой экспедиции.

Узнав о таких настроениях местных жителей, консул сообщил о них доктору Фергюссону и капитану Пеннету. Капитан ни за что не хотел отступать перед угрозами, но новый его друг, доктор, разубедил его в этом.

– Конечно, в конце концов нам удалось бы выгрузить шар, – сказал Фергюссон, – и гарнизон имама даже оказал бы нам в этом содействие, но знаете, дорогой капитан, порой для несчастного случая довольно одного мгновения. Какой-нибудь злостный удар – и шару будет нанесен непоправимый вред, а наше путешествие сорвано. Нет, тут надо действовать осмотрительно.

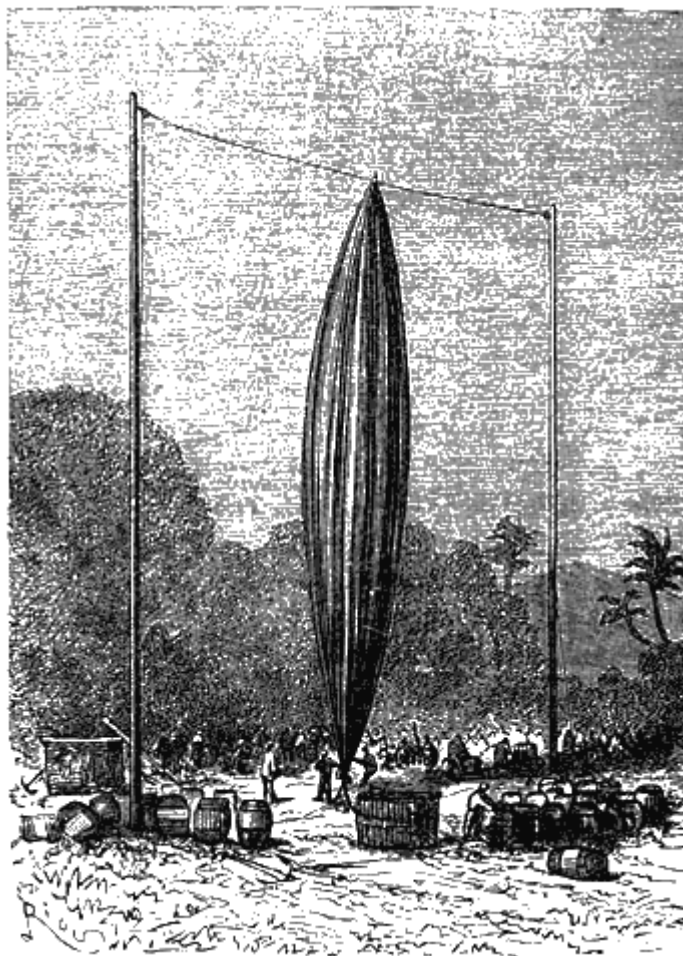
– Но как же быть? Если мы высадимся на африканском берегу, то там встретимся с теми же трудностями. Что же делать?

– Ничего не может быть проще, – заявил консул. – Взгляните вон на те островки, расположенные за гаванью. Выгрузите ваш шар на одном из этих островков, окружите его цепью матросов, и он будет в полной безопасности.

– Великолепно! – воскликнул Фергюссон. – Там же нам будет удобно заняться последними приготовлениями.

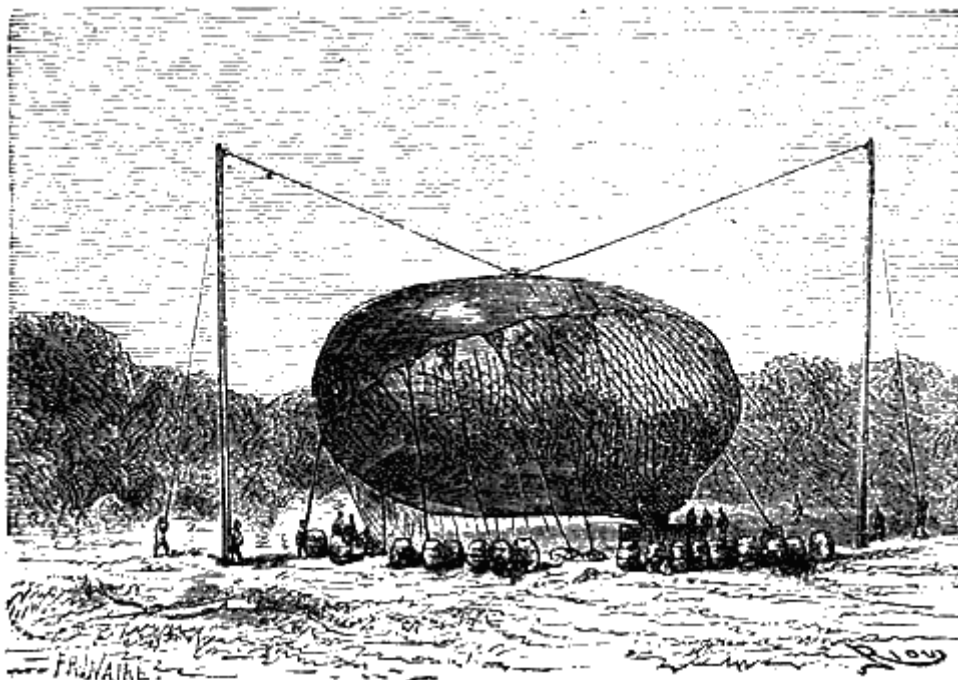
Капитан тоже одобрил это предложение, и вскоре «Решительный» подошел к островку Кумбени.

Утром 16 апреля шар благополучно выгрузили на лужайку среди леса. Здесь на расстоянии восьмидесяти футов были вбиты два столба вышиной также в восемьдесят футов. На столбах была установлена система блоков, благодаря которой с помощью поперечного каната и был поднят шар. Пока он был совершенно пуст. Внутреннюю оболочку соединили с внешней так, что обе были подняты одновременно.

К нижней части оболочек были прикреплены трубки, через которые должен был поступать водород.

День 17 апреля прошел в установке аппарата для добывания водорода. Он состоял из тридцати бочек, в которых происходило разложение воды с помощью железного лома и серной кислоты. Полученный водород, очистившись от примесей, поступал в большую, находящуюся в центре бочку, откуда и направлялся по двум трубам в оболочку. Таким образом, каждая из оболочек наполнялась строго определенным количеством газа. Для этой операции потребовалось тысяча восемьсот шестьдесят галлонов серной кислоты, шестнадцать тысяч пятьдесят фунтов железного лома и девятьсот шестьдесят шесть галлонов воды.

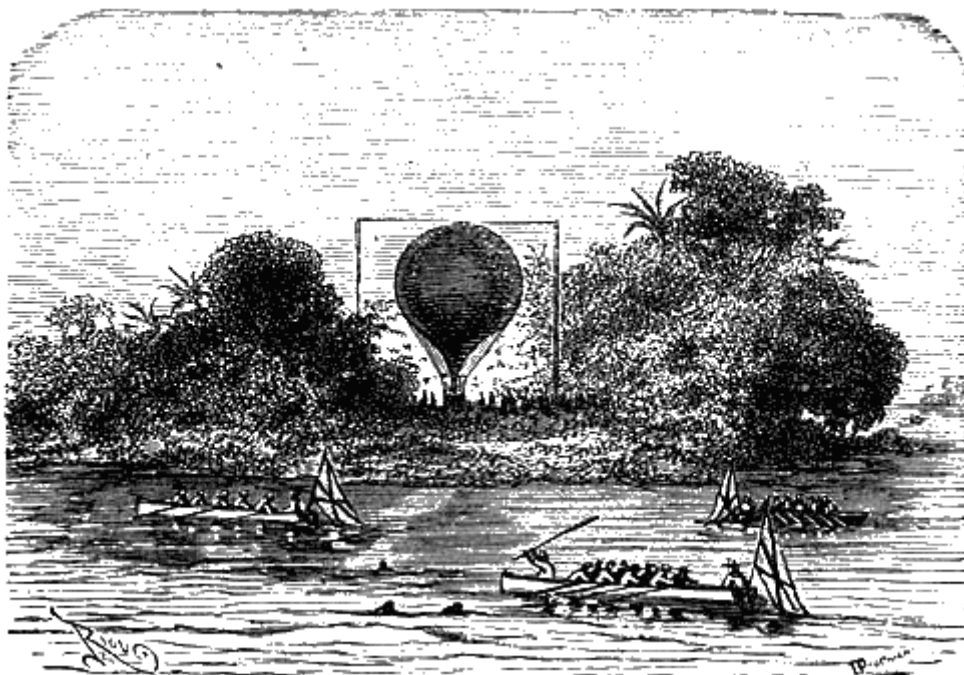
Наполнение оболочек газом началось около трех часов утра и длилось почти восемь часов. За час до полудня воздушный шар, одетый в сетку, грациозно покачивался над своей корзиной, удерживаемый большим количеством мешков с землей. С особой тщательностью был установлен аппарат для расширения газа и прилажены в цилиндрическом ящике нагрева трубки, сообщающиеся с обеими оболочками.

Якоря, веревки, инструменты, походные одеяла, тент, съестные припасы, оружие-все было размещено в корзине на заранее намеченных для этого местах. Вода запасена была еще в Занзибаре. Двести фунтов балласта в виде песка, помещавшегося в пятидесяти мешочках, также было уложено на дно корзины, так, чтобы он всегда был под рукой. К пяти часам вечера все эти приготовления были закончены. Пока шла работа, вдоль всего берега островка стояли часовые, а шлюпки с «Решительного» курсировали по проливу.

Туземцы проявляли свой гнев дикими криками, гримасами и кривлянием. Жрецы носились среди толпы, еще больше разжигая ее фанатизм. Некоторые из самых рьяных пытались было вплявь добраться до острова, но их легко отогнали.

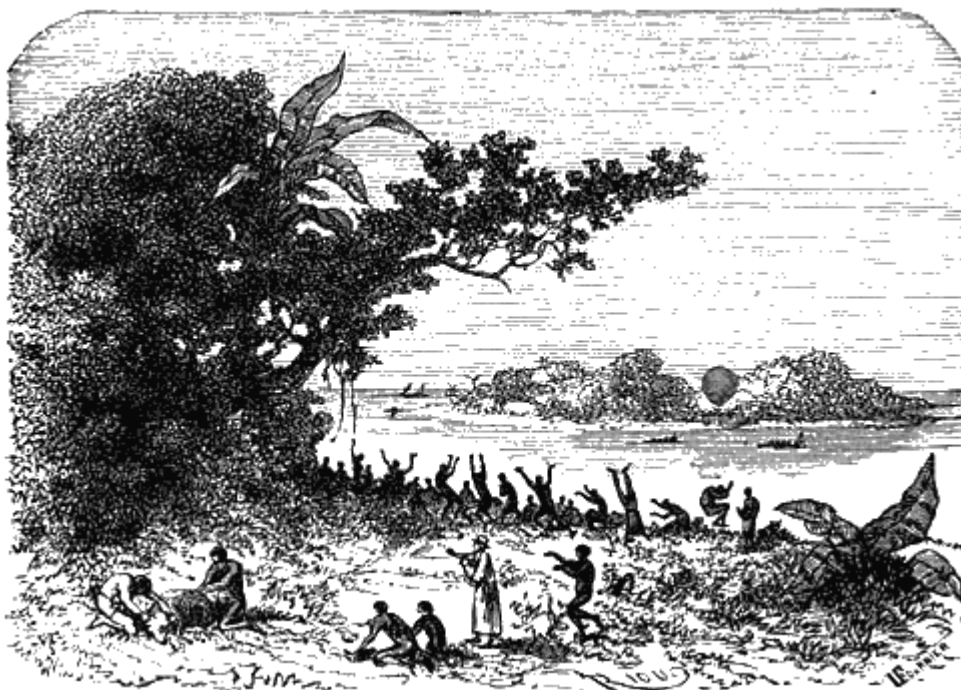
Тут пущены были в ход заклинания и колдовство. «Вызыватели дождя», утверждавшие, что они повелевают тучами, стали призывать ураган и каменный ливень (так негры зовут град). Для этого они собрали листья со всевозможных деревьев и принялись кипятить их на медленном огне. В это же время с помощью длинной иглы, вонзенной в сердце, был убит баран.

Но, увы, небо по-прежнему было безоблачным... Ни баран, ни гримасы не помогли.

Неграм не оставалось ничего более, как устроить буйную оргию, напившись «зембо», этого жгучего ликера, приготовленного из кокосовых орехов, и «тогва» – чрезвычайно хмельного пива. И их песни, маломелодичные, но ритмичные, слышались всю ночь до рассвета.

Около шести часов вечера наши путешественники в последний раз сели за обеденный стол в кают-компанию «Решительного» вместе с капитаном и офицерами. Кеннеди, к которому никто не обращался ни с какими вопросами, что-то про себя бормотал, не сводя глаз с доктора Фергюссона. Прощальный обед был невесел. Приближение минуты разлуки навевало на всех грустные размышления. Что сулила отважным путешественникам судьба? Будут ли они когда-нибудь снова среди друзей, у домашнего очага? А если почему-нибудь они не смогут пользоваться для передвижения своим шаром, что станет с ними среди диких племен, неведомых стран, в необъятных пустынях?

Все эти мысли, до сих пор только мелькавшие в головах присутствующих, теперь волновали их разыгравшееся воображение. Доктор Фергюссон, как всегда, хладнокровный и невозмутимый, тщетно старался рассеять подавленное настроение.

Опасаясь со стороны негров каких-нибудь враждебных выступлений против доктора

Фергюссона и его спутников, все трое остались ночевать на «Решительном». В шесть часов утра они покинули свои каюты и переправились на островок Кумбени.

Восточный ветер слегка покачивал воздушный шар. Вместо удерживавших его до сих пор мешков с землей были поставлены двадцать матросов. Командир Пеннет явился со своими офицерами присутствовать при торжественном старте.

Тут Кеннеди подошел к доктору и, взяв его за руку, проговорил:

– Итак, Самуэль, ты бесповоротно решил лететь?

– Бесповоротно решил, дорогой мой Дик.

– Но, не правда ли, я сделал все, чтобы этому помешать?

– Все!

– Тогда, значит, моя совесть чиста, и я отправляюсь с тобой.

– Я был в этом уверен, – ответил доктор, не скрывая, до чего он тронут.

Наступил момент последнего прощания. Капитан И офицеры горячо обняли и расцеловали своих бесстрашных друзей, в том числе, конечно, и славного Джо, гордого и сияющего. Каждому из присутствующих хотелось пожать руку доктору Фергюссону.

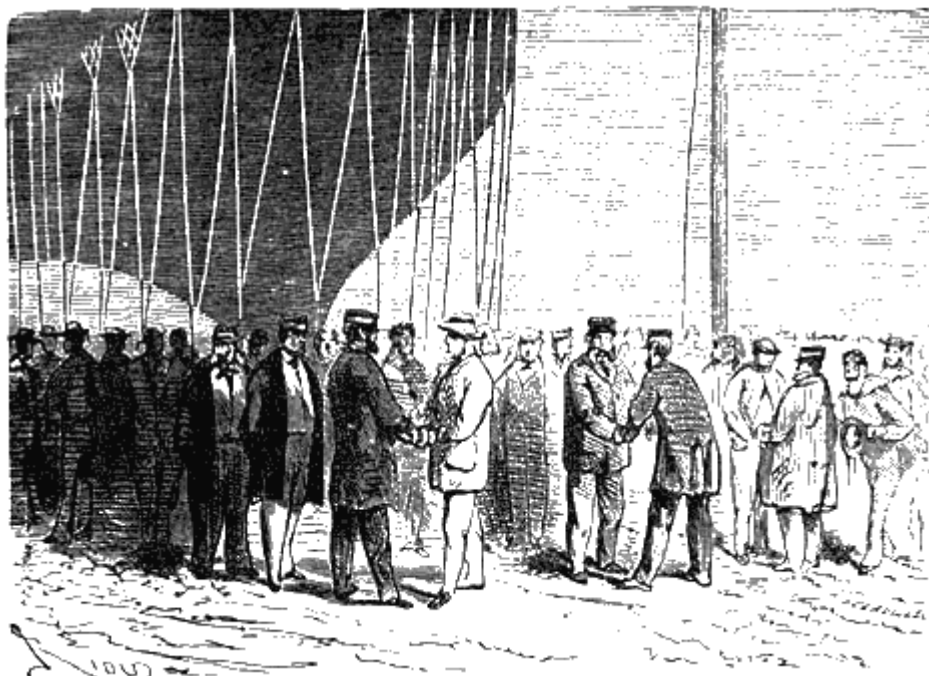
В девять часов утра трое аэронавтов заняли свои места в корзине воздушного шара. Доктор зажег горелку и полностью открыл кран, чтобы достигнуть наибольшей температуры. Через несколько минут шар, до этого времени державшийся на земле в полном равновесии, начал тянуть вверх. Матросы стали понемногу отпускать удерживающие его канаты. Корзина поднялась над землей футов на двадцать...

– Друзья мои! – закричал доктор, стоя с обнаженной головой между своими спутниками. – Дадим нашему воздушному шару имя, которое должно принести ему счастье. Назовем его «Викторией»¹⁶!

Прокатилось оглушительное «ура».

– Да Здравствует королева! Да здравствует Англия! К этому моменту подъемная сила воздушного шара еще больше Увеличилась. Фергюссон, Кеннеди и Джо послали своим друзьям последний привет.

– Отдавай! – скомандовал доктор.

«Виктория» быстро поднялась в воздух: И в этот момент на «Решительном» раздался салют из четырех его пушек...

¹⁶ «Виктория» – по-латыни значит «победа».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Перелет через, пролив. – Мрима. – Разговор Кеннеди с Джо. – Предложение, сделанное Джо. – Рецепт хорошего кофе. – Узарамо. – Злосчастный Мээн. – Гора Дутуми. – Карта доктора. – Ночлег над сикомором.

Воздух – был чист, ветер умерен, и «Виктория» поднялась почти вертикально на высоту тысячи пятисот футов, что было отмечено падением барометра почти на два дюйма¹⁷.

На этой высоте быстрое воздушное течение понесло шар к юго-западу. Какая чудная картина развернулась перед глазами наших воздухоплавателей! Остров Занзибар был весь как на ладони. Расстилались зеленые поля всевозможных оттенков, кудрявились рощи и леса...

Жители острова казались какими-то насекомыми. Их крики мало-помалу замирали вдали, доносились только пушечные салюты...

– Как все это красиво! – воскликнул Джо, первый нарушив царившее молчание.

Но ему никто не ответил. Доктор был погружен в свои барометрические наблюдения и записывал некоторые подробности подъема. А Кеннеди глядел и не мог наглядеться на раскрывавшуюся перед ним картину.

Солнечное тепло усиливало действие горелки, газ в оболочке все расширялся, и «Виктория» достигла высоты двух тысяч пятисот футов.

«Решительный» казался отсюда простой лодкой, а африканский берег вырисовывался на западе в виде колоссальной пенящейся каймы.

– Что-то вы молчите, – заметил Джо.

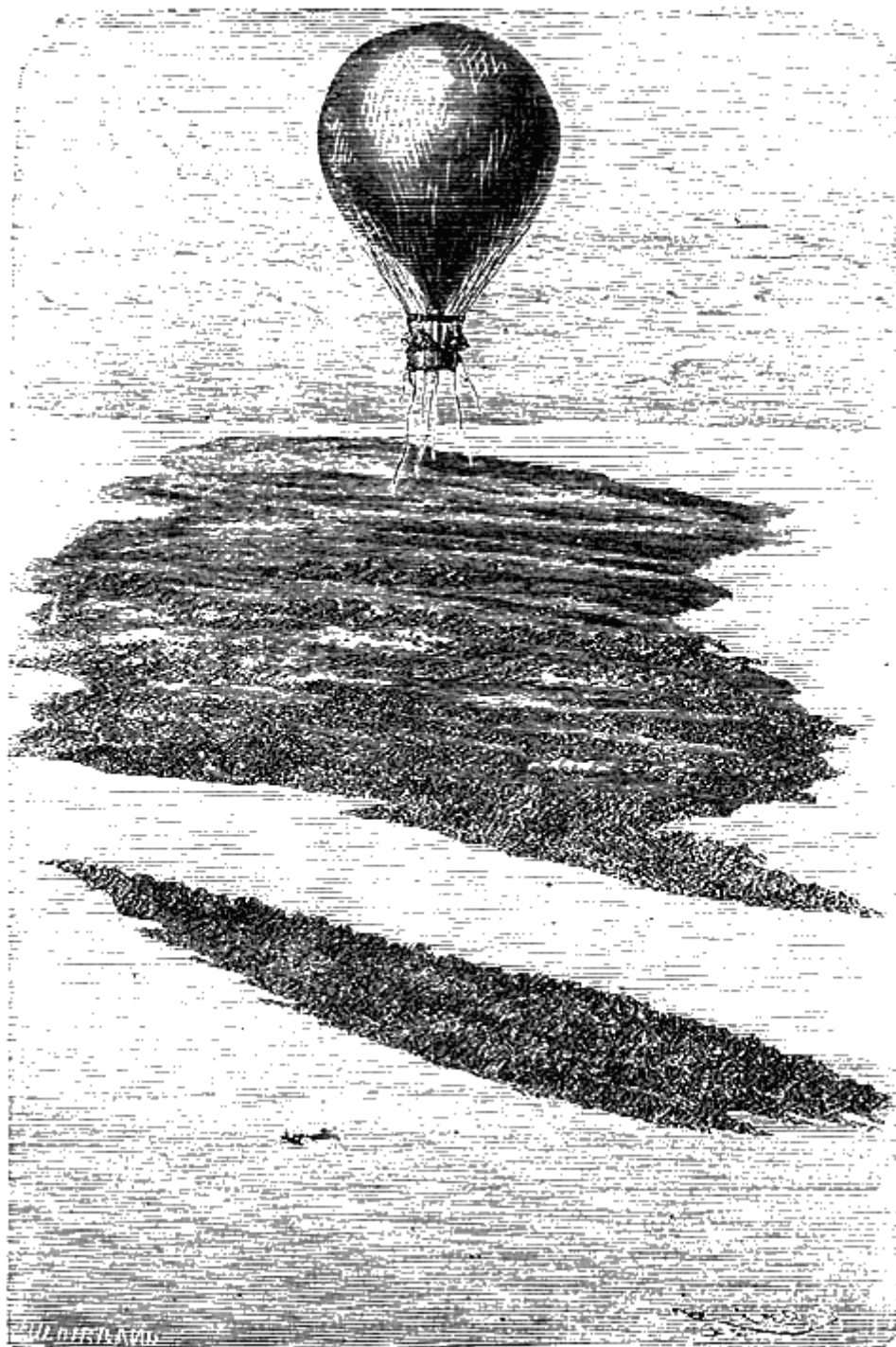
– Мы смотрим, – отозвался доктор, направляя свою подзорную трубу на землю.

– А мне вот необходимо говорить.

– Ну, и не стесняйся. Болтай себе, сколько душе угодно.

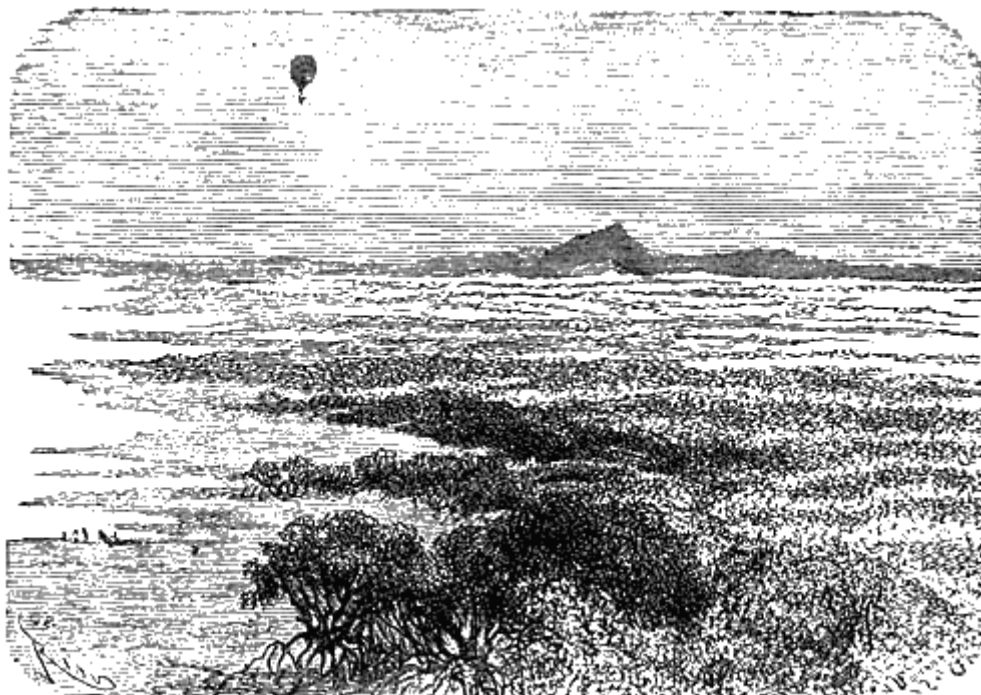
И Джо разразился бурей восторженных возгласов. При перелете через пролив доктор решил держаться все на той же высоте, чтобы видеть берег на большом протяжении. Он беспрестанно смотрел на термометр и барометр, висевшие под полуспущенным тентом. Второй барометр, прикрепленный снаружи, должен был служить для ночных вахт.

¹⁷ Около пяти сантиметров. На каждые сто метров подъема давление барометра падало на 10 мм.

После двух часов полета «Виктория», подвигаясь со скоростью восьми с лишним миль в час, уже была над материком. Доктор счел нужным снизиться; он уменьшил пламя горелки, и «Виктория» полетела уже всего на высоте трехсот футов над землей.

Эта часть восточного берега Африки называется Мрима. Густая кайма манговых деревьев защищала берег, и благодаря отливу можно было разглядеть их густые корни, подмытые волнами Индийского океана. На горизонте виднелись дюны, прежде составлявшие береговую линию, а на северо-западе возвышалась остроконечная гора Нгуру.

«Виктория» теперь летела над селением Каше, – доктор Нашел его на карте. Туземцы при виде шара яростными криками выражали свой гнев и страх. Они стали пускать стрелы в чудо-вище, парящее в воздухе, но, к счастью, не могли достичь шара, и он величественно раскачивался над головами бессильно беснующихся туземцев.

Ветер относил шар на юг, но это несколько не смущало доктора; он даже был рад, так как это давало ему возможность проследить путь, пройденный капитанами Бёртоном и Спиком.

Кеннеди стал так же болтлив, как и Джо. Оба они обменивались восторженными фразами.

– Долой дилижансы! – восклицал один.

– Долой пароходы! – вторил другой.

– А что такое, спрашивается, по сравнению с этим железные дороги?

– подхватывал Кеннеди. – Едешь ты по ним через разные страны и ровно ничего не видишь!

– То ли дело наша «Виктория»! – вставлял Джо. – Не чувствуешь, что двигаешься. Природа сама разворачивается перед вами.

– А виды-то какие! Виды! На удивление! Один восторг! Кажется, что спишь в гамаке и видишь сон.

– Кстати, не пора ли позавтракать? – вдруг спросил Джо, у которого от пребывания на свежем воздухе разыгрался аппетит.

– Мысль недурная, мой милый, – согласился Фергюссон.

– Приготовить завтрак недолго: сухари да мясные консервы, – заявил Джо.

– И сколько угодно кофе, – добавил доктор. – Знаешь, Джо, я разрешаю тебе занять немного жара у моей горелки: в ней его больше чем достаточно. И можно не бояться пожара.

– А это было бы ужасно! – заметил Кеннеди. – Ведь над нами нечто вроде порохового погреба.

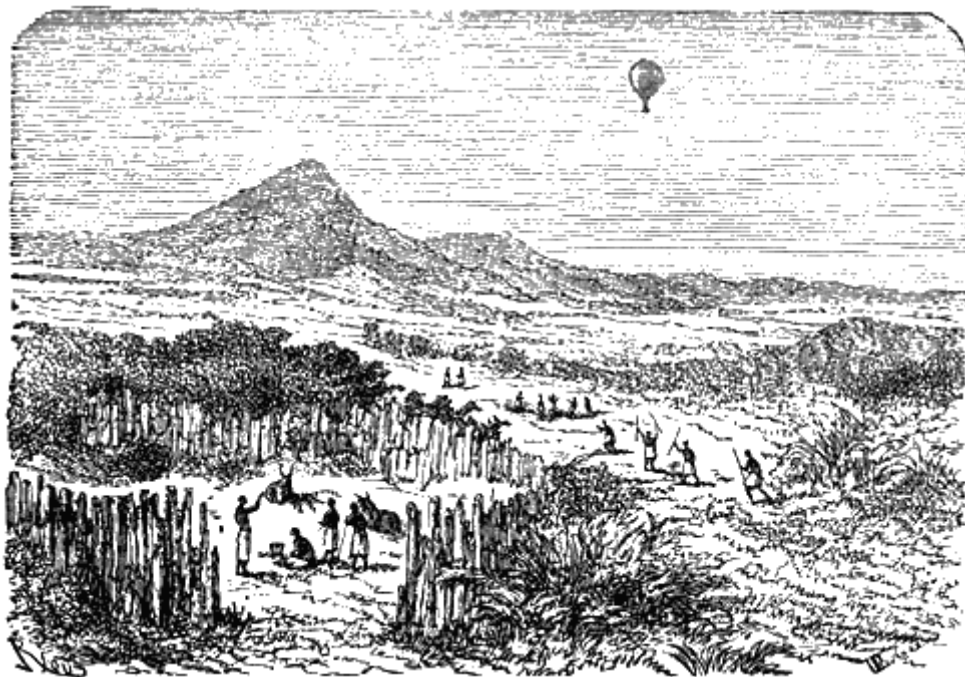
– Не совсем так, – отозвался Фергюссон. – Но тем не менее, если бы газ воспламенился, он понемногу выгорел бы, и мы неизбежно спустились бы на землю, что было бы далеко не приятно. Но не бойтесь! Наш шар закрыт совершенно герметически.

– Ну, так давайте же завтракать, – предложил Кеннеди.

– Завтрак подан, господа, – объявил Джо. – Кушайте, я тоже не буду отставать от вас, но в то же время займусь приготовлением кофе, да такого, что у вас слюнки потекут.

– Что правда, то правда, – подтвердил доктор, – у Джо среди многих его талантов есть один замечательный: умение готовить этот чудесный напиток. Он смешивает кофе каких-то разных сортов, но держит это в строжайшем секрете.

– Так и быть, сэр, раз мы в воздушном пространстве, я уж открою вам свой секрет. Видите ли, я приготавливаю смесь из трех равных частей кофе: мокко, бурбонского и рионуньец.

Через несколько минут появились три дымящиеся чашки кофе, которым и был закончен сытный завтрак, приправленный чудесным настроением его участников. Насытившись, каждый из аэронавтов занял свой наблюдательный пост.

Страна, над которой пролетал шар, была чрезвычайно плодородна. Узкие извилистые тропинки почти терялись под сводами густой зелени; виднелись поля созревшего табака, маиса, ячменя; там и сям мелькали плантации риса с прямыми стеблями и пурпуровыми цветами. В клетках, укрепленных на сваях, можно было разглядеть овец и коз: видимо, их здесь спасали от зубов леопарда. Куда ни посмотришь, всюду из щедрой почвы поднималась роскошнейшая растительность. Поселений было много, и в каждом из них при виде «Виктории» начиналось всеобщее смятение и раздавались вопли. Доктор Фергюссон предусмотрительно держался на такой высоте, куда не могли долететь стрелы. Туземцы, сбившись в кучу у своих близко стоящих друг от друга хижин, долго посылали вслед путешественникам свои бессильные проклятия.

В полдень доктор, взглянув на карту, высказал предположение, что они несутся над страной Узарамо¹⁸. Внизу показались кокосовые пальмы и дынные деревья. Джо подобная растительность ничуть не удивляла: очутившись в Африке, он считал все естественным. Кеннеди попадалось на глаза немало зайцев и перепелок, которые словно ждали его выстрела. Но это было бы бесполезной тратой пороха, ведь дичь невозможно было подобрать.

Воздухоплаватели подвигались со скоростью двенадцати миль в час и вскоре над селением Тунда достигли 38° 20' восточной долготы.

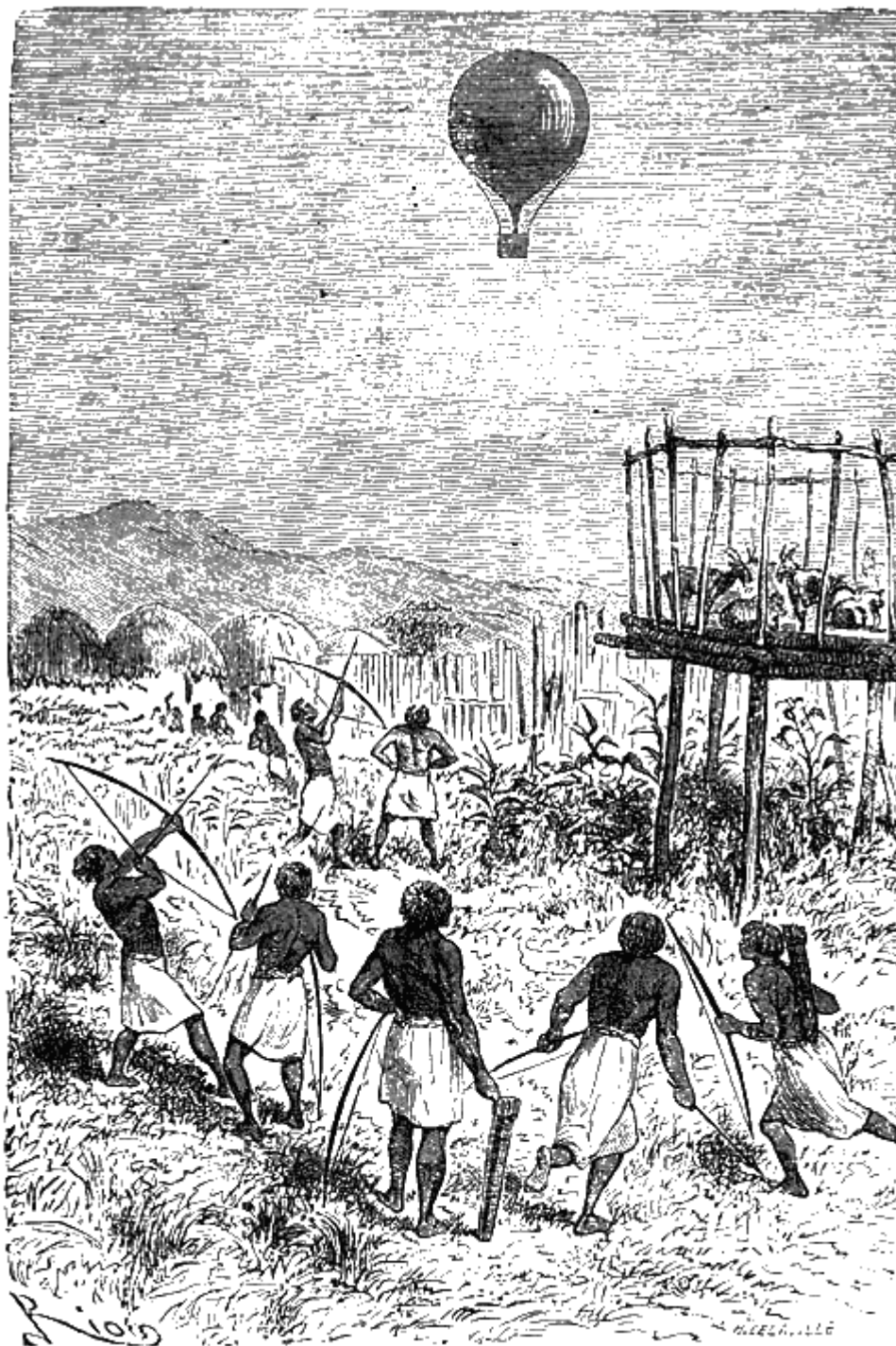
– Вот как раз здесь, – заметил доктор, – Бёртон и Спик заболели сильнейшей лихорадкой и одно время считали свою экспедицию провалившейся. Они совсем еще недалеко отошли от берега, но усталость и лишения уже сильно давали себя чувствовать.

Действительно, в этой местности вечно свирепствует малярия. Чтобы избежать опасности заполучить эту болезнь, доктор решил держаться повыше, над миазмами этой сырой земли, из которой жгучее солнце выкачивает испарения.

Иногда можно было различить караван, – видимо, в ожидании ночной прохлады он отдыхал в «краале», этом обширном пустыре, окруженном изгородью и колючим кустарником, где кочевые купцы находят защиту не только от диких зверей, но и от местных разбойничьих племен. При виде «Виктории» туземцы обыкновенно в панике разбегались. Кеннеди хотел посмот-

¹⁸ «У» на местном языке означает – страна.

реть их поближе, но Самуэль каждый раз восставал против этого.

– У предводителей их имеются мушкеты, – пояснил доктор, – «Виктория», согласись, представляет собой слишком хорошую мишень для их пуль.

– А разве, получив маленькую пробоину, шар упадет? – спросил Джо.

– Положим, сразу он не упадет, но вскоре эта пробоина превратится в большую дыру, через которую и выйдет весь газ.

– Ну, тогда нам надо держаться на почтительном расстоянии от этих разбойников, – заявил Джо. – А интересно знать, что они должны думать, видя нас парящими в воздухе? Пожалуй, они не прочь и поклоняться нам.

– Пусть себе поклоняются, только издали, – отозвался доктор, – это всегда лучше. Но взгляните-ка – вид местности уже меняется. Поселения попадаются реже, а манговые рощи совсем исчезли. На этой широте они уже не растут. Поверхность земли стала холмистой, что говорит о близости гор.

– В самом деле, – согласился Кеннеди, – мне кажется даже, что с той стороны вырисовываются какие-то возвышенности.

– На западе, не так ли? – переспросил доктор. – Это первые отроги горной цепи Уризара. Должна быть видна гора Дутуми, за которой я рассчитываю приземлиться на ночлег. Сейчас я усилию пламя горелки, так как нам нужно держаться на высоте от пятисот до шестисот футов.

– Какая, однако, хитроумная выдумка, сэр, вот эта самая горелка! – воскликнул Джо. – Так просто: взять да и повернуть кран! Никак нельзя сказать, чтобы это было трудно или утомительно!

– Ну, здесь мы уж будем чувствовать себя лучше, – проговорил охотник, когда «Виктория» поднялась, – а то, по правде сказать, отражение солнечных лучей на этом красном песке становилось невыносимо.

– Что за великолепные деревья! – воскликнул Джо. – Хотя это и совершенно естественно здесь, но очень уж красиво! Какой-нибудь десяток таких деревьев – и вот вам целый лес!

– Это баобабы, – объяснил доктор. – Вот, взгляните-ка на то дерево: в нем, наверно, будет футов сто в окружности. Быть может, именно под этим самым баобабом в тысяча восемьсот сорок пятом году и погиб француз Мэзан. Мы как раз над селением Джеламора, куда он отважился отправиться совершенно один. Шейх этой страны схватил несчастного француза и привязал к подножию баобаба; под звуки воинственных песен он медленно перерезал ему сухожилия, начал резать горло, но остановился, чтобы наточить затупившийся нож, потом оторвал голову у несчастного француза еще раньше, чем успел отхватить ее ножом. И, знаете, этому злосчастному Мэзану было всего двадцать шесть лет!

– Неужели Франция не потребовала, чтобы преступление было наказано? – спросил возмущенный Кеннеди.

– Франция-то потребовала, и ее союзник, владетель Занзибара, сделал все, чтобы захватить убийцу, но это ему не удалось.

– Тогда я буду очень просить вас, сэр, не делать здесь остановок, – заявил Джо. – Уж, пожалуйста, послушайте меня, мистер Самуэль: давайте все подниматься, и подниматься ввысь.

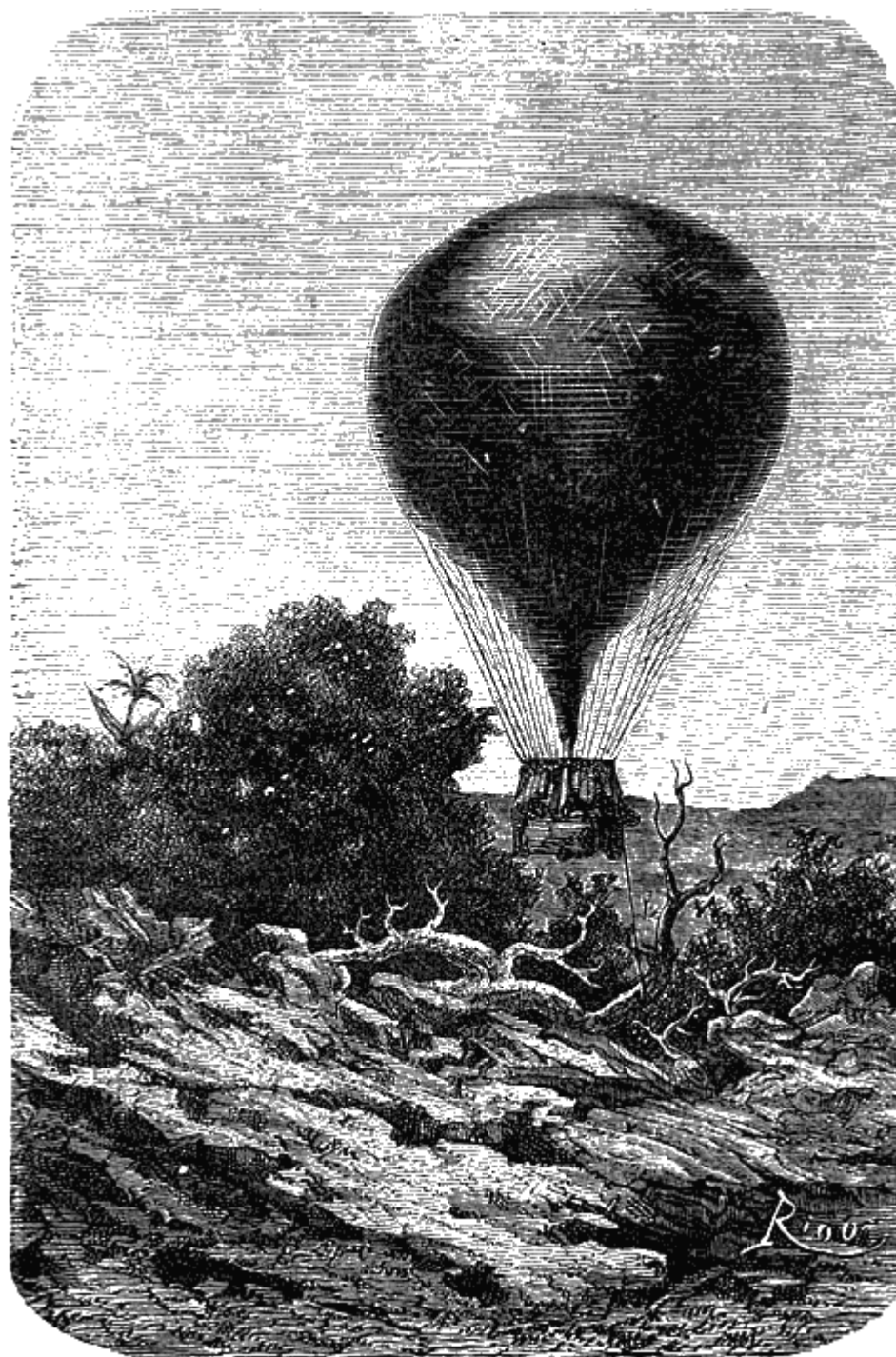
– Тем охотнее, милый Джо, что гора Дутуми уже перед нами. Если мои вычисления верны, то мы раньше семи часов перевалим через нее.

– Что, мы и ночью будем лететь? – спросил охотник.

– По возможности нет, – ответил доктор. – Хотя, принимая все меры предосторожности и будучи начеку, мы и при ночном полете ничем не рисковали бы. Но ведь недостаточно только пролететь над Африкой, надо еще и увидеть ее.

– Пока нам жаловаться на эту самую Африку не приходится, сэр, – заметил Джо. – Какая там пустыня! Самая возделанная, плодородная страна на свете! Вот и верьте после этого географам!

– Подожди, Джо, подожди; посмотрим, что будет дальше, – сказал доктор.

Около шести с половиной часов «Виктория» была уже у горы Дутуми. Чтобы перелететь через нее, надо было подняться больше чем на три тысячи футов, для чего доктору пришлось повысить температуру газа лишь на восемнадцать градусов. Действительно, можно было сказать, что Фергюссон управляет своим шаром Одним мановением руки. Кеннеди указывал ему на препятствия, которых надо было избегать, и «Виктория» неслась над самой горой.

В восемь часов шар, перелетев через гору, начал спускаться над противоположным, более отлогим склоном. Из корзины были выброшены якоря, и один из них зацепился за ветки огромного сикомора. Тут Джо проворно соскользнул вниз по канату и прочно укрепил зацепившийся якорь. Ему спустили шелковую лестницу, и через минуту он уже был снова в корзине. «Виктория», защищенная горой от восточного ветра, была почти неподвижна.

Приготовили ужин, и наши аэронавты, нагулявшие себе аппетит на свежем воздухе, порядочно поубавили свой запас съестного.

– А интересно знать, сколько мы нынче пролетели? – спросил Кеннеди, уписывая такие

куски, что это внушало беспокойство за судьбу взятой провизии.

Доктор сейчас же определил где находится шар, по местоположению луны и по отличной карте, служившей ему путеводителем. Это была немецкая карта его ученого друга Петермана из атласа «Новейшие открытия в Африке», изданного в Готе. Доктор говорил, что атлас будет ему полезен на всех этапах его путешествия: он включал в себя весь маршрут Бёртона и Спика до Великих озер, карту Судана, основанную на данных доктора Барта, карту Нижнего течения Сенегала по Гильому Лежану и дельты Нигера по данным доктора Бейки.

Фергюссон запасся также ученым трудом, в котором были сведены воедино все данные о Ниле, под заглавием: «The sources of the Nile, being a general survey of basin, of that river and of its head stream, with the history of the Nilotic discovery by Charles Beke» (Чарльз Бик, «Истоки Нила – общий обзор бассейна этой реки и ее течения, а также история открытий, сделанных в бассейне Нила»).

У доктора были с собой превосходные карты, напечатанные в «Известиях Лондонского географического общества», и ни один пункт во вновь открытых странах не мог бы ускользнуть от его внимания.

Отметив местонахождение шара на своей карте, доктор нашел, что за день они пролетели к западу примерно сто двадцать миль, то есть продвинулись на два градуса. Кеннеди указал на то, что во время перелета их относил к югу. Но Фергюссон, как уже было сказано раньше, ничего не имел против этого, ибо ему хотелось, насколько возможно, двигаться по следам своих предшественников.

Решено было разделить ночь на три вахты, чтобы каждый из трех аэронавтов бодрствовал в свой черед. Доктору пред стояло нести вахту с девяти часов вечера, Кеннеди – с двенадцати ночи, а Джо с трех часов утра.

Кеннеди и Джо, завернувшись в свои одеяла, улеглись под тентом и мирно заснули, а Фергюссон стал на вахту.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Перемена погоды. – Лихорадка Кеннеди. – Лекарство доктора Фергюссона. – Путешествие по земле. – Бассейн Именго. – Гора Рубека. – На высоте шести тысяч футов. – Привал днем.

Ночь прошла спокойно. Но, проснувшись утром, Кеннеди стал жаловаться на усталость и озноб. Погода изменилась. Небо, покрытое тяжелыми тучами, казалось, грозило потопом. Край Зунгомеро, где они очутились, – унылая местность: здесь дожди льют не переставая, за исключением, быть может, каких-нибудь двух недель в январе.

Вскоре разверзлись хляби небесные и начался ливень. Аэронавты видели, как под ними дороги, и без того заросшие колючим кустарником и гигантскими лианами, сразу стали совсем непроходимыми благодаря мгновенно образовавшимся потокам-«нула», как они зовутся. А в воздухе ясно чувствовались испарения сернистого водорода.

– На это явление обратил уже внимание капитан Бёртон, – заметил доктор. – Можно подумать, говорит он, что здесь за каждым кустом спрятано по труп; и действительно, запах здесь стоит не из приятных.

– В самом деле, скверный край, – заявил Джо. – Вот и мистер Кеннеди после проведенной здесь ночи что-то не очень хорошо себя чувствует.

– Действительно, – согласился охотник, – меня сильно лихорадит.

– Ничего тут нет удивительного, дорогой мой Дик, – отозвался доктор, – мы сейчас находимся в одной из самых нездоровых местностей Африки. Но мы недолго здесь останемся. Ну, в путь-дорогу!

Джо ловко отцепил якорь от сикомора и по шелковой лестнице взобрался в корзину. Доктор зажег горелку, и вскоре «Викторию» снова умчал довольно сильный ветер. Сквозь ужасный туман едва можно было различить несколько хижин. Вид местности менялся. В Африке нередко

бывает, что какой-нибудь небольшой нездоровый район находится в непосредственном соседстве с прекрасной, совершенно здоровой местностью.

Кеннеди, видимо, страдал: лихорадка одолела и его могучий организм.

– Совсем некстати эта болезнь, – проговорил шотландец, заворачиваясь в одеяло и укладываясь под тентом.

– Потерпи немножко, дорогой мой Дик, – старался подбодрить его Фергюссон. – Поверь, ты скоро и думать забудешь о болезни.

– Думать забуду! Когда бы так!.. Послушай, Самуэль, если в твоей походной аптечке имеется какое-нибудь подходящее снадобье, такое, чтобы поставить меня на ноги, давай мне его поскорее. Я проглочу лекарство с закрытыми глазами.

– У меня есть нечто лучшее, чем лекарство, друг мой. Я дам тебе такое противолихорадочное средство, которое ровно никаких денег не стоит.

– Как же ты это сделаешь?

– Да очень просто: мы сейчас поднимемся выше этих туч, не переставая поливать нас дождем, и уйдем из этой зловредной атмосферы. Вот только подожди каких-нибудь десять минут, пока газ расширится.

Не прошло и десяти минут, как аэронавты очутились уже выше влажной зоны.

– Еще немного. Дик, и ты почувствуешь всю силу воздуха и солнца, – продолжал успокаивать доктор своего друга.

– Ну и лекарство! Просто чудеса какие-то! – воскликнул Джо.

– Нет, мой милый, это совершенно естественно, – возразил доктор.

– О! В том, что это естественно, я нисколько не сомневаюсь.

– Видишь ли, Дик, – продолжал доктор, – я посылаю тебя на курорт, на чистый воздух, как постоянно делают с больными в Европе. На Мартинике я послал бы тебя на Питон.

– Тогда, значит, наша «Виктория» – настоящий рай! – проговорил Кеннеди, уже чувствуя себя несколько лучше.

– Во всяком случае, она приведет нас туда, – с серьезным видом заявил Джо.

Удивительную картину представляла в эту минуту масса облаков, скопившаяся внизу, под корзиной шара. Облака эти обгоняли друг друга, смешивались и чудесно сверкали, отражая лучи солнца. «Виктория» поднялась на высоту четырех тысяч футов. Термометр показывал некоторое понижение температуры. Земли не было видно. Милях в пятидесяти на западе сверкала снежная вершина горы Рубехо. Она возвышалась на границе страны Угого под 36° 20' восточной долготы. Ветер дул со скоростью двадцати миль в час, но наши аэронавты совершенно не замечали этого: они не испытывали никаких толчков, не чувствовали даже, что движутся.

Не прошло и трех часов, как уже сбылось предсказание доктора: у Кеннеди озноб как рукой сняло, и он даже с аппетитом позавтракал.

– Да, это будет получше всякого хинина, – с довольным видом сказал Дик.

– Знаете, под старость я непременно переселюсь сюда, – заявил Джо.

Около десяти часов утра атмосфера прояснилась. В облаках образовался просвет, через который снова показалась земля. «Виктория» незаметно снижалась. Доктор Фергюссон начал отыскивать воздушное течение, которое понесло бы их на северо-восток, и нашел его на высоте шестисот футов от земли. Местность становилась холмистой, даже можно сказать – гористой. Край Зунгомеро исчезал на востоке вместе с последними на этой широте кокосовыми пальмами.

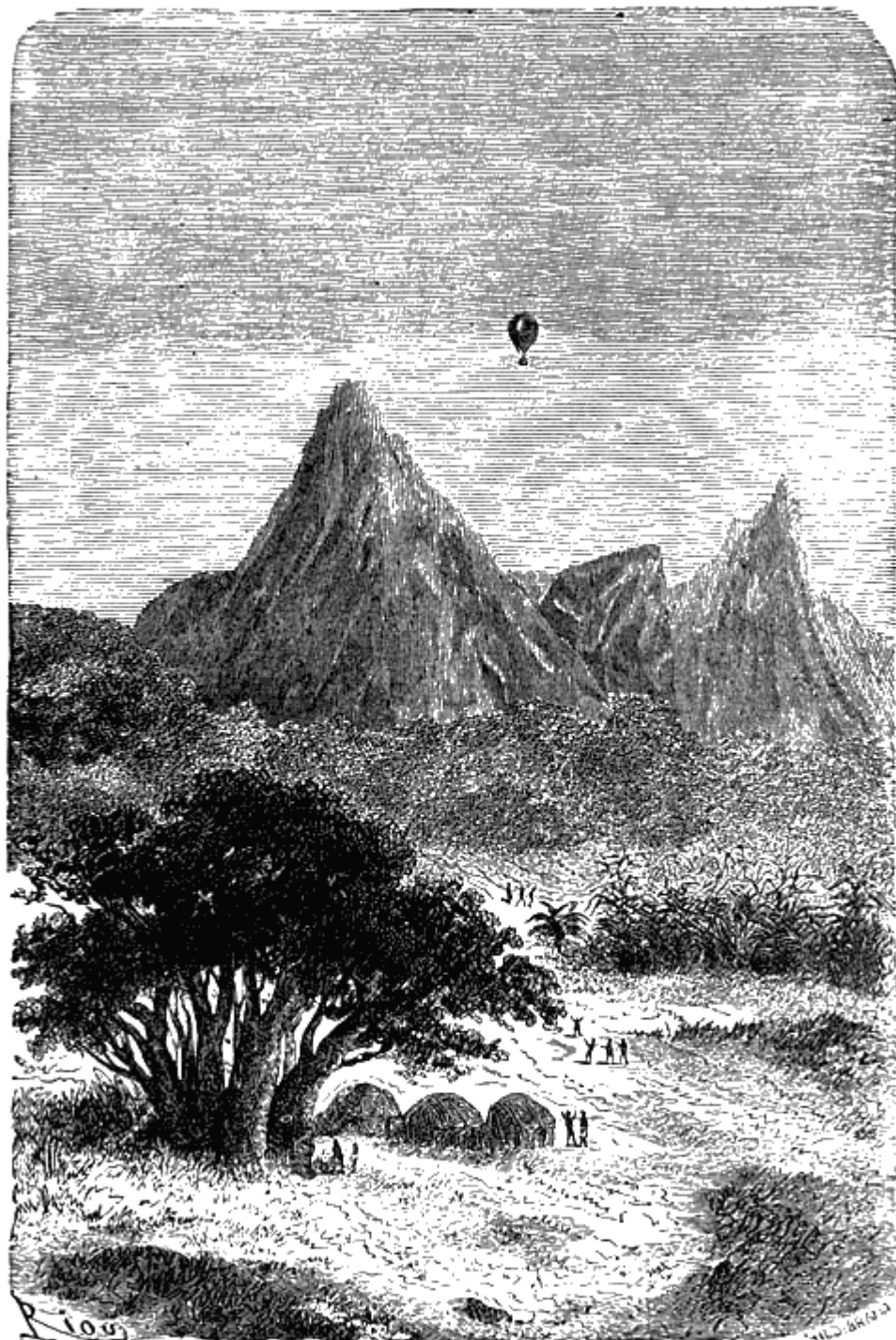
Вскоре горы стали принимать более резкие очертания, то там, то здесь внезапно появлялись острые конусообразные вершины, и надо было очень внимательно следить, чтобы не напороться на одну из них.

– А мы среди довольно-таки опасных скал, – заметил Кеннеди.

– Будь спокоен. Дик: мы их не заденем.

– Но надо же правду сказать: это прекрасный способ путешествовать, – вмешался Джо.

Действительно, доктор управлял своим шаром с удивительным искусством.

– Знаете, если бы нам пришлось идти по этой размытой почве, мы еле тащились бы по грязи, – заговорил Фергюссон, – с момента нашего выхода из Занзибара половина наших вьючных животных уже погибла бы от истощения. Сами мы походили бы на привидения и были бы близки к отчаянию. У нас не прекращались бы столкновения с нашими проводниками и носильщиками, мы немало натерпелись бы от этих необузданно грубых людей. Днем мы страдали бы от убийственной влажной жары, ночью от нестерпимого холода и от москитов, которые могут довести до сумасшествия. От них, надо заметить, не спасает даже самая плотная ткань. Не говорю уже о хищных зверях и диких племенах.

– Не хотел бы я всего этого испытать, – чистосердечно признался Джо.

– И имейте ввиду, что я ничего не преувеличиваю, – продолжал доктор. – Почитали бы вы рассказы путешественников, дерзнувших проникнуть в эти страны... Тут порой от слез не удержишься!

Около одиннадцати часов «Виктория» пронеслась над бассейном Именже. Жители дере-

вень, разбросанных по холмам, тщетно угрожали ей своим оружием. Наконец, аэронавты достигли последних перед горой Рубехо возвышенностей. Это была третья и самая высокая цепь гор Усагара.

Путешественники отдавали себе ясный отчет в рельефе местности. Эти три ответвления, из которых Дугуми предшествует другим, отделены друг от друга обширными продольными долинами; высокие вершины имеют форму закругленных конусов, между которыми почва усеяна эрратическими валунами¹⁹ и галькой. Своими крутыми склонами горы обращены к Занзибару; западные же склоны образуют пологие плато. Низины покрыты слоем плодородного чернозема, одетого пышной растительностью. К востоку бежит несколько речек и ручьев, впадающих в Кингани и окаймленных гигантскими сикоморами, тамариндами, бутылочными тыквами и пальмами.

– Будьте внимательны! – обратился Фергюссон к своим спутникам. – Мы приближаемся к горе Рубехо, что значит на местном языке «Путь ветров». Нам лучше повыше обойти ее остроконечные выступы. Если моя карта верна, то нам следует подняться более чем на пять тысяч футов.

– Скажи, часто придется нам подниматься на такую высоту? – поинтересовался Кеннеди.

– Нет, редко. Африканские горы, по-видимому, вообще ниже гор Европы и Азии, а наша «Виктория» и через те бы перелетела свободно.

Вскоре под влиянием жара горелки воздушный шар стал очень заметно забираться вверх. Но расширение газа не представляло никакой опасности, так как оболочка «Виктории» была наполнена Только на три четверти. Барометр показывал высоту в шесть тысяч футов.

– А как долго смогли бы мы так подниматься? – спросил Джо.

– Земная атмосфера простирается в высоту на шесть тысяч туазов²⁰, – начал объяснять доктор, – на больших воздушных шарах можно подняться высоко. Такой опыт проделали Бриоши и Гей-Люссак, но у них пошла кровь из горла и ушей. Дышать было трудно: наши легкие не приспособлены к такому воздуху. Несколько лет тому назад два смелых француза, Барраль и Биксио, также отважились подняться очень высоко, но в оболочке их шара произошел разрыв...

– И они упали? – с живостью спросил Кеннеди.

– Конечно! Но, как и полагается падать ученым, без всякого вреда для них.

– Ну, господа ученые, если вам охота, то вы и падайте на здоровье, – заявил Джо, – а я как человек необразованный предпочитаю держаться на золотой середине: не очень высоко, не очень низко. Не нужно быть слишком честолюбивым.

На высоте шести тысяч футов воздух заметно поредел, звук здесь передавался слабее и голоса звучали гораздо глуше. Очертания предметов внизу стали менее отчетливыми. Различались лишь контуры больших масс, да и то смутно. Людей и животных совсем нельзя было разглядеть, дороги казались ниточками, а озера – прудами.

Доктор и его спутники чувствовали себя не совсем нормально. Воздушное течение необыкновенной силы несло их над снежными вершинами, на которых с удивлением останавливается взгляд. Хаотический вид этих гор говорил о работе воды в первые времена жизни Земли.

Солнце стояло в зените, и его лучи падали отвесно на пустынные вершины. Доктор сделал точный набросок этих гор, состоящих из четырех горных цепей, расположенных почти по прямой, из которых северная была самой длинной.

Вскоре «Виктория» начала спускаться над противоположным склоном Рубехо, пролетав над темно-зелеными лесами. Появились гребни и лощины, пустынная местность перед страной Угого. Еще ниже потянулись желтые, выжженные солнцем равнины; на них там и сям виднелись чахлая солончаковая растительность и колючий кустарник. Несколько рощ, переходивших в леса, красили горизонт.

¹⁹ Эрратические валуны – огромные камни, занесенные далеко от их месторождения движением ледников.

²⁰ Жюль Верн имеет в виду нижний слой атмосферы, который мы называем сейчас тропосферой. Туаз равен 1,949 м.

Доктор снизился. Джо выбросил якоря, и один из них вскоре зацепился за ветви большого сикомора.

Джо сейчас же соскользнул вниз и тщательно закрепил якорь. Доктор только притушил горелку, желая, чтобы «Виктория» сохраняла свою подъемную силу и держалась в воздухе. Ветер стих почти сразу.

– А теперь, дорогой Дик, вынимай-ка свои два ружья, – сказал Фергюссон, – одно для себя, а другое-для Джо, и постарайтесь принести на обед несколько вкусных кусочков антилопы.

– На охоту! – с восторгом закричал Кеннеди.

Шотландец перелез через борт корзины и стал по ветвям спускаться на землю, куда уже успел скатиться ловкий, проворный Джо, который ждал его, потягиваясь. Доктор, ввиду того что с уходом его спутников нагрузка шара уменьшилась, совсем потушил горелку.

– Смотрите, сэр, не улетите! – закричал ему Джо.

– Не беспокойся, друг мой, наша «Виктория» держится крепко, и я займусь приведением в порядок своих заметок. Счастливой охоты, и будьте осторожны. Впрочем, с моего поста я буду наблюдать за тем, что происходит вокруг, и в случае чего выстрелю из карабина. Это будет условным сигналом для сбора.

– Ладно, – ответил Охотник.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Лес камедных деревьев. – Голубая антилопа. – Сигнал к сбору. – Неожиданное нападение. – Каньенье. – Ночь в воздухе. – Мабунгуру. – Жигуэ-ла-Мкоа. – Запас воды. – Прибытие в Казех.

Бесплодная местность с потрескавшейся глинистой почвой казалась пустынной. Там и сям виднелись следы караванов – белые кости людей и животных, наполовину истлевшие и превратившиеся в прах.

После получасовой ходьбы Дик и Джо, насторожившись и держа ружья наготове, вошли в лес камедных деревьев. Мало ли на кого здесь натолкнешься. Надо сказать, что Джо, не будучи заправским стрелком, неплохо умел обращаться с огнестрельным оружием.

– Пройтись-то недурно, мистер Дик, но почва что-то уж очень неудобна, – проговорил Джо, спотыкаясь о разбросанный повсюду кварц.

Кеннеди сделал знак своему спутнику помолчать и остановиться.

Надо было обходиться без собаки, а Джо при всем своем проворстве таким чутьем, каким отличается легавая или борзая, не обладал.

Из луж, оставшихся в русле высохшего ручья, пило воду с десятков антилоп. Грациозные животные, чуя опасность, казалось, были в беспокойном состоянии. После каждого глотка они быстро поднимали свои красивые головы и подвижными ноздрями втягивали воздух.

Джо замер на месте, а Кеннеди, обойдя несколько густых деревьев, приблизился к антилопам на ружейный выстрел и нажал курок. В мгновение ока стадо исчезло, но одна антилопа, раненная в плечо, осталась на месте. Кеннеди бросился к своей добыче.

Это была так называемая голубая антилопа, великолепное животное серо-голубоватого цвета, с белыми как снег животом и ножками.

– Удачный выстрел! – воскликнул охотник. – Это, знаешь, Джо, очень редкая порода антилоп. Надеюсь, что мне удастся выделать ее кожу так, чтобы она сохранилась.

– Да неужели, мистер Дик, вы думаете это сделать?

– Конечно! Посмотри только, какая дивная шкурка!

– Доктор Фергюссон никогда не согласится взять лишний груз.

– Ты прав, Джо, но обидно бросить целиком такое великолепное животное.

– Зачем целиком, мистер Дик? Мы вырежем из него лучшие куски для еды, и, с вашего позволения, я сделаю это не хуже, чем старшина почтенной лондонской корпорации мясников.

– Если хочешь, займись этим, друг мой. Однако ты должен знать, что меня как охотника так же мало затруднило бы содрать шкуру с дичи, как и убить ее.

– Не сомневаюсь в этом, мистер Дик. И уверен, что устроить очаг из трех камней вам тоже ничего не будет стоить. Кругом сухого дерева сколько угодно, а мне через каких-нибудь несколько минут понадобятся ваши раскаленные уголья.

– Ну, что ж, за этим дело не станет, – отозвался Кеннеди и сейчас же принялся за сооружение очага. Через несколько минут в нем уже пылал огонь.

Джо вырезал из туши антилопы с дюжину отбивных котлет, а также самые нежные куски филе, и все это не замедлило превратиться в очень вкусное жаркое.

– Вот это, наверно, доставит удовольствие другу Фергюссону, – заметил Дик.

– Знаете, о чем я думаю, мистер Дик?

– Должно быть, о том, что ты сейчас делаешь, – о своих бифштексах?

– Совсем нет. Я думал о том, в каком положении очутились бы мы, если б не нашли «Викторию».

– Вот так фантазия! Что же, по-твоему, доктор может нас здесь бросить?

– Нет! Но если б якорь вдруг оторвался...

– Это невозможно. Но допустим даже, что подобное и случилось бы: разве наш Самуэль не сумел бы снова спуститься? Ведь он мастерски управляет своим шаром.

– А если б ветер унес его и доктор не смог бы вернуться к нам?

– Оставь свои предположения, Джо: в них мало приятного.

– Дх, сэр, все, что случается на свете, естественно. Значит, все может случиться и все надо предвидеть... В этот момент раздался выстрел.

– Ого! – вырвалось у Джо.

– Это мой карабин. Я узнаю его звук, – проговорил Кеннеди.

– Сигнал, значит.

– Видно, нам угрожает опасность.

– А может быть, ему самому что-нибудь грозит, – с беспокойством сказал Джо.

– Идем...

Охотники, наскоро подобрав свои трофеи, бросились по пройденной уже дороге, руководясь зарубками, сделанными Кеннеди на деревьях.

За лесом они не могли видеть «Викторию», но она, должно быть, находилась недалеко от них. Раздался второй выстрел.

– Надо торопиться, – промолвил Джо.

– Вот еще один выстрел!

– Похоже на то, что ему приходится защищаться.

– Ну, так бежим же...

И оба донесли со всех ног. Добежав до опушки леса, они увидели «Викторию» на прежнем месте, а доктора – в корзине.

– В чем же дело? – с удивлением проговорил Кеннеди.

– Боже мой! – закричал Джо.

– Что ты видишь?

– Наш шар осаждают целая ватага негров! В самом деле, милях в двух от них, вокруг сикомора скакало и вопило, делая ужасные гримасы, до тридцати каких-то существ. Некоторые из них уже успели взобраться на дерево и были на самых верхних его ветвях. Опасность казалась неотвратимой.

– Погиб мой доктор! – с отчаянием воскликнул Джо.

– Ну, друг мой, будь хладнокровнее и целйся как можно вернее, – сказал шотландец. – Уж четырех из них мы с тобой непременно должны уложить. Вперед же!

С необыкновенной быстротой они пробежали с милую, когда из корзины раздался новый выстрел. Он свалил большого дьявола, уже взбиравшегося по якорному канату.

Безжизненное тело покатилося с ветки на ветку и, наконец, раскачиваясь, повисло футах в двадцати от земли, руки и ноги болтались в воздухе.

– Черт побери! Чем же, спрашивается, держится эта скотина? – проговорил, останавливаясь, Джо.

– Совсем это неважно. Бежим же, бежим! – торопил охотник.

– Ах, мистер Кеннеди! – закричал, громко хохоча, Джо. – Представьте себе, держится-то он хвостом! Собственным хвостом! Ведь это обезьяна! Подумайте! Это только обезьяны!

– Во всяком случае, это лучше, чем люди, – отозвался Кеннеди, бросаясь в гущу орущей и вопящей ватаги.

Это были павианы, опасная и свирепая порода обезьян с отвратительными собачьими мордами. Несколько ружейных выстрелов быстро разогнали эту кривляющуюся орду, и она разбежалась, оставив на земле немало убитых.

Миг – и Кеннеди взбирается по шелковой лестнице в корзину, а Джо на сикоморе отцепляет якорь. Еще миг – шар опускается, и Джо уже сидит в корзине с Фергюссоном и его другом.

Несколько минут спустя «Виктория» поднялась в воздух, и умеренный ветер понес ее к востоку...

– Вот так нападение! – проговорил Джо.

– Сначала, Самуэль, мы думали, что тебя осаждают негры, – прибавил Кеннеди.

– К счастью, это были только обезьяны, – ответил Фергюссон.

– Издали разница не велика.

– Да и вблизи не так уж велика.

– Как бы то ни было, это нападение обезьян могло иметь самые серьезные последствия. Если бы от их усердного дерганья якорь отцепился, неизвестно, куда мог занести меня ветер.

– Помните, что я вам говорил, мистер Кеннеди?

– Ты был прав, Джо, но в это время ты как раз готовил свои бифштексы, и они возбудили у меня такой аппетит.

– Еще бы, – заметил доктор, – ведь мясо антилопы превосходно.

– Вы, сэр, сможете сейчас же в этом убедиться: стол уже накрыт.

– Клянусь, у этой дичи совсем неплохой запах, приправленный дымком! – провозгласил охотник.

– Я до конца своих дней с удовольствием питался бы мясом антилопы, запивая его для пищеварения стаканом грога, – с полным ртом проговорил Джо. И он сейчас же принялся готовить грог.

– Пока все идет довольно хорошо, – заявил он.

– Даже очень хорошо, – поправил его Кеннеди.

– Ну, скажите по правде, мистер Кеннеди, разве вы жалеете, что отправились с нами?

– Хотел бы я видеть, кто посмел бы меня удержать! – с решительным видом ответил охотник.

Было четыре часа дня. «Виктория» попала в более быстрое воздушное течение. Местность незаметно повышалась, и скоро барометр уже показывал высоту в тысячу пятьсот футов над уровнем моря. Доктору нужно было для поддержания шара на этой высоте довольно сильно расширять объем газа, и горелка все время работала без перерыва.

Около семи часов «Виктория» уже парила над бассейном Каньенье. Доктор сейчас же узнал этот прекрасно возделанный край с его поселениями, тонущими среди баобабов и тыквенников. Здесь же находилась столица одного из султанов страны Угого, может быть менее дикой, чем другие страны Африки: здесь торговля членами собственной семьи – более редкое явление; все же скотина и люди живут вместе в круглых хижинах, напоминающих стоги сена.

После Каньенье почва опять стала каменистой и бесплодной, но спустя какой-нибудь час, неподалеку от Мабунгуру, показалась плодоносная ложбина, где растительность снова развернулась во всей своей красе. К вечеру ветер стал спадать, и воздух, казалось, погрузился в сон.

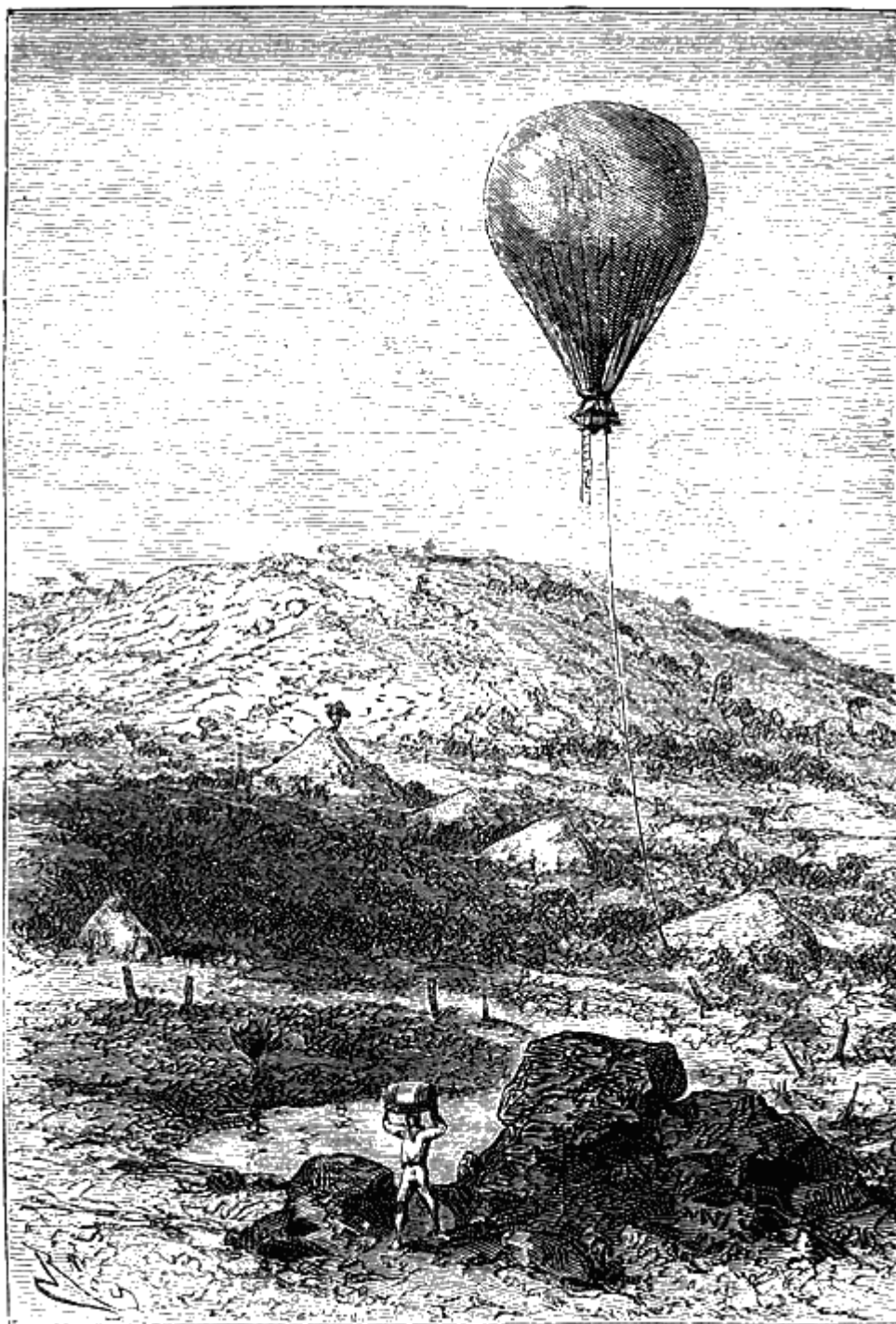
Тщетно искал доктор воздушных течений. Наконец, убедившись, что в природе царит полнейшее спокойствие, он решил заночевать в воздухе и для большей безопасности поднялся на высоту около тысячи футов. Здесь «Виктория» повисла неподвижно. Среди полнейшей тишины настала чудесная звездная ночь...

Дик и Джо мирно улеглись на свои постели и заснули крепким сном, в то время как доктор нес вахту. В полночь его сменил шотландец.

– Смотри же, в случае чего разбуди меня, – наказал ему Фергюссон. – Главное, не спускай глаз с барометра – это ведь наш компас.

Ночь была холодная. Разница между дневной и ночной температурой доходила до 27°.

С наступлением темноты начался ночной концерт зверей; голод и жажда гнали их из берлог. Слышалось сопрано лягушек, которому вторило завывание шакалов; внушительные басы львов дополняли этот живой оркестр.

Утром, принимая вахту от Джо, доктор Фергюссон посмотрел на компас и увидел, что направление ветра изменилось. За последние два часа «Викторию» отнесло приблизительно миль на тридцать к северо-востоку. Сейчас она неслась над каменистой страной Мабунгуру, усеянной как бы отполированными глыбами сиенита и закругленными утесами. Земля здесь вся ошетилилась конусообразными скалами, походившими на гробницы друидов. Множество ске-

летов буйволов и слонов белело там и сям. Деревьев было мало, за исключением восточной стороны, где поселения едва проглядывали среди дремучих лесов.

Около семи часов утра показалась большая, до двух миль в окружности, скала, напоминавшая огромную черепаху.

– Мы на верном пути, – объявил Фергюссон. – Вон Жигуэла-Мкоа. Мы сделаем там остановку на несколько минут. Я хочу возобновить запас воды для горелки. Попробуем где-нибудь зацепиться.

– Что-то здесь мало деревьев, – заметил охотник.

– Все-таки попробуем. Джо, брось-ка якоря, – приказал доктор.

Понемногу теряя подъемную силу, шар снизился. Якоря болтались; лапа одного из них застряла в расщелине скалы, и «Виктория» остановилась.

Ошибочно было бы думать, что доктор во время остановки мог совсем тушить свою горелку. Условия равновесия шара были высчитаны по уровню моря; местность же все время поднималась, и, находясь на высоте от шестисот до семисот футов, шар стремился бы опуститься ниже; следовательно, надо было постоянно поддерживать его, несколько подогревая газ. Только в том случае, если бы доктор, при полном отсутствии ветра, давал корзине стоять на земле, шар, освобожденный от значительной части своей нагрузки, мог бы держаться в воздухе без помощи горелки.

Судя по карте, у западного склона Жигуэ-ла-Мкоа были обширные болота. И вот Джо отправился туда один, с бочонком вместимостью до десяти галлонов. Он без труда нашел воду около небольшого покинутого селения, запасся ею и вернулся, не проходив и трех четвертей часа. Дорогой он не заметил ничего особенного, кроме громадных ловушек для слонов, причем едва сам не попал в одну из них, где лежал полуизглоданный остов слона.

Из своей экскурсии Джо принес плоды вроде кизила, – их на его глазах с наслаждением уписывали обезьяны. Доктор признал в них плоды мбенбу – дерева, очень распространенного по западному склону Жигуэ-ла-Мкоа. Фергюссон с большим нетерпением ожидал возвращения Джо, ведь даже непродолжительная остановка в этой негостеприимной стране внушала ему опасения.

Вода была погружена без всяких затруднений, так как корзина была почти у земли. Джо отцепил якорь и в один миг очутился подле доктора. Фергюссон сейчас же усилил огонь в горелке, и «Виктория» снова понеслась по своему воздушному пути.

Аэронавты теперь находились милях в ста от Казеха – важного пункта Центральной Африки, куда благодаря юго-восточному течению они надеялись долететь в этот же день. Неслись они со скоростью четырнадцати миль в час. Управлять шаром было трудновато. Нельзя было подняться высоко, не расширяя значительно газа, ибо местность, над которой они летели, была в среднем на высоте трех тысяч футов над уровнем моря. Вообще же Фергюссон предпочитал не очень расширять газ. Он ловко обходил изгибы довольно крутых склонов гор и совсем низко пролетел над селениями Тембо и Тура-Вэльс. Последние из этих двух селений находится уже и Уньямвези – чудесном крае, где растения достигают огромных размеров, в особенности кактусы.

Около двух часов дня, при великолепной погоде, под палящими лучами солнца, вызвавшими полнейшую тишину в воздухе, «Виктория» уже парила над Казехом, находящимся в трехстах пятидесяти милях от побережья.

– Мы вылетели из Занзибара в девять часов утра, – проговорил доктор Фергюссон, просматривая свои записи, – и вот за два дня, считая все наши отклонения, мы прошли около пятисот географических миль. А капитанам Бёртону и Спику на прохождение этого самого пути понадобилось целых четыре с половиной месяца;

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Казех. – Шумный базар. – Появление «Виктории». – Ванганги-колдуны. – Сыновья Луны. – Посещение доктором Фергюссоном больного султана. – Население. – «Тембе» – дворец

султана. – Его жены. – Султан– пьяница. – Обоготворение Джо. – Как танцуют на Луне. – Настроение изменилось. – Две луны на небосклоне. – Непрочность божественного величия.

Казех, являясь важным пунктом Центральной Африки, в сущности не представляет собой города. Надо сказать, что в этом крае вообще городов и не существует. Казех раскинут в шести обширных ложбинах. Здесь разбросаны хижины и шалаши невольников, окруженные двориками и хорошо возделанными садами. Тут великолепно растут лук, картофель, кабачки, тыквы и превкусные шампиньоны. Область Уньямвези, лучшая часть Лунной страны, – так сказать, великолепный плодородный парк Африки. В центре области находится округ Уньяньбэ, чудесная местность, где беспечно живут несколько чисто арабских семейств – омани.

Эти люди с давних пор ведут торговлю в центре Африки и в Аравии. Торгуют они камедью, слоновой костью, набивными бумажными тканями и невольниками. Караваны их не перестают тянуться по всем экваториальным странам; доходят они и до побережья, доставляя оттуда предметы роскоши для своих разбогатевших хозяев-купцов, Окруженные своими женами и слугами, богачи-омани ведут жизнь самую бездеятельную, так сказать «горизонтальную», – лежат, болтают, курят или спят.

Вокруг этих цветущих ложбин разбросаны многочисленные хижины туземцев, раскинулись огромные площади для базаров, зеленеют поля конопли и дурмана, растут великолепные деревья, дающие прохладную тень. Это и есть Казех.

Здесь главное место встреч караванов: одни привозят сюда с юга невольников и слоновую кость, другие доставляют с запада племенам, живущим вокруг Великих озер, хлопок и мелкие изделия из стекла.

Потому-то на здешних базарах – речная суматоха и невообразимый шум. Крики носкльщиков-метисов, бой барабанов, звук труб, ржание мулов, рев ослов, пение женщин, писк детей, удары трости жемадара (начальника каравана), словно отбивающие такт в этой «пасторальной симфонии», – все сливается в единый непрекращающийся гул.

Здесь без всякого порядка, а вернее сказать – в живописном беспорядке, навалены и яркие материи, и бисер, и слоновая кость, и бивни носорога, и зубы акул, и мед, и табак, и хлопок. Здесь заключаются самые удивительные сделки, ибо цена каждого предмета определяется исключительно вождением, которое он вызывает у покупателя.

Вся эта суеда, все движение, весь шум сразу стихли, когда на небе появилась «Виктория». Величественно паря в воздухе, она постепенно, почти вертикально стала снижаться. В один миг мужчины, женщины, дети, невольники, купцы, арабы и негры исчезли с площади и забились в свои хижины.

– Знаешь, дорогой Самуэль, – заметил Кеннеди, – если мы и дальше будем производить такой же фурор своим появлением, то нам трудно будет завязать какие-либо торговые сношения с местными жителями.

– А между тем здесь можно было бы совершить очень простую коммерческую сделку, – вмешался Джо. – Взять бы да и спуститься спокойно на эту базарную площадь и, не обращая ни малейшего внимания на купцов, забрать самые ценные товары! Да, так, пожалуй, можно было бы сразу разбогатеть.

– Ну, это не так легко, – возразил доктор. – С перепугу все разбежались, но, поверь, они не замедлят вернуться из суеверия или любопытства.

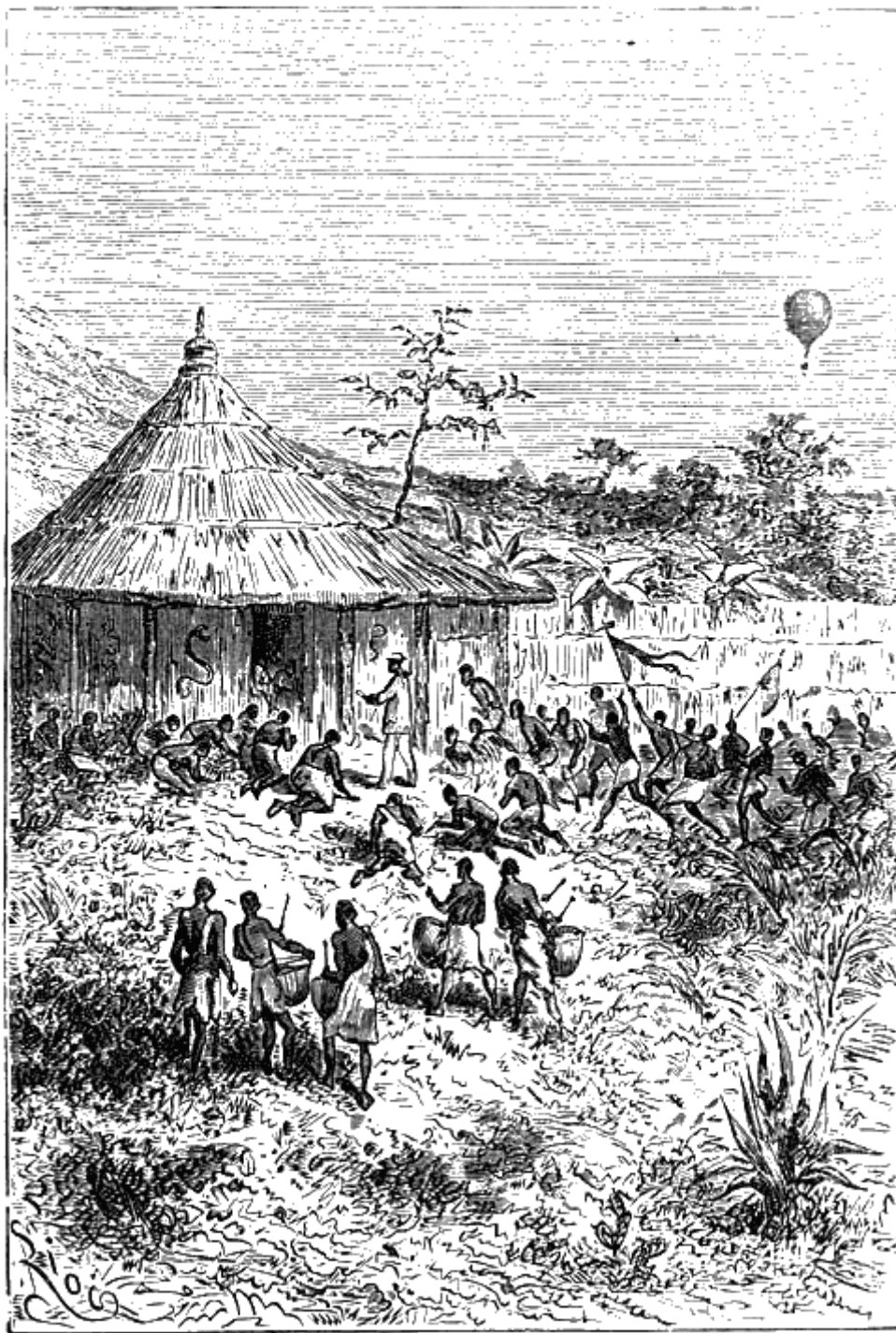
– Вы так думаете, сэр?

– Вот увидим! Во всяком случае, благоразумно будет не слишком к ним приближаться: ведь «Виктория» наша – шар не бронированный, а значит, ей опасны и пуля и стрела.

– А ты, Самуэль, намерен войти в переговоры с этими африканцами?

– спросил Кеннеди.

– А почему бы и нет, если это окажется возможным? – ответил доктор. – Мне кажется, здесь можно встретить арабских купцов, довольно цивилизованные Помнится, что Бёртон и Спик не могли нахвалиться гостеприимством жителей Казеха. Надо и нам попытаться завязать с ними дружбу.

Снизившись мало-помалу, «Виктория» зацепилась одним якорем за верхние ветви дерева, росшего вблизи базарной площади. Тут все население, сперва осторожно высунув головы из своих убежищ, высыпало на площадь. Несколько вангангов-колдунов (их можно было узнать по знакам отличия – украшениям из раковин конической формы) смело выступило вперед. У поясов их виднелись черные фляжки из тыквы, вымазанные салом, и различные, весьма грязные на вид предметы для колдовства.

Вокруг вангангов стала понемногу собираться толпа: среди нее было много женщин и детей. Забили барабаны, причем каждый старался заглушить все остальные. И вот присутствующие захлопали в ладоши и воздели руки к небу...

– Это их способ молиться, – пояснил доктор. – Если не ошибаюсь, нам предстоит сыграть здесь большую роль.

– Ну и прекрасно, сэр, так разыгрывайте ее.

– Дай сам ты, мой милый Джо, быть может, станешь божеством.

– Что же, меня это ничуть не смутит, сэр: если мне будут кадить, это даже доставит мне удовольствие.

Один из колдунов сделал жест рукой. Мгновенно шум и крики замерли, и водворилась глубочайшая тишина. Колдун обратился к путешественникам с несколькими словами на неизвестном языке.

Ровно ничего не поняв из сказанного, доктор Фергюссон бросил наудачу несколько слов по-арабски и тотчас же получил ответ на том же языке.

Оратор-колдун произнес очень длинную цветистую речь, выслушанную с полным вниманием. Доктору очень скоро стало ясно, что «Викторию» принимали не больше не меньше как за Луну и что в этой стране, любимой солнцем, никогда не забудется та честь, которую оказала высокочтимая богиня Луна, посетившая город вместе со своими тремя сынами.

Доктор с большим достоинством провозгласил, что Луна каждую тысячу лет делает обход своих владений, чувствуя потребность поближе показать себя своим поклонникам, и потому он просит не стесняться, а воспользоваться присутствием богини для того, чтобы сообщить ей о своих нуждах и пожеланиях.

Колдун на это ответил, что султан Мвани много лет уж хворает и нуждается в небесной помощи, поэтому он приглашает сынов Луны посетить больного повелителя.

Доктор тотчас же сообщил об этом приглашении своим спутникам.

– И ты думаешь отправиться к этому негритянскому царьку? – спросил охотник.

– Конечно. Люди эти мне кажутся настроенными доброжелательно. В воздухе полная тишина, и за «Викторию» нам бояться не приходится.

– Но что же ты там будешь делать?

– Не беспокойся, дорогой Дик, я кое-что понимаю в медицине и уж как-нибудь справлюсь. Затем, обращаясь к толпе, Фергюссон заявил: – Луна, сжалившись над владыкой, столь дорогим сынам Уньямвези, велела нам позаботиться о его выздоровлении. Пусть же султан готовится нас встретить.

Восторженные крики и пение возобновились с большей силой, и весь этот муравейник зашевелился.

– А теперь, друзья мои, – сказал Фергюссон, – на всякий случай надо все предусмотреть. Может наступить момент, когда мы будем вынуждены как можно скорее улететь отсюда. Поэтому, Дик, оставайся в корзине и с помощью горелки поддерживай достаточную подъемную силу шара. Якорь держится крепко, и за него бояться нечего. Я сейчас сойду на землю. Джо спустится со мной и останется у лестницы.

– Как, ты отправишься один к этому черномазому? – с беспокойством проговорил Кеннеди.

– Неужели, мистер Самуэль, вы не хотите, чтобы я сопровождал вас?

– воскликнул Джо.

– Нет, не хочу: я пойду один. Эти милые люди воображают, что сама великая богиня явилась к ним в гости: я нахожусь под защитой суеверия. Итак, ничего не бойтесь и оставайтесь оба на указанных мною постах.

– Что делать, раз ты так хочешь... – отозвался охотник.

– Следи же, Дик, за расширением газа.

– Будь покоен, Самуэль.

Крики туземцев делались все громче, они с жаром взывали к небесной помощи.

– Слышите, слышите! – воскликнул Джо. – Они, по-моему, что-то уж очень дерзко ведут себя со своей богиней Луной и ее божественными сынами.

Доктор, захватив с собой дорожную аптечку, спустился на землю следом за Джо, который величественно, как и полагалось сыну Луны, уселся у самой лестницы, поджав под себя ноги по-арабски. Часть толпы с благоговением окружила его.

В это время доктор Фергюссон, сопровождаемый музыкой и религиозной пляской, медленно подвигался к «тембе» – дворцу султана, находящемуся довольно далеко от базара. Было около трех часов пополудни, и солнце сияло вовсю. Да оно и не могло вести себя иначе при та-

ких обстоятельствах.

Доктор выступал очень торжественно. Вокруг него шли ванганги, сдерживая толпу. Вскоре навстречу Фергюссону вышел довольно красивый юноша, побочный сын султана, по обычаю этой страны – единственный наследник всех богатств отца в обход законных детей. Юноша распростерся перед сыном Луны, а тот грациозным жестом поднял его.

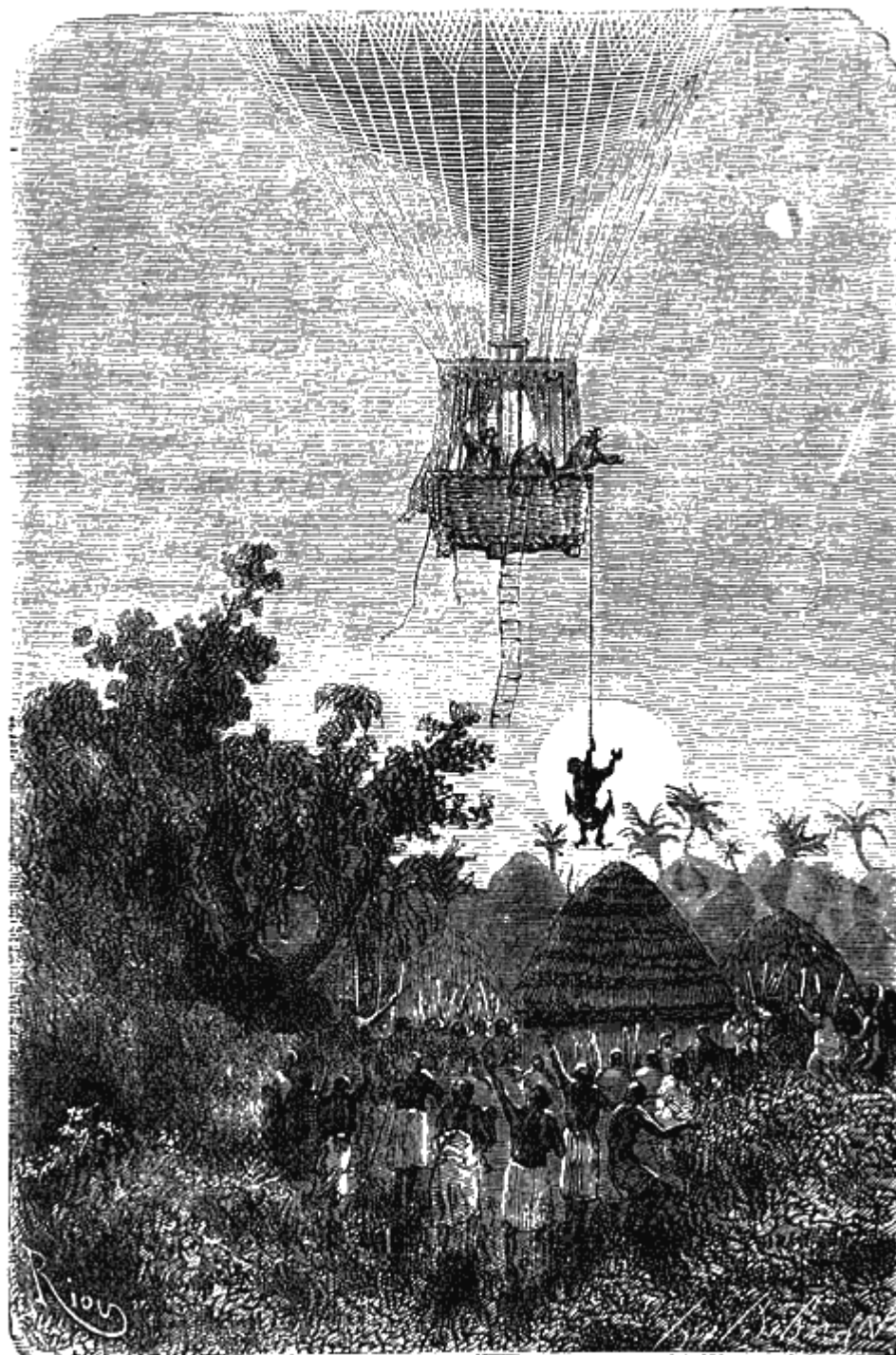
Через три четверти часа ходьбы по тенистым дорожкам, среди роскошной тропической растительности, процессия, охваченная воодушевлением, приблизилась к дворцу султана, квадратному зданию, которое называлось «Ититения» и было расположено на склоне холма. Выступы его соломенной крыши, опиравшиеся на украшенные резьбой деревянные столбы, образовали своего рода веранду. Стены дворца были покрыты изображениями людей и змей, сделанными из красноватой глины, причем, конечно, более натурально выглядели змеи. Крыша этого жилища не опиралась непосредственно на стены, так что воздух свободно проникал в него. Окон не было, только маленькая дверь.

Доктора Фергюссона встретили с большим почетом стража и любимцы султана. Это все были красивые, хорошо сложенные, сильные и здоровые представители племени ваньямвези. Волосы их, заплетенные во множество косичек, спадали на плечи. Щеки от дисков до рта были татуированы черными и голубыми полосками. На уродливо оттянутых ушах висели деревянные кружочки и пластинки из копаловой камеди. Одеты были они в бумажные ярко раскрашенные ткани. У воинов были копья, луки с зубчатыми, отравленными соком молочая стрелами, кортики, «симы», то есть длинные зазубренные, как пила, сабли, и маленькие топорики.

Доктор вошел во дворец. Здесь, несмотря на болезнь султана, стоял страшный шум. При появлении доктора шум этот еще больше усилился. Фергюссону бросилось в глаза, что на прилолке были навешаны заячьи хвосты и гривы зебр, – очевидно, они служили талисманами.

Доктор был встречен толпой жен султана под гармонические звуки «упату» – род цимбал, сделанных из дна медного котелка, – и под грохот «килиндо» – огромного барабана, вышиной в пять футов, выдолбленного в стволе дерева. По этому барабану изо всех сил колотили кулаками два виртуоза. Большинство жен султана показались доктору очень красивыми. Они смеялись и курили табак из больших черных трубок. Длинные платья грациозными складками драпировали их стройные фигуры. Поверх платьев они носили «кильт» – короткие юбки из волокна бутылочной тыквы. Шесть жен, стоявших поодаль, были не менее веселы, чем остальные, хотя в будущем их ждали ужасные мучения. По смерти султана они будут закопаны живыми вместе с трупом царственного супруга, дабы они могли развлекать его и в месте вечного упокоения.

Доктор Фергюссон, окинув взглядом всю эту картину, подошел к деревянной кровати монарха. Он увидел человека лет сорока, совершенно отупевшего от злоупотребления спиртными напитками и всяких других излишеств. Помочь ему было, конечно, невозможно. Эта так называемая болезнь была не что иное, как беспросыпное пьянство. Царственный пьяница находился уже почти без сознания, и никаким нашатырным спиртом его уже нельзя было бы привести в себя. Во время торжественного приема любимцы и жены султана, склонившись, стояли на коленях. Доктор влил в рот монарха несколько капель сильно возбуждающего лекарства и оживил на минуту бесчувственное тело. Султан сделал слабое движение, а так как он уже несколько часов казался трупом, то это проявление жизни вызвало восторженные крики в честь целителя.

Фергюссон, видя, что ему здесь делать больше нечего, решительным движением отстранил от себя своих слишком восторженных поклонников, вышел из дворца и направился к «Виктории». Было шесть часов вечера.

Между тем Джо спокойно ждал возвращения доктора, сидя внизу лестницы. Собравшаяся вокруг него толпа всячески выражала ему почтение, а он, как настоящий сын Луны, спокойно принимал эту дань. Для божества он, пожалуй, был простоват. Держал он себя совсем не гордо и даже любезничал с молодыми африканками, а те просто не могли на него наглядеться.

– Поклоняйтесь, милые девушки, поклоняйтесь, – говорил Джо, – я добрый малый, хоть и сын богини.

Ему преподнесли дары, которые обыкновенно складывают в «мциму» – хижины, где помещаются идолы. Дары эти состояли из ячменя, и «помбе» – нечто вроде крепкого пива. Джо счел нужным отведать этот напиток, но для его нёба, хоть и привычного к вину и виски, он оказался слишком крепким. Он состроил ужасную гримасу, которую толпа приняла за любезную

улыбку. Затем молодые девушки, затянув монотонную мелодию, исполнили вокруг него какой-то степенный танец.

– Ах, вы танцуете! – воскликнул Джо. – Хорошо же! Я не останусь в долгу перед вами и сейчас покажу вам, как пляшут у нас на родине.

И Джо пустился в головокружительную джигу. Чего только не выкидывал он – и извивался, и сгибался, и вытягивался, откалывал удивительные коленца, размахивал руками, принимал невероятнейшие позы, строил невозможные гримасы... Словом, он дал туземцам самое удивительное представление о том, как танцуют боги на Луне.

И вот африканцы, переимчивые, как обезьяны, стали воспроизводить все его прыжки, ужимки, гримасы. Ни один жест Джо не ускользнул от их внимания, ни одной его позы они не забыли. Началась такая кутерьма, все вошло в такой азарт, какого и описать невозможно. В самый разгар веселья Джо вдруг заметил доктора.

Фергюссон поспешно возвращался среди злобно орущей толпы. Колдуны и вожди, казалось, были в очень возбужденном состоянии. Доктора со всех сторон окружила толпа: она теснила его, угрожала...

«Странная перемена! Что же могло произойти? Не окончил ли султан свои дни на руках небесного целителя? Уж это было бы некстати», – пронеслось в голове шотландца.

Кеннеди со своего поста видел опасность, но не понимал ее причины. Воздушный шар, сильно раздутый газом, натягивал удерживающий его канат, как бы нетерпеливо порываясь подняться ввысь.

Но вот Фергюссон уже у лестницы. Суеверный страх все еще сдерживает толпу и не дает ей совершить над ним какое-нибудь насилие. Доктор быстро поднимается по лестнице, за ним несется Джо.

– Нельзя терять ни минуты, – говорит ему Фергюссон, – не пробуй отцепить якорь. Мы сейчас перерубим канат. Скорей за мной!

– Но в чем же дело? – спрашивает Джо, влезая в корзину.

– Что случилось? – допрашивает Кеннеди, держа карабин наготове.

– Смотрите, – ответил доктор, указывая на горизонт.

– Ну, и что же? – в недоумении возразил охотник.

– Луна!

В самом деле, луна, красная и великолепная, поднималась по темной лазури в виде огненного шара. Конечно, это была настоящая луна. И это значило, что либо на свете две луны, либо чужеземцы-плуты, каверзники и поддельные боги...

Естественно, что подобные мысли возникли в умах окружающих. Этим и объяснялась перемена в настроении толпы. Джо не мог не расхохотаться.

Толпа, понимая, что добыча ускользает из ее рук, завопила; луки и мушкеты нацеливались на «Викторию».

Но один из колдунов махнул рукой, воины опустили оружие. Колдун полез на дерево, очевидно намереваясь ухватиться за канат и притянуть шар к земле. Джо кинулся с топором в руках.

– Рубить, что ли? – спросил он.

– Обожди! – ответил доктор. – Быть может, нам удастся спасти якорь, а я ведь очень дорожу им. Канаты всегда успеем перерубить.

Колдун, взобравшись на дерево, умудрился, сломав несколько веток, отцепить якорь. Освобожденный шар мгновенно взвился вверх, захватив якорем колдуна, и злосчастный негр совершенно неожиданно понесся верхом на этом крылатом коне в воздушное пространство...

Изумление толпы, когда она увидела, что один из ее вангангов уносится в воздух, не поддается описанию.

– Ура! – закричал Джо, в то время как «Виктория» благодаря своей большой подъемной силе быстро поднималась вверх.

– Он держится крепко, – проговорил Кеннеди, и небольшое путешествие, конечно, не повредит ему.

– Что же, мы сбросим этого негра? – спросил Джо.

– Что ты! – отозвался доктор. – Мы преспокойно опустим его на землю, и, думается мне, что после подобного приключения его влияние как колдуна среди его соплеменников чрезвычайно возрастет.

– Пожалуй, они даже сделают из него бога! – воскликнул Джо. – С них станется!

«Виктория» была уже на высоте почти тысячи футов. Негр с отчаянной энергией вцепился в канат. Он молчал, глаза его были устремлены в одну точку. К его ужасу примешивалось удивление. Легкий западный ветер уносил «Викторию» от Казеха. Прошло полчаса. Доктор, заметив, что местность под ними совершенно пустынна, уменьшил пламя горелки и снизился. Футах в двадцати от земли негр решился спрыгнуть. Он упал на ноги и опрометью пустился бежать к Казеху, а «Виктория», освобожденная от лишнего груза, снова стала подниматься.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Приближение грозы. – Лунная страна. – Будущее африканского континента. – Машина и светопредставление. – Вид местности при закате солнца. – Флора и фауна. – Гроза. – Зона огня. – Звездное небо.

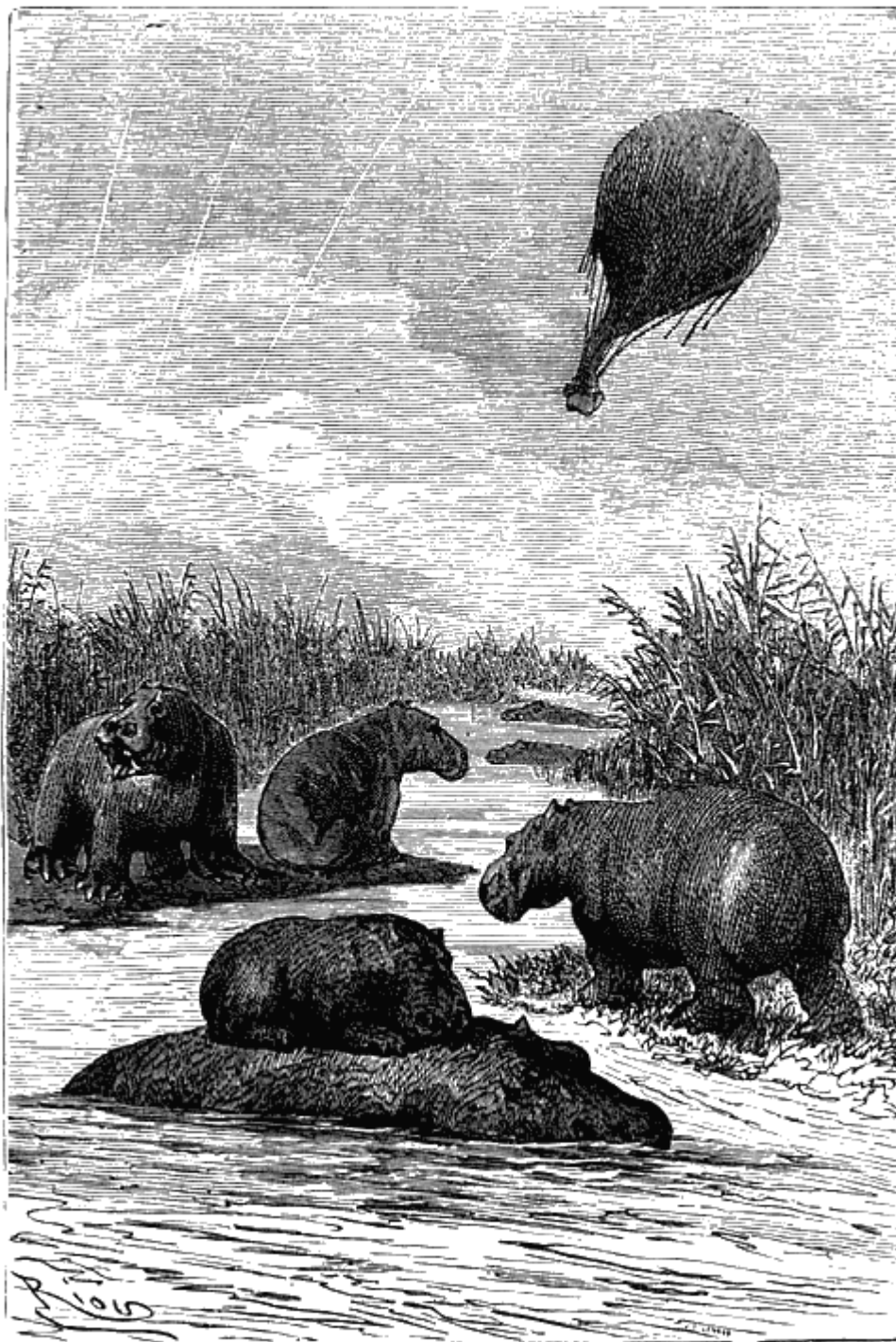
– Вот что значит стать сынами Луны без ее позволения, – заговорил Джо. – Ведь эта спутница Земли могла сегодня сыграть с нами преплохую шутку. А вы, сэр, своим лечением не подорвали ее славы?

– В самом деле, что с ним, с этим казахским султаном? – вмешался охотник.

– Сорокалетний полумертвый пьяница, – ответил доктор. – Плакать по нем вряд ли кто-нибудь станет. Из этого приключения следует сделать вывод, что почести и слава мимолетны и не надо ими слишком увлекаться.

– Тем хуже! – воскликнул Джо. – Мне, правду сказать, это было по душе. Подумать только! Тебе поклоняются, ты разыгрываешь бога... А тут вдруг появляется луна, да еще вся красная, как будто она действительно разозлилась...

Так болтал Джо, рассматривая ночное светило с совершенно новой точки зрения; а в это время небо на севере стало завлакиваться густыми, зловещими тучами. Довольно сильный ветер на высоте трехсот метров над землей гнал «Викторию» на северо-северо-восток. Небесный свод над нею был ясен, но почему-то казался тяжелым.

Около восьми часов вечера наши аэронавты находились на $32^{\circ} 40'$ восточной долготы и $4^{\circ} 17'$ южной широты. Под влиянием надвигавшейся грозы воздушное течение несло их со скоростью тридцати пяти миль в час. Под ними быстро проносились волнистые плодородные равнины Мфуто. Эта картина была так живописна, что нельзя было ею не восхищаться.

— Мы сейчас в центре Лунной страны, — заметил доктор Фергюссон. — Ведь эти места сохранили и поныне свое древнее название, должно быть, потому что во все времена здесь обоготворяли Луну. Действительно, чудесная страна! Трудно где-нибудь встретить более роскошную растительность!

— Хорошо бы перенести ее под Лондон, это было бы не естественно, но очень приятно, — заметил Джо. — Почему вся эта красота досталась таким диким, варварским странам?

— А кто может поручиться, — возразил доктор, — что со временем эта страна не станет центром цивилизации? Может быть, в будущем, когда в Европе земля истощится и перестанет питать население, народы устремятся сюда.

– Ты полагаешь? – спросил Кеннеди.

– Конечно, дорогой Дик. Проследи за общим ходом событий, вспомни о переселениях народов, и ты придешь к тому же выводу. Азия – первая кормилица мира, не правда ли? Четыре тысячи лет, быть может, она творит, оплодотворяется, производит, а затем, когда лишь камни усеивают землю там, где раньше колосились золотые гомеровские нивы, ее дети покидают ее истощенное и увядшее лоно. И вот мы видим, что они устремляются в Европу, юную и мощную, она питает их две тысячи лет. Но и здесь плодородие уже идет на убыль с каждым днем. Новые болезни, что ни год поражающие растительность, скудные урожаи, недостаточные ресурсы – все это признак угасания жизненной силы, неминуемого опустошения. И мы видим, что народы бросаются на обильную грудь Америки, как на источник, который, может быть, нельзя назвать неиссякаемым, но который пока еще не иссяк. И этот новый континент в свою очередь станет старым; его девственные леса будут вырублены для нужд промышленности; почва, слишком много производившая, потому что с нее слишком много требовали, обессилеет; там, где каждый год снимали два урожая, теперь с трудом получают с истощенной земли один. И вот Африка предложит новым расам сокровища, веками накапливавшиеся в ее лоне. Севооборот и осушка болотистых местностей оздоровят вредный для европейцев климат, рассеянные по стране водные пути соединятся в общем русле и образуют судоходную артерию. И эта страна, над которой мы парим, более плодородная, более богатая, более жизнеспособная, чем другие, станет великой страной, где будут сделаны еще более удивительные открытия, чем пар и электричество.

– Ах, доктор, – сказал Джо, – как бы хотелось все это увидеть своими глазами.

– Ты слишком рано родился, милый мой.

– Между прочим, – сказал Кеннеди, – это будет, пожалуй, скучнейшая эпоха, когда промышленность поглотит все и вся. Человек до тех пор будет изобретать машины, пока машина не пожрет человека. Я всегда представлял себе, что светопреставление будет тогда, когда какой-нибудь гигантский котел, нагретый до трех миллиардов атмосфер, взорвет наш земной шар.

– Прибавлю, – сказал Джо, – что в работе над машиной не последнюю роль сыграют американцы.

– Да, – ответил доктор, – по части котлов они мастера! Но не будем забираться в такие дебри, давайте полюбуемся этими Лунными землями, раз нам посчастливилось их увидеть.

Солнце, прорываясь сквозь гряды туч, золотило своими последними лучами землю; потоки света изливались на гигантские деревья, на древовидные папоротники, на стелющийся мох. Волнистая поверхность почвы там и сям поднималась в виде холмов, гор на горизонте не было видно. Среди непроходимых зарослей стлались поляны, тянулись колючие живые изгороди, а на полянах были рассеяны многочисленные селенья, окруженные как бы природными крепостными стенами из колоссального молочая и кораллообразных кустов.

Вскоре среди роскошной зелени зазмеилась Малагараси – самая большая река из питающих озеро Танганьiku. В нее вливаются многочисленные потоки, которые берут начало в прудах, образовавшихся в глинистом слое почвы, или ручьях, вздувшихся во время половодья. Аэронавтам вся западная часть страны рисовалась в виде какой-то сети водопадов.

На роскошных лугах пасся скот: животные с огромными горбами почти тонули в высокой траве. Благоухающие леса казались гигантскими букетами, но в этих букетах спасались от дневного зноя львы, леопарды, гиены, тигры. Порой слон раскачивал верхушки деревьев, и слышался треск ломаемых его клыками стволов.

– Вот так страна для охоты! – с восторгом воскликнул Кеннеди. – Я уверен, что пуля, пущенная в лес наудачу, не может не найти себе достойной дичи. А скажи-ка, Самуэль, не попробовать ли здесь поохотиться?

– Нельзя, дорогой Дик: надвигается ночь, и ночь жуткая, с ней идет гроза. А грозы ужасны в этих местах, представляющих собой как бы гигантскую электрическую батарею.

– Ваша правда, сэр, – вмешался Джо. – Стало страшно душно, ветер совсем спал, чувствуешь, как что-то надвигается.

– Да, воздух насыщен электричеством, – ответил доктор, – и всякое живое существо ощущает состояние воздуха перед борьбой стихий. Я, лично, признаться, никогда до сих пор не чув-

ствовал этого с такой силой.

– Ну, а не думаешь ли ты, друг мой, что нам следовало бы спуститься? – проговорил охотник.

– Наоборот, Дик, я предпочел бы подняться выше. Одного только боюсь: как бы скрестившиеся воздушные течения не отбросили нас от намеченного маршрута.

– Разве ты, Самуэль, хочешь изменить направление, по которому мы летели до сих пор от побережья?

– Видишь ли, Дик, если бы это мне удалось, я охотно продвинулся бы прямо к северу на семь или восемь градусов и попробовал бы добраться до тех широт, где, как предполагают, находятся истоки Нила. Быть может, нам удалось бы увидеть там какие-нибудь следы экспедиции капитана Спика или, пожалуй, даже самый караван Хейглина. Если только мои вычисления верны, то мы сейчас находимся на тридцать втором градусе сороковой минуте восточной долготы, и мне хотелось бы подняться выше экватора.

– Погляди-ка! – кричал Кеннеди, прерывая своего друга. – Погляди на этих гиппопотамов, вылезающих из прудов. Это просто какие-то груды живого мяса... А вон те крокодилы... С каким шумом вбирают они в себя воздух!

– Они словно задыхаются, – заметил Джо. – А до чего же хорош наш способ путешествовать: с каким презрением можем мы смотреть отсюда на всех этих злых гадов!.. Мистер Самуэль! Мистер Кеннеди! Посмотрите-ка вон на ту стаю зверей, движущихся тесными рядами. Их будет, пожалуй, штук двести. По-моему, это волки.

– Нет, Джо, это дикие собаки. И представь себе, до чего они отважны: не боятся нападать даже на львов. Для путешественника не может быть ничего опаснее такой встречи: он будет немедленно растерзан на куски.

– Ну, в таком случае не Джо возьмется надеть на них намордники, но если эта свирепость у них в натуре, их и винить нельзя, что с них возьмешь!

С надвигающейся грозой мало-помалу все замерло. Казалось, сгущенная атмосфера, точно подбитая ватой, потеряла способность передавать звуки. Птицы – журавли, красные и синие сойки, пересмешники, мухоловки – прятались в густую листву больших деревьев. Во всей природе чувствовалось приближение взрыва.

В девять часов вечера «Виктория» неподвижно повисла над районом Мсене – скоплением множества селений, едва различимых во мраке. Порой какой-нибудь прорвавшийся луч света, отражаясь в темной воде, освещал правильно проведенные каналы и силуэты мрачных, неподвижных пальм, тамариндов, сикоморов и гигантского молочая...

– Я просто задыхаюсь, – заявил шотландец, втягивая всей грудью возможно больше разреженного воздуха. – Мы, по-видимому, совсем не движемся. Что же, будем спускаться, Самуэль?

– Но ведь гроза приближается. Дик, – ответил с беспокойством доктор.

– Если ты боишься быть унесенным ветром, то, мне кажется, нам ничего и не остается, как приземлиться, – возразил шотландец.

– Быть может, гроза еще и не разразится этой ночью, тучи ведь очень высоки, – вмешался Джо.

– Вот именно это и удерживает меня от подъема выше туч, – ответил фергюссон. – Пришлось бы подняться очень высоко, потерять из виду землю и быть в полной неизвестности, движемся ли мы вообще, а если движемся, то куда нас несет.

– Решай же поскорее, дорогой Самуэль, время не терпит, – настаивал Дик.

– Как жаль, что спал ветер, – заметил Джо, – он унес бы нас от грозы.

– Да, очень жаль, друзья мои, – проговорил Фергюссон, – ибо тучи представляют для нас большую опасность. Они ведь несут с собой ветры противоположных направлений, которые могут в своем вихре захватить нашу «Викторию», они несут молнии, способные испепелить нас. С другой стороны, если мы приземлимся и закрепим якорь за верхушку какого-нибудь дерева, шквал может легко бросить нас на землю.

– Что же нам делать?

– Надо держаться в средней зоне между опасностями, которыми грозят нам земля и небо. К счастью, у нас достаточно воды для горелки, да к тому же нетронутые двести фунтов балласта. В случае надобности я могу им воспользоваться.

– Мы будем нести вахту с тобой, – заявил охотник.

– Нет, друзья мои. Спрячьте провизию и ложитесь спать. Если понадобится, я вас разбужу.

– Но не лучше ли было бы, сэр, вам сейчас отдохнуть, пока ничто еще нам не угрожает?

– Нет, спасибо, милый Джо, я предпочитаю бодрствовать. Мы сейчас не движемся, и если обстоятельства не изменятся, то завтра мы будем находиться на этом же самом месте.

– Спокойной ночи, сэр.

– Спокойной ночи, если это возможно.

Кеннеди и Джо, завернувшись в свои одеяла, улеглись, а доктор остался на посту.

Между тем громада туч мало-помалу опускалась, и становилось все темнее. Мрачный небесный свод навис над землей, точно собираясь раздавить ее. Вдруг ослепительная, страшной силы молния прорезала темноту. Не успел погаснуть ее отблеск, как ужасающий удар грома потряс небо... – Вставайте! – крикнул Фергюссон.

Спавшие путешественники, разбуженные невероятным шумом, вскочили и стояли наготове, чтобы исполнять приказания доктора.

– Мы спускаемся, Самуэль? – спросил Кеннеди.

– Нет, шар внизу не выдержит. Надо подняться, прежде чем из туч хлынет ливень и на нас обрушится вихрь. Говоря это, Фергюссон усилил пламя горелки. Тропические грозы разыгрываются с быстротой, не уступающей их силе. Вторая молния прорезала тучи, и за ней сейчас же одна за другой засверкали еще двадцать. Все небо было в полосах от электрических искр, трещавших под крупными каплями дождя.

– Мы опоздали, – проговорил доктор, – и теперь придется на нашем шаре, который наполнен легко воспламеняющимся газом, пронестись через огненную зону.

– Тогда на землю! На землю! – настаивал Кеннеди.

– Но мы и там рискуем быть взорванными, да к тому же, снизившись, можем напороться на ветви деревьев, – возразил Фергюссон.

– Ну, так давайте же подниматься, мистер Самуэль, – сказал Джо.

– Скорее! Скорее! – кричал шотландец. В этой части Африки во время тропических гроз нередко можно насчитать до тридцати – тридцати пяти молний в минуту. Небо буквально охвачено огнем, а раскаты грома сливаются один с другим.

В этой раскаленной атмосфере свирепствовал с ужасающей силой ветер. Он крутил охваченные пламенем тучи. Казалось, что какой-то гигантский вентилятор раздувает весь этот пожар... Фергюссон поддерживал в горелке наибольшую температуру. Шар раздувался и шел вверх. Стоя на коленях в центре корзины, Кеннеди удерживал края тента. Шар вертелся, раскачивался, доводя аэронавтов до головокружения. В оболочке его образовались большие впадины, в них врывался ветер, и шелковая тафта под его напором гудела. Град с оглушительным шумом рассекал воздух и барабанил по «Виктории». Но, несмотря на все, она продолжала подниматься и подниматься. Молнии чертили вокруг нее пламенные зигзаги. Она была среди огня.

– Нам остается поручить себя богу: мы в его руках. Он один может нас спасти. Приготовимся ко всему, даже к пожару, – проговорил Фергюссон. – Может быть, мы будем падать не очень стремительно.

Слова доктора едва долетали до ушей его спутников, но они ясно видели при свете сверкающих молний его спокойное лицо. Он наблюдал явления фосфоресценции, производимые

электрическими огоньками, блуждавшими на сетке аэростата. «Виктория» продолжала кружиться и раскачиваться, все поднимаясь и поднимаясь ввысь. Через четверть часа она уже вышла из зоны грозových туч. Электрические разряды происходили уже ниже «Виктории» и образовали как бы огромную корону из фейерверков, подвешенную под ее корзиной.

Это было, одно из самых красивых зрелищ, какие природа может дать человеку. Внизу гроза, а наверху звездное небо – спокойное, молчаливое, невозмутимое, с луной, мирно изливающей свои лучи на разъяренные тучи... Доктор взглянул на барометр. Он показывал высоту в двенадцать тысяч футов. Было одиннадцать часов вечера.

– Опасность, слава богу, миновала, – проговорил доктор. – Нам нужно только держаться на этой высоте.

– А было страшно, – признался Кеннеди.

– Э, какое там! – отозвался Джо. – По крайней мере что-то новое. Я ничего не имею против того, чтобы поглядеть на грозу сверху. Что и говорить, – красивая картина!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Лунные горы. – Океан зелени. – Попытки стать на якорь. – У слона на буксире. – Продолжительная пальба. – Гибель толстокожего животного. – Печь на лоне природы. – Ночной привал. – Ночь на земле.

На следующее утро солнце показалось над горизонтом около шести часов. Тучи рассеялись. Дул свежий утренний ветерок. Путешественники снова увидели благоухавшую после грозы землю. «Виктория», кружась среди противоположных воздушных течений, оставалась почти на том же месте. Доктор, уменьшив количество газа, заставил свой шар снизиться, чтобы поискать среди воздушных течений северное. Долго его попытки оставались тщетными. Ветер все нес шар к западу, и вот на голубоватом горизонте стали вырисовываться Лунные горы, расположенные полукругом у озера Танганьики. Горы эти были естественной крепостью, преграждавшей путь исследователям Центральной Африки. На некоторых конических вершинах лежали вечные снега.

– Вот мы в совсем неисследованном крае, – объявил доктор. – Капитан Бёртон хотя и далеко продвинулся на запад, но не смог достичь этих знаменитых гор. Он даже отрицал самое их существование и уверял своего спутника. Спика, что Лунные горы – лишь плод его фантазии. Для нас же, друзья мои, теперь уже в этом не может быть никаких сомнений!

– Что же, мы будем перелетать через них, Самуэль? – поинтересовался Кеннеди.

– Не хотелось бы мне этого. Я надеюсь отыскать подходящее воздушное течение, которое снова отнесло бы нас к экватору. Я даже буду ждать, если понадобится. Ведь наша «Виктория», как судно, при неблагоприятном ветре может бросить якорь.

Предположения доктора скоро сбылись. Испробовав несколько высот, «Виктория», наконец, направилась с обычной скоростью к северо-востоку.

– Мы попали на очень хорошее течение, – заявил Фергюссон, глядя на компас. – К тому же мы находимся всего в какихнибудь двухстах футах от земли. Все это очень благоприятные условия, чтобы ознакомиться с неизвестными еще областями. Ведь капитан Спик, отправляясь на поиски озера Укерева, поднялся восточнее по прямой линии над Казехом.

– А долго ли нам придется так лететь? – спросил Кеннеди.

– Пожалуй, да. Наша цель – добраться до истоков Нила. Значит, нам нужно пролететь больше шестисот миль, чтобы достигнуть той крайней точки, до которой дошли исследователи, явившиеся с севера.

– Но разве мы не спустимся на землю? Хорошо бы немного поразмять ноги, – сказал Джо.

– В самом деле, придется это сделать, – отозвался доктор. – Нужно бережно относиться к нашей провизии, и ты, милый Дик, должен снабдить нас свежим мясом.

– Как только ты этого пожелаешь, дорогой Самуэль!

– И еще надо возобновить наш запас воды, – добавил доктор. – Кто знает, быть может, мы

попадем в совершенно безводную местность. Никогда не мешает быть предусмотрительным.

В полдень «Виктория» находилась на $29^{\circ} 15'$ восточной долготы и $3^{\circ} 15'$ южной широты. Она пролетала над селением Уйофу – северной границей Уньямвези, на высоте озера Укереве, которого еще не было видно.

Племена, живущие близ экватора, по-видимому, более цивилизованы и управляются царьками, деспотизм которых не знает границ. Наиболее плотным населением отличается провинция Карагва.

Сообща было решено спуститься при первых же благоприятных условиях. Предполагалось сделать продолжительную остановку, во время которой будет произведен тщательный осмотр шара. Притушили пламя горелки, выбросили из корзины якоря, которые скоро стали задевать за высокие травы необозримой степи. С высоты эти травы казались газоном, в действительности же они поднимались на семь-восемь футов от земли.

«Виктория», словно гигантская бабочка, задевала эти травы, не приминая их. Впереди не

было никаких препятствий – один безбрежный океан зелени...

– Мы, пожалуй, так долго будем гоняться за деревом: я ни одного не вижу, – заметил Кеннеди. – Да и на охоту что-то плохая надежда, – прибавил он.

– Обожди, дорогой Дик, все равно ты не мог бы охотиться здесь, где травы выше твоей головы. В конце концов найдем же мы удобное место.

Это была поистине чудесная прогулка, какое-то волшебное плавание по зеленому, словно прозрачному морю, слегка волнуемому ветерком. Корзина «Виктории», как бы оправдывая свое название «гондолы», рассекала эти зеленые волны, откуда порой вылетали, весело крича, целые стаи птиц с восхитительным оперением. Якоря купались в целом море цветов и оставляли после себя борозду, которая быстро стиралась, как след от корабля на волнах.

Вдруг путешественники почувствовали сильный толчок: видимо, якорь зацепился за расщелину какой-либо скалы, скрытой под гигантскими травами.

– Зацепились! – воскликнул Джо.

– Ну, что же! Спускай лестницу! – крикнул охотник.

– Не успели прозвучать эти слова, как в воздухе раздался рев, и из уст путешественников посыпались возгласы удивления.

– Что такое?

– Какой странный крик!

– Представь себе, мы движемся!

– Якорь, значит, оторвался!

– Ну, нет! Он держится, – заявил Джо, попробовав канат.

– Что же это значит? Скала пошла? В траве действительно что-то двигалось, и вскоре из нее показалось нечто продолговатое и извивающееся.

– Змея! – закричал Джо.

– Змея! – повторил Кеннеди, заряжая свой карабин.

– Да нет же – это хобот слона, – возразил доктор.

– Что ты, Самуэль, неужели слон? И Кеннеди стал прицеливаться.

– Обожди, Дик, обожди.

– Подумайте только! Животное взяло нас на буксир и тащит!

– И представь, мой милый Джо, тащит туда, куда нужно, – заявил Фергюссон.

Слон подвигался вперед довольно быстро; вскоре он добрался до лужайки, где его можно было рассмотреть. По его гигантскому росту доктор признал в нем самца прекрасной породы. Его беловатые клыки, удивительно красиво изогнутые, были не меньше восьми футов в длину. Между этими-то клыками и засели крепко-накрепко якорные лапы.

Слон тщетно старался при помощи хобота освободиться от каната, прикрепленного к корзине.

– Вперед! Смелей! – в восторге кричал Джо. – Вот еще один способ путешествовать! В лошадях нет надобности, к вашим услугам – слон.

– Но куда же он нас тащит? – проговорил Кеннеди, вертя в руках свой карабин; его так и подмывало выстрелить.

– Ииенно туда, дорогой Дик, куда нам нужно. Потерпи немного, – успокаивал Фергюссон своего друга.

– *Wig a more, wig a more*, – как говорят шотландские крестьяне. – Вперед! Вперед! – продолжал радостно кричать Джо.

Слон понесся бешеным галопом, размахивая хоботом направо и налево. Каждый его скачок страшно сотрясал корзину «Виктории».

Доктор с топором в руке стоял наготове, собираясь обрубить канат, как только это станет необходимо.

– Но, все-таки нашим якорем мы пожертвуем только в самом крайнем случае, – проговорил он.

Бег на буксире у слона длился уже часа полтора, а слон отнюдь не проявлял никакой усталости. Эти огромные толстокожие животные, так же как и киты, напоминающие их своими раз-

мерами и быстротой движения, могут в одни сутки проделывать громадные расстояния.

– А знаете, – воскликнул Джо, – это все равно что загарпунить кита. Мы подражаем тому, что проделывают китоловы во время ловли.

Однако меняющийся характер местности заставил доктора подумать об ином способе передвижения. Милях в трех, на северной стороне степи, показался густой лес камальдаров. Тут уж появилась необходимость освободить шар от его живого двигателя.

И вот остановить слона было поручено Кеннеди. Тот вскинул на плечо свой карабин и, хотя положение для стрельбы было чрезвычайно неудобно, выстрелил. Но пуля, ударившись о голову слона, сплюснулась, будто попала в железо. Слон при этом не обнаружил ни малейших признаков страха, но после выстрела понесся еще быстрее, словно скаковая лошадь.

– Это какой-то дьявол! – крикнул Кеннеди.

– Ну и крепкая же башка! – промолвил Джо.

– А теперь попробуем-ка всадить в него несколько конических пуль, – проговорил Дик, старательно заряжая карабин, и тут же выстрелил.

Слон страшно заревел и помчался еще быстрее.

– Вижу, мистер Дик, мне надо вам помочь, – сказал Джо, хватаясь за ружье, – а то этому никогда конца не будет... И две пули впились в бока животного.

Слон остановился, поднял хобот и затем снова со всех ног пустился по направлению к лесу. Он мотал своей огромной головой; кровь уже лилась из его ран потоками.

– Давайте еще стрелять, мистер Дик, – предложил Джо.

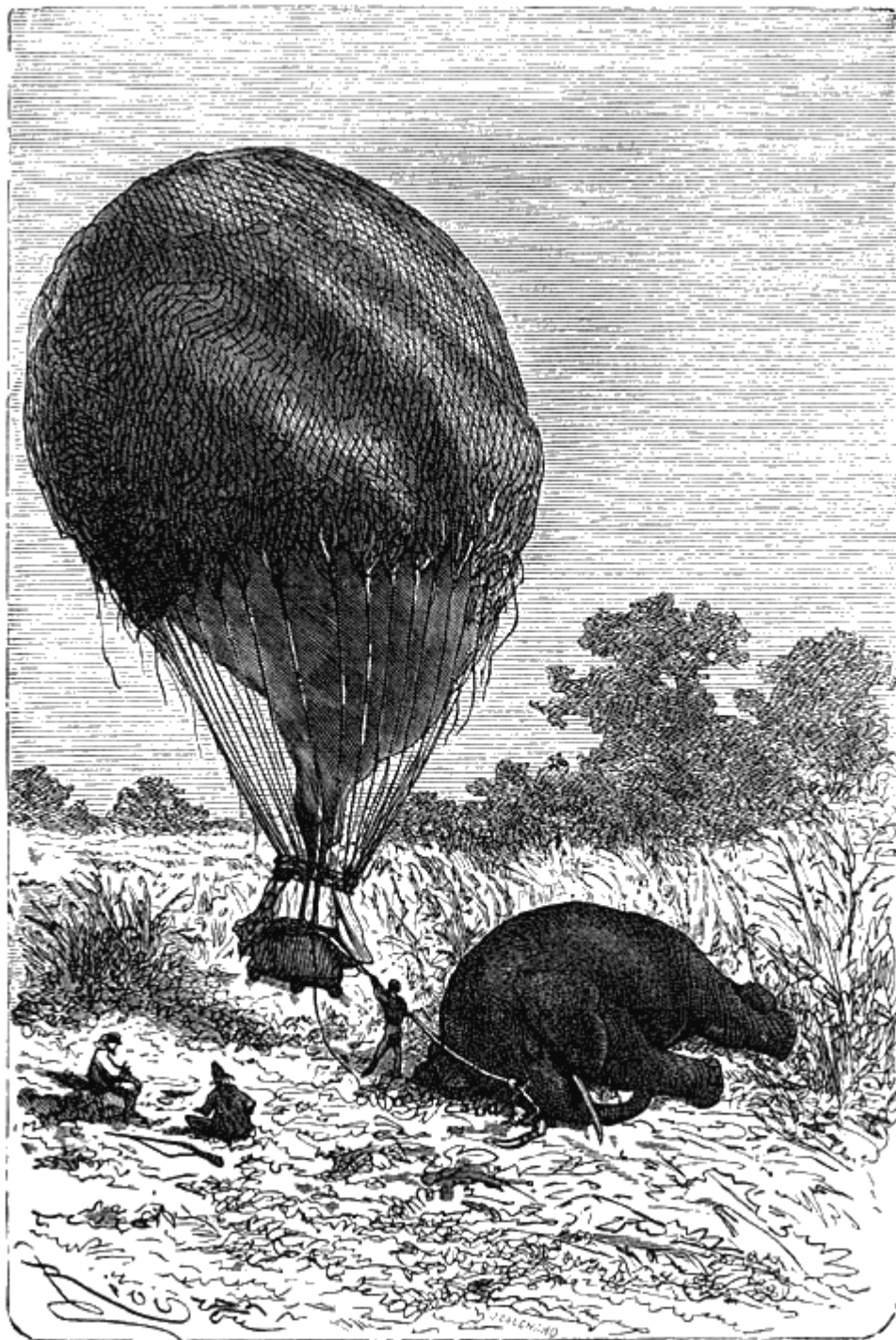
– И, смотрите, стреляйте без перерыва, а то мы всего в каких-нибудь двадцати саженях от леса, – заметил доктор.

Раздались еще десять выстрелов. Слон сделал ужасный прыжок. Корзина и шар затрещали так, что казалось – все сейчас развалится на куски. Толчок был до того силен, что топор из рук доктора упал на землю.

Положение становилось совершенно критическим: канат якоря, накрепко привязанный к корзине, нельзя было ни отвязать, ни перерезать ножами, а «Виктория» была почти у леса. Вдруг в тот момент, когда слон задрал голову, в глаз ему попала пуля. Он остановился, зашатался, колени его подогнулись, и он подставил охотнику свой бок.

– Целюсь в сердце, – сказал Дик и выпустил из карабина свой последний заряд.

Слон испустил ужасный предсмертный крик; он на мгновение выпрямился, помахал хоботом, а затем всею своею тяжестью рухнул на землю, сломав при этом один из своих клыков. Слон был мертв.

– Он сломал себе клык! – закричал Кеннеди. – В Англии за него платят по тридцать пять гиней за сто фунтов.

– Неужели так много? – удивился Джо, спускаясь по якорному канату на землю.

– К чему все твои сожаления, дорогой Дик? – вмешался Фергюссон. – Разве мы с тобой торгуем слоновой костью? Разве мы явились сюда наживать?

Джо осмотрел якорь. Он крепко держался за уцелевший клык. Самуэль и Дик спрыгнули на землю, а шар, наполовину уменьшившийся в объеме, закачался над трупом слона.

– Великолепное животное! – воскликнул Кеннеди. – Какая громадина! Никогда в Индии мне не приходилось видеть таких огромных экземпляров.

– Тут нет ничего удивительного, дорогой Дик: известно, что в Центральной Африке водятся самые крупные слоны земного шара. Андерсон, Кёмминг и другие так усиленно охотились за ними в Калекоей области, что они перекочевали к экватору, и мы часто будем встречать целые стада их.

– Пока же, надеюсь, мы полакомимся вот этим самым слоном, – сказал Джо. – И я берусь приготовить из его мяса превкусное жаркое. Мистер Кеннеди, конечно, час или два поохотится, а мистер Самуэль займется осмотром шара, я же в это время буду стряпать.

– Вот превосходное расписание, – отозвался доктор. – Так мы и сделаем.

– А я и в самом деле воспользуюсь теми двумя часами свободы, которые сообразовали мне оставить Джо, – заявил охотник.

– Отправляйся, друг мой. Только будь осторожен, главное не уходи слишком далеко.

– Будь спокоен, Самуэль. Дик захватил ружье и углубился в лес.

Тут Джо приступил к исполнению своих обязанностей. Начал он с того, что выкопал в земле яму глубиной в два фута и набил ее сухими ветками, валявшимися кругом в изобилии, – по-видимому, они были наломаны слонами, следов которых было здесь немало. Заполнив таким образом яму, Джо соорудил над нею костер высотой в два фута и поджег его.

Затем он направился к туше слона, лежавшей саженьях в десяти от леса, ловко отсек хобот (в нем у основания было футов около двух), вырезал из него самую нежную часть да еще присоединил к этому губчатое мясо с ног. Это действительно самые, лакомые куски, точно так же, как горб у бизона, лапа у медведя или голова у дикого кабана. Когда костер и сверху и снизу выгорел, в яме, очищенной от угольев и золы, оказалась очень высокая температура. Джо, завернув куски слоновьего мяса в ароматические листья, сложил их в эту яму и прикрыл золой; над всем этим он снова сложил костер, и, когда прогорел и этот, жаркое было готово.

Джо вынул свое произведение из этой своеобразной печи и разложил на зеленых листьях аппетитные куски; затем среди очаровательной лужайки приготовил все к обеду: поставил жаркое, принес сухарей, водку, кофе, а из соседнего ручья зачерпнул свежей и прозрачной, как кристалл, воды.

Приятно было смотреть на этот «накрытый стол», и Джо, не слишком гордясь, думал, что еще приятнее будет поглощать эти яства.

– Вот так путешествие! И безопасное и неусттомительное! – все повторял он. – Обед всегда вовремя, постель всегда к твоим услугам. Чего еще надо? А этот добряк мистер Кеннеди еще не хотел отправляться с нами!

В это время доктор Федгюссон тщательно осматривал свой шар. По-видимому, он несколько не пострадал от грозы и шквала. И тафта и гуттаперча превосходно выдержали непогоду. Приняв во внимание высоту местности над уровнем моря и вычислив подъемную силу шара, Фергюссон с радостью убедился, что количество водорода несколько не убавилось. Оболочка, значит, осталась абсолютно непроницаемой.

Всего пять дней назад аэронавты вылетели из Занзибара. Пеммикана еще не начинали. Сухарей и мяса в консервах должно было хватить надолго. Требовалось лишь возобновить запас воды. Трубки и змеевик были в превосходном состоянии. Благодаря каучуковым коленам они прекрасно выдержали «трепку», которой подвергся шар. Закончив осмотр, доктор занялся приведением в порядок своих записей. А затем он сделал очень удачный набросок окружающей местности: уходящая в беспредельную даль степь, лес камальдаров и «Виктория», неподвижно висящая в воздухе над трупом слона чудовищных размеров...

Через два часа вернулся Кеннеди со связкой жирных куропаток и задней ножкой сернобыка – этого наиболее быстрого рода антилопы; Джо сейчас же взялся приготовить это дополнение к их пиршеству.

– Обед подан! – вскоре закричал он весело. Троим путешественникам оставалось только усесться на зеленой лужайке. Все признали, что нога и хобот слона – тонкое блюдо. Выпили за Англию, как всегда, и впервые в этой чудесной местности задымились восхитительные гаванские сигары.

Кеннеди ел, пил и болтал за четверых. Он был несколько навеселе и самым серьезным образом предлагал своему другу доктору поселиться в этом лесу, построить себе из ветвей шалаш и положить начало династии африканских Робинзонов.

Дальше предложений дело не пошло, хотя Джо и выразил готовность играть роль Пятницы.

Кругом царило такое спокойствие, местность казалась такой безлюдной, что доктор решил заночевать на земле. Джо устроил огненный круг из костров. Подобная баррикада была необходима ввиду возможного появления диких зверей. И действительно, гиены, пумы и шакалы, привлеченные запахом слоновьего мяса, всю ночь бродили кругом. Кеннеди не раз принужден был стрелять в слишком дерзких посетителей. Но в общем ночь прошла спокойно.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Карагва. – Озеро Укерева. – Ночь на острове. – Экватор. – Перелет через озеро. – Водопады. – Вид страны. – Истоки Нила. – Остров Бенга. – Подпись Андреа Дебона. – Флаг Англии.

На следующее утро с пяти часов начались приготовления к дальнейшему полету. Джо рубил топором (к счастью, найденным) клыки слона, и освобожденная «Виктория» понеслась на северо-восток со скоростью восемнадцати миль в час. Еще накануне вечером доктор по звездам определил ее местоположение. Шар находился на $2^{\circ} 40'$ широты, то есть в ста шестидесяти географических милях от экватора. Путешественники неслись над многими селениями, не обращая внимания на крики, вызванные их появлением. Фергюссон все время зарисовывал местность, над которой они пролетали. Он пронесся над горами Руэмбе, почти такими же крутыми, как вершины Усагары, а дальше у Тенге над первыми отрогами цепи Карагвы, которые, по его мнению, являются продолжением Лунных гор. По старинному преданию, эти горы являются колыбелью Нила, и, по-видимому, это утверждение близко к истине: горы подступают к озеру Укерева, где, как полагают ученые, берет свое начало великая река.

Когда «Виктория» была над Кафуро – обширной областью, известной как торговый центр, – доктор, наконец, увидел Озеро, предмет стольких исканий, озеро, которое 2 августа 1858. года впервые неясно вырисовалось перед глазами капитана Спика.

Волнение охватило Самуэля Фергюссона: ведь он почти достиг одного из главных пунктов, которые собирался исследовать. Вооружившись подзорной трубой, он старался не пропустить ни одного уголка этого таинственного края.

Под ним проносились довольно истощенные земли: только некоторая часть их была обработана. Местность, усеянная остроконечными холмами небольшой высоты, по мере приближения к озеру становилась все более ровной; вместо рисовых плантаций здесь стлались поля ячменя. Рос тут и подорожник, из которого туземцы готовят местное вино, и «мвани» – дикое растение, употребляемое вместо кофе. Полсотни круглых хижин с соломенными крышами представляли собой столицу Карагвы.

Можно было хорошо рассмотреть изумленные лица довольно красивых людей с желтовато-коричневой кожей. На полях с трудом передвигались женщины невероятной толщины. Фергюссон очень удивил своих спутников, сообщив им, что эта полнота, очень ценящаяся в здешних местах, достигается путем обязательного употребления кислого молока. В полдень «Виктория» была под $1^{\circ} 45'$ южной широты, а через час она уже парила над озером.

Капитан Спик назвал это озеро «Ньянца Виктория» («Ньянца» означает «озеро»). В данном месте оно могло иметь в ширину миль девяносто. В южной его части капитан Спик открыл целую группу островков, названных им Бенгальским архипелагом. Свои исследования Спик довел до Мванза, расположенного на восточном берегу озера, где и был радушно принят султаном. Спик сделал тригонометрическую съемку этой части озера, но не смог раздобыть лодку, чтобы переплыть через озеро и осмотреть большой остров Укерева. Остров этот (во время отлива – полуостров) очень густо населен и управляется тремя султанами.

«Виктория» все неслась к северной части озера, о чем доктор очень сожалел. Ему хотелось точно определить южные его очертания. Берега, над которыми пролетали аэронавты, заросли густым и колючим кустарником, и их едва можно было разглядеть сквозь тучи носившихся над ними светло-коричневых москитов. Жить в этой местности было невозможно, и она была необитаема.

Только гиппопотамы лежали в густых высоких тростниках или прятались в белесоватых водах озера.

На западе берега не видно, озеро разлилось как море. Расстояние между берегами настолько велико, что сообщения между ними нет; здесь часто разражаются сильные бури, так как в этой высокой и открытой местности свирепствуют ветры. Доктору трудно было теперь справиться со своим шаром; он боялся, что его может отнести на восток. Но, к счастью, ему удалось попасть в течение, которое умчало «Викторию» на север; в шесть часов вечера она была над маленьким пустынным островком, находящимся в двадцати милях от берега, на $0^{\circ} 30'$ южной широты и $32^{\circ} 52'$ восточной долготы.

Путешественники зацепились за дерево, и, так как ветер к вечеру стих, они могли спокойно стоять на якоре. О том, чтобы спуститься на землю, нечего было и думать. Здесь, как и по берегам озера, держались густые тучи moskitov. Пока Джо укреплял якорь на дереве, его уже успели искушать москиты, но он не почувствовал никакой злобы к ним, находя это вполне есте-

ственным.

Доктор же, настроенный менее оптимистически, отпустил канат якоря, насколько это было возможно. Он стремился избавиться от безжалостных насекомых; они уже поднимались к ним с жужжанием, от которого трем друзьям становилось не по себе. Доктор определил, что высота озера над уровнем моря – три тысячи семьсот пятьдесят футов, и это совпадало с вычислениями капитана Спика.

– Ну, вот мы и на острове, – проговорил Джо, сильно расчесывая себе кожу.

– Надо поскорей осмотреть его, – отозвался охотник. – Видимо, кроме этих милых насекомых, здесь нет ни одной живой души.

– Надо вам сказать, что все островки, которыми усеяно озеро, не что иное, как вершины затопленных водою холмов, – пояснил доктор. – Нам положительно посчастливилось найти здесь пристанище, ибо берега озера населены свирепыми племенами. Спите же, благо небо сулит нам спокойную ночь.

– А ты, – Самуэль, разве не последуешь нашему примеру? – спросил Дик.

– Нет, я не мог бы сомкнуть глаз. Мысли гонят всякий сон. Завтра, друзья мои, если только ветер будет благоприятным, мы понесемся прямо на север и, быть может, откроем истоки Нила – эту тайну, не разгаданную до сих пор. Я не в силах уснуть, когда так близки истоки великой реки!

Кеннеди и Джо, которых вопрос об истоках Нила далеко не так волновал, как доктора, не замедлили крепко заснуть под его охраной.

В среду, 23 апреля, в четыре часа утра «Виктория» снялась с якоря. Царил еще полумрак. Ночь неохотно покидала воды озера, над которым стоял густой туман. Но вскоре его разогнал сильный ветер. «Викторию» несколько минут качало из стороны в сторону, а затем понесло прямо на север. Фергюссон от радости захлопал в ладоши.

– Мы на верном пути! – закричал он. – Увидим Нил сегодня, или никогда! Знаете, друзья мои, ведь мы на экваторе! И вот-вот будем в нашем северном полушарии!

– О! Так, значит, сэр, вы считаете, что именно здесь проходит экватор? – спросил Джо.

– Именно здесь, мой милый.

– Вот как! По-моему, сэр, непременно нужно не теряя времени вспрыснуть это событие.

– Ну, давайте выпьем по стакану грога! – смеясь, ответил доктор. – Твой способ изучать космографию, Джо, совсем не плох.

Вот как на «Виктории» был отпразднован перелет через экватор.

«Виктория» быстро неслась вперед. На западе виднелся низкий ровный берег, а дальше – плоскогорья Уганда и Усога. Быстрота ветра все возрастала: она достигала теперь почти тридцати миль в час.

По озеру, точно по морю, шли большие пенящиеся волны. Видно было, что оно очень глубоко. За все время перелета на нем показалось всего каких-нибудь два грубо сделанных челнока.

– Это озеро, – начал доктор, – расположено так высоко, что оно должно служить естественным водоемом для больших рек Восточной Африки. Небо возвращает ему в виде дождей то, что забирает у его истоков в виде испарений.

– Мне кажется вероятным, что Нил берет свое начало именно здесь.

– Увидим, – проговорил Кеннеди.

Около девяти часов утра приблизились к западному берегу, лесистому и, очевидно, пустынному. Ветер стал относить «Викторию» несколько к востоку, и вдали показался другой берег озера. Он изогнулся, и на 2° 40' северной широты эта излучина кончалась очень открытым углом. Вдали поднимались обнаруженные вершины высоких гор, среди которых по глубокому извилистому ущелью бурлила река.

Все время, управляя шаром, Фергюссон не отрывал глаз от местности, над которой они пролетали.

– Смотрите, друзья мои, смотрите! – вдруг закричал он. – Значит, то, что рассказывали арабы, верно! Они говорили о реке, которая вытекает из северной части озера Укерева. Теперь она перед вами! Мы летим над нею. Она несется почти с такой же быстротой, как и мы. И эта

струйка воды, бегущая под нами, конечно, сольется с волнами Средиземного моря. Это Нил!

– Это Нил! – повторил за своим другом Кеннеди, заразившись его энтузиазмом.

– Да здравствует Нил! – воскликнул Джо, никогда не пропускавший случая весело пошуметь.

Громадные утесы здесь и там загромождали течение этой таинственной реки. Вода бурлила, образуя стремнины и водопады, и все это еще больше убеждало Фергюссона в верности его предположений. Сотни потоков, пенясь, неслись с окружающих гор. Видно было, как из земли выбиваются на поверхность тонкие струйки, как они бегут, встречаясь, сливаясь, состязаясь друг с другом в скорости, к этой рождающейся речке, которая принимала их в себя и становилась рекой.

– Конечно, это Нил, – убежденно повторил доктор. – Знаете, происхождение названия этой реки вызывало у ученых не менее жгучий интерес, чем местонахождение ее истоков. С какими только языками это слово «Нил» не связывали: и с греческим, и с коптским, и с санскритом²¹. Но все это в конце концов неважно, раз этому самому Нилу пришлось, наконец, открыть нам тайну своих истоков.

– Но скажи, Самуэль, как убедиться, что это та самая река, которую обследовали северные путешественники? – спросил охотник.

– Если благоприятный ветер продержится хотя бы еще час, мы получим доказательства самые верные, самые бесспорные и неопровержимые, – ответил доктор.

Горы расступались, как бы освобождая место многочисленным селениям и полям кунжута и сахарного тростника. Туземцы, по-видимому, были очень возбуждены и враждебно настроены. Очевидно, они скорее были склонны к гневу, чем к поклонению, принимая аэронавтов отнюдь не за богов, а за чужестранцев. И «Виктория» должна была держаться вне досягаемости мушкетных выстрелов.

– А спуститься на землю здесь будет трудновато, – проговорил шотландец.

– Ну, и невелика беда, – отозвался Джо. – Тем хуже для этих дикарей, мы лишим их приятной беседы с нами.

– Однако снизиться все же необходимо хоть на четверть часа, – промолвил Фергюссон. – Мне нужны доказательства, которые подтвердили бы мои выводы.

– По-твоему, это необходимо, Самуэль?

– Совершенно необходимо, и мы спустимся, даже если бы понадобилось при этом прибегнуть к оружию.

– Это-то мне по вкусу! – воскликнул Кеннеди, поглаживая свой карабин.

– Словом, мы спустимся, сэр, когда вам будет угодно, – сказал Джо, начиная готовиться к бою.

– Иногда приходится служить науке с оружием в руках, – заметил доктор. – Между прочим, это же случилось с одним французским ученым, когда он в горах Испании измерял земной меридиан.

– Будь спокоен, Самуэль, и положишься на своих телохранителей, – заявил Дик.

– Спускаемся, сэр? – спросил Джо.

– Нет еще. Мы раньше поднимемся, чтобы сделать точную съемку местности.

Водород расширился; не прошло и десяти минут, как «Виктория» парила уж на высоте двух тысяч пятисот футов над землей. Отсюда ясно была видна целая сеть речек, впадавших в большую реку. Большинство из них текло с запада, среди холмов и плодородных полей.

– Мы не более как в девяноста милях от Гондокоро и менее чем в пяти милях от пункта, которого исследователи достигли с севера, – справившись по карте, сказал Фергюссон. – Итак, начнем осторожно снижаться.

Когда «Виктория» опустилась больше чем на две тысячи футов, доктор предупредил:

– Теперь, друзья мои, надо быть готовыми ко всевозможным случайностям.

²¹ Один византийский ученый видел в слове «Neilos» арифметическую сумму нескольких чисел. N – это 50, E – 5, I – 10, L – 30, O – 70, S – 200, вместе это составляет число, равное числу дней в году.

– Мы готовы! – ответили в один голос Дик и Джо.

– Прекрасно!

«Виктория» неслась вдоль русла реки в каких-нибудь ста футах от него; в этом месте река была не шире пятидесяти саженей. Туземцы шумно суеились в своих селениях, на обоих его берегах.

На втором градусе Нил образовал водопад, где вода свергалась с высоты около десяти футов. В этой своей части он был несудоходен.

– Вот, наверное, тот водопад, о котором упоминал Дебоно! – воскликнул доктор.

Река расширялась и была усеяна многочисленными островками; их Самуэль Фергюссон рассматривал с особым вниманием. Казалось, он ищет какой-то ориентир, которого ему пока не удавалось найти.

Несколько негров подплыли на лодке под самый шар. Кеннеди приветствовал их выстрелом из карабина. Не причинив им вреда, выстрел этот, однако, заставил их как можно скорее добраться до берега.

– Счастливого пути! – прокричал им Джо. – На их месте я не рискнул бы вернуться, я бы здорово испугался чудовища, которое ревет и гремит.

Но вот доктор Фергюссон схватил подозрную трубу и направил ее на островок посередине реки...

– Четыре дерева! – закричал он. – Смотрите, вон там! Действительно, на берегу островка росли четыре дерева.

– Это остров Бенга. Да, конечно, он! – прибавил доктор.

– Ну, и что из этого? – спросил Дик.

– Да то, что мы с божьей помощью спустимся здесь.

– Но там, кажется, есть люди, мистер Самуэль, – заметил Джо.

– Ты прав. Если я не ошибаюсь, вон там кучка туземцев человек в двадцать, – подтвердил Кеннеди.

– Мы живо обратим их в бегство, это не так уж трудно, – ответил Фергюссон.

– Ну, что ж, сказано – сделано, – ответил Дик. Когда «Виктория» спускалась к островку, солнце стояло в зените.

Негры, принадлежащие к племени макадо, стали громко кричать. Один из них размахивал шляпой из древесной коры. Кеннеди прицелился в нее и выстрелил, – шляпа разлетелась на куски.

Это вызвало страшное смятение. Негры бросились в реку и вплавь перебрались на тот берег. Оттуда немедленно посыпались град пуль и туча стрел. Но «Виктория», зацепившаяся за расселину скалы, была недосыгаема. Джо соскользнул на землю.

– Лестницу! – закричал доктор. – Кеннеди, за мной!

– Что ты хочешь делать, Самуэль?

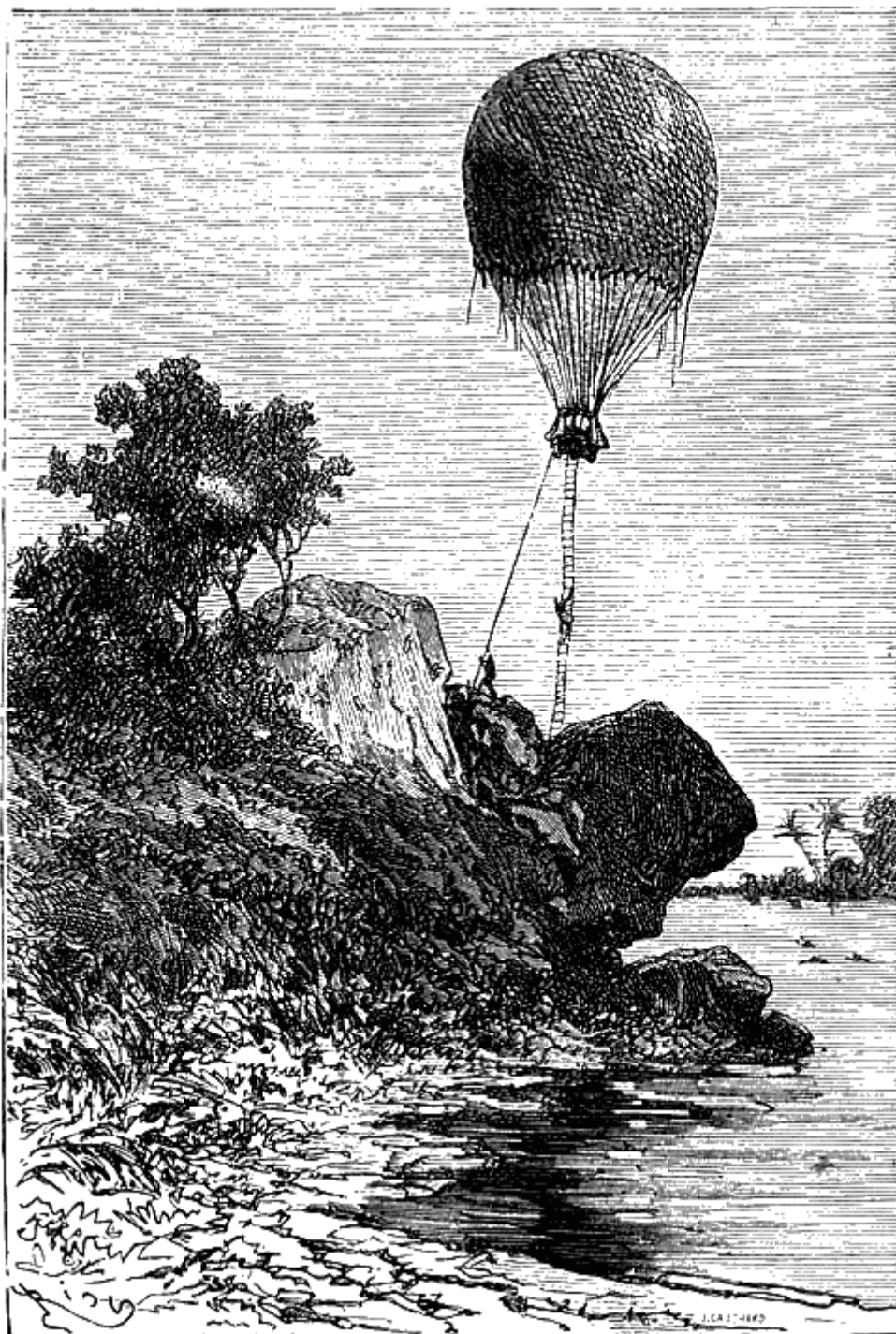
– Давай спустимся, Дик, – ты мне нужен как свидетель.

– К твоим услугам.

– А ты, Джо, сторожи хорошенько.

– Будьте спокойны, сэр, я за все отвечаю.

– Ну, идем же. Дик, – торопил доктор.

Сойдя на землю, он повел, своего друга к группе скал, возвышавшихся на краю острова. Здесь он принялся что-то искать среди кустарников и при этом в кровь исцарапал себе руки. Вдруг он схватил охотника за плечо.

– Смотри! – проговорил он.

– Буквы! – закричал Кеннеди.

В самом деле, на скале очень ясно вырисовывались две буквы: А и Д.

– А и Д – это собственноручная подпись Андреа Дебоно, исследователя, дальше всех поднявшегося вверх по течению Нила, – объяснил доктор.

– Вот это действительно неопровержимо, дорогой мой Самуэль!

– Теперь ты, наконец, убедился?

– Это Нил. Теперь уж сомневаться невозможно.

Фергюссон тщательно срисовал эти драгоценные инициалы, точно придерживаясь их величины и формы, и, взглянув на них в последний раз, сказал:

– А теперь вернемся к нашей «Виктории».

– И не теряя времени, – прибавил Кеннеди, – ибо, видишь, несколько туземцев уже собираются плыть сюда.

– Теперь для нас это неважно. Пусть бы ветер еще несколько часов нес нас к северу, и тогда мы будем в Гондокоро, где сможем пожать руки нашим землякам.

Через десять минут «Виктория» величественно поднималась в воздух. Доктор Фергюссон, в ознаменование достигнутого успеха, развернул флаг Англии.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Нил. – «Дрожащая» гора. – Воспоминание о родине. – Рассказ арабов. – Ньям-нья. – Умные мысли Джо. – «Виктория» лавирует. – Подъемы аэростата. – Мадам Бланишар.

– В каком направлении мы летим? – спросил Кеннеди своего друга, видя, что тот смотрит на компас.

– Мы летим на северо-северо-запад.

– Черт побери, это ведь не север!

– Конечно, нет, Дик. И боюсь, что нам трудновато будет добраться до Гондокоро. Обидно, но не надо забывать, что нам уже удалось соединить воедино труды исследователей, двигавшихся и с востока и с севера. Нет! Жаловаться нам не приходится.

«Виктория» мало-помалу удалялась от Нила.

– Ну, бросим же последний взгляд на эти широты – предел, которого не могли переступить самые отважные путешественники, – проговорил Фергюссон. – Именно здесь обитают те враждебные европейцам племена, о которых упоминали Питрик, Арно, Миани и молодой путешественник Лежан, которому, надо сказать, мы обязаны лучшими трудами о верховьях Нила.

– Значит, Самуэль, наши открытия не противоречат научным гипотезам? – спросил Кеннеди.

– Нисколько. Белая река, Бахр-эль-Абиада, вытекает из озера, громадного, как море; здесь и берет свое начало Белый Нил; поэзия от этого без сомнения проиграет; этой королеве рек охотно приписывали небесное происхождение; древние называли ее Океаном и чуть ли не верили, что она течет прямо с солнца! Но приходится идти на уступки и время от времени принимать то, чему учит нас наука; ученые, быть может, будут не всегда, а поэты всегда найдутся.

– А вон, видны водопады, – сказал Джо.

– Это водопады Македо, находящиеся на третьем градусе широты, – отозвался Фергюссон. – Да, это они. Как жаль, что нам не удалось еще несколько часов пролететь над Нилом, – добавил он.

– Там, впереди нас, виднеется горная вершина, – заметил охотник.

– Это гора Логвек, называемая арабами «Дрожащая» гора²², – пояснил доктор. – Все эти места посетил Дебоно, путешествовавший под именем Латиф Эфенди. Надо сказать, что племена, живущие по берегам Нила, постоянно враждуют между собой и ведут бесконечные кровопролитные войны. Вы представляете себе, какой страшной опасности подвергался Дебоно в такой обстановке?

Тут ветер стал нести «Викторию» на северо-запад. Чтобы избежать вершины горы Логвек, пришлось искать иное воздушное течение.

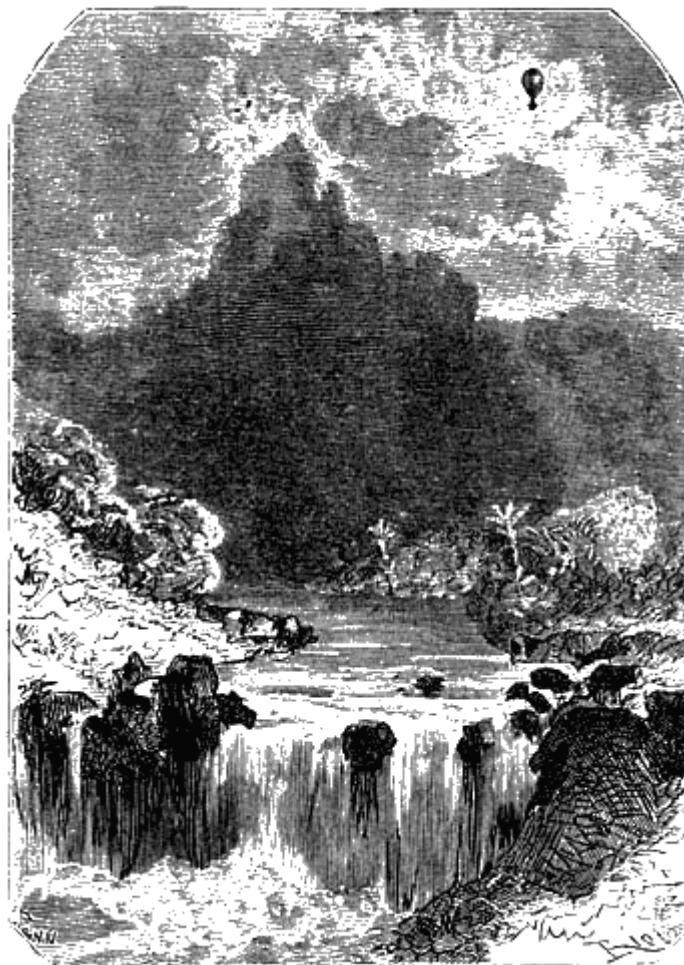
– Друзья мои, – обратился Фергюссон к своим спутникам, – в сущности только сейчас и начинается наш перелет через Африку. Ведь до сих пор мы чаще всего шли по стопам наших предшественников. Теперь же мы пускаемся в края, совершенно неведомые. Хватит ли у нас на это смелости?

– Конечно! – в один голос крикнули Дик и Джо.

– Ну, тогда в путь-дорогу! И да поможет нам небо! Пронесясь над оврагами, лесами и раз-

²² По преданию, она начинает дрожать, как только на нее ступает нога мусульманина.

бросанными там и сям селениями, наши путешественники в десять часов вечера были у пологих склонов «Дрожащей» горы.

В этот памятный день, 23 апреля, «Виктория», увлекаемая сильнейшим ветром, пролетела за пятнадцать часов расстояние в триста пятнадцать миль.

Но во время последней части этого перелета настроение у аэронавтов было подавленное. В корзине царила полнейшая тишина. Был ли поглощен доктор Фергюссон мыслями о своих открытиях? Задумались ли его спутники о том, что ожидает их в совершенно неведомых краях? Все это было, конечно, а в придачу нахлынули еще воспоминания о родине и далеких друзьях. Один только Джо продолжал смотреть на все философски, считая совершенно естественным, что родина, находясь так далеко, не может быть одновременно и здесь. Но он уважал молчание Самуэля Фергюссона и Дика Кеннеди.

В десять часов вечера «Виктория» стала на якорь против «Дрожащей» горы. Здесь путники плотно поужинали и хорошо выспались, поочередно неся вахту.

Утром они проснулись в лучшем настроении, чем накануне. Погода была хорошая, и дул благоприятный ветер. За завтраком Джо так развеселил своих спутников, что они окончательно пришли в хорошее настроение.

Страна, где они находились, была огромна, на границах ее тянулись горы Лунные и Дар-фур. По величине она равнялась чуть ли не всей Европе.

— Мы, должно быть, сейчас летим над местностью, где, по предположениям ученых, находится царство Усога, — сказал доктор. — Географы считают, что в центре Африки существует огромная впадина с необъятным озером. Посмотрим, правы ли они.

— Но откуда могли взяться подобные предположения? — спросил Кеннеди.

— Видишь ли, они основаны на рассказах арабов; это народ словоохотливый, пожалуй даже слишком. Некоторые из путешественников, побывавших в Казехе и у Великих озер, встречали там невольников из Центральной Африки и расспрашивали их об их родине. От сопоставления всех этих рассказов и возникла такая гипотеза. Но надо сказать, что в таких рассказах всегда

бывает какая-то доля истины. Мы видели, что предположения об истоках Нила оказались верными, – добавил Фергюссон.

– Да, ничего не может быть вернее, – отозвался охотник.

– И вот на основании таких свидетельств и были сделаны попытки составить карты, конечно, весьма приблизительной точности, – продолжал доктор. – Одна из таких карт в моем распоряжении, и я в пути, по мере надобности, буду ее исправлять.

– А эта страна вся населена? – спросил Джо.

– Конечно, и населена довольно-таки несимпатичными племенами, – ответил доктор.

– Так я и думал!

– Все эти разрозненные племена известны под общим названием «Ньям-ньям», – рассказывал доктор, – а это не что иное, как звукоподражательное слово, изображающее жевание.

– Отлично! – воскликнул Джо. – «Ньям-ньям».

– Но, знаешь, милый мой Джо, если бы ты лично вызвал это звукоподражание, то, я думаю, не находил бы его таким забавным.

– Что вы хотите сказать, сэр? – вскричал Джо.

– Да то, что эти самые туземцы считаются людоедами.

– И это достоверно?

– Совершенно достоверно. Предполагалось также, что у них есть хвосты, как у четвероногих, но скоро убедились, что хвосты принадлежат шкурам зверей, которые они носят.

– Жаль все-таки, что у них не имеется хвостов: ими так удобно отгонять moskitov, – заметил Джо.

– Возможно, что и удобно, но, видишь ли, милый мой, это надо отнести к области басен: это вроде собачьих голов, которые. путешественник Брэн-Ролле якобы видел у некоторых племен.

– Собачьи головы! Ну, это тоже удобно: можно лаять и питаться человеческим мясом.

– Ну вот что, к несчастью, достоверно, – продолжал доктор, – так это то, что племена эти чрезвычайно свирепы и очень падки до человеческого мяса, которое всегда жаждут раздобыть.

– Уж, надеюсь, они не польстятся на мою особу! – воскликнул Джо.

– Смотрите-ка, чего захотел! – заметил охотник.

– Да, да, мистер Дик. Если когда-нибудь мне и суждено быть съеденным во время голода, то я хочу, чтобы мною воспользовались вы с моим доктором. Но кормить собой негров... Фу! Никогда! Я умер бы от стыда.

– Хорошо, милый мой Джо, – отозвался на это Кеннеди. – Значит, решено: в случае чего, мы с Самуэлем будем на тебя рассчитывать.

– К вашим услугам, господа.

– А знаешь. Дик, почему Джо сказал нам это? – вставил доктор. – Да чтобы мы его как можно лучше откармливали.

– Что же? Быть может, и так, – согласился Джо. – Ведь человек весьма эгоистичное животное.

После полудня небо заволочло теплым туманом, поднимавшимся от земли. Сквозь него едва можно было различить, что делалось внизу. И вот доктор, боясь наткнуться на какую-нибудь вершину, решил сделать остановку в пять часов. Ночь прошла благополучно, без всяких приключений, но ввиду полнейшей темноты пришлось быть особенно настороже.

На следующее утро подул очень сильный муссон. Ветер врывался снизу во впадины шара и трепал всю придаток, через который проходили в шар трубки с газом. Его пришлось укрепить веревками, что очень ловко проделал Джо. При этом он убедился, что шар по-прежнему закрыт совершенно герметически.

– Это обстоятельство вдвойне важно для нас, – заметил Фергюссон. – Прежде всего мы не теряем драгоценного газа, а кроме того, не оставляем вокруг себя легко воспламеняющегося вещество, которое в конце концов загорелось бы и вызвало бы пожар.

– Да, это было бы довольно неприятным приключением, – проговорил Джо.

– А скажи, Самуэль, мы в этом случае стремглав полетели бы на землю? – поинтересовал-

ся Дик.

– Стремглав – нет. Газ горел бы спокойно, и мы спускались бы постепенно. Подобный случай произошел с французской воздухоплавательницей, мадам Бланшар. Она, пуская фейерверк, умудрилась поджечь свой шар. Но она не полетела камнем вниз и уцелела бы, если бы ее корзина не стукнулась о какую-то трубу, причем эта злосчастная мадам Бланшар была выброшена на землю.

– Будем надеяться, что ничего подобного с нами не случится, – сказал охотник. – До сих пор наш полет мне не казался опасным, и я не предвижу препятствий, которые помешали бы нам благополучно добраться до цели.

– Я тоже держусь твоего мнения, дорогой Дик, – сказал Фергюссон. – Надо заметить, что до сих пор несчастья с воздухоплавателями всегда происходили или по их неосторожности, или вследствие плохого устройства шаров. И вообще на несколько тысяч сделанных подъемов приходится не более двадцати смертных случаев. Для аэронавтов наибольшую опасность представляют спуски и подъемы. И тут мы Должны быть особенно осторожны и предусмотрительны.

– А теперь надо завтракать, – заявил Джо, – и пока мистер Дик не найдет способа угостить нас добрым куском дичи, придется довольствоваться мясными консервами и кофе.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Небесная бутылка. – Сикомор-пальма. – Мамонтовые деревья. – «Дерево войны». – Проект крылатой колесницы. – Битва двух племен. – Резня. – Вмешательство свыше.

Ветер усиливался и делался порывистым. «Виктория» все время меняла направление. Ее бросали то к северу, то к югу, и она никак не могла встретить постоянное воздушное течение.

– Мы как будто несемся быстро, но в сущности не очень-то подвигаемся вперед, – проговорил Кеннеди, заметив частые колебания магнитной стрелки.

– «Виктория» летит со скоростью по крайней мере полутораста километров в час, – отзывался Фергюссон. – Наклонитесь оба, и вы увидите, с какой быстротой мелькают все предметы под нами. Взгляните-ка! Этот лес будто несется нам навстречу.

– И вот он уже сменился поляной, – заметил охотник.

– А вместо поляны теперь селенье, – объявил через несколько минут Джо. – Ну, до чего же озадаченные и растерянные лица у этих негров!

– Оно и понятно, – ответил доктор. – Ведь когда французские крестьяне впервые увидели воздушный шар, они начали стрелять в него, приняв за какое-то чудище. После этого, согласитесь, что же взять с суданского негра. Ему-то уж совершенно простительно таращить глаза при виде нашей «Виктории».

– Ей-ей, мне очень хочется, – конечно, с вашего, сэр, позволения, сбросить пустую бутылку! – заявил Джо, когда «Виктория» пронеслась над одним селением футом в ста от земли. – Если только эта бутылка целой и невредимой долетит до негров, они, пожалуй, начнут ей поклоняться, а разбейся она-из ее осколков, верно, понаделают себе талисманов.

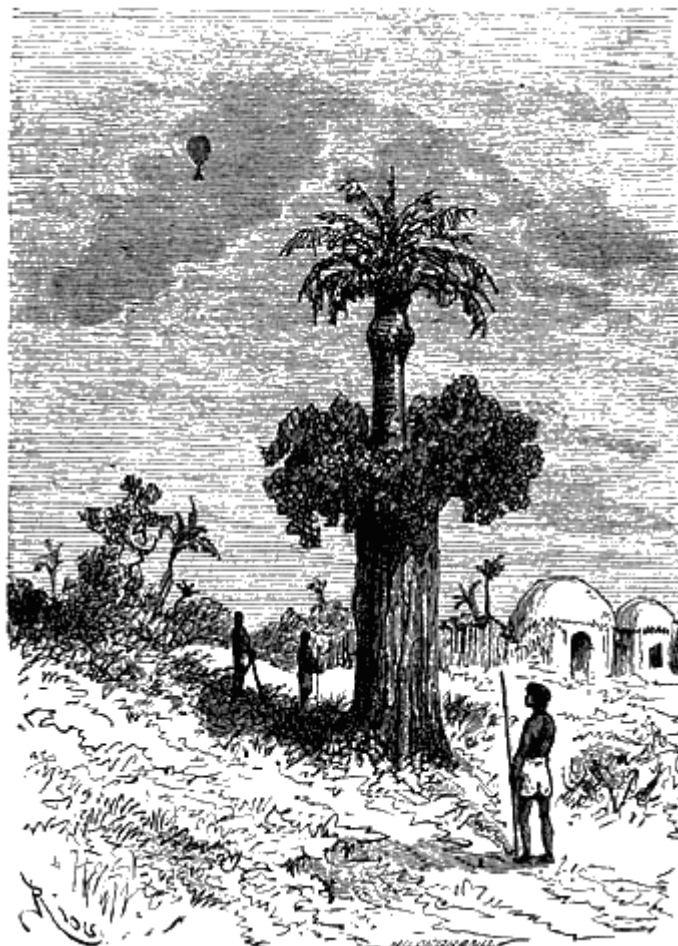
Говоря это, Джо швырнул вниз бутылку; она тотчас же разлетелась вдребезги, а туземцы с пронзительными криками разбежались по своим хижинам.

– Взгляните-ка вон на то дерево! – немного погодя закричал Кеннеди. – Сверху оно одной породы, а снизу – другой.

– Ну и страна! Подумайте только, здесь деревья растут одно над другим! – закричал Джо.

– На обломанный ствол сикомора нанесло плодородной земли, а в один прекрасный день ветром бросило туда же зерно пальмы, и оно там проросло, как обыкновенно прорастает в грунте.

– Вот славный способ! – воскликнул Джо. – Я его непременно введу у нас в Англии. Это было бы очень недурно для лондонских парков. И уж говорить нечего, как этим можно увеличить количество фруктов в садах! У нас были бы сады в несколько этажей. Особенно такая штука пришлась бы по вкусу мелким землевладельцам.

В этот момент надо было поднять «Викторию», чтобы перелететь через вековой банановый лес вышиной более трехсот футов.

— Что за великолепные деревья! — воскликнул Кеннеди. — Я не могу себе представить что-либо красивее этих величественных лесов. Ты только взгляни, Самуэль!

— Да, дорогой Дик, в самом деле эти бананы удивительно высоки, — отозвался Фергюссон. — Но, надо тебе сказать, в лесах Америки они никого не поразили бы.

— Как? Ты хочешь сказать, что существуют еще более высокие деревья?

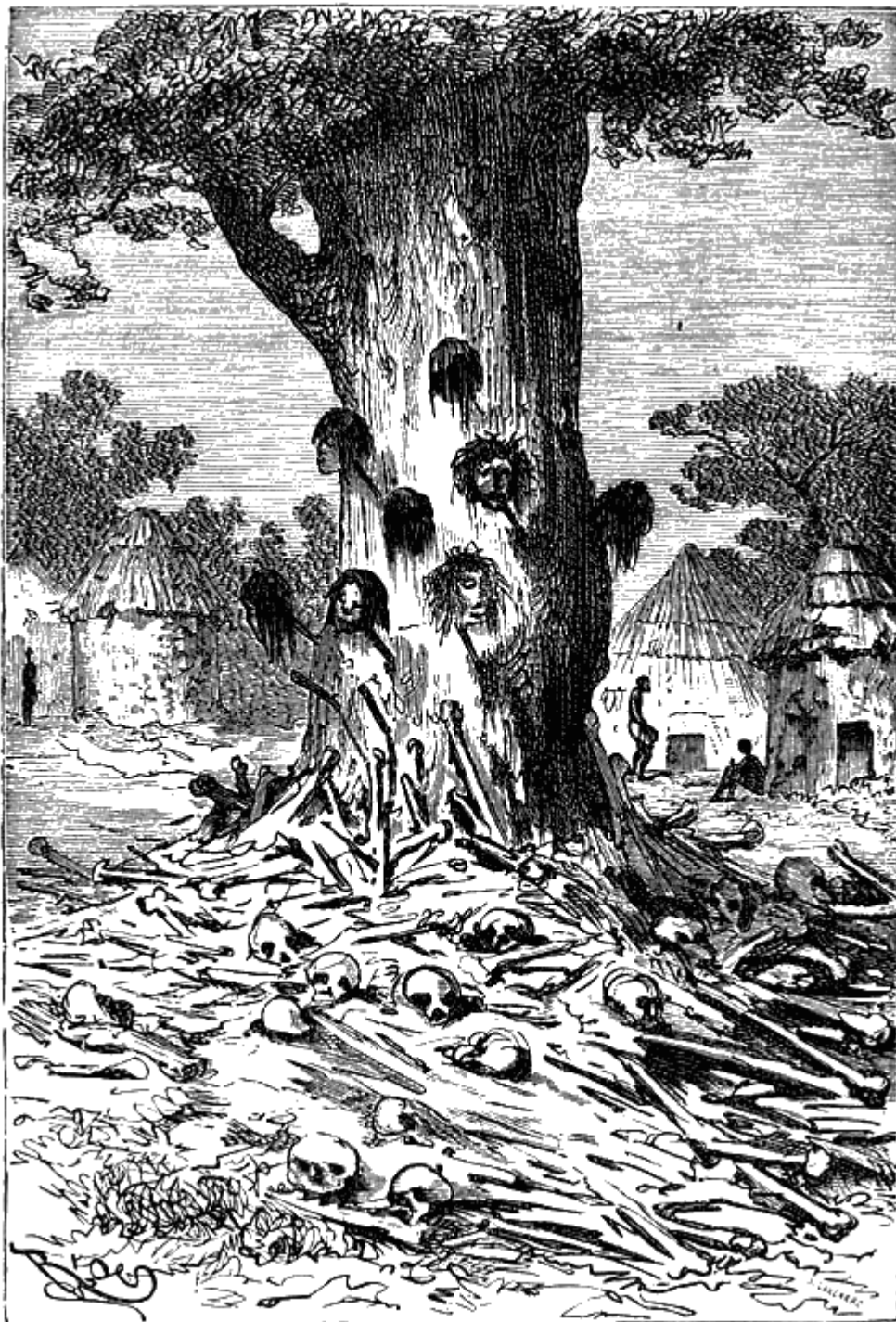
— Да, конечно, — так называемые мамонтовые. В Калифорнии, например, нашли кедр вышиною в четыреста пятьдесят футов. Это будет повыше башни на здании парламента и самой высокой египетской пирамиды. Ствол внизу имеет сто двадцать футов в окружности, а судя по концентрическим слоям его древесины, ему не более не менее как целых четыре тысячи лет с лишним.

— Ну, тогда, сэр, здесь нет ничего удивительного, — вмешался в разговор Джо. — Если живешь четыре тысячи лет, так уж, понятно, будешь высокого роста!

Пока доктор рассказывал, а Джо подавал реплики, лес кончился и на смену ему показалось множество хижин, расположенных вокруг площади. Посредине площади одиноко росло дерево. При виде его Джо закричал:

— Ну, если на этом дереве четыре тысячи лет растут подобные цветы, то я его не поздравляю!

И он указал на ствол гигантского сикомора, кругом заваленный человеческими костями. Цветы же, о которых говорил Джо, были недавно отсеченные человеческие головы, висевшие на кинжалах, воткнутих в кору дерева.

– У людоедов такое дерево называется «деревом войны», – пояснил Фергюссон. – Индейцы сдирают кожу с головы своих жертв, а африканцы – те отсекают им всю голову.

– Это, конечно, вопрос моды, – заметил Джо. Но уже селение с окровавленными головами скрылось из глаз, а вместо него развернулась картина не менее отталкивающая: там и сям валялись брошенные на растерзание гиенам и шакалам полуобглоданные человеческие трупы.

– Это, должно быть, трупы преступников, – сказал доктор. – По крайней мере я знаю, что в Абиссинии преступников кидают на съедение диким зверям.

– Не скажу, чтобы это было более жестоко, чем виселица, – отозвался шотландец. – Только грязнее, вот и все.

– А на юге Африки, – продолжал рассказывать доктор, – преступника запирают в его собственной хижине со всем его скотом, быть может, даже и с семьей, а затем поджигают. Вот это действительно жестокость. Но если виселица менее жестока, то все-таки я согласен с Кеннеди, что и это варварство.

Тут Джо разглядел своими зоркими глазами несколько стай хищных птиц, паривших в воздухе, и указал на них своим спутникам.

– Да это орлы! – закричал Кеннеди, смотря в подзорную трубу. – Чудесные птицы! Они несутся с неменьшей быстротой, чем мы.

– Только бы они не напали на нас, – проговорил Фергюссон. – Эти орлы, поверьте, для нас страшнее диких зверей и диких племен!

– Вот еще! Мы их живо разгоним ружейными выстрелами, – отозвался охотник.

– Я предпочел бы все-таки, дорогой Дик, не прибегать к твоему искусству, – возразил Фергюссон, – ведь тафта, из которой сделан шар, не выдержит и первого удара их клюва. Но, к счастью, мне кажется, наш шар скорее напугает этих страшных птиц, чем привлечет их.

– Ах! Мне пришла мысль! – воскликнул Джо. – Сегодня положительно они приходят ко мне целыми дюжинами. Знаете, если бы нам умудриться запрячь этих самых орлов в нашу корзину, они потащили бы нас по воздуху.

– Этот способ предлагался серьезно, – заметил доктор, – но боюсь, что он мало применим к таким норовистым существам.

– Мы бы их выдрессировали, – развивал свою идею Джо, – вместо удил надели бы на них наглазники, с помощью которых мржно было бы, закрывая то один, то другой глаз, поворачивать их налево и направо, а закрывая им оба глаза, заставлять их останавливаться.

– Уж позволь мне, милый Джо, предпочесть твоей орлиной упряжке попутный ветер – это и вернее и не требует пищи, – ответил доктор.

– Пусть будет по-вашему, сэр, но от своей мысли я все-таки не отказываюсь.

Был полдень. «Виктория» последнее время подвигалась медленнее: земля уже не неслась, а только проходила под нею.

Вдруг раздалась крики и свист. Путешественники нагнулись. Взору их предстало зрелище, очень их взволновавшее. Два племени с ожесточением сражались, пуская в воздух тучи стрел. Воины, стремясь уничтожить друг друга, не замечали появления «Виктории». В этой чудовищной свалке участвовало приблизительно человек триста, и большинство из них было окровавлено. Вся эта картина производила самое отвратительное впечатление.

Когда, наконец, «Виктория» была замечена, битва на время прекратилась, но завывания стали еще ужаснее, и в корзину полетело несколько стрел, из которых одна пронеслась так близко, что Джо умудрился схватить ее.

– Давайте-ка поднимемся повыше, где нас не достанут стрелы, – крикнул Фергюссон. – Будем как можно осторожнее! Рисковать нам нельзя.

Битва возобновилась; снова были пущены в ход топоры и копья. Не успевал кто-нибудь свалиться на землю, как его противник уже отсекал ему голову. В этой бойне принимали участие и женщины: они подбирали отрубленные окровавленные головы и складывали их на поле битвы. Между женщинами происходили схватки из-за этих отвратительных трофеев.

– Ужасное зрелище! – с омерзением воскликнул Кеннеди.

– Скверные людишки, – проговорил Джо. – А впрочем, одень их в военную форму, и они были бы не хуже всяких других солдат.

– Меня так и подмывает принять участие в этой битве! – вырвалось у охотника, размахивающего своим карабином.

– Ни в коем случае! – крикнул Фергюссон. – Зачем нам вмешиваться в то, что нас совсем не касается? Ты хочешь разыграть роль провидения, а сам даже не знаешь, кто тут прав, а кто виноват. Скорее, скорее подальше от этого отталкивающего зрелища! Если бы великие полководцы могли взглянуть вот так, сверху, на театр своих действий, они, пожалуй, потеряли бы вкус к проливаемой ими крови и завоеваниям.

Вождь одной из диких орд выделялся своим огромным ростом и геркулесовской силой. В одной его руке было копье, которое он то и дело вонзал в гущу вражеского отряда, в другой – топор, которым он работал не менее беспощадно. Вдруг этот Геркулес отшвырнул далеко от себя копье, бросился к одному раненому, отсек топором ему руку, схватил ее и с наслаждением впился в нее зубами.

– Ах, какой отвратительный зверь! – закричал Кеннеди. – Нет, я более не в силах терпеть!

И вождь с простреленной головой свалился навзничь. Тут воины его словно оцепенели. Эта сверхъестественная смерть вождя страшно напугала их и в то же время воодушевила их противников. В один миг половина сражавшихся убежала с поля битвы.

– Поищем повыше течение, которое поскорее унесло бы нас отсюда, – промолвил доктор. – Это зрелище, признаться, возбудило во мне отвращение.

Но Фергюссону не удалось улететь своевременно. И наши путешественники увидели, как победители набросились на убитых и раненых, как вырывали они друг у друга еще тёплые куски человеческого мяса и с жадностью пожирали их.

– Тьфу! Это омерзительно! – крикнул Джо.

Но вот «Виктория», увеличившись в объеме, стала подниматься. Еще несколько минут до нее долетал вой озверевшей орды, и затем ее унесло на юг, а ужасающая сцена резни и людоедства осталась позади. Шар летел над холмистой местностью, по которой текли к востоку многочисленные речки и ручьи; они без сомнения впадали в те притоки озера Ну и реки Газелей, любопытное описание которых дал Лежан.

С наступлением ночи «Виктория», пролетев в этот день сто пятьдесят миль, бросила якорь у 27° восточной долготы и 4° 20' северной широты.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Странные крики. – Ночное нападение. – Кеннеди и Джо на дереве. – Два выстрела. – «Ко мне! На помощь!» – Ответ по-французски. – Утро. – Миссионер. – План спасения.

Ночь была очень темна. Доктор Фергюссон не мог определить, где именно они спустились. Якорь зацепился за вершину очень высокого дерева, которое едва вырисовывалось в ночном мраке. Как всегда, доктор нес первую вахту с девяти часов вечера, а в полночь его сменил Кеннеди.

– Смотри же, Дик, сторожи хорошенько, – наказал ему доктор.

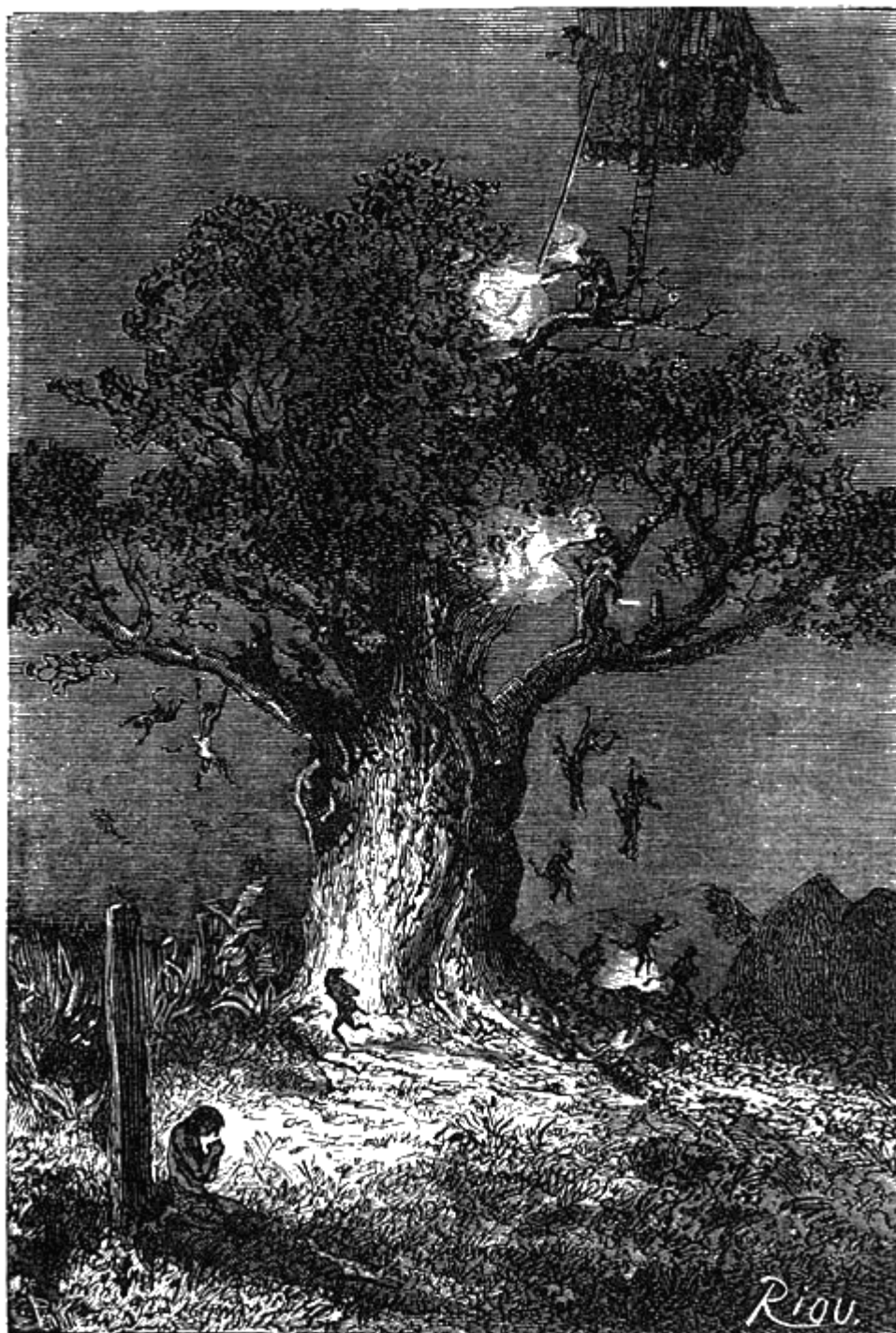
– А разве есть что-либо новое!

– Нет как будто. Но мне показалось, что внизу, под нами, слышатся какие-то неясные крики. Ведь в сущности я не знаю, куда нас занес ветер, а излишняя осторожность повредить не может.

– Ты, Самуэль, должно быть, слышал вой диких зверей.

– Нет, мне почудилось совсем другое... Ну, одним словом, при малейшей тревоге буди меня немедленно.

– Можешь быть совершенно спокоен.

Доктор еще раз внимательно прислушался, но кругом все было тихо, и он, бросившись на постель, скоро заснул. Все небо было покрыто густыми тучами, но в воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка. «Виктория», держась на одном только якорь, была совершенно неподвижна.

Кеннеди, пристроившись в корзине так, чтобы было удобно наблюдать за горелкой, в то же время внимательно вглядывался в темноту. Порой ему казалось, как это бывает у людей беспокойных или настороженных, будто внизу мелькает какой-то слабый свет. На мгновение ему даже представилось, что он ясно видит этот свет в каких-нибудь двухстах шагах, но он блеснул и исчез с быстротой молнии. Вероятно, это был один из тех световых узоров, которые глаз видит в глубоком мраке. Кеннеди было успокоился и снова стал нерешительно всматриваться в темноту, как вдруг резкий свист прорезал воздух.

Что это? Крик животного, ночной птицы или это кричит человек?

Кеннеди, сознавая всю опасность положения, собирался уже разбудить своих товарищей,

но тут ему пришло в голову, что, кто бы это ни был, люди или звери, они во всяком случае находятся не так уж близко. Дик осмотрел свои ружья и стал вглядываться в темноту. Вскоре ему показалось, что какие-то неясные тени крадутся к их дереву. В это мгновение из-за туч проскользнул луч луны, и Кеннеди ясно увидел группу каких-то существ,двигающихся в темноте.

Ему пришло на память приключение с павианами, и, не медля более, он дотронулся до плеча доктора. Тот сейчас же проснулся.

– Будем говорить тише, – прошептал Кеннеди.

– Что-нибудь случилось?

– Да, надо разбудить Джо.

Когда Джо выскочил, охотник рассказал то, что он видел.

– Неужели снова эти проклятые обезьяны? – тихо проговорил Джо.

– Возможно. Но, тем не менее, надо принять все меры предосторожности, – сказал Фергюссон.

– Мы с Джо спустимся по лестнице на дерево, – заявил Кеннеди.

– А я в это время, – добавил доктор, – подготовлю все, чтобы «Виктория» смогла в случае надобности мигом подняться.

– Значит, сговорились.

– Ну, так спускаемся, – сказал Джо.

– Смотрите же, без крайней необходимости не пускайте в ход оружия, – напутствовал их доктор. – Совершенно излишне обнаружить в этой местности наше присутствие.

Дик и Джо ответили ему кивком головы. Они бесшумно соскользнули на дерево и усьелись на разветвлении крепких ветвей, за которое держался якорь. Некоторое время они, сидя неподвижно среди листвы, молча прислушивались. Вдруг послышалось какое-то шуршание по коре дерева. Джо схватил шотландца за руку.

– Слышите? – прошептал он.

– Да, что-то приближается.

– Быть может, это змея. Помните, вы слышали свист?

– Нет, в нем было что-то человеческое.

«Уж лучше все-таки дикари, – подумал про себя Джо, – терпеть не могу гадов».

– Шум усиливается, – снова прошептал через несколько минут Кеннеди.

– Да, кто-то карабкается сюда.

– Ты наблюдай за этой стороной, а я за той, – шепотом проговорил охотник.

– Хорошо.

Они были одни на крепкой большой ветке, поднимавшейся прямо из гущи исполина-баобаба. В густой листве царил не проглядный мрак. Вдруг Джо наклонился к уху Кеннеди и прошептал:

– Негры.

До их слуха даже долетело несколько слов, произнесенных вполголоса вниз. Джо вскинул ружье на плечо.

– Подожди, – остановил его шепотом Дик.

Дикари действительно взбирались на баобаба. Они карабкались со всех сторон, скользя по веткам, как змеи, и подвигались медленно, но уверенно. Их можно было узнать по запаху тел, смазанных зловонным жиром. Вскоре на уровне ветки, на которой сидели Кеннеди и Джо, показались две головы...

– Стреляй! – скомандовал шотландец.

Двойной выстрел прокатился, как гром, и замер среди болезненных воплей. В мгновение ока вся ватага исчезла.

Но среди воя вдруг прозвучал крик – удивительный, неожиданный, невероятный! Человеческий голос совершенно ясно крикнул по-французски:

– Ко мне! На помощь!

Кеннеди и Джо были безмерно изумлены и мигом взобрались обратно в корзину.

– Вы слышали? – спросил Фергюссон.

– Конечно. Подумайте только! Этот невероятный голос: «Ко мне! На помощь!» Француз в руках этих варваров!

– Быть может, какой-нибудь путешественник или миссионер?

– Несчастный! – воскликнул охотник. – Его терзают, может быть, убивают.

Фергюссон тщетно старался скрыть свое волнение. – Тут нет никаких сомнений, – наконец, проговорил он, – какой-то несчастный француз попал в руки дикарей. И, конечно, мы не тронемся отсюда, раньше чем сделаем все возможное для его спасения. По нашим ружейным выстрелам он должен был понять, что явилась неожиданная помощь, он верит, что это вмешательство providения. Ведь правда, друзья мои, мы с вами не отнимем у него этой последней надежды? Как ваше мнение?

– Мы совершенно согласны с тобой, Самуэль! Распоряжайся нами!

– Обсудим же теперь, что нам делать, а с рассветом постараемся его выручить, – сказал Фергюссон.

– Но как нам отделаться от этих подлых негров? – проговорил Кеннеди.

– Когда я вспоминаю, как эти негры удирали, для меня совершенно очевидно, что они не знакомы с огнестрельным оружием, – продолжал доктор, – значит, нам нужно будет использовать их ужас. Но обождём рассвета и уж тогда, сообразуясь с местностью, выработаем план спасения.

– Этот бедняга должен быть где-нибудь поблизости, – заметил Джо, – так как...

– Ко мне! Ко мне! – раздался тот же голос, но уже более слабый!

– Варвары! – закричал, весь трясаясь от волнения, Джо. – А что, если они прикончат его еще этой ночью?

– Слышишь, Самуэль, – бросился Кеннеди к своему другу, хватая его за руку, – если они прикончат его ночью!

– Это мало вероятно, друзья мои. Дикие племена умерщвляют своих пленников обыкновенно среди бела дня: им, видите ли, для этого непременно нужно солнце, – пояснил доктор.

– Ну, а что, если мне воспользоваться ночной темнотой и пробраться к этому несчастному? – промолвил шотландец.

– Тогда и я пойду с вами, мистер Дик, – предложил Джо.

– Постойте, постойте, друзья мои! Этот план делает честь вашему сердцу и вашей храбрости, но вы подвергаете опасности всех нас и еще больше можете повредить тому, кого мы хотим спасти.

– Почему же? – возразил Кеннеди. – Ведь эти дикари страшно перепуганы. Они разбежались и больше не вернутся.

– Дик, умоляю тебя, послушайся меня! Поверь, я имею в виду общее благо. Если бы ты случайно попался им в руки, все бы пропало.

– Но этот несчастный? Он ждет, надеется. И никто не отзывается, никто не идет на помощь. Ему уже, верно, начинает казаться, что ружейные выстрелы ему только померещились.

– Его можно успокоить, – заявил доктор Фергюссон. И, поднявшись, доктор приложил ко рту руку в виде рупора и прокричал на том же языке, на каком зывал о помощи неизвестный:

– Кто бы вы ни были, не теряйте надежды! Три друга думают и заботятся о вас.

В ответ на это раздался ужасный вой, заглушивший, без сомнения, ответ пленника.

– Его убивают! Его прикончат! – закричал Кеннеди. – Наше вмешательство только ускорило его смертный час. Надо действовать!

– Но каким образом, Дик, подумай, что можно сделать в таком мраке?

– Ах, если бы было светло! – воскликнул Дик.

– Ну, хорошо, а если б был день, что бы ты тогда сделал? – каким-то особенным тоном спросил доктор.

– Ничего не может быть проще, Самуэль, – ответил охотник. – Я спустился бы на землю и стрельбой разогнал бы этот сброд.

– А ты, Джо, что сделал бы? – обратился к нему Фергюссон.

– Я, сэр, поступил бы более осторожно. Дал бы знать пленнику, в каком направлении ему

бежать.

– Но каким же образом?

– Привязал бы записку к стреле, которую, помните, я поймал на лету, или же громко сказал бы ему это, благо дикари не понимают нашего языка.

– Ваши планы несбыточны, друзья мои. Спасись бегством этому несчастному страшно трудно, если б даже он сумел ускользнуть от своих мучителей. Твой же проект, дорогой Дик, при твоей отваге да еще благодаря страху, который мы нагнали на них стрельбой, быть может, и удался бы. Но провалился он – тебе грозила бы гибель, и нам пришлось бы спасать уже не одного, а двоих. Нет! Надо действовать иначе – так, чтобы все шансы на успех были на нашей стороне.

– Но действовать немедленно, сейчас же, – настаивал охотник.

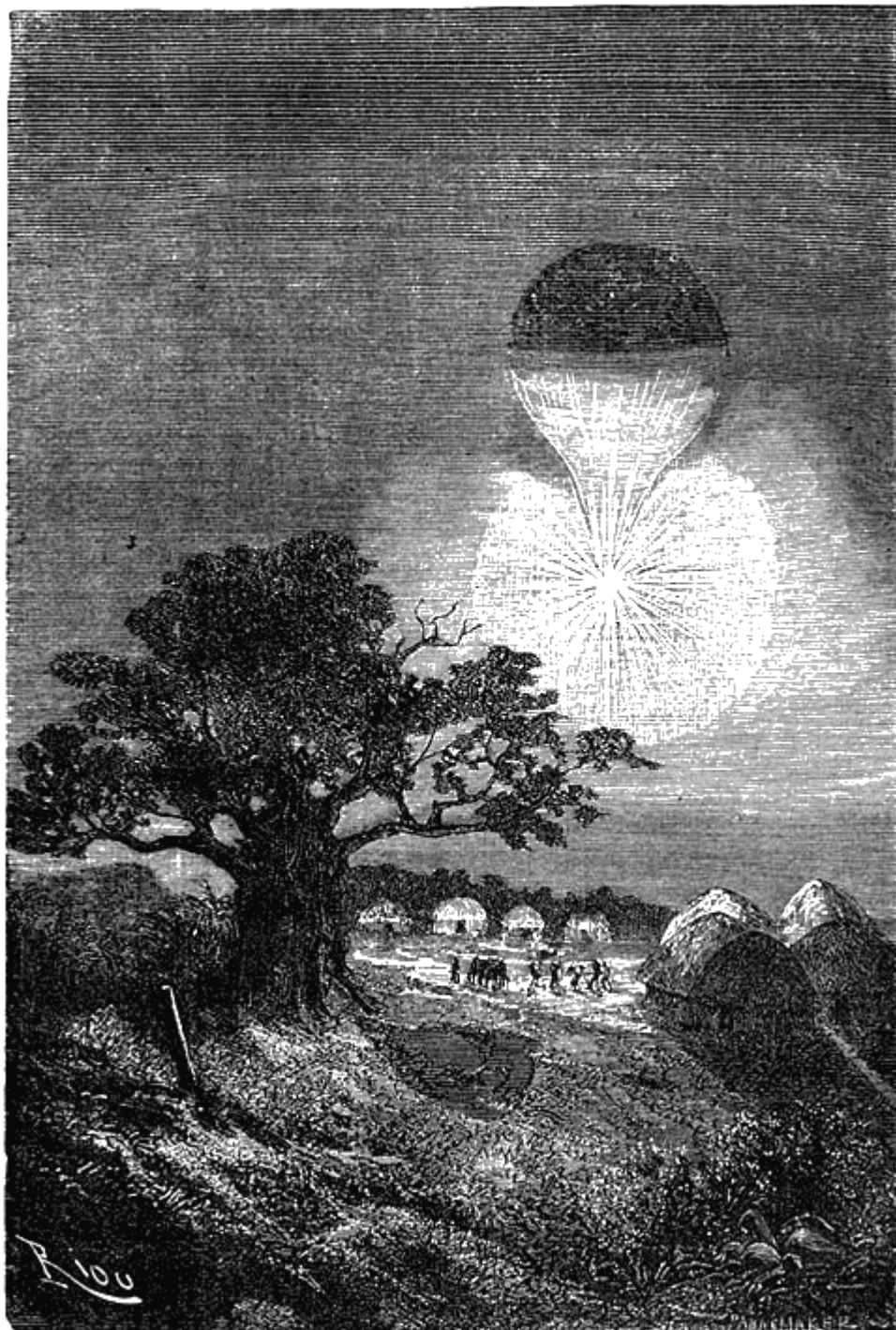
– Может быть, и так, – проговорил Фергюссон, как бы подчеркивая эти слова.

– Да неужели, сэр, вы в силах рассеять эту тьму?

– Кто знает, Джо...

– Ах, сэр! Если только вы сделаете нечто подобное, я сейчас же заявлю, что вы – самый великий ученый в мире!

Доктор несколько минут помолчал. Видимо, он обдумывал какой-то план. Оба, Дик и Джо, с трепетом смотрели на него. Они были страшно взволнованы этим совершенно необычным положением.

Вскоре Фергюссон заговорил:

– Вот мой план: у нас еще не тронут балласт в двести фунтов. Мне кажется, что этот пленник, – он ведь изнурен, измучен, – не может весить больше самого тяжелого из нас. Следовательно, у нас во всяком случае остается лишним шестьдесят фунтов балласта, и его можно сбросить, чтобы скорее подняться.

– Объясни, пожалуйста, что ты думаешь предпринять? – попросил Кеннеди.

– А вот что. Ты сам понимаешь. Дик, что если мне удастся захватить пленника и я сброшу количество балласта, равное ему по весу, то равновесие шара не будет нарушено. Но если придется как можно скорее подниматься, чтобы ускользнуть от этой оравы негров, мне понадобится прибегнуть к более энергичным средствам, чем моя горелка. И вот для этого в нужную минуту и придется сбросить остаток балласта.

– Видимо, это так, – согласился Дик.

– Но здесь есть и отрицательная сторона, – продолжал Фергюссон. – Чтобы спуститься по-

том, мне понадобится выпустить количество газа, пропорциональное излишку сброшенного балласта. Конечно, газ вещь очень ценная, но можно ли думать об этом, когда вопрос идет о спасении человеческой жизни!

– Ты совершенно прав, Самуэль: мы должны пойти на любые жертвы, чтобы спасти этого человека.

– Приступим же к делу, – сказал Фергюссон. – Начните с того, что переместите балласт к борту корзины так, чтобы его сразу можно было сбросить.

– А как быть с темнотой?

– Пока она скрывает наши приготовления, а когда они будут закончены – рассеется. Держите оружие наготове. Быть может, придется стрелять. Чем мы располагаем? Один выстрел из карабина, четыре из двух ружей, двенадцать из двух револьверов, всего семнадцать. Мы можем сделать все семнадцать в четверть минуты. А может быть, стрелять не понадобится. Ну что, вы готовы?

– Готовы, – ответил Джо.

Балласт поместили у борта, зарядили оружие.

– Прекрасно, – одобрил доктор. – Будьте же внимательны. Ты, Джо, сбрасывай балласт, а ты, Дик, хватай пленника. Но помните: ничего не делать без моего распоряжения. А теперь, Джо, ступай скорей, отцепи якорь и мигом возвращайся назад в корзину.

Джо проворно спустился вниз по канату и через несколько минут вернулся обратно. «Виктория», получив свободу, повисла в воздухе почти неподвижно.

В это время доктор убедился, что в смесительной камере есть достаточно газа, чтобы в случае надобности пустить в ход горелку, не прибегая к помощи бунзеновской батареи. Потом он взял два хорошо изолированных проводника, служивших для разложения воды, и, порывшись в своем дорожном чемодане, достал оттуда два заостренных уголька, которые и прикрепит к концам проводников.

Оба его друга смотрели на то, что он делает, ровно ничего не понимая, но молчали. Закончив свою работу, Фергюссон стал посреди корзины и, взяв в каждую руку по проводнику с угольками, сблизил их концы.

И вдруг яркий, ослепительный, невыносимый для глаз свет вспыхнул между остриями угольков. Огромный сноп электрического света прорезал ночной мрак.

– Ах, сэр! – вырвалось у Джо.

– Ни слова! – прошептал доктор.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Сноп света. – Миссционер. – Похищение при электрическом свете. – Священник-лазарист. – Слабая надежда на выздоровление миссионера. – Заботы доктора. – Самоотверженная жизнь. – Полет над вулканом.

Фергюссон стал направлять яркий сноп электрического света в разные стороны. Наконец, он остановил его на одном месте, и оттуда сразу донеслись вопли ужаса. Дик и Джо смотрели во все глаза на представившееся им зрелище.

Баобаб, над которым почти неподвижно висела «Виктория», рос посреди лужайки. Среди полей кунжута и сахарного тростника разбросано было штук пятьдесят низких хижин с коническими крышами, а вокруг них кишело многочисленное племя негров. Почти под самой «Викторией», в каких-нибудь ста футах от нее, стоял столб. У подножия его виднелось человеческое существо – молодой человек лет тридцати, с длинными черными волосами, полуголый, худой, окровавленный и израненный; он склонил голову на грудь, как распятый Иисус. Выстриженные на макушке волосы говорили о том, что на этом месте недавно была тонзура.

– Это миссионер! – закричал Джо. – Священник!

– Бедняга! Несчастный! – восклицал Дик.

– Мы его спасем, – уверял доктор. – Спасем. При виде шара, похожего на огромную коме-

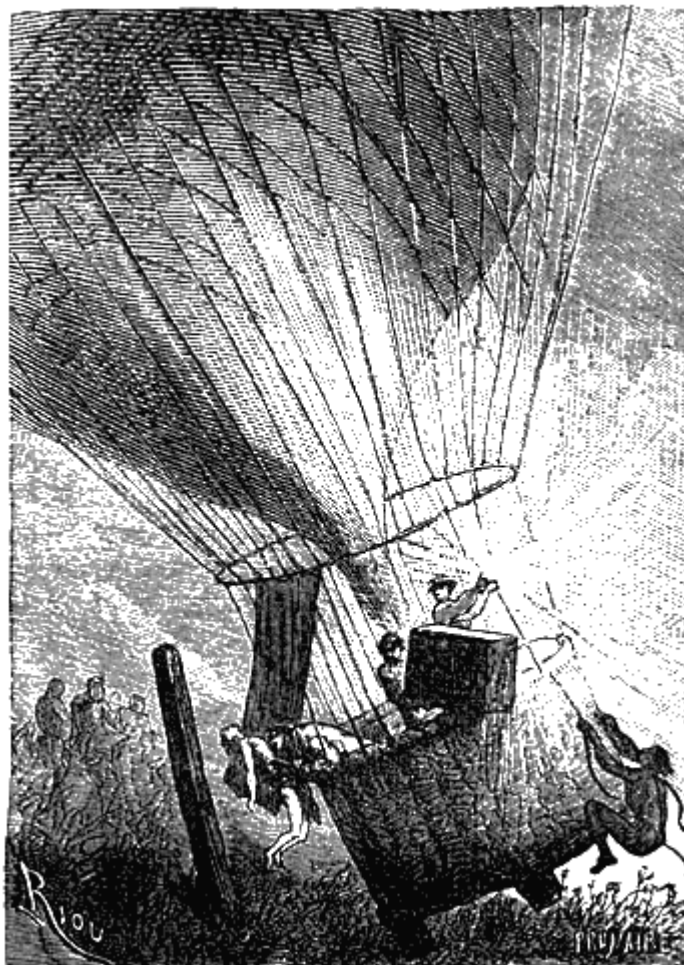
ту с ярко сверкающим хвостом, негры, понятно, пришли в ужас. Слыша их вопли, пленник поднял голову. В глазах его блеснуло выражение надежды, и, не отдавая себе отчета в том, что происходит вокруг него, он протянул руки к своим неожиданным спасителям.

– Он жив! Он жив! – радостно закричал Фергюссон. – Слава богу! А дикари в полнейшем ужасе. Мы его спасем. Вы готовы, друзья мои?

– Готовы, Самуэль.

– Ну, Джо, туши горелку.

Приказ доктора сейчас же был выполнен. Едва заметный ветерок нес «Викторию» к пленнику; одновременно шар, вследствие охлаждения газа, мало-помалу спускался. Еще минут десять «Виктория» плавала в волнах света. Фергюссон все направлял на толпу ослепительный сноп лучей, от которого негры, придя в неопиcуемый страх, один за другим забились в свои хижины. Площадка опустела. Доктор был прав, возлагая надежды на сверхъестественное появление «Виктории», бросающей солнечные лучи среди ночного мрака.

Корзина приблизилась к земле. Несколько смельчаков-негров, видя, что добыча ускользает от них, вернулось, испуская громкие крики. Кеннеди схватил свой карабин, но доктор запретил ему стрелять. Миссионер не был даже привязан к столбу – это было лишнее при его полнейшем изнеможении. Он стоял на коленях, не имея сил держаться на ногах. В ту минуту, когда «Виктория» коснулась земли, охотник, откинув в сторону свой карабин, схватил в охапку миссионера и втащил его в корзину. В это же мгновение Джо сбросил на землю двухсотфунтовый балласт.

Доктор был уверен, что «Виктория» должна понестись вверх с необыкновенной быстротой, но, вопреки его ожиданию, она, поднявшись на три-четыре фута, внезапно остановилась.

– Кто нас держит? – в ужасе закричал доктор.

С дикими криками к «Виктории» мчалось несколько дикарей.

– Ах! – воскликнул Джо, наклонившись над бортом. – Один из этих свирепых негров уцепился за низ нашей корзины.

– Дик! Дик! – крикнул доктор. – Ящик с водой!

Дик сразу понял мысль своего друга и, схватив один из ящичков с водой, весивший более ста фунтов, вышвырнул его за борт.

Освободившись от балласта, «Виктория» сразу подпрыгнула вверх футов на триста, и толпа, видя, что пленник уносится от нее в луче ослепительного света, огласила воздух неистовым ревом....

– Ура! – радостно вскрикнули Кеннеди и Джо. Тут «Виктория» снова рванулась ввысь, и на этот раз больше, чем на тысячу футов.

– Что случилось? – спросил Кеннеди, от толчка едва удержавшийся на ногах.

– Ничего, – ответил Фергюссон. – Просто этот негодяй, наконец, покинул нас.

Джо, быстро нагнувшись над бортом корзины, увидел, как дикарь с распростертыми руками летел вниз, как он несколько раз перевернулся в воздухе и, наконец, грохнулся о землю.

Доктор разъединил провода, и наступила полнейшая тьма. Был час ночи. Француз, все время лежавший в обмороке, открыл глаза.

– Вы спасены, – сказал ему Фергюссон.

– Спасен от мучительной смерти, да, – с печальной улыбкой ответил француз по-английски. – Благодарю вас, братья, но не только дни мои, а самые часы сочтены. Немного мне осталось жить.

И миссионер, вконец обессиленный, впал в забытие.

– Он умирает! – закричал Дик.

– Нет, нет, – ответил Фергюссон, наклоняясь над французом. – Но он очень слаб. Давайте положим его под тент.

Они осторожно уложили на постель это жалкое, исхудалое тело, все покрытое шрамами и свежими ранами от ножей и огня. Доктор нащипал из своего носового платка немного корпии и наложил ее на раны, предварительно промыв их. Он действовал умело и ловко, как настоящий врач. Затем, вынув из своей аптечки подкрепляющее средство, он влил несколько капель в рот миссионера. Тот едва имел силы прошептать: «Благодарю, благодарю».

Доктор, видя, что больному необходим полный покой, опустил над ним тент, а сам снова занялся своим шаром. «Викторию», учитывая присутствие на ней четвертого пассажира, освободили в общем от балласта в сто восемьдесят фунтов, и она держалась в воздухе без помощи горелки. На рассвете легкий ветерок тихонько понес «Викторию» к северо-западу. Фергюссон подошел к спящему миссионеру и несколько минут наблюдал за ним.

– Если бы только мы могли сохранить спутника, посланного нам небом! – промолвил охотник. – Есть ли хоть какая-нибудь надежда?

– Да, Дик, при хорошем уходе, на таком чистом воздухе.

– Сколько выстрадал этот человек! – проговорил взволнованный Джо. – Ему нужно было больше смелости, чем нам. Шутка ли: одному идти к этим племенам!

– Вне всякого сомнения, – отозвался охотник.

Доктор весь день не хотел будить миссионера; в сущности это был даже не сон, а дремота, прерываемая стонами и тихими жалобами. Состояние больного не переставало беспокоить Фергюссона.

Под вечер «Виктория» остановилась и неподвижно простояла среди мрака всю ночь. Джо и Кеннеди сменяли друг друга у постели больного, а Фергюссон все время один нес вахту.

На следующее утро «Виктория», поднявшись в воздух, уклонилась чуть-чуть к западу. День обещал быть великолепным. Вдруг больной несколько окрепшим голосом позвал своих новых друзей. Сейчас же подняли края тента, и он с наслаждением стал вдыхать свежий утренний воздух.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Фергюссон.

– Как будто лучше, – ответил больной. – А до сих пор, друзья мои, мне все казалось, будто я вас вижу во сне. Признаться, я с трудом отдаю себе отчет в том, что случилось. Скажите, кто вы такие? Как вас зовут? Я хочу знать это, чтобы помянуть вас в своей последней молитве.

– Мы английские путешественники, – сказал Фергюссон, – пытаемся на воздушном шаре перелететь через Африку, и вот по пути нам посчастливилось спасти вас.

– У науки есть свои герои, – сказал миссионер.

– А у религии – свои мученики, – откликнулся шотландец.

– Вы миссионер? – спросил доктор.

– Я священник миссии лазаристов. Вас мне послало небо. Но моя жизнь кончена. Расскажите мне о Европе, расскажите о Франции, – ведь уже целых пять лет я ничего не знаю о своей родине.

– Пять лет! Один среди этих дикарей! – воскликнул Кеннеди.

– Это души, которые нуждаются в искуплении, – ответил молодой священник. – Это братья, дикие и невежественные, которых только церковь может наставить и цивилизовать.

Фергюссон долго рассказывал миссионеру о его родной Франции. Тот жадно слушал, и тихие слезы струились по его щекам. Время от временной брал в свои лихорадочно горящие ладони то руки Кеннеди, то руки Джо и пожимал их. Доктор приготовил больному несколько чашек чаю, и тот выпил их с наслаждением. Бедняга почувствовал некоторый прилив сил, смог приподняться и, видя, что он несется по ясному небу, даже улыбнулся.

– Вы отважные путешественники, – начал он, – ваше смелое предприятие завершится благополучно; вы-то увидите ваших родных, друзей, вашу родину, вы...

Несчастный так ослабел, что его пришлось сейчас же снова уложить. Несколько часов он находился в состоянии полной прострации, похожем на смерть. Фергюссон не отходил от него и не мог сдержать своего волнения: он чувствовал, что эта жизнь уходит. «Неужели, – думал доктор, – мы так скоро потеряем того, кого вырвали из рук мучителей?» Доктор снова перевязал ужасные раны и принужден был пожертвовать большей частью своего запаса воды, чтобы освежить пылающее в лихорадочном жару тело страдальца. Вообще он самым нежным и разумным образом ухаживал за ним. К французу мало-помалу возвращалось сознание, но, увы, не жизнь.

Умиравший прерывистым голосом рассказал доктору свою историю. Когда он начал, Фергюссон попросил его говорить на родном языке:

– Я понимаю его, а вас это менее утомит.

Миссионер был молодой человек родом из Бретани, из бедной семьи. Деревня Драдон, где он вырос, находилась в центре департамента Мобриана. Он очень рано почувствовал влечение к духовному поприщу. Ему мало было самоотверженной жизни священника, он хотел опасностей и вступил в орден миссионеров, основателем которого был св. Винцент-Павел.

В двадцать лет он покидает свою родину для негостеприимных берегов Африки, и оттуда, преодолевая всякие препятствия, перенося всевозможные лишения, молясь, он пешком добирался до поселений диких племен, живущих по притокам Верхнего Нила. Прошло два года, а дикири все еще не внимали его проповедям, не откликались на его пылкие призывы, неверно истолковывали его человеколюбие. И вот он попадает в плен к одному из самых свирепых племен – ньямбара, где с ним очень плохо обращаются. И все же он учит, наставляет, молится. Когда однажды племя, у которого он был в плену, после одного из частых побоищ с соседями, разбегается, бросив его на поле битвы, как мертвого, он все-таки не считает возможным вернуться на родину и, верный евангельским заветам, продолжает скитаться по Африке. Самым спокойным временем для него было то, когда его считали сумасшедшим. Он и на новых местах изучает местные наречия и упорно продолжает свое дело. Еще два долгих года он странствует по этим местам, повинаясь сверхчеловеческой силе, дарованной ему богом. Последний год проводит он среди «барафри», одного из самых диких племен – ньям-ньям. Несколько дней тому назад умер их вождь, и злосчастного миссионера почему-то обвиняют в его неожиданной смерти. И вот решают принести его в жертву. Уже в течение почти двух суток длится его пытки, и ему предстоит, как верно предвидел доктор, умереть на следующий день при ярком свете солнца, как раз в полдень. Услышав звук ружейных выстрелов, он инстинктивно кричит: «Ко мне! Ко мне!» А когда до него доносятся с неба слова утешения, ему кажется, что все это сон.

– Я не жалею, – прибавил он, – о жизни, которая уходит; она принадлежит богу.

– Не теряйте надежды, – сказал ему доктор. – Мы подле вас и вырвем вас у смерти, как вырвали у ваших мучителей.

– Так много я не прошу, – кротко ответил миссионер. – Слава богу, что мне дана перед смертью великая радость пожать дружеские руки и услышать родную речь.

Миссионер снова ослабел. День прошел между надеждой и страхом. Кеннеди был очень подавлен, а Джо украдкой утирал слезы.

«Виктория» еле подвигалась; самый ветер, казалось, хотел дать покой умирающему.

Под вечер Джо объявил, что на западе виден какой-то очень яркий свет. Действительно, небо было словно в огне. На более северных широтах, пожалуй, можно было бы принять это за северное сияние. Доктор стал внимательно наблюдать за таким редким явлением.

– Это не может быть не чем иным, как действующим вулканом, – наконец, проговорил он.

– А ветер как раз. несет нас туда, – заметил с тревогой Кеннеди.

– Ну, и что же? – отозвался доктор. – Мы пролетим над ним на такой высоте, где будем в безопасности.

Прошло каких-нибудь три часа, и «Виктория» уже неслась над горами. Она была на 24° 15' восточной долготы и 4° 42' северной широты. Под нею из огнедышащего вулкана лились потоки расплавленной лавы и высоко взлетали обломки скал... Казалось, какая-то огненная влага низвергается ослепительным каскадом. Зрелище было великолепное, но опасное, ибо ветер продолжал упорно гнать «Викторию» в сторону этой раскаленной атмосферы.

Раз нельзя было обойти это препятствие, надо было перелететь через него. Горелка заработала вовсю, и «Виктория», поднявшись на высоту шести тысяч футов, пронеслась саженях в трехстах от вулкана. Умирающий миссионер мог со своего ложа созерцать действующий вулкан, откуда вырывались ослепительные снопы огня.

– Как это прекрасно, – произнес он, – и как бесконечно могущество всевышнего. Мы чувствуем его даже в самых страшных явлениях природы.

Потоки раскаленной лавы покрывали склоны горы словно огненным ковром. Нижняя часть «Виктории», отражая море пламени, сияла в ночной темноте. В корзине чувствовался сильный жар, и доктор Фергюссон стремился как можно скорее уйти от этого опасного места. К десяти часам вечера вулкан казался лишь красной точкой на горизонте, а «Виктория», опустившись в более низкую зону, спокойно продолжала свой полет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Гнев Джо. – Смерть праведника. – Бдение над покойником. – Безводная местность. – Погребение. – Глыбы кварца. – Галлюцинация Джо. – Драгоценный балласт. – Открытие золотоносных пород. – Джо в отчаянии.

Чудесная ночь спустилась на землю. Обессиленный миссионер тихо дремал.

– Нет, он больше не придет в себя, – проговорил Джо. – А ведь он так еще молод, бедняга, ему тридцати нет.

– Да, он умрет на наших руках, – подтвердил доктор с отчаянием. – Дыхание его все слабеет, и я бессилён сделать что-либо для его спасения.

– Ах, негодяи, – крикнул Джо, на которого иногда нападали внезапные приступы гнева. – Подумать только, что этот достойный священник нашел еще слова, чтобы пожалеть их, оправдать, простить!

– Посмотри, Джо, какую прекрасную ночь посылает ему бог, его последнюю ночь. Больше он не будет страдать.

Вдруг француз прерывающимся голосом что-то проговорил. Фергюссон подошел к нему. Умиравшему было трудно дышать, он просил поднять края тента. Когда это было исполнено, он с наслаждением вдохнул в себя чистейший воздух прозрачной ночи. Звезды трепетали над ним, а луна как бы окутывала его белым саваном своих лучей.

– Друзья мои, – сказал священник слабеющим голосом. – Я ухожу. Да поможет вам бог завершить ваше дело. Да вернет он вам за меня мой долг благодарности.

– Не падайте духом, – ответил ему Кеннеди. – Это лишь временный упадок сил. Вы не умрете! Можно ли умереть в такую прекрасную летнюю ночь!

– Смерть пришла за мной, – возразил миссионер. – Я знаю. Что ж! Дайте мне встретить ее лицом к лицу. Смерть – начало вечной жизни, конец земным трудам. Поставьте меня на колени, братья, прошу вас!

Кеннеди приподнял его, но бессильное тело свалилось ему на руки.

– Боже мой, боже мой, – воскликнул умирающий проповедник. – Сжался надо мной.

Его лицо просияло. Вдали от земли, радости которой не были им изведаны, среди ночи, посылавшей ему свой тихий свет, под небесами, к которым он взлетал, точно в каком-то чудесном вознесении, он как будто уже начал жить другой, новой жизнью.

Собравшись с силами, он благословил друзей, которые всего лишь один день как стали его друзьями, и снова упал на руки Кеннели, по лицу которого текли обильные, крупные слезы.

– Умер, – сказал доктор, наклонившись над ним. – Умер.

И три друга, точно сговорившись, опустили на колени и стали молиться.

– Завтра утром, – спустя несколько минут сказал Фергюссон, – мы похороним его в земле Африки, земле, орошенной его кровью.

Всю остальную ночь над телом по очереди бодрствовали доктор, Кеннеди и Джо. Ни единым словом не нарушили они благоговейного молчания, все плакали.

На следующее утро подул южный ветер и тихо понес «Викторию» над обширным плоскогорьем. Тут были и потухшие вулканы и бесплодные лощины. Воды кругом не видно было и следа. Нагроможденные друг на друга скалы, валуны, беловатые мергельные ямы – все свидетельствовало о полнейшем бесплодии почвы.

Около полудня доктор решил для погребения миссионера опуститься в котловину, окруженную скалами первозданных плутонических пород. Эта гористая местность была для него подходящим приютом; вместе с тем здесь были благоприятные условия для приземления «Виктории», которая за неимением деревьев не могла быть поставлена на якорь. Но теперь, как объяснил своему другу Фергюссон, для спуска было необходимо выпустить соответствующее количество газа: ведь при похищении миссионера пришлось выбросить весь балласт. Доктор открыл клапан во внешней оболочке шара, часть водорода вышла, и «Виктория» спокойно опустилась на дно котловины.

Не успела она коснуться земли, как доктор сейчас же закрыл клапан. Джо прыгнул и, держась одной рукой за борт корзины, другой стал кидать в нее камни до тех пор, пока вес их не сравнялся с его собственным. Теперь уж он мог начать действовать обеими руками. И вот, когда Джо положил в корзину больше пятисот фунтов камней, доктор и Кеннеди в свою очередь сошли на землю. «Викторию» уравновесили, и теперь она не могла подняться с земли.

Фергюссон обратил внимание на то, что камней для установления равновесия потребовалось совсем немного, – они были необычайно тяжелыми. Всюду лежали обломки кварца и пор-

фира.

«Вот так странное открытие!» – подумал про себя доктор. В это время Кеннеди и Джо в нескольких шагах от него искали место для могилы. В балке, закрытой со всех сторон, стояла невыносимая жара, словно в натопленной печке. Полуденное солнце почтл отвесно бросало в нее свои палящие лучи.

Сначала понадобилось очистить место от валявшихся на нем обломков скал. Затем была вырыта могила, достаточно глубокая, чтобы дикие звери не смогли добраться до трупа.

В эту могилу друзья благоговейно опустили тело француза; его засыпали землей и в виде памятника навалили несколько больших обломков скал.

Доктор стоял неподвижно, глубоко погруженный в свои мысли. Он даже не слышал, как товарищи звали его, чтобы отправиться вместе с ними на поиски убежища от зноя.

– О чем ты так задумался, Самуэль? – спросил Кеннеди.

– Я думаю о том, что за странные контрасты встречаются в природе и до какой степени удивительны бывают случайности. Знаете, в какой земле погребен этот человек, так мало ценивший все земные блага?

– Что ты хочешь сказать, Самуэль? – заинтересовался шотландец.

– Представьте себе: этот священник, давший обет бедности, покоится в золотом руднике...

– В золотом руднике?! – в один голос закричали Кеннеди и Джо.

– В золотом руднике, – спокойным тоном подтвердил доктор. – Камни, которые вы небрежно отшвыриваете ногами, содержат в себе золото.

– Быть не может! Быть не может! – повторял Джо.

– В трещинах сланца вы легко можете обнаружить золотые самородки, – продолжал доктор.

Тут Джо, как сумасшедший, бросился к валявшимся повсюду камням. Кеннеди был не прочь последовать его примеру.

– Да успокойся же, мой милый Джо, – обратился к нему Фергюссон.

– Ну, сэр, говорите, что вам угодно...

– Да что ты, Джо! Такой философ, как ты...

– Эх, сэр, здесь уж не до философии!

– Подумай хорошенько, милый мой, к чему нам все это богатство? Ведь мы не можем взять его с собой, – уговаривал доктор.

– Как? Не можем взять его с собой? Хорошее дело!

– Слишком большая тяжесть для нашей корзины, Джо. Я даже не хотел тебе говорить об этом, чтобы у тебя не явилось напрасных сожалений.

– Как, бросить все эти сокровища! – твердил Джо. – Бро сить наше богатство!.. Оно ведь действительно наше. Все это бросить?

– Берегись, друг мой, как бы ты не заболел так называемой «золотой лихорадкой», – смеясь, сказал доктор. – Неужели покойник, которого ты похоронил, не преподавал тебе урока суетности всего мирского?

– Все это хорошо! – ответил Джо. – Но ведь золото! Мистер Кеннеди, послушайте, – продолжал Джо, – вы мне поможете набрать хоть несколько этих миллионов?

– Но что же мы с ними станем делать, бедный мой Джо? – отозвался Кеннеди, который не мог удержаться от улыбки. – Мы ведь явились сюда не богатство наживать, да и вывезти его отсюда нельзя.

– Эти миллионы – вещь тяжелая, в карман их не положишь, – добавил доктор.

– Ну, тогда нельзя ли эту самую руду взять с собой вместо песка, как балласт? – спросил Джо, прижатый к стене.

– Хорошо, на это я согласен, – ответил Фергюссон, – но с условием: не корчить гримас, когда нам придется выбрасывать за борт целые тысячи фунтов стерлингов.

– Целые тысячи фунтов стерлингов! – растерянно повторил Джо. – Да неужели и вправду все это – золото, сэр?

– Да, друг мой, это место – резервуар, который природа веками набивала своими сокрови-

щами. Этого золота хватит, чтобы обогатить целые страны. Тут, в этой пустыне, – и Австралия и Калифорния, вместе взятые.

– И все это будет зря пропадать?! – воскликнул Джо.

– Возможно. Во всяком случае, вот что я сделаю, милый мой, тебе в утешение...

– Не так-то легко утешить меня, сэр, – уныло перебил его Джо.

– Вот послушай. Я сейчас точно определю, где находится это золотоносное место. По возвращении в Англию ты сможешь сообщить о нем своим соотечественникам, если ты уж так уверен, что золото их осчастливит.

– Конечно, сэр, я сам вижу, что вы правы. Что же, покоряюсь, раз уж никак нельзя поступить иначе. Значит, наполним корзину этой драгоценной рудой, и все, что от нее останется к концу нашего путешествия, будет чистым выигрышем.

Тут Джо с жаром принялся за работу и вскоре погрузил в корзину около тысячи фунтов драгоценного золотоносного кварца. Доктор, улыбаясь, наблюдал за его работой. Сам он в это

время был занят определением места могилы миссионера.

Он высчитал, что она находится на 22° 23' восточной долготы и 4° 55' северной широты.

Взглянув в последний раз на холм, под которым покоился прах француза, Фергюссон направился к «Виктории». Ему хотелось поставить хотя бы скромный грубый крест над этой могилой, затерянной в африканской пустыне, но в окрестностях не видно было ни единого дерева.

– Бог приметит это место, – сказал он.

Доктор был серьезно озабочен и охотно отдал бы много золота за небольшое количество воды. Надо было бы пополнить запас ее; он сильно уменьшился оттого, что пришлось выбросить ящик с водой, когда в корзину «Виктории» вцепился негр. Но в таких выжженных солнцем местах воды не было, и это не могло не тревожить доктора. Огонь в горелке надо было беспрестанно поддерживать, и Фергюссон уже начинал бояться, что воды может не хватить даже для утоления жажды. Подойдя к корзине, доктор увидел, что она завалена камнями, но, не проронив ни слова, влез в нее. Кеннеди также занял свое обычное место, а за ними взобрался и Джо; он не мог не бросить алчного взгляда на остающиеся в котловине сокровища.

Доктор зажег горелку, змеевик стал нагреваться, и через несколько минут газ начал расширяться, но «Виктория» не двигалась с места. Джо молча с беспокойством поглядывал на Фергюссона.

– Джо! – обратился к нему доктор. Тот ничего не ответил.

– Разве ты меня не слышишь? – повторил доктор.

Джо знаком показал, что слышит, но не желает понимать.

– Сделай мне одолжение, Джо, сейчас же выбрось часть руды на землю, – сказал Фергюссон.

– Но, сэр, вы ведь сами мне позволили...

– Я позволил тебе этой рудой заменить балласт, вот и все.

– Однако...

– Что же, в самом деле тебе хочется, чтобы мы навеки остались в этой пустыне?

Джо бросил отчаянный взгляд на Кеннеди, но тот сделал знак, что ничем не может ему помочь.

– Ну что же, Джо?

– А разве ваша горелка не действует, сэр? – спросил упрямый Джо.

– Ты сам прекрасно видишь, что горелка действует, но наша «Виктория» не поднимется, пока ты не сбросишь часть балласта. Джо почесал за ухом, взял самый маленький кусок кварца, взвесил его сперва на одной руке, потом на другой, подбросил его – в нем могло быть фунта три или четыре – и в конце концов выбросил. «Виктория» не шелохнулась.

– Ну, что? – проговорил он. – Мы все еще не поднимаемся?

– Нет еще, – ответил доктор. – Продолжай. Кеннеди не мог не засмеяться.

Джо сбросил еще с десятков фунтой, но «Викторин» по-прежнему не двигалась. Джо побледнел.

– Эх ты, бедняга! – промолвил Фергюссон. – Пойми только: Дик, ты и я – все вместе мы весим, если я не ошибаюсь, немногим больше четырехсот фунтов, и раз руда заменяла этот вес, то тебе придется выбросить по крайней мере такое же ее количество.

– Целых четыреста фунтов выбросить! – жалобно закричал Джо.

– Да, и еще немного, чтобы подняться. Ну, смелей!

Джо принялся выкидывать балласт, выпуская тяжелые вздохи. Время от времени он приостанавливался и спрашивал:

– Что, начали мы подниматься?

И ему неизменно отвечали:

– Нет, стоим на месте.

– Права же, двинулись! – крикнул он, наконец.

– Еще, еще! – скомандовал Фергюссон.

– Но «Виктория» поднимается, я убежден в этом.

– Говорят тебе, бросай! – вмешался Кеннеди.

Тут Джо с отчаянием схватил еще камень и вышвырнул его из корзины. «Виктория» в то же мгновение поднялась футов на сто и, попав в благоприятное течение, вскоре перелетела через окрестные горы.

– Теперь, Джо, – сказал доктор, – у тебя осталось еще целое состояние, и, если только удастся сохранить до конца нашего путешествия весь этот кварц, ты будешь обеспечен на всю жизнь.

Джо ничего не ответил и с довольным видом улегся на свое каменное ложе.

– Ты только подумай, Дик, – обратился Фергюссон к своему другу, – какое могучее действие оказывает золото даже на лучшего в свете человека. А вообще, сколько страстей, сколько жадности, сколько преступлений мог бы породить такой золотой рудник! Как это печально!

За этот день «Виктория» пролетела девяносто миль к западу. По прямой линии она была теперь на расстоянии тысячи четырехсот миль от Занзибара.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ветер спадает. – Близость пустыни. – Недостаток воды. – Ночи на экваторе. – Беспокойство Самуэля Фергюссона:– Истинное положение вещей. – Решительные ответы Кеннеди и Джо. – Еще одна ночь.

«Виктория», зацепившись якорем за одиноко растущее, почти высохшее дерево, всю ночь простояла совершенно спокойно. Это дало возможность путешественникам хоть немного выспаться, в чем они очень нуждались.

Утром небо снова стало прозрачно-ясным, а солнце жгучим. «Виктория» поднялась в воздух. После нескольких тщетных попыток доктору все же удалось напасть на слабое воздушное течение, которое понесло их к северо-западу.

– Мы что-то совсем не подвигаемся вперед, – заметил Фергюссон. – Если я не ошибаюсь, мы сделали половину нашего пути приблизительно в десять дней, а при скорости, с которой мы движемся теперь, нам, чтобы закончить его, пожалуй, потребуются целые месяцы. Это тем более досадно, что нам грозит опасность остаться без воды.

– Ну, мы найдем ее, – отозвался Дик. – Невозможно, чтобы на таком огромном пространстве не встретилось какой-нибудь речонки, ручейка или пруда.

– Очень бы хотелось этого.

– А уж не груз ли Джо замедляет наш ход? – спросил Кеннеди, желая подразнить славного малого. Ему это доставляло удовольствие потому, что была минута, когда он сам поддался «золотой лихорадке». Но, ничем не высказав своего волнения, он теперь мог выступать в роли философа. Впрочем, Кеннеди держался добродушно-шутливого тона.

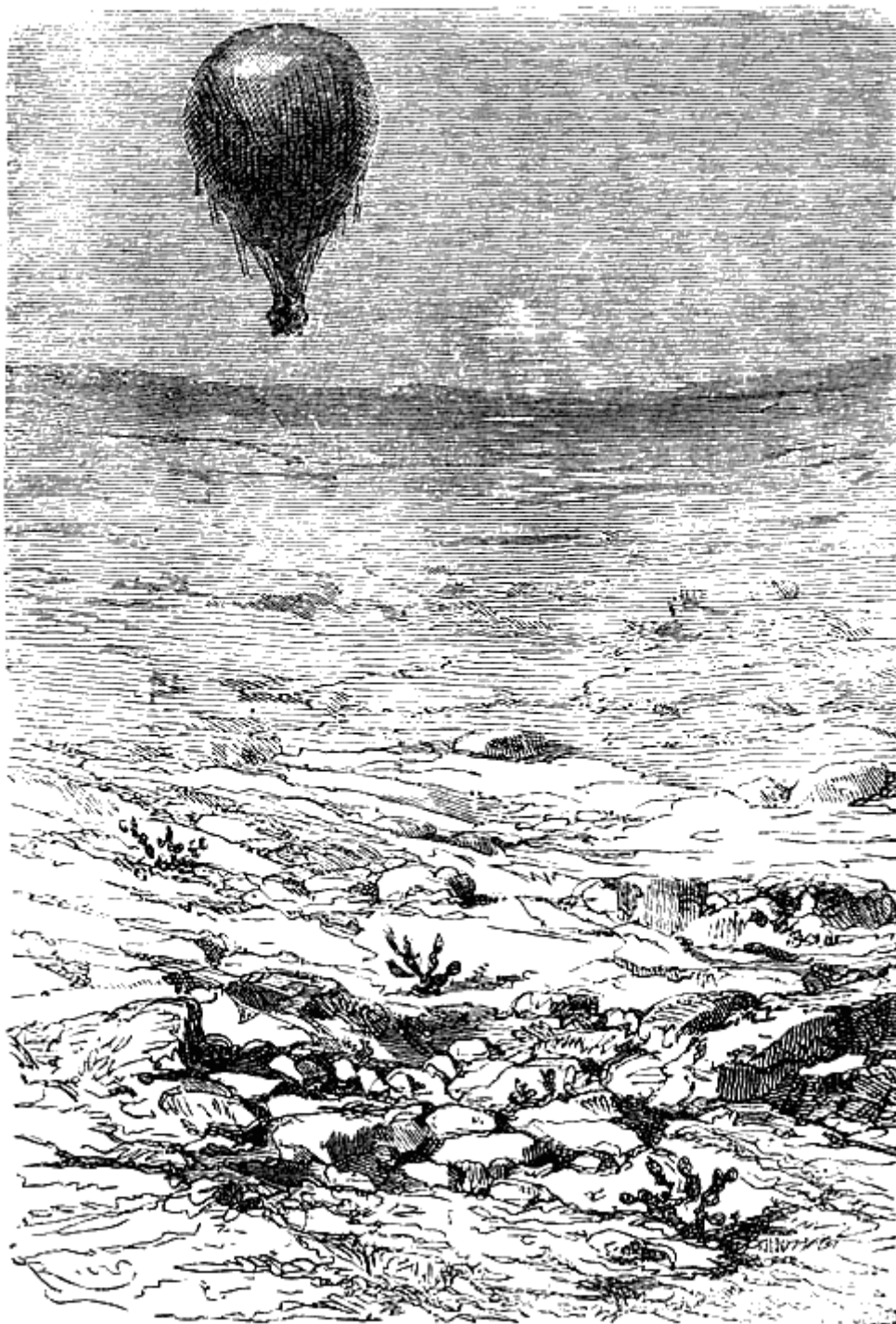
Джо жалобно посмотрел на шотландца. Но доктор ничего не ответил на вопрос своего друга. Он думал не без тайного ужаса о необъятных просторах Сахары: там ведь, он знал, проходят порой целые недели, прежде чем караван наткнется на воду. И Фергюссон с особым вниманием всматривался во всякую видневшуюся лощинку.

От этой тревоги и печальных воспоминаний о происшествиях последних дней настроение у путешественников заметно изменилось. Они мало говорили. Каждый был погружен в собственные мысли.

Славный Джо, побывав на руднике, точно переродился. Он стал молчалив; он жадными глазами поглядывал на нагроможденные в корзине камни; сегодня они ровно ничего не стоят, завтра они станут бесценным кладом.

Между тем самый вид этой части Африки будил беспокойные мысли. Местность делалась все пустынее. Не было видно не только селений, но даже и отдельных хижин. Растительность исчезала; кое-где виднелись заросли каких-то низкорослых растений, напоминавшие шотландские вересковые поля. Среди беловатых песков и раскаленных камней попадались чахлые мастиковые деревья и колючий кустарник. Там и сям показывались первичные породы земной ко-

ры в виде скал с резкими и острыми контурами. Все эти предвестники безводной пустыни заставляли еще больше призадуматься доктора Фергюссона, Казалось, ни один караван никогда не осмеливался пройти по этим пустынным местам. Были бы видны следы стоянок, белели бы кости людей и животных, а здесь кругом не было ничего. Чувствовалось, что вот-вот безбрежные пески одни будут царить в этом унылом крае.

А отступить невозможно. Надо двигаться вперед во что бы то ни стало. Доктор только об этом и думал. Он жаждал бури, которая промчала бы их над этой пустыней, но, увы, на небе не было видно ни единого облачка. За этот день «Виктория» не пролетела и тридцати миль.

Если бы хоть воды было достаточно, но ее оставалось всего навсего три галлона. Фергюссон выделил один из этих галлонов для утоления невыносимой жажды, вызываемой палящим зноем было уже девяносто градусов²³, а два оставил для питания горелки. Они могли дать толь-

²³ Здесь и дальше температура указывается по шкале Фаренгейта, по которой t° таяния льда равна $+32^{\circ}$, а кипения воды – $+212^{\circ}$.

ко четыреста восемьдесят кубических футов газа, а горелка расходовала около девяти кубических футов в час. Значит, воды может хватить только на пятьдесят четыре часа полета. Это было точное и непререкаемое математическое вычисление.

– Всего пятьдесят четыре часа! – заявил доктор своим товарищам. – Но из боязни пропустить какой-нибудь ручеек, источник или хотя бы лужу я твердо решил не летать ночью, поэтому в нашем распоряжении есть еще три с половиной дня, и вот за это время нам совершенно необходимо раздобыть воду. Считаю своим долгом предупредить вас об этом. Я оставил для питья лишь один галлон воды, и нам надо очень скупое ее расходовать.

– Что ж, выдавай нам порции, – отозвался охотник. – А отчаиваться еще рано: ведь, по твоим словам, у нас в запасе три с половиной дня, не так ли?

– Совершенно верно, дорогой мой Дик.

– Тогда не будем вздыхать и жаловаться: это нам не поможет, а за три дня мы успеем что-нибудь придумать. Теперь же будем смотреть в оба.

За ужином воды было отмерено каждому очень немного, зато в грог пришлось влить побольше водки; но ее надо было остерегаться: она не столько освежала, сколько вызывала жажду.

«Виктория» провела ночь в огромной котловине, находящейся всего на восьмистах футах над уровнем моря. Это обстоятельство пробудило в докторе некоторую надежду; тут ему вспомнились гипотезы географов относительно того, что в центре Африки есть огромное водное пространство. Но даже если действительно такое озеро и существует, то до него нужно добратся, а в воздухе, увы, продолжала царить полнейшая тишина.

После тихой ночи с ее великолепным богатством звезд наступил такой же тихий, без малейшего ветерка, день. С самого раннего утра солнце стало палить нестерпимо, и температура поднялась страшно высоко. Уже в пять часов утра доктор дал сигнал к отправлению, но в тяжелом, как свинец, воздухе «Виктория» долго еще оставалась неподвижной. Фергюссон мог бы избежать этой палящей жары, поднявшись в верхние слои воздуха, но для этого пришлось бы израсходовать довольно много воды, что было теперь совершенно невыносимым. Доктор ограничился тем, что держался на высоте ста футов, и легкий, едва заметный ветерок потихоньку нес их к западу.

Завтрак состоял из небольшого количества мясных консервов и пеммикана. До полудня «Виктория» едва пролетела несколько миль.

– Что же делать? Мы не можем двигаться быстрее, – заметил доктор, – ведь не мы же командуем ветром, а он нами.

– Да, дорогой Самуэль, как бы теперь нам пригодился двигатель!

– Без сомнения, Дик, если бы только для него не требовалось воды. В противном же случае наше положение было бы несколько не лучше. Да вообще до сих пор, к сожалению, не изобретен еще двигатель для воздушного шара. Воздухоплавание находится пока в том самом положении, в каком пребывало судоходство до изобретения парового двигателя. Ведь потребовалось же целых шесть тысяч лет для изобретения паровых колес с лопастями и архимедовым винтом. Так что и нам, аэронавтам, ждать, видно, придется еще немало.

– Проклятая жара! – воскликнул Джо, утирая пот со лба.

– Будь только у нас вода, эта жара даже оказала бы нам услугу, – заметил Фергюссон. – Она ведь расширяет водород, и потому горелка не нуждалась бы в таком сильном пламени. Но, правда, будь у нас достаточное количество воды, нам не надо было бы так дрожать над нею. Ах, проклятый дикарь, из-за него мы лишились целого ящика драгоценной жидкости!

– Ты же не жалеешь о том, что сделал, Самуэль?

– Нет, Дик. Разве можно жалеть о том, что мы избавили этого несчастного от ужасной смерти. Но, что говорить, те сто фунтов воды, которые нам пришлось выбросить, были бы нам теперь очень кстати. Это верных двенадцать-тринадцать дней пути, а за такое время мы, конечно, перебрались бы через Сахару.

– Но сделали ли мы хоть полпути? – спросил Джо.

– По расстоянию – да, но по времени, если ветер не усилится, далеко не сделали половины

нашего путешествия. Ветер же, к несчастью, все слабеет.

– Ну, сэр, нам нельзя жаловаться, – вмешался Джо, – до сих пор мы удачно выходили из затруднений, и как бы там ни было, а отчаиваться я не могу. Воду мы непременно найдем, поверьте моему слову.

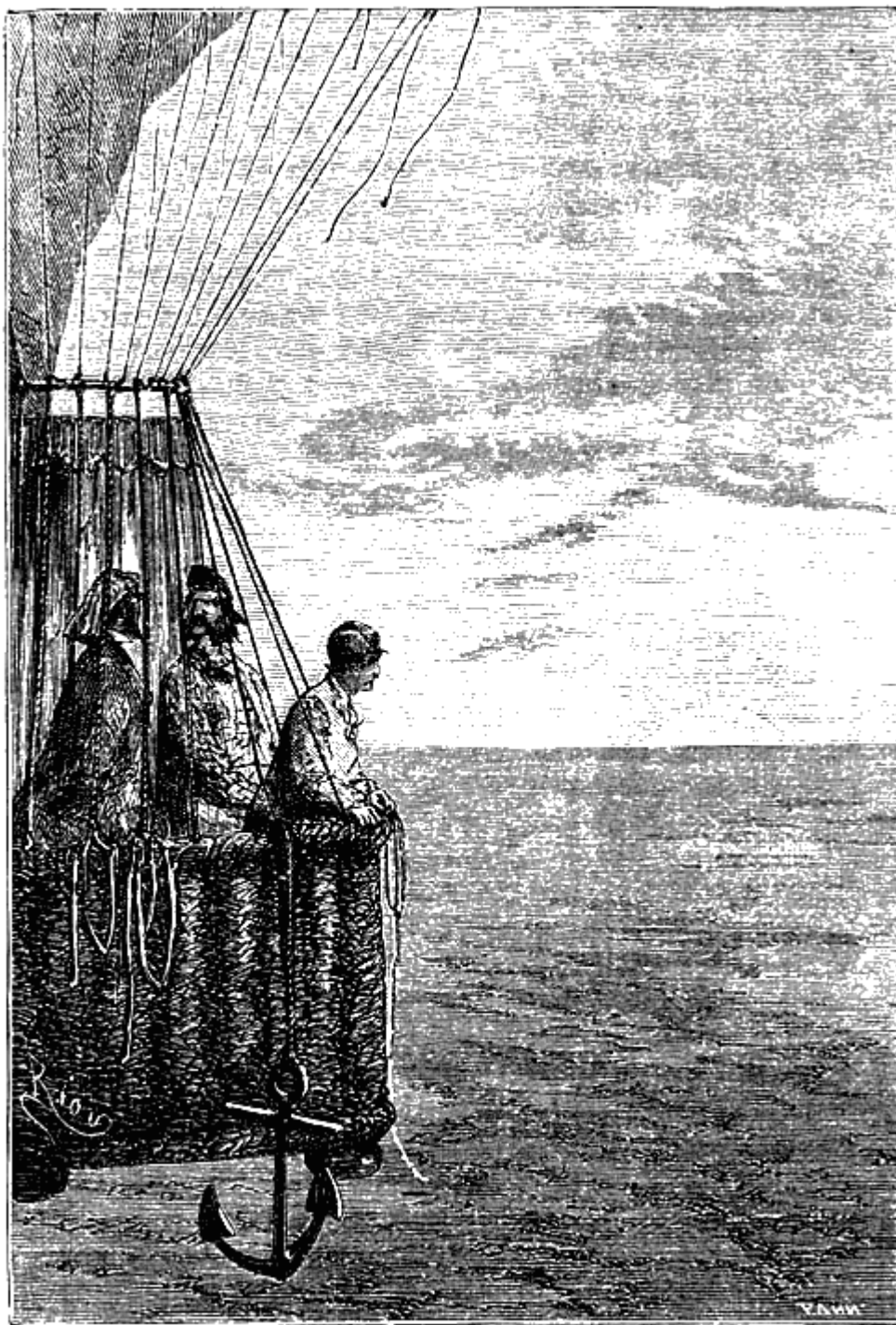
Между тем местность с каждой милей все понижалась и понижалась. Отроги золотоносных гор понемногу совсем исчезали; это были как бы последние взлеты истощившей свои силы природы. Вместо мощных деревьев, росших на востоке, здесь попадалась, да и то кое-где, жалкая трава; несколько полосок чахлой зелени с трудом боролись против надвигавшихся песков. Громадные скалы, скатившиеся с отдаленных вершин, превращались при падении сначала в острые осколки, потом в песок и, наконец, в мельчайшую пыль.

– Вот это именно та Африка, Джо, какой ты представлял ее себе, – начал доктор, – и я ведь был прав, когда говорил тебе: «Подожди!»

– Да что ж, сэр, – отозвался Джо, – оно же и понятно: жара и песок. Было бы глупо ждать чего-нибудь другого от такой страны. Я, по правде сказать, не особенно доверял вашим африканским лесам и полям, – смеясь, добавил он. – Действительно, это была бы бессмыслица: стоило ли в самом деле забираться в такую даль, чтобы опять увидеть английскую деревню. Признаться, я только теперь чувствую, что нахожусь в Африке, и ничего не имею против того, чтобы немного испытать ее на себе.

Под вечер Фергюссон убедился, что в этот знойный день они едва пролетели двадцать миль. Когда солнце скрылось за резко очерченным горизонтом, над нашими путниками нависла душная тьма...

Следующий день был четверг, 1 мая. Дни шли один за другим с отчаянной монотонностью. Каждое утро совершенно походило на предыдущее; в сегодняшний полдень, так же как и вчера, изливались на землю отвесные палящие лучи. Также спускалась на землю ночь, хранившая в своем темном ложе запас жары, наследие дня. Едва-едва заметный ветерок напоминал дыхание умирающего и, казалось, каждую минуту был готов совсем замереть.

В этом тяжелом положении Фергюссон не падал духом. Как человек закаленный, он сохранял спокойствие и хладнокровие. С подзорной трубой в руках он пытливо всматривался в горизонт. Уходили последние холмы, исчезали всякие следы растительности. Пред ним простиралась необъятная пустыня Сахара...

Хотя он и не показывал этого, но взятая им на себя ответственность не могла не угнетать его. Ведь это он увлек сюда – пользуясь силою дружбы или долга своих друзей. Дика и Джо. Хорошо ли поступил он? Надо ли ему было идти запретными путями? Пытаться переступить границы возможного? Может быть, бог оставил за более отдаленным будущим право исследовать этот неблагодарный континент?

Все эти мысли, как бывает в часы уныния, мелькали, обгоняя одна другую, в голове доктора, и невольная ассоциация идей увлекала его по ту сторону логики и разума. Размышляя о том, чего не надо было делать, он задал себе вопрос, а что же надо делать сейчас? Может быть, следует вернуться обратно? Нет ли в верхних слоях атмосферы течений, которые понесли бы их в

места менее пустынные? Ведь пройденный путь он знает, а о том, что ждет их впереди, не имеет никакого представления. И вот, мучимый угрызениями совести, Фергюссон решил откровенно поговорить со своими товарищами. Он ясно обрисовал им положение вещей, указал, что сделано и что оставалось еще сделать. В крайнем случае можно вернуться или по крайней мере предпринять такую попытку. Он просил их в свою очередь высказаться.

– У меня нет другого мнения, кроме мнения моего доктора, – ответил Джо. – То, что он может вытерпеть, могу и я, и даже больше. Куда он направится, туда и я.

– А ты что скажешь, Кеннеди?

– Я, дорогой мой Самуэль, не из тех, которые приходят в отчаяние. Никто лучше меня не знал, каковы могут быть опасности подобного путешествия, но раз ты шел на эти опасности, я перестал думать о них. Душой и телом я весь в твоём распоряжении. По-моему, при данном положении вещей мы твердо должны идти до конца. И ведь, кстати говоря, опасностей при отступлении будет не меньше. Итак, вперед! Смело можешь положиться на нас обоих!

– Благодарю вас, дорогие друзья, – ответил глубоко тронутый Фергюссон. – Я знал, что вы оба мне преданы, но все-таки мне нужны были вот эти ваши ободряющие слова. Ещё раз великое вам спасибо! И всё трое горячо подали друг другу руки.

– Теперь выслушайте меня, – сказал Фергюссон. – По моим вычислениям, мы находимся не дальше трехсот миль от Гвинейского залива. Пустыня, стало быть, не может тянуться бесконечно, раз это побережье населено и обследовано довольно далеко вглубь страны. Если понадобится, мы направимся туда, и мало вероятно, чтобы мы по пути не встретили какого-нибудь оазиса или колодца, где смогли бы возобновить наш запас воды. Но вот чего нам не хватает, так это ветра, а без него наша «Виктория» будет неподвижно висеть в воздухе.

– Покоримся же своей участи и будем выжидать, – сказал охотник.

В продолжение всего этого бесконечного дня каждый из трех воздухоплавателей тщетно всматривался в пространство, но, увы, не было ничего, что могло бы пробудить, хоть какую-нибудь надежду. При заходе солнца земля, совсем перестала двигаться под ними. Горизонтальные солнечные лучи огненными полосами протянулись по необъятной равнине. Это была настоящая пустыня...

Путники за этот день не пролетели и пятнадцати миль, потратив при этом, как и накануне, сто тридцать пять кубических футов газа на питание горелки и две пинты воды (из имеющихся восьми), для утоления страшной жажды. Ночь прошла спокойно, слишком спокойно. Доктор ни на минуту не сомкнул глаз...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Немного философии. – Туча на горизонте. – В тумане. – Неожиданный воздушный шар. – Сигналы. – Вид «Виктории». – Пальмы. – Следы каравана. – Колодец в пустыне.

На следующий день то же ясное, без единого облачка небо, та же полнейшая неподвижность воздуха. «Виктория» поднялось на высоту пятисот футов, и ее медленно несло к западу.

– Вот мы и в самом сердце пустыни Сахары, – проговорил Фергюссон. – Какие безбрежные пески, что за удивительное зрелище! Странно распоряжается природа... Спрашивается: почему на одной и той же широте, под теми же самыми лучами солнца, в непосредственной близости, существуют чрезмерно роскошная растительность и такое полнейшее бесплодие?

– Причины, дорогой Самуэль, мало интересуют меня, – возразил Дик, – гораздо более меня заботят факты. Самое главное то, что в природе именно так обычно и происходит.

– Надо ведь немного и пофилософствовать, дорогой Дик. Это никому не вредит.

– Пофилософствуем, я не прочь, времени у нас достаточно. Ведь мы еле-еле движемся. Ветер боится дуть, он спит...

– Это будет продолжаться недолго, – сказал Джо. – Мне кажется, что на востоке виднеется полоса туч.

– Джо прав, – ответил доктор.

– Да, но дождемся ли мы в самом деле тучи с хорошим дождем и хорошим ветром, который будет хлестать нам в лицо? – спросил Кеннеди.

– Посмотрим, Дик, посмотрим.

– А ведь сегодня пятница, сэр. От пятницы я не жду хорошего.

– Ну, что ж, надеюсь, что сегодня тебе придется отказаться от своих суеверий.

– Хотелось бы. Уф! – сказал Джо, вытирая лицо, – жара хороша, в особенности зимой; но на что она сдалась нам летом?

– Ты не боишься действия солнечного тепла на наш шар? – спросил Кеннеди у доктора.

– Нет. Гуттаперча, которой пропитана тафта, выносит гораздо более высокую температуру. Во время испытаний она выносила температуру в сто пятьдесят восемь градусов. И оболочка ничуть от этого не пострадала,

– Туча! Настоящая туча! – закричал вдруг Джо, острое зрение которого совершенно не нуждалось ни в каких подозрительных трубах.

Действительно, над восточной стороной горизонта поднималась густая пелена; глубокая, как будто взбитая, она казалась скоплением маленьких тучек, не сливавшихся друг с другом и сохранявших свою первоначальную форму, из чего доктор вывел заключение, что в том месте не было никакого движения воздуха.

Эта компактная масса, появившись в восемь часов утра, только в одиннадцать надвинулась на солнце, и оно исчезло за ней, как за густой завесой. Горизонт же в это время совершенно прояснился.

– Это изолированная туча, на которую нам не следует особенно рассчитывать, – проговорил доктор. – Обрати внимание, Дик, форма ее совершенно такая же, как была и утром.

– Совершенно верно, Самуэль, и ждать от нее дождя или ветра не приходится.

– К несчастью, по-видимому, это так, ибо туча держится на очень большой высоте.

– А что, Самуэль, как ты думаешь, если б нам направиться самим к этой туче, раз она не желает пролиться над нами дождем?

– Кажется, что особенной пользы от этого не будет, – ответил доктор. – Придется ведь израсходовать лишний газ и, следовательно, большое количество воды. Но в нашем положении ничем нельзя пренебрегать. Давайте поднимемся.

Фергюссон пустил в змеевик самое сильное пламя горелки, температура сильно поднялась, и вскоре под влиянием расширившегося газа «Виктория» пошла вверх. На высоте около тысячи пятисот футов аэронавты вошли в тучу, окружившую их густым туманом, и «Виктория» перестала подниматься. Здесь не чувствовалось никакого ветерка и даже было мало влаги, что видно было по слегка лишь отсыревшим вещам в корзине, «Виктория», купаясь в тумане, как будто стала двигаться быстрее, но это был единственный результат их подъема.

Фергюссон с грустью убедился в том, как мало было выиграно этим маневром, когда вдруг услышал крик Джо, полный бесконечного удивления:

– Ах, что это такое?

– В чем дело, Джо?

– Ах, сэр! Ах, мистер Кеннеди! Как это удивительно!

– Да что такое?

– Представьте себе, мы здесь не одни. Тут какие-то интриганы. Наверное, они хотят украсть наше изобретение.

– С ума он сходит, что ли? – проговорил Кеннеди.

Джо замер, словно превратясь в статую, изображавшую величайшее изумление.

– Неужели жгучее солнце могло так подействовать на мозг этого бедного малого? – отозвался доктор, оборачиваясь к Джо. – Да скажешь ли ты...

– Вот взгляните сами, сэр! – возбужденно проговорил Джо, указывая пальцем в пространство.

– Клянусь святым Патриком! – в свою очередь закричал и Кеннеди. – В самом деле, что-то невероятное! Самуэль! Самуэль! Смотри же! Смотри!

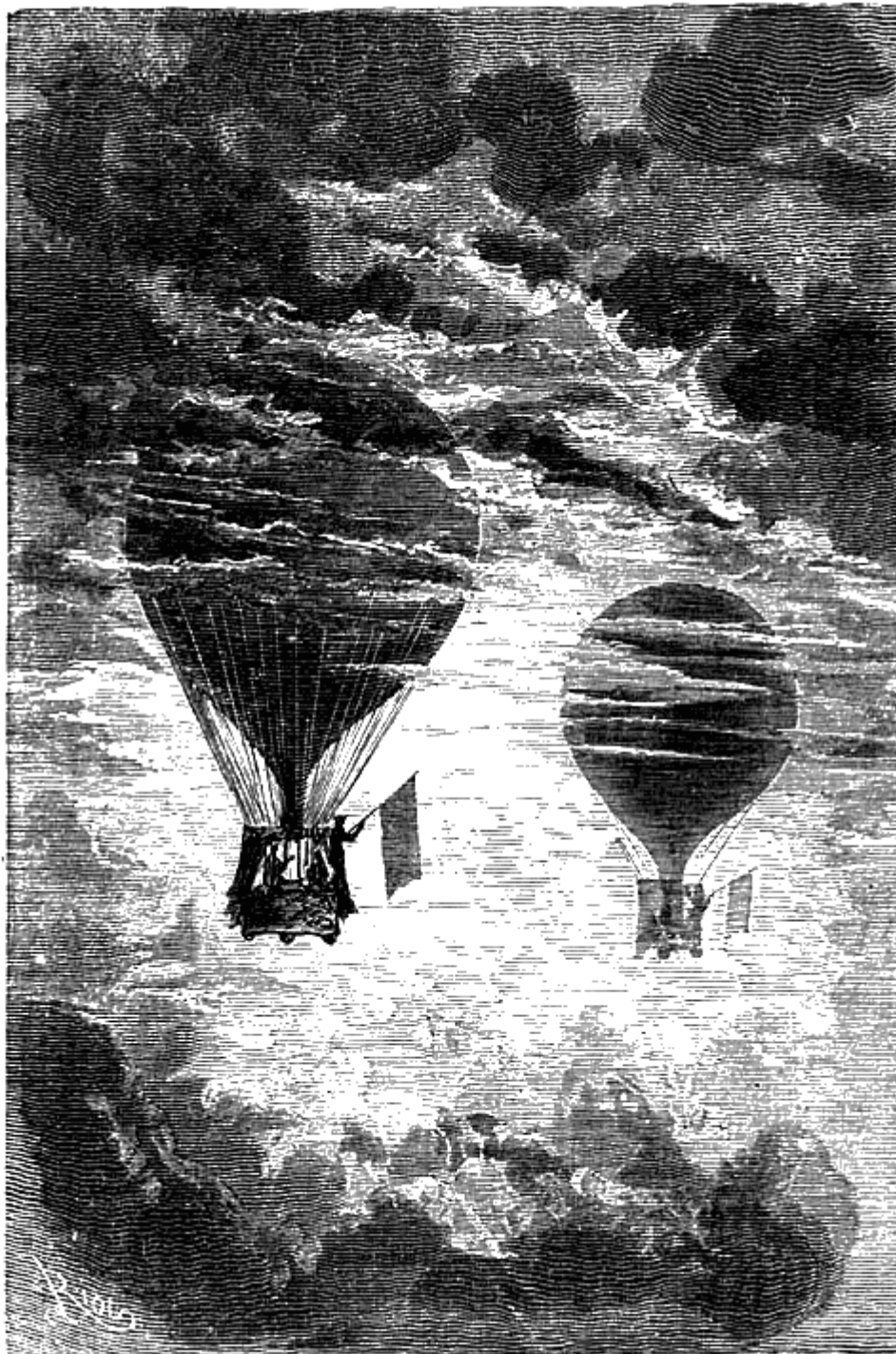
– Вижу, – спокойно ответил доктор.

– Подумай, еще один воздушный шар, и на нем такие же, как мы, путники, – волнуясь, проговорил шотландец.

И действительно, в каких-нибудь двухстах футах парил другой воздушный шар со своей корзиной и пассажирами, причем двигался он по тому же самому направлению, как и «Виктория».

– Ну, что же, – сказал доктор, – нам ничего больше не остается, как подать ему сигнал. Кеннеди, возьми наш национальный флаг и вывесь его.

Казалось, что пассажирам соседнего шара в этот миг пришла в голову та же самая мысль, ибо чья-то рука тем же жестом в точности воспроизвела салют таким же флагом.

– Что бы это могло значить? – с удивлением пробормотал охотник.

– Да не обезьяны ли это? – закричал Джо. – Посмотрите, они ведь нас передразнивают.

– А это значит, – смеясь, пояснил Фергюссон, – что ты сам, дорогой мой Дик, отвечаешь на свои же сигналы. Я хочу сказать, что там, во второй корзине, мы видим себя самих и что тот

шар – это наша собственная «Виктория», и только.

– Ну, уж извините, сэр, этому я никогда не поверю, – заявил Джо.

– Милый мой, ты сам можешь в этом убедиться. Встань-ка на борт и помаши руками.

Джо тотчас исполнил приказание, и в то же мгновение все его жесты были точно повторены.

– Это не что иное, как мираж, – продолжал доктор, – простое оптическое явление, происходящее вследствие разницы в плотности воздуха. Вот и все.

– До чего удивительно! – все повторял Джо. Он никакие мог поверить объяснениям доктора и продолжал производить свои эксперименты, размахивая руками.

– Какая в самом деле любопытная вещь! – заметил Кеннеди. – А занятно видеть нашу славную «Викторию»! Знаете, выглядит она внушительно и держится очень величественно.

– Как вы там ни объясняйте все это, – вмешался Джо, – но все-таки тут есть что-то необыкновенное.

Вскоре отражение «Виктории» стало мало-помалу бледнеть. Туча поднялась выше, покинув воздушный шар, который теперь и не порывался следовать за ней. Через какой-нибудь час от нее не осталось и следа.

Ветер едва чувствовался; казалось, что он еще более ослабел. Доктор, потеряв надежду двигаться вперед, стал спускаться к земле.

Путешественники, временно отвлеченные от своих грустных дум любопытным явлением, теперь к тому же истомленные палящим зноем, снова впали в подавленное состояние духа. Но вдруг около четырех часов Джо заявил, будто среди необозримых песков что-то возвышается, и вскоре он ясно уж различил две пальмы, росшие неподалеку друг от друга.

– Пальмы! – воскликнул Фергюссон. Тогда там должен быть источник или колодец.

Он схватил подозрную трубу и, убедившись в том, что глаза Джо не ввели его в заблуждение, с восторгом стал повторять:

– Наконец-то! Вода! Вода! Мы спасены, ведь как ни медленно мы подвигаемся, но все же не стоим на месте и когданибудь да доберемся до этих благословенных пальм!

– А пока, как вы думаете, сэр, не выпить ли нам нашей водички? – предложил Джо. – Жара ведь в самом деле невыносимая.

– Давайте выпьем, мой милый.

Никто не заставил себя просить. Была выпита целая пята, после чего воды осталось всего-навсего три с половиной пинты.

– Ах, от нее оживаешь! – воскликнул Джо. – До чего вкусна эта вода! Никогда пиво Перкинса не доставляло мне такого удовольствия.

– Вот хорошая сторона лишений, – заметил доктор.

– Она не так уж хороша, – сказал охотник. – Я согласен никогда не испытывать наслаждения от питья воды, лишь бы только всегда иметь ее в изобилии.

В шесть часов вечера «Виктория» уже парила над пальмами. Этц были два жалких, высохших дерева, какие-то призраки деревьев без листвы, скорее мертвые, чем живые. Фергюссон с ужасом взглянул на них.

Под деревьями виднелись потрескавшиеся от зноя камни колодца. Кругом не было ни малейших признаков влаги. Сердце Самуэля болезненно сжалось, и он уже собирался поделиться своими опасениями с товарищами, как послышались их восклицания.

Насколько хватал глаз, к западу тянулась длинная полоса скелетов. Отдельные кости валялись вокруг колодца. Видимо, какой-то караван заходил сюда, оставив на своем пути все эти груды костей. Должно быть, более слабые путники один за другим падали в песках, а более сильные, дойдя до этого столь желанного источника, погибали вокруг него ужасной смертью.

Путники, побледнев, смотрели друг на друга.

– Не стоит опускаться, – промолвил Кеннеди, – лучше уйти подальше от этого отвратительного зрелища. Ясно, что здесь не найти ни капли воды.

– Нет, Дик! – возразил Фергюссон. – Для очистки совести мы обязаны в этом убедиться. Да к тому же лучше нам провести ночь здесь, чем в каком-либо другом месте. А в это время мы

исследуем колодец до самого дна. В нем ведь когда-то, несомненно, был источник – быть может, какие-нибудь следы его и сохранились еще.

«Виктория» опустилась на землю. Джо и Кеннеди, предварительно насыпав в корзину песку, по весу равнявшегося их собственному, бросились к колодцу и спустились на его дно по лестнице, почти совершенно развалившейся. Здесь они убедились, что источник иссяк, по видимому, уж много лет назад. Они стали рыть сухой рыхлый песок, но, увы, в нем не было и следа влаги. Наконец, они поднялись из колодца, потные, осунувшиеся, запыленные, удрученные, в полном отчаянии.

Фергюссон понял, что все поиски их оказались тщетными. Для него, впрочем, это не было неожиданностью, и он молчал. Доктор почувствовал, что отныне ему надо быть и мужественным и энергичным за всех троих.

Джо принес с собой из колодца затвердевшие обрывки бурдюка и с силой кинул их на валяющиеся кругом кости.

За ужином никто не проронил ни единого слова, да и ели с отвращением.

А между тем ведь они еще и не знали настоящих мук жажды. Лишь мысль о том, что ждет их впереди, приводила путников в такое уныние.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Сто тринадцать градусов. – Размышления доктора. – Безнадежные поиски. – Горелка гаснет. – Сто двадцать два градуса. – Пустыня Сахара. – Ночная прогулка. – Одиночество. – Обморок. – Проект Джо. – День отсрочки.

Накануне «Виктория» не пролетела и десяти миль, а между тем, для того чтобы держаться в воздухе, было истрачено сто шестьдесят два кубических фута газа. Утром Фергюссон дал сигнал к отправлению.

– Горелка будет действовать еще в течение шести часов, – объявил он. – Если за это время мы не найдем какого-нибудь источника или колодца, одному богу известно, что с нами будет.

– Что-то сегодня утром слабеват ветер, сэр, – проговорил Джо. – Но, быть может, он еще задует, – прибавил он, заметя на лице доктора печаль, которую тот тщетно пытался скрыть.

Напрасные надежды! В воздухе стоял тот штиль, который порой надолго приковывает к одному месту суда в тропических морях. Жара делалась невыносимой. Термометр в тени, под тентом, показывал сто тринадцать градусов.

Джо и Кеннеди, растянувшись рядом, пытались если не спать, то хоть забыться. Вынужденное бездействие делало положение еще более тяжким, как всегда, когда человек не может отвлечься от своих мыслей работой. Но сейчас они не могли делать наблюдения, не могли ничего предпринять. Оставалось подчиниться обстоятельствам, не будучи в силах улучшить их.

Муки жажды стали чувствоваться очень сильно. Водка не только не облегчала их, но делала еще более жгучими, оправдывая свое название «тигрового молока», данное ей африканскими жителями. Оставалось всего-навсего около двух пинт тепловатой воды. Все три путника с жадностью смотрели на эти столь драгоценные капли, но ни один из них не решался даже омочить в них губы. Что такое две пинты воды в пустыне?

Доктор Фергюссон, погруженный в свои думы, спрашивал себя, благоразумно ли он поступил. Не лучше ли было, вместо того чтобы напрасно держаться в воздухе, эту самую воду, потраченную на добывание водорода, сохранить для питья? Правда, они продвинулись немного, но что в сущности от этого вы играли? Не все ли равно, здесь или на шестьдесят миль позади, раз воды нет? Если бы в конце концов поднялся ветер, да еще восточный, то, пожалуй, там, позади, он был бы даже сильнее, чем здесь. Но надежда побуждала Фергюссона двигаться вперед. И вот из-за этого без всякой пользы израсходовано два галлона драгоценной воды, которой хватило бы на целых девять дней стоянки в пустыне. И каких только перемен не могло произойти за эти дни!

«А затем, – думал доктор, – может быть, при подъеме было бы лучше выбросить балласт

для того; чтобы сохранить воду. Но тогда при спуске пришлось бы пожертвовать газом. А можно ли это делать, раз газ является как бы кровью „Виктории“, ее жизнью?..» Эти мысли неслись бесконечной вереницей; опустив голову, Фергюссон сидел без движения целыми часами.

– Ну, надо еще сделать последнее усилие, – сказал он себе часов в десять утра. – Надо еще раз попытаться найти воздушное течение, которое могло бы понести нас. Рискнем последним!

И в то время как его товарищи дремали, он довел до высокой температуры газ в оболочке шара, и «Виктория», увеличившись в объеме, поднялась прямо вверх под лучами полуденного солнца. Доктор тщетно искал на различных высотах, начиная от ста футов до пяти тысяч, хотя бы самого слабого воздушного течения – полнейшая тишина царила везде, до самых верхних границ атмосферы.

Наконец, вода, дававшая водород, иссякла, и горелка погасла. Бунзеновская батарея перестала действовать, и «Виктория», съезжившись, мало-помалу опустилась на песок в том месте, где еще сохранился след от ее корзины.

Наступил полдень. По вычислениям оказалось, что они находятся на 19° 35' широты, приблизительно в пятистах милях от озера Чад и более чем в четырехстах милях от Западного побережья Африки.

Когда корзина «Виктории» коснулась земли, Дик и Джо очнулись от сродного тяжкого забытья.

– Мы останавливаемся? – спросил шотландец.

– Да, приходится, – ответил Фергюссон. Его товарищи прекрасно поняли, что он хотел этим сказать. Местность, все время понижавшаяся, была здесь на уровне моря, поэтому шар сохранял полное равновесие и неподвижность.

Вес пассажиров был возмещен песком, и они сошли на землю. Погруженные в свои мысли, они за несколько часов не обменялись друг с другом ни словом. Джо занялся приготовлением ужина, состоявшего из сухарей и пеммикана, но все трое едва притронулись к еде. Глоток горячей воды завершил эту печальную трапезу. Ночью никто не нес вахты, но никто и не сомкнул глаз. Духота была невыносимая. Оставалось всего полпинты воды. Доктор приберегал ее на крайний случай, и было решено не трогать ее до последней возможности.

– Я задыхаюсь! – крикнул вскоре Джо. – Как будто стало еще жарче. Ну, и не удивительно, – прибавил он, взглянув на термометр, – ведь целых сто сорок градусов.

– А песок жжет так, словно он только что из печи, – отозвался охотник. – И ни единого облачка на этом раскаленном небе! – Просто с ума сойти можно!

– Не будем отчаиваться, – проговорил Фергюссон. – Под этими широтами после такой сильной жары неизбежно проносятся бури, и налетают они с невероятной быстротой. Несмотря на эту угнетающую нас ясность неба, огромные перемены могут произойти в какой-нибудь час.

– Да помилуй, Самуэль, были бы хоть какие-нибудь признаки этого! – возразил Кеннеди.

– Ну, что же, – отозвался доктор, – мне и кажется, что барометр чуть-чуть понижается.

– Ах, Самуэль! Да услышит тебя небо! А то ведь мы прикованы к земле, как птица с полуманными крыльями.

– С той только разницей, дорогой Дик, что наши-то крылья в целости, и я надеюсь еще ими попользоваться.

– Ах, ветра бы нам, ветра! – воскликнул Джо. – Пусть бы он донес нас до ручейка, до колодца: нам больше ничего и не надо! Ведь съестных припасов у нас достаточно, и с водой мы могли бы, не печалась, выждать хотя бы и месяц. Но жажда – это жестокая вещь.

Действительно, изнурительная жажда пустыни, находящейся все время перед глазами, действовала самым подавляющим образом. Взору совершенно не на чем было остановиться: не только холмика, но даже камня не было видно кругом. Эти безбрежные, ровные пески вызывали отвращение и доводили до болезненного состояния, носящего название «болезнь пустыни». Невозмутимая голубизна неба и желтизна бесконечных песков в конце концов наводили ужас. Казалось, сам знойный воздух дрожит над раскаленной добела печью. Эта спокойная беспредельность приводила в отчаяние, уже не верилось, что она может смениться чем-либо другим: ведь беспредельность сродни вечности.

Наши несчастные путники, лишённые в эту невыносимую жару воды, начали испытывать приступы галлюцинаций, глаза их широко раскрылись и стали мутными.

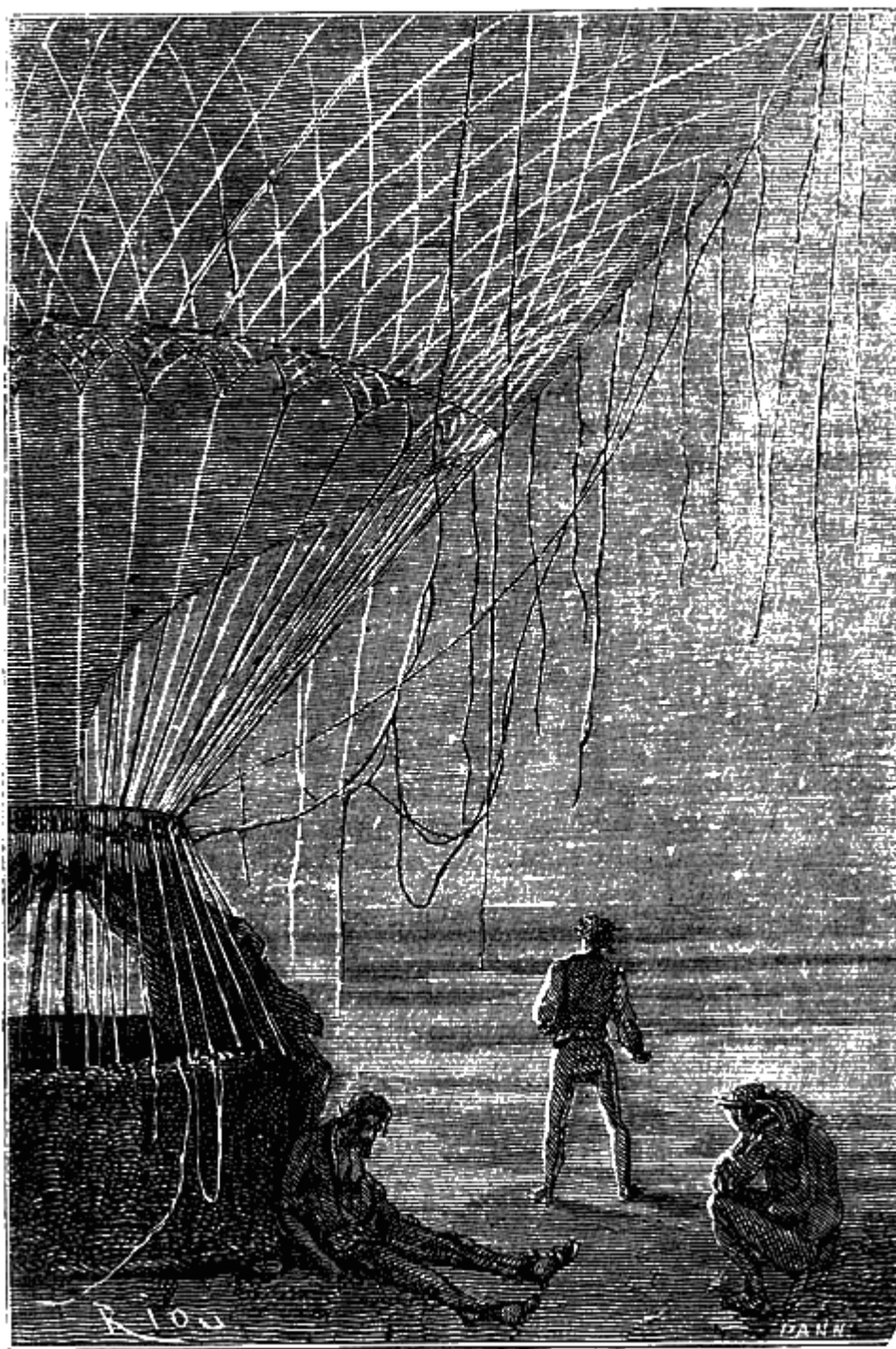
С наступлением ночи Фергюссон решил быстрой ходьбой побороть это опасное состояние. Он намерен был походить несколько часов по песчаной равнине не в поисках чего-либо, а просто ради самого движения.

– Пойдемте со мной, – уговаривал он своих спутников. – Поверьте мне, это принесет вам пользу.

– Для меня это невозможно, – ответил Кеннеди, – я не в силах сделать и шага.

– А я предпочитаю все-таки спать, – заявил Джо.

– Но сон и неподвижность могут быть губительны для вас, друзья мои. Надо бороться с апатией. Ну, идемте же!

Но уговорить их доктору так и не удалось, и он отправился один. Ночь была звездная, прозрачная, Фергюссон ослабел, и вначале идти было тяжело – он отвык ходить. Но вскоре доктор

почувствовал, что движение действует на него благотворно. Он прошел на запад несколько миль, и бодрость уже начала было возвращаться к нему, как вдруг у него закружилась голова. Ему показалось, что под его ногами раскрылась пропасть, колени подгибались, безбрежная пустыня наводила ужас. Фергюссон казался себе математической точкой, центром бесконечной окружности, то есть ничем. «Виктории» в ночной тьме совсем не было видно... И вот Фергюссона, этого отважного, невозмутимого путешественника, охватил непреодолимый страх. Он хотел было идти назад, но не мог; стал кричать, – на его крик не отзывалось, даже эхо, и голос его затерялся в пространстве, как камень, упавший в бездонную пропасть. Один среди бесконечной пустыни, Фергюссон опустил на песок и потерял сознание...

В полночь Фергюссон очнулся на руках своего верного Джо. Встревоженный продолжительным отсутствием доктора, Джо бросился разыскивать его по следам, ясно отпечатавшимся на песке, и нашел его в обмороке.

– Что с вами случилось, сэр? – с тревогой спросил он, видя, что доктор приходит в себя.

– Ничего, милый Джо. Минутная слабость, вот и все.

– Конечно, сэр, это пустяки, но все-таки поднимайтесь, обопритесь на меня и идемте к «Виктории».

Доктор, опираясь на руку Джо, пошел обратно по оттиснутым на песке следам.

– Как хотите, сэр, а это неосторожно с вашей стороны. Нельзя так рисковать, – начал Джо. – Вас, пожалуй, могли и ограбить, – прибавил он шутя. – Но давайте поговорим серьезно.

– Говори, я тебя слушаю.

– Нам непременно надо что-нибудь придумать. Мы можем протянуть всего каких-нибудь несколько дней, а там, если не подует ветер, мы погибли.

Доктор ничего не ответил.

– Надо, чтобы кто-нибудь пожертвовал собой для общей пользы, – продолжал Джо. – И проще всего будет, чтобы это сделал я.

– Что ты хочешь сказать? У тебя есть какой-нибудь план?

– План мой очень прост: я забираю с собой часть съестных припасов и иду прямо вперед, пока куда-нибудь не дойду, что должно же когда-нибудь случиться. Если же в это время подует благоприятный ветер, вы полетите, не дожидаясь меня. А если я дойду до какого-нибудь селения, то с помощью нескольких арабских слов, которые вы мне напишете на бумажке, сумею заставить себя понять, и тут или смогу доставить вам помощь, или уже придется пожертвовать собственной шкурой. Как вы находите мой план?

– Он безумен, Джо, но я вижу в нем твою честную смелую душу. Это невозможно, и ты не покинешь нас.

– Но надо же, сэр, в конце концов попытаться что-нибудь сделать. Вам же это несколько не может повредить, так как, повторяю, дожидаться меня не надо, а у меня, возможно, что-нибудь да и выйдет.

– Нет, Джо, нет! Мы не расстанемся, это еще прибавило бы нам горя. Нам суждено было попасть в такое положение и, может быть, суждено выйти из него. Итак, покоримся судьбе и будем ждать...

– Пусть будет по-вашему, сэр, но предупреждаю: я даю вам день и больше ждать не буду. Сегодня воскресенье, или, вернее, понедельник, ведь уже час утра... Так вот, если во вторник мы не двинемся, я отправлюсь, – и решил я это окончательно. Доктор ничего не ответил. Вскоре они подошли к «Виктории» и улеглись в корзине рядом с Кеннеди. Тот не проронил ни слова, хотя и не спал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Ужасающий эной. – Галлюцинации. – Последние капли воды. – Ночь отчаяния. – Попытка самоубийства. – Самум. – Оазис. – Лев и львица.

Проснувшись на следующее утро, доктор, первым делом бросил взгляд на барометр. Ртут-

ный столбик почти не понизился. – Ничего нового, ничего, – пробормотал он. Фергюссон вышел из корзины и стал смотреть во все стороны: от же зной, та же ясность неба, та же неумолимая неподвижность воздуха.

– Неужели нет ни малейшей надежды?! – воскликнул он. Джо не отозвался, он весь ушел в свои мысли. Кеннеди поднялся совсем больным. Его возбужденное состояние не могло не вызывать беспокойства. Он ужасно страдал от жажды и с трудом двигал распухшим языком и губами.

Оставалось еще несколько капель воды. Каждый знал об этом, каждый думал об этих каплях, и каждого тянуло к ним, но никто не решался сделать первый шаг.

Эти три товарища, эти три друга бросали один на другого дикие взгляды, – они были охвачены животной алчностью. Особенно сильно она проявлялась у Кеннеди. Его могучий организм раньше других изнемог от невыносимых лишений. Весь день он был в каком-то бредовом состоянии: ходил взад и вперед, что-то хрипло выкрикивал, кусая себе кулаки, был близок к тому, чтобы вскрыть себе вены и напиться собственной кровью.

– «Страна жажды»! – кричал он. – Нет, вернее будет назвать тебя «страной отчаяния»!

Потом он впал в состояние полного изнеможения: слышалось только свистящее дыхание, с шумом вырывавшееся из его запекшихся губ.

Под вечер первые приступы безумия охватили и Джо. Бесконечная масса песков вдруг показалась ему громадным прудом с чистой, прозрачной водой. Не раз несчастный бросался на раскаленную землю, чтобы напиться. Поднимался он со ртом, полным песка, и злобно кричал:

– Проклятие! Вода-то соленая!

После одного из таких приступов безумия Джо, видя, что Фергюссон и Кеннеди лежат без движения, поддавшись непреодолимому желанию выпить последние, оставленные про запас капли воды. Не в силах справиться с собой, он подполз на коленях к корзине и, пожирая безумными глазами бутылку с водой, схватил ее и впился в нее губами. В этот миг рядом с ним раздались раздирающие душу крики:

– Пить! Пить!

Кеннеди подползал к нему. Несчастный охотник был жалок, он на коленях, плача, молил Джо, который со слезами протянул ему бутылку, и Кеннеди выпил все, что было в ней, все до последней капли.

– Спасибо, – пробормотал он, но Джо не слышал: он свалился на песок рядом с шотландцем.

Как прошла эта ужасная ночь – неизвестно. Утром несчастные стали чувствовать, как под огненными потоками солнца тела их мало-помалу совсем высыхают. Когда Джо хотел подняться, ему это не удалось. Он был уже не в силах осуществить свой план.

Джо оглянулся вокруг. Доктор мрачно сидел в корзине; он скрестил на груди руки и уставился бессмысленными глазами в одну точку. У Кеннеди вид был страшный: он мотал головой из стороны в сторону, как дикий зверь в клетке. Вдруг глаза охотника остановились на карабине, приклад которого торчал из-за борта корзины.

– Ах! – вскричал он, поднимаясь с нечеловеческими усилиями, и вне себя, как безумный, бросился к карабину, схватил его и приставил дуло к своему рту.

– Сэр! Сэр! – с криком кинулся к нему Джо.

– Оставь меня! Убирайся! – хрипел шотландец. Между ними завязалась ожесточенная борьба.

– Пошел вон, или я тебя убью! – задыхаясь, повторял Кеннеди.

Джо изо всех сил вцепился в него. Они боролись с минуту; Фергюссон, казалось, даже не замечал их. Во время этой жестокой схватки карабин внезапно выстрелил. Услышав этот звук, доктор поднялся во весь рост; он был похож на призрак. Вдруг глаза его ожили, он протянул к горизонту руку и нечеловеческим голосом закричал:

– Там! Там! Вон там!

В его крике и жесте было столько энергии, что Джо и Кеннеди тотчас же перестали бороться и оба посмотрели на Фергюссона.

Необъятная равнина волновалась, словно разъяренное в бурю море. Волны песка бушевали, а с юго-востока, вращаясь с неимоверной быстротой, надвигался колоссальный песчаный столб. В эту минуту солнце скрылось за темной тучей, длиннейшая тень от которой доходила до самой «Виктории». Мельчайшие песчинки неслись с легкостью водяных брызг, и все это бушующее море песка надвигалось на них. Надежда и энергия засветились в глазах Фергюссона.

– Самум! – крикнул он,

– Самум! – повторил Джо, не понимая хорошенько, что это значит.

– Тем лучше, – закричал Кеннеди с бешеным отчаянием. – Тем лучше! Мы погибнем!

– Тем лучше, – повторил Фергюссон, – но потому, что мы будем спасены.

И он быстро начал выбрасывать из корзины песок, служивший балластом.

В конце концов его товарищи поняли, в чем дело; они стали помогать ему выбрасывать песок, а затем заняли свои места в корзине.

– Теперь, Джо, вышвырни-ка фунтов пятьдесят твоей руды, – скомандовал доктор.

Джо не колеблясь сделал это, и все же его кольнула мгновенная боль сожаления. «Виктория» стала подниматься.

– Как своевременно! – воскликнул доктор.

Самум действительно приближался с быстротой молнии. Еще немного – и «Виктория» была бы раздавлена, изорвана в клочки, уничтожена. Колоссальный смерч уже настигал ее и осыпал градом песка.

– Еще выбрасывай балласт! – крикнул доктор.

– Есть, – отозвался Джо, кидая на землю огромный кусок кварца.

«Виктория» быстро поднялась над проносящимся смерчем и, подхваченная могучим воздушным течением, полетела с неимоверной быстротой над пенящимся морем песка. Самуэль, Дик и Джо молчали. Освеженные бурным вихрем, они с надеждой смотрели вперед...

В три часа самум прекратился. Песок, оседая, образовал бесчисленные холмики. В небе снова воцарилась полнейшая тишина. «Виктория» остановилась. Путешественники увидели впереди зеленый остров, поднимавшийся из океана песков, – оазис.

– Вода! Там вода! – закричал доктор. В тот же миг он открыл верхний клапан, выпустил часть водорода, и «Виктория» тихонько спустилась в двухстах шагах от оазиса.

За четыре часа воздухоплаватели покрыли расстояние в двести сорок миль. Корзину загрузили, и Кеннеди в сопровождении Джо соскочил на землю.

– Берите особой ружья! – крикнул Фергюссон. – Да смотрите, будьте осторожнее.

Дик бросился за своим карабином, а Джо схватил одно из ружей. Быстро понеслись они к деревьям и мигом очутились под зеленой кущей, сулившей обилие драгоценной влаги. В своем возбужденном состоянии они не обратили внимания на видневшиеся там и сям свежие следы.

Вдруг в шагах двадцати от них послышалось рычание.

– Это лев, – проговорил Джо.

– Тем лучше! – воскликнул ожесточенный охотник. – Будем драться. О, силы найдутся, если нужно только драться.

– Поосторожнее, мистер Дик, поосторожнее. Помните, что от жизни одного из нас зависит жизнь всех.

Но Кеннеди пропустил эти слова мимо ушей, он уже мчался вперед, держа в руках заряженный карабин, мчался с пылающим взором, страшный в своей отваге.

Под одной из пальм стоял огромный лев с черной гривой, готовый каждую минуту броситься на свою жертву. Заметив охотника, лев сделал страшный прыжок, но, прежде чем он коснулся земли, пуля поразила его прямо в сердце. Он упал мертвый.

– Ура! ура! – закричал Джо.

Кеннеди кинулся к колодцу, сбежал по влажным ступенькам, припал к источнику и жадно стал пить свежую, холодную воду. Джо последовал его примеру, и некоторое время ничего не было слышно, кроме бульканья и прищелкивания языком – звуков, испускаемых животными, когда они утоляют свою жажду.

– Будем благодарны, мистер Дик, – тяжело дыша, проговорил Джо, – как бы мы не пе-

рехватили через край.

Но Дик, ничего не отвечая, окунал в воду голову и руки и все продолжал пить; он словно опьянел.

– А мистер Фергюссон... – начал Джо.

Имя это мгновенно привело в себя Кеннеди. Он сейчас же наполнил водой принесенную с собой бутылку и бросился вверх по лестнице. Но каково же было его изумление, когда он увидел, что какое-то огромное темное тело закрывает выход из колодца. Оба они, Кеннеди и идущий за ним Джо, подались назад.

– Да мы заперты! – закричал Джо.

– Просто невероятно, что бы могло это значить? Не успел Дик договорить эти слова, как ужасное рычание показало им, с каким новым страшным врагом им придется иметь дело.

– Еще лев! – закричал Джо.

– Нет, не лев, это львица. Ах, проклятая тварь! Подожди же! – крикнул охотник, снова поспешно заряжая свой карабин. Он выстрелил, и животное исчезло...

– Вперед! – скомандовал Кеннеди.

– Нет, мистер Дик, не надо пока выходить. Вы ведь эту самую львицу не убили наповал, а то бы она свалилась сюда. Теперь она, видно, ждет, чтобы наброситься на первого, кто покажется, и тогда уж ему капут.

– Но как же быть? Надо же выйти. Да и Самуэль нас ждет.

– Надо нам завлечь сюда этого зверя, – ответил Джо. – Возьмите мое ружье, а мне дайте ваш карабин.

– Что ты задумал?

– Вот увидите.

Джо сбросил свою полотняную куртку, надел ее на ствол карабина и в виде приманки выставил в отверстие колодца. Разъяренная львица накинулась на куртку, а Кеннеди сейчас же выстрелил и раздробил ей плечо. Львица, рыча, покатилась по лестнице, опрокинув Джо, которому уже казалось, что в него вонзаются огромные львиные когти... но вдруг раздался новый выстрел, и в отверстии колодца появился Фергюссон с еще дымящимся в руках ружьем.

Джо быстро поднялся, перескочил через труп львицы и, взбежав по лестнице, подал доктору бутылку, полную воды. Поднести эту бутылку к губам и наполовину опорожнить ее было для Фергюссона делом одного мгновения. И три путешественника от всего сердца возблагодарили провидение, таким чудесным образом спасшее их.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Прекрасный вечер. – Стряпня Джо. – О сыром мясе. – Случай с Джеймсом Брюсом. –

*Бивуак. – Мечты Джо. – Барометр падает. – Барометр снова поднимается. –
Приготовления к отлету. – Ураган.*

После сытного обеда, запитого немалым количеством чая и грога, наши путешественники провели чудесный вечер под свежей зеленой листвой мимоз.

Кеннеди во всех направлениях обошел маленький оазис, осмотрев, кажется, все его кусты. Несомненно, они трое были единственными живыми существами в этом земном раю. Растянувшись на своих постелях и забыв о перенесенных муках, они провели спокойную ночь.

На следующий день, 7 мая, солнце сияло во всем своем блеске, но жгучие лучи его не могли проникать сквозь густую листву. Съестные припасы еще имелись у путешественников в достаточном количестве, и доктор решил дожидаться в оазисе благоприятного ветра.

Джо вынул из корзины «Виктории» свою походную кухню и с увлечением занялся всевозможными кулинарными приготовлениями, тратя при этом воду с беспечной расточительностью.

– Какая удивительная смена горестей и радостей! – воскликнул Кеннеди: – После таких лишений – изобилие! После нищеты – роскошь! А я-то! Как был я близок к сумасшествию!

– Да, дорогой мой Дик, – заговорил доктор, – если бы не Джо, тебя не было бы с нами и ты уже не мог бы философствовать о непостоянстве всего земного.

– Спасибо, дорогой друг! – воскликнул Дик, протянув руку Джо.

– Не за что, – ответил тот. – Когда-нибудь сочтемся. Впрочем, уж лучше бы такого случая не представлялось.

– А все-таки люди жалки, – заметил доктор. – Падать духом из-за такого пустяка!

– Вы хотите сказать, сэр, что обходиться без воды – это пустяк? – спросил Джо. – Но, видно, эта самая вода уж очень необходима для жизни.

– Несомненно, Джо: люди могут переносить голод дольше, чем жажду.

– Верю. Да, кроме того, ведь голодный человек может есть все, что ему попадется под руку, даже себе подобного, хоть, должно быть, от такой закуски его долго будет мутить.

– По-видимому, дикари на этот счет не очень разборчивы, – вставил. Кеннеди.

– Но на то они и дикари, привыкшие есть сырое мясо. Вот уж, можно сказать, мерзкий обычай!

– Да, это так отвратительно, что никто не хотел верить первым путешественникам по Африке, когда они рассказывали, что туземные племена питаются сырым мясом, и вот тогда с Джемсом Брюсом произошел странный случай.

– Расскажите, сэр. У нас есть время слушать, – сказал Джо, с наслаждением растянувшись на влажной траве.

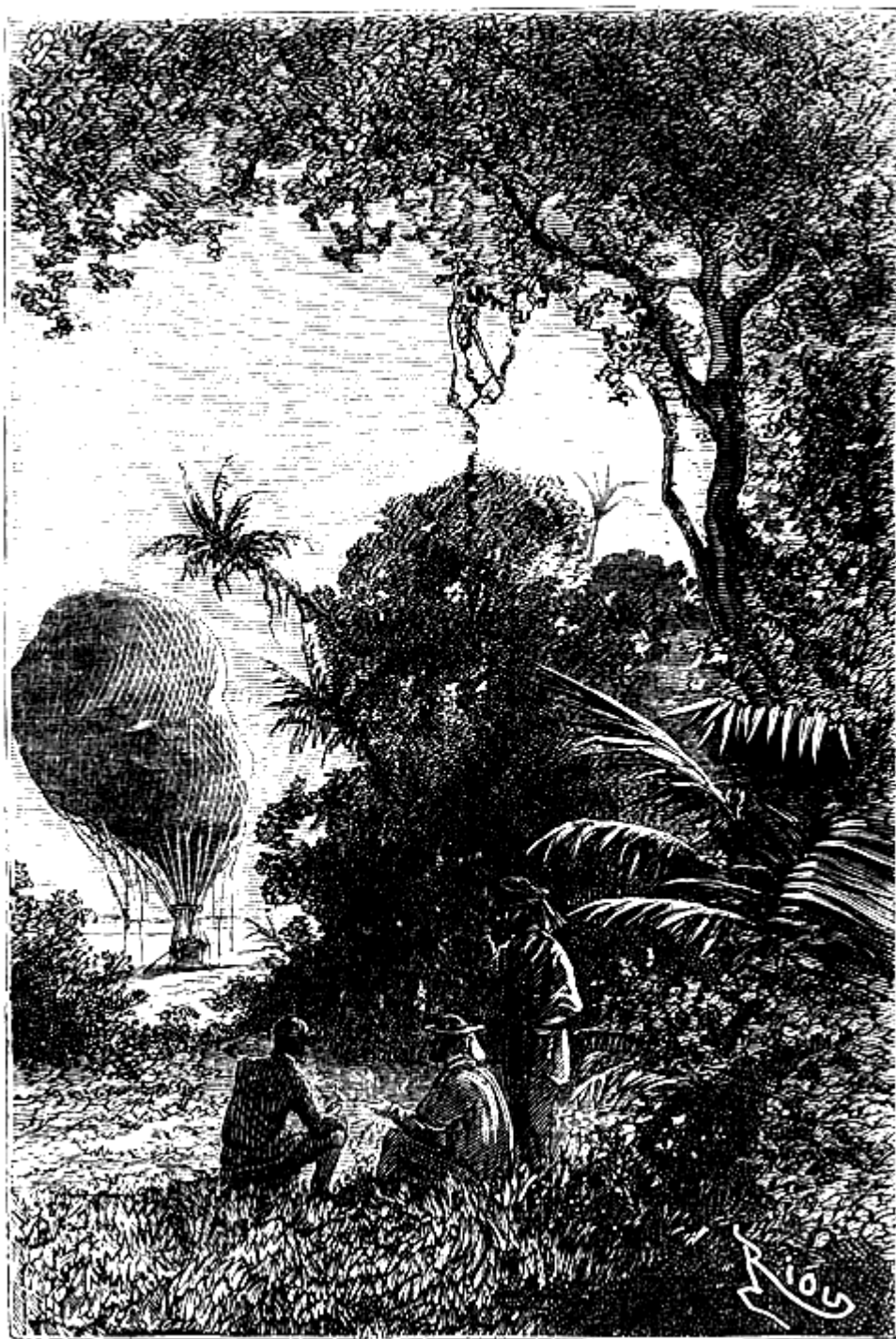
– Охотно. Джемс Брюс был шотландец из графства Стерлинг. Он тоже искал истоки Нила и с тысяча семьсот шестьдесят восьмого по тысяча семьсот семьдесят второй год путешествовал по Абиссинии. Он проник вглубь страны до озера Тана и затем вернулся в Англию. Описание своего путешествия Брюс опубликовал только в тысяча семьсот девяностом году. К его рассказам отнеслись недоверчиво – вероятно, и наши будущие встречи с таким же недоверием. Быт племен, населяющих Абиссинию, так резко отличался от английского, что повествование Брюса было принято за пустые рассказы. Между прочим, автор утверждал, что население Абиссинии ест мясо в сыром виде. Эта подробность возмутила всех. Говорили, что автор имеет полную возможность врать сколько душе угодно, – ведь никто его проверить не может. Брюс был очень храбр и очень вспыльчив. Недоверие к его словам выводило его из себя. Однажды какой-то шотландец стал шутить в его присутствии, в одной из эдинбургских гостиных, насчет «домыслов» путешественника, уверяющего, что в Абиссинии едят сырое мясо. В заключение он решительно заявил, что такой обычай – нечто невероятное и невозможное. Брюс, не говоря ни слова, вышел и через некоторое время вернулся с сырым бифштексом, посыпанным солью и перцем по-африкански. «Сударь, – сказал он шотландцу, – усомнившись в существовании обычая, который я описываю, вы нанесли мне оскорбление. Считая этот обычай невозможным, вы ошиблись. И чтобы доказать это всем, вы скушаете этот бифштекс в сыром виде или ответите мне за ваши слова». Шотландец испугался – и подчинился. Надо было видеть его гримасы! Когда он съел

бифштекс, Джемс Брюс заметил: «Допустим, что я рассказал небылицу, но по крайней мере вы не станете утверждать, будто она невозможна».

– Молодец Брюс, – сказал Джо. – Если шотландец заболел несварением желудка, поделом ему. И если кто-нибудь, когда мы вернемся в Англию, усомнится в наших рассказах...

– Что же ты тогда сделаешь, Джо?

– Я заставлю его съесть кусок нашей «Виктории» без соли и без перца.

Все посмеялись изобретательности Джо.

День прошел в приятных разговорах. Вместе с силами возвращалась надежда, а с нею мужество. Пережитое изглаживалось из памяти и уступало место мыслям о будущем с благодарительной быстротой.

Джо заявил, что хотел бы никогда не расставаться с этим волшебным уголком. Это было именно то царство, о котором он всегда мечтал. И чувствует он себя здесь совсем как дома. По его просьбе доктор определил местонахождение оазиса, и Джо с пресерьезным видом занес в

свою дорожную записную книжку: 15° 43' восточной долготы и 8° 32' северной широты.

Что касается Кеннеди, то он жалел только об одном – что не может поохотиться в этом маленьком лесу. По его мнению, здесь положительно не доставало диких зверей.

– Но ты что-то уж очень забывчив, дорогой мой Дик, – возразил доктор. – А этот лев, а львица?

– Ну, что там! – проговорил Джо с обычным презрением истого охотника к убитому зверю. – А кстати, знаете, присутствие в здешнем оазисе этой пары львов, пожалуй, может свидетельствовать о близости плодородных мест.

– Твое предположение не очень веско, – заметил доктор – Эти звери, гонимые голодом и жаждой, часто пробегают очень большие расстояния. И в следующую ночь нам нужно быть настороже и даже разложить несколько костров.

– В такую-то жару? – воскликнул Джо. – Разумеется, если это необходимо, сэр, то, конечно, будет сделано; но мне, признаться, жалко сжигать этот чудесный лесок, давший нам столько хорошего.

– Да, надо быть как можно осторожнее, чтобы не спалить его, – сказал доктор, – пусть и другие воспользуются когда-нибудь этим приютом среди пустыни.

– Уж мы позаботимся об этом, сэр. А вы думаете, что этот оазис известен кому-нибудь?

– Конечно, это место стоянки караванов, идущих в Центральную Африку, и наверно могу сказать, что встреча с ними тебе, Джо, была бы не очень по сердцу.

– Да разве здесь также встречаются эти ужасные ньям-ньямы?

– Без сомнения. Ведь это название общее для всего туземного населения, и, живя в одном и том же климате, эти родственные племена, конечно, усвоили одинаковые нравы и обычаи.

– Тьфу! – вырвалось у Джо. – Впрочем, – заявил он, – в конце концов это понятно. Если бы у дикарей были вкусы джентльменов, то в чем же была бы тогда разница между теми и другими? Уж эти ньям-ньямы не заставили бы себя просить: они с наслаждением съели бы сырой бифштекс, да и самого шотландца в придачу.

После этих рассуждений Джо отправился раскладывать костры, стараясь делать их как можно меньше. К счастью, эта предосторожность оказалась излишней, и все трое поочередно прекрасно выпались.

На следующий день погода ничуть не изменилась-упорно держался штиль. Полная неподвижность «Виктории» говорила об отсутствии даже самого легкого ветерка.

Фергюссон снова начал было беспокоиться. «Если так будет и дальше, пожалуй, может не хватить съестных припасов, – думал он. – Неужели, избежав смерти от жажды, мы погибнем от голода?»

Но вскоре он воспрянул духом, заметив, что барометр стал сильно падать, – это был явный признак перемены погоды в ближайшее время. И он решил не откладывая заняться всеми необходимыми для полета приготовлениями, чтобы при благоприятных условиях немедленно подняться на воздух. Ящик для воды, питавший горелку, и ящик для питьевой воды – оба были наполнены доверху.

Затем Фергюссон занялся уравниванием шара, и Джо снова пришлось пожертвовать порядочной частью своего сокровища. Однако вместе с силами к нему вернулись его корыстные помыслы, и он не сразу исполнил приказ доктора. Но тот объяснил ему, что «Виктория» не в состоянии поднять лишнего груза и, значит, надо выбирать между водой и золотом. Джо, наконец, перестал колебаться и выбросил из корзины на песок значительное количество драгоценной руды.

– Ну, пусть же это золото достанется тем, кто явится сюда после нас, – промолвил Джо. – Вот, думаю, удивятся-то, найдя богатство в таком месте!

– А что, если какой-нибудь ученый-исследователь наткнется здесь на эти камни? – сказал Кеннеди.

– Нет никакого сомнения, дорогой Дик, что он будет очень поражен и не замедлит напечатать об этом целые фолианты, – отозвался доктор. – Мы же в один прекрасный день можем услышать о чудесных залежах золотоносного кварца, найденных среди песков Африки.

– И подумайте, все это будет делом рук Джо, – заметил Кеннеди.

Мысль, что он загадает загадку какому-нибудь ученому, утешила Джо, и он даже улыбнулся.

Весь остальной день доктор тщетно ждал перемены погоды. Температура повысилась и, если бы не густая тень оазиса, была бы совершенно невыносимой. Термометр показывал 149°Ш. Это была наивысшая температура, отмеченная до сих пор Фергюссоном. Воздух казался огненным.

Вечером Джо опять разложил для безопасности костры, и во время вахт доктора и Кеннеди не произошло ничего нового. Но около трех часов утра, когда дежурил Джо, температура внезапно понизилась, небо заволочло тучами, стало темно.

– Вставайте! Вставайте! – крикнул Джо своим товарищам. – Поднимается ветер!

– Наконец-то! – воскликнул доктор, глядя на небо. – Буря приближается! Скорее на «Викторию»!

Действительно, нельзя было терять ни минуты. Под натиском урагана «Виктория» совсем пригнулась к земле, и ее корзина волочилась по песку. Если бы случайно из нее вывалилась часть балласта, шар могло бы совсем унести. Быстроногий Джо помчался к корзине и ухватился за нее. В это время самый шар почти лег на землю, рискуя изорвать свою оболочку.

Доктор занял свое обычное место, зажег горелку и приказал сбросить лишний балласт.

Путники в последний раз взглянули на гнувшиеся до земли под напором бури деревья, оазиса и, подхваченные на высоте двухсот футов восточным течением, скрылись в ночном мраке.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Появление растительности. – Фантастическая идея французского писателя. – Чудесная страна. – Царство Адамауа. – Соединение исследований Спика и Бертон с исследованиями Барта. – Горы Атлантика. – Река Бенуэ. – Город Йола. – Гора Бажеле. – Гора Мендиф.

Путешественники неслись чрезвычайно быстро. Да они и жаждали покинуть Сахару, едва не ставшую для них роковой.

Около четверти десятого утра они стали замечать кое-где траву, пробивавшуюся сквозь песок. Эта трава говорила им, как некогда Христофору Колумбу, о близости земли; зеленые ростки боязливо выглядывали из-за камешков, которые скоро сменились скалами в этом океане песка. На горизонте появились волнистые очертания еще не высоких холмов. Их силуэты рас-

плывались в тумане. Тягостное однообразие пустыни стало исчезать.

Доктор с восторгом приветствовал этот новый край и готов был, как моряк на вахте, крикнуть: «Земля! Земля!»

Через час перед глазами путешественников стала проноситься местность, еще очень дикая, но уже не такая плоская и оголенная; на сером небе даже вырисовывались очертания деревьев.

– Что же – значит, мы уже в более или менее цивилизованной стране? – спросил охотник.

– В цивилизованной! – воскликнул Джо. – Да что вы, мистер Дик. Взгляните-ка, ведь совсем еще не видно людей.

– Но при той быстроте, с которой несется наша «Виктория», мы скоро их увидим, – заметил Фергюссон.

– А скажите, мистер Самуэль, мы все еще летим над страной негров?

– Да, Джо, и будем лететь над ней, пока не доберемся до арабов.

– До арабов, сэр? Настоящих арабов с верблюдами?

– Нет, без верблюдов: эти животные здесь редки, вернее сказать, – почти неизвестны. Встретить их можно только поднявшись на несколько градусов к северу.

– Жаль!

– А почему, Джо?

– Да потому, что при противном ветре можно было бы ими пользоваться.

– Каким же образом?

– Мне, сэр, сейчас пришла в голову вот такая мысль: что, если впрячь в нашу «Викторию» этих самых верблюдов и заставить их тащить нас? Что вы на это скажете?

– Бедный мой Джо, знаешь, твоя идея не нова. Ее уже использовал один остроумный французский писатель, Мери, – правда, в романе. Герои этого романа впрягают в свой шар верблюдов, которые и тащат его. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется лев. Он пожирает верблюдов, проглатывает канат и, попав таким образом в плен, принужден сам тащить шар. Сам видишь, насколько все это фантастично и как мало тут общего с нашим способом передвижения.

Джо несколько сконфузился, узнав, что его блестящая идея была уже предвосхищена; он стал ломать себе голову над тем, какой же дикий зверь мог бы в свою очередь сожрать льва. Ни до чего не додумавшись, он снова принялся разглядывать проносившуюся под ними местность. Он увидел средней величины озеро. Его обступали холмы, которые еще нельзя было назвать горами. Между этими холмами извивалось много плодородных долин с непроходимой чащей разнообразнейших де ревьев; над ними господствовал элаис, листья которого в длину достигают пятнадцати футов, а ствол усеян острыми шипами; бомбакс отдавал пролетавшему мимо ветру тонкий пух своих семян, сильный аромат пандануса, этой арабской «кенды», наполнял благоуханием воздух и доходил даже до той зоны, где проходила «Виктория»; дынное дерево с длинными невидными листьями, суданский орешник, баобаб, банановое дерево дополняли эту роскошную флору тропических стран.

– Что за чудесный край! – воскликнул доктор.

– А вот уже появились животные, – объявил Джо, – значит, здесь недалеко люди.

– Ах, какие великолепные слоны! – закричал Кеннеди. – Нельзя ли мне поохотиться немного?

– Ну, скажи на милость, Дик, как же при таком сильнейшем воздушном течении нам можно остановиться? Нет, дорогой мой, тебе придется испытать муки Тантала. Потом наверстаешь упущенное.

И в самом деле, было от чего разыграться воображению охотника! У Дика сердце колотилось в груди и пальцы невольно сжимали ствол карабина.

Фауна этого края не уступала его флоре. Дикие быки утопали в густой, высокой траве, откуда их едва было видно. Слоны огромного роста, серые, черные, желтые, ураганом проносились по лесу, все ломая, уничтожая и опустошая на своем пути. По лесистым склонам холмов шумели водопады, стремили свои воды потоки. В них шумно купались гиппопотамы, а по берегам валялись, выставя свое круглое вымя, полное молока, рыбовидные ламантины до двадцати футов длиной. Это был редкостный зверинец в грандиозной оранжерее, где бесчисленное множество разнообразных птиц, порхая среди тропической растительности, переливалось тысячами цветов.

По этому сказочному богатству природы доктор догадался, что они несутся над царством Адамауа.

— Мы идем по следам современных открытий, — сказал он. — Я продолжаю путь, прерванный другими путешественниками; счастливая судьба привела нас сюда. Друзья мои, мы сможем связать труды капитанов Бёртона и Спика с исследованиями доктора Барта; мы покинули англичан, чтобы встретиться с гамбуржцем, и скоро мы достигнем границы, до которой дошел этот отважный ученый.

— Мне кажется, — сказал Кеннеди, — что между землями, которые описаны этими двумя учеными, лежит обширное пространство, судя по пути, нами проделанному.

— Его величину нетрудно вычислить. Возьми карту и взгляни на долготу южной оконечности озера Укерева, достигнутой Спиком.

— Она находится примерно на тридцать седьмом градусе.

— А как расположен город Йода, над которым мы пролетим сегодня вечером? Это как раз та точка, до которой дошел Барт.

— Приблизительно на двенадцатом градусе.

— Значит, разница составляет двадцать пять градусов; в каждом шестьдесят миль, то есть всего тысяча пятьсот миль.

— Недурная прогулка, — вставил Джо, — для людей, которые идут пешком.

— Однако она будет сделана. Ливингстон и Моффат идут вглубь континента; озеро Ньяса, которое они открыли, лежит не очень далеко от озера Танганьика, открытого Бёртоном; к концу столетия эти огромные пространства будут, конечно, исследованы. — Доктор прибавил, взглянув на компас: — Как жаль, что ветер уносит нас к западу; я хотел бы подняться к северу.

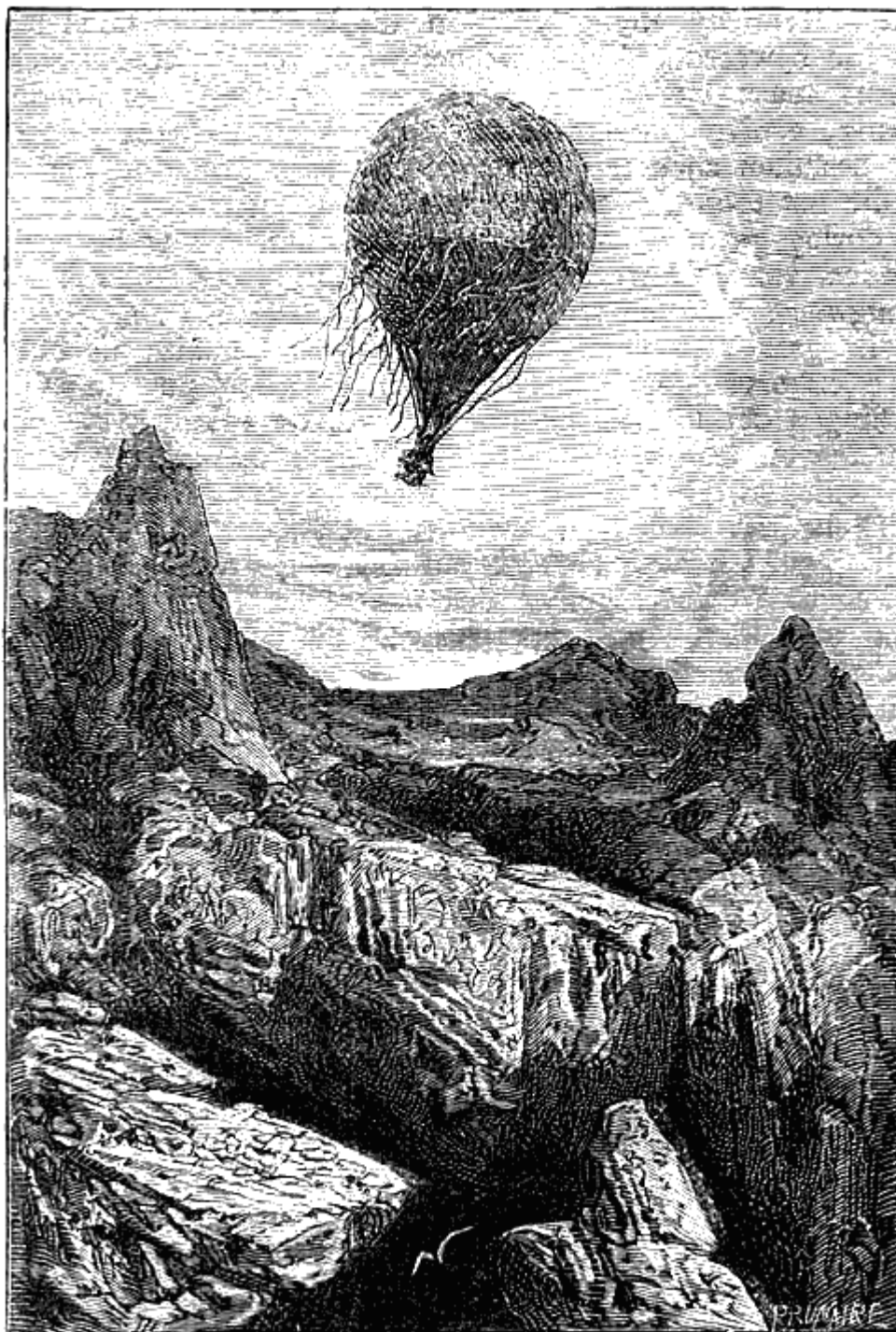
После двенадцатичасового перелета «Виктория» была у границы Судана. Первые туземцы, которых увидели путешественники, были арабы племени шуа, кочующие здесь со своими ста-

дами. Огромные вершины гор Атлантика возвышались на горизонте. На эти горы, предполагаемая высота которых была около двух тысяч шестисот метров, не ступала еще нога европейца. По их западному склону устремляются в океан все реки этой части Африки. Горы Атлантика – это местные Лунные горы.

Наконец, перед глазами наших воздухоплавателей появилась настоящая большая река, и по огромным человеческим муравейникам, расположившимся вдоль ее берегов, доктор признал в ней один из крупных притоков Нигера – Бенуэ, тот самый, который туземцы называют «источником вод».

– Знаете, друзья мои, – сказал доктор, – эта река станет когда-нибудь естественным путем сообщения с внутренним Суданом. Однажды пароход «Плеяда» под командой одного из наших отважных капитанов уже поднялся по ней до города йода. Вы видите, что мы уже находимся в разведанной Стране.

Множество невольников работало в поле над посевами сорго, составляющим главную их пищу. Вытаращив глаза, они с удивлением смотрели на пронесившуюся метеором «Викторию».

Вечером доктор решил сделать привал в сорока милях от города йода. Вдали поднимались две остроконечные вершины горы Мендиф. Фергюссон приказал сбросить якоря, и шар зацепился за верхушку высокого дерева. Но порывистый ветер раскачивал «Викторию» так сильно, что порой она ложилась почти горизонтально, и положение пассажиров становилось очень опасным.

Фергюссон во всю ночь не сомкнул глаз. Не раз он был близок к тому, чтобы перерубить якорные канаты и уйти от бури. Наконец, она утихла, и раскачивание «Виктории» перестало быть опасным.

На следующий день дул менее сильный ветер, но, к сожалению, он уносил «Викторию» в сторону от йола. Фергюссону очень хотелось видеть этот город, недавно перестроенный фула-хами, но надо было мириться с тем, что приходилось подниматься к северу и даже несколько к северо-востоку.

Кеннеди предложил сделать остановку в этом крае, столь богатом дичью. Джо также вы-

сказался за то, что хорошо было бы запастись свежим мясом. Но дикие нравы и враждебное отношение туземцев, давших несколько выстрелов из ружей по «Виктории», принудили доктора продолжать путь. Как раз в это время они пролетали над краем, где царили резня и пожары, где султаны вели между собой бесконечные войны, ставя на карту свои государства.

Внизу проносились многочисленные густонаселенные деревни с длинными хижинами. Вокруг них простирались богатые, обширные пастбища, пестреющие лиловыми цветами. Хижины, походившие на большие улы, прятались за частоколами, Кеннеди несколько раз заметил, что суровые склоны холмов напоминают ему шотландский горный пейзаж.

Вопреки всем усилиям доктора «Викторию» несло прямо на северо-восток, к горе Мендиф, в то время еще скрывавшейся за тучами. Гора эта отделяет бассейн реки Нигера от бассейна озера Чад.

Вскоре показалась гора Бажеле, к склонам которой прилепились, словно дети к груди матери, целых восемнадцать селений, – великолепное зрелище для глаз, которое можно было охватить в целом. В лощинах зеленели поля риса и земляного ореха.

В три часа «Виктория» была у горы Мендиф. Миновать ее оказалось невозможным, надо было пролететь через нее. Фергюссон, доведя температуру газа до ста градусов, увеличил подъемную силу шара почти на тысячу шестьсот фунтов и благодаря этому поднялся выше восьми тысяч футов. Ни разу еще во время своего полета «Виктория» не достигала такой высоты, и температура здесь до того понизилась, что доктор и его товарищи принуждены были закутаться в одеяла. Фергюссон поспешил спуститься, ибо оболочка «Виктории» была так натянута, что каждую минуту могла лопнуть.

Как ни торопился доктор, аэронавты все-таки разглядели, что гора эта вулканического происхождения и что кратеры ее давным-давно потухших вулканов успели уже обратиться в глубочайшие пропасти.

Огромные массы птичьего помета образовали на склоне горы Мендиф подобие известковых скал, и их, пожалуй, хватило бы на удобрение полей всей Англии.

В пять часов дня «Виктория», защищенная от южного ветра горой, тихонько пронеслась у ее склонов и остановилась на большой лужайке, вдали от всякого жилья. Как только корзина шара коснулась земли и были предприняты все нужные меры для ее укрепления, Кеннеди, схватив свой карабин, умчался по отлогой долине. Вскоре он возвратился с полдюжиной диких уток и еще с какой-то птицей вроде кулика. Джо постарался как можно лучше их приготовить. Обед удался на славу, а ночь прошла в полном спокойствии.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Мосфея. – Шейх. – Денхем, Клаппертон, Оудней, Фогель. – Столица Логгум – Туль – Кернак. – Штиль. – Логгумский правитель и его двор. – Нападение. – Голуби-поджигатели.

На следующий день воздухоплаватели снова продолжали свой отважный полет. Они теперь верили в «Викторию», как моряк верит в свое судно. Она ведь с честью выдержала все испытания: и ураганы, и тропический зной, и подъемы среди страшных опасностей, и еще, пожалуй, более рискованные спуски. А управлял своим шаром Фергюссон, можно сказать, мастерски. Вот почему, не зная хорошенько, где будет конечный пункт их путешествия, доктор уже больше не боялся за его исход. Конечно, в этой стране дикарей и фанатиков необходимо было принимать особые меры предосторожности, и он не переставал убеждать своих друзей быть всегда начеку.

Ветер медленно нес их к северу, и около девяти часов утра показался большой город Мосфея, раскинувшийся на плоскогорье среди двух высоких гор. Он занимал неприступную позицию. К нему вела только одна узкая дорога, извивавшаяся среди лесов и болот.

Как раз в этот момент в город въезжал шейх. Его сопровождал конный эскорт в разноцветных одеждах. Впереди шли трубачи и скороходы, очищавшие дорогу от ветвей.

Доктор, желая поближе поглядеть на туземцев, начал снижаться. По мере того как шар,

приближаясь, стал увеличиваться, арабы приходили все в больший ужас, и скоро все они удрали быстротой, на которую только были способны их собственные ноги и ноги их коней. Один лишь шейх не двинулся с места. Он взял в руки свой длинный мушкет, зарядил его и с гордым видом стал ждать.

Доктор снизился приблизительно на высоту ста пятидесяти футов и громко на арабском языке приветствовал шейха. Услышав эти слова, несшиеся с небес, шейх сошел с коня и распростерся в дорожной пыли. Фергюссон, как ни старался, ничего не мог сделать: шейх не смел подняться.

– Оно и понятно, – сказал доктор, – если при первом появлении здесь европейцев в них видели какую-то породу сверхчеловеков, то уж нас они подавно не могли не принять за сверхъестественные существа.

И когда шейх станет рассказывать о встрече с нами, его арабская фантазия разыграется и он, конечно, распишет это происшествие как только сможет. Представьте себе, какие удивительные легенды создадутся когда-нибудь о нас с вами!

– А жаль, – сказал охотник. – Было бы, пожалуй, лучше, если бы они видели в нас простых людей. Тогда они высоко оценили бы могущество европейской цивилизации.

– Согласен, Дик, но тут уж ничего не поделаешь. Как бы ты ни объяснял ученым этой страны механизм аэростата, они ничего не поняли бы и все равно заподозрили бы тут вмешательство сверхъестественных сил.

– Сэр, – спросил Джо, – вы говорили о первых европейцах, исследовавших эту страну. Кто они были, разрешите вас спросить?

– Мы, мой милый, находимся как раз на пути исследований майора Денхема; в Мосфее он был принят султаном Мандара. Он покинул Борну и сопровождал шейха в экспедиции против феллатахов; он присутствовал при штурме города, который храбро защищался с помощью арабских стрел, снабженных пулями, и обратил в бегство войско шейха; все это послужило лишь предлогом для убийств, грабежей, набегов. Майора ограбили, раздели донага, и, если бы не лошадь, под брюхом которой он спрятался и на которой затем бешеным галопом умчался от победителей, он никогда бы не вернулся в Куку, столицу Борну.

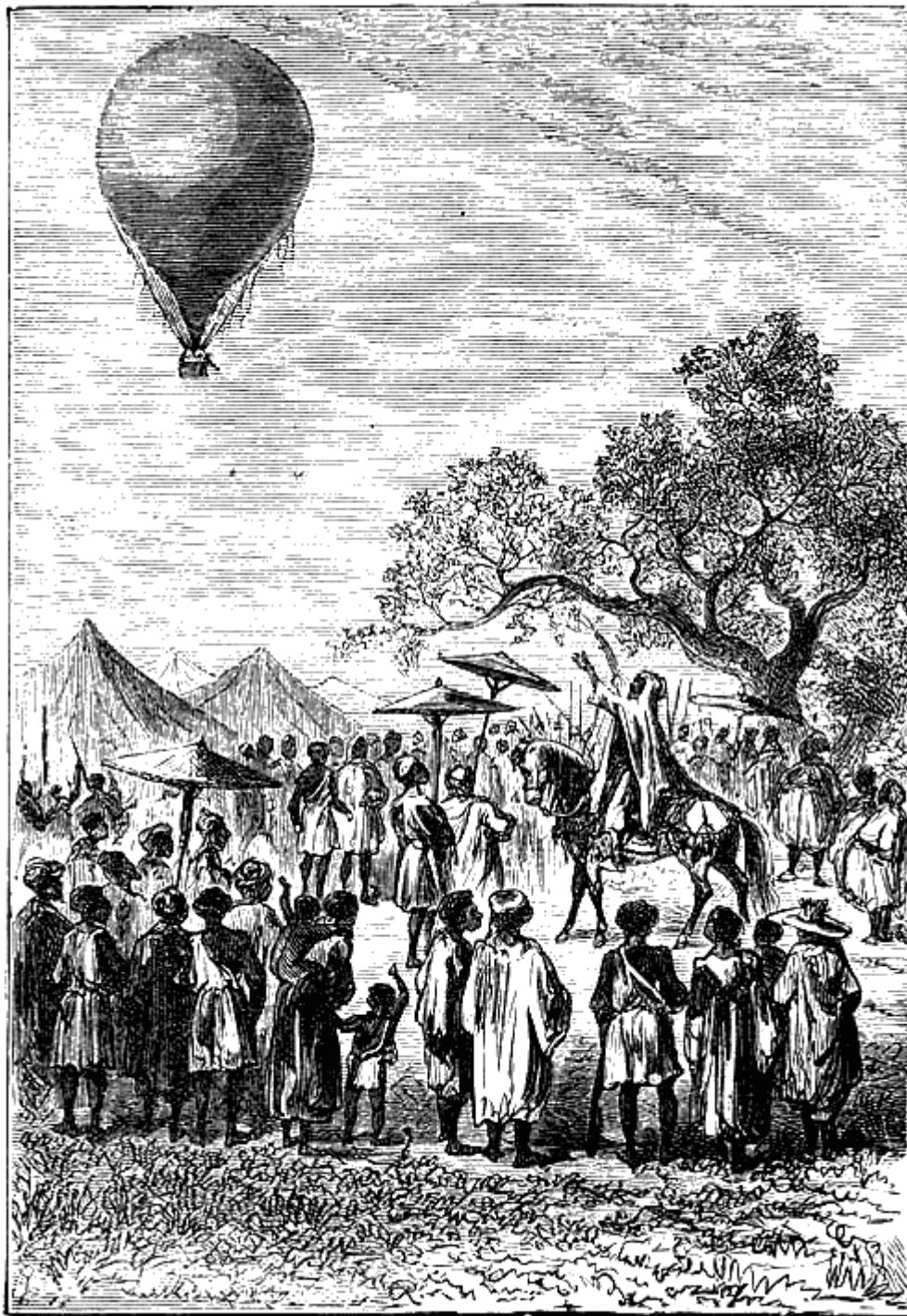
– А кто же он, этот майор Денхем?

– Неустрашимый англичанин, руководивший с тысяча восемьсот двадцать второго до тысяча восемьсот двадцать четвертого года экспедицией в Борну. Его спутниками были капитан Клаппертон и доктор Оудней. Они покинули Триполи в марте, достигли Мурзука, столицы Феццана, по пути, который впоследствии проделал доктор Барт, возвращаясь в Европу, и шестнадцатого февраля тысяча восемьсот двадцать третьего года прибыли в Куку, расположенную возле озера Чад. Денхем изучал Борну, Мандара и восточные берега озера, а капитан Клаппертон и доктор Оудней пятнадцатого декабря тысяча восемьсот двадцать третьего года отделились от него и углубились в Судан до Сокото. Оудней умер от переутомления и изнурения в городе Мурмур.

– Значит, в этой части Африки, – спросил Кеннеди, – науке принесены большие жертвы?

– О, это роковая страна! Мы сейчас летим прямо к стране Багирми, через которую Фогель прошел в тысяча восемьсот пятьдесят шестом году, чтобы проникнуть в Вадаи, где он исчез. Этот совсем еще молодой человек, двадцати трех лет, был послан на помощь экспедиции доктора Барта; они встретились первого декабря тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года; Фогель занялся изучением страны. В тысяча восемьсот пятьдесят шестом году он сообщал в своих последних письмах о намерении разведать страну Вадаи, куда не проник еще ни один европеец. Повидимому, он достиг столицы Вара, где его, по одним сведениям, взяли в плен, а по другим – убили за то, что он пытался взойти на священную гору, находившуюся в окрестностях города. Но не всегда следует верить слухам о смерти исследователей-путешественников – это освобождает от необходимости искать их. Сколько раз, например, из официальных источников сообщалось о смерти доктора Барта, что вызывало у него законное раздражение. Вполне возможно, что вадайский султан держит Фогеля в плену в надежде на выкуп. Барон Нейманс отправился в Вадаи, но умер в Каире в тысяча восемьсот пятьдесят пятом году. Мы теперь знаем, что Хейглин

пустился по следам Фогеля вместе с экспедицией, посланной из Лейпцига. Таким образом, мы вскоре узнаем о судьбе, постигшей этого молодого и интересного исследователя²⁴.

Вскоре Мосфея скрылась за горизонтом. Перед глазами аэронавтов уже проносилась Мандара, этот на редкость плодородный край, со своими лесами из акаций, с лугами, усеянными красными цветами, с полями индиго и хлопчатника. Шумно мчала свои бурные воды река Шари; в восьмидесяти милях отсюда она впадала в озеро Чад. Доктор проследил ее течение по карте Барта.

— Вы видите, — сказал он, — что работы этого ученого отличаются необычайной точностью; мы приближаемся к области Логгум и, может быть, к ее столице, городу Кернак. Здесь погиб бедный Туль, которому не было еще двадцати двух лет. Это молодой англичанин, лейтенант се-

²⁴ Уже после отъезда доктора были получены письма из Эль-Обейда, от Мунцингера, нового руководителя экспедиции; к сожалению, в этих письмах окончательно подтверждалось известие о смерти Фогеля.

мидесятого полка, который всего лишь несколько недель как присоединился к майору Денхему в Африке и немного спустя погиб. О, эту огромную страну можно с полным правом назвать кладбищем европейцев.

Несколько лодок, длиной футов в пятьдесят, плыли вниз по течению реки Шари. «Виктория», парившая на высоте тысячи футов, почему-то мало привлекала внимание туземцев. Довольно сильный до этого ветер стал спадать.

– Неужели мы опять попадем в полный штиль? – проговорил доктор.

– Ну, теперь, сэр, во всяком случае нам нечего бояться ни недостатка воды, ни пустыни, – заметил Джо.

– Но зато здешнее население будет, пожалуй, еще пострашнее, – заметил доктор.

Уже после отъезда доктора были получены письма из Эль-Обейда, от Мунцингера, нового руководителя экспедиции: сожалению, в этих письмах окончательно подтверждалось известно о смерти Фогеля.

– Вот что-то похожее на город, – заявил Джо.

– Это Кернак, – отозвался Фергюссон. – Как ни слаб ветер, но он несет нас туда. При желании можно было бы снять с города точный план.

– А нельзя ли будет нам снизиться? – спросил Кеннеди.

– Ничего не может быть легче, Дик. Мы как раз над самым городом. Подожди, я сейчас прикручу горелку, и мы станем спускаться.

Через каких-нибудь полчаса «Виктория» неподвижно повисла в двухстах футах от земли.

– Вот мы и совсем близко от Кернака, – сказал доктор, – не дальше, чем был бы от Лондона человек, взобравшийся на купол собора святого Павла. Теперь мы можем хорошо осмотреть город.

– Но что это за стук несется со всех сторон, словно колотят деревянными молотками?

Джо стал внимательно всматриваться и убедился, что весь этот шум производят ткачи, работающие под открытым небом над полотнами, натянутыми на большие бревна.

Теперь Кернак, столицу Логгума, видно было как на ладони. Он представлял собой настоящий город, с правильной линией домов и довольно широкими улицами. Посреди большой площади виднелся рынок невольников, где толпилось много покупателей. Мандарские женщины с их крошечными ножками и ручками были в большом спросе и выгодно продавались.

Появление «Виктории» произвело здесь такое же впечатление, какое оно уже не раз производило и раньше: сначала раздались крики, все пришли в неопишное удивление и ужас, затем были брошены все работы, и воцарилась полная тишина. Путешественники, неподвижно держась в воздухе, с величайшим интересом рассматривали многолюдный город. Потом они спустились еще ниже и остановились всего в каких-нибудь двадцати метрах от земли.

Тут появился из своего дома шейх, правитель Логгума, с зеленым знаменем. Его сопровождали музыканты, трубившие во всю мочь в буйволовые рога. Вокруг повелителя стала собираться толпа. Фергюссон хотел было говорить с ним, но из этого ничего не вышло.

Жители Логгума с их высокими лбами, курчавыми волосами и почти орлиными носами производили впечатление людей гордых и смысленых. Но появление «Виктории» привело их в большое смятение. Во все стороны были разсланы верховые гонцы. Вскоре стало совершенно очевидно, что стягиваются войска, чтобы сразиться с необыкновенным врагом. Напрасно Джо махал платками всевозможных цветов – он ничего этим не достиг.

Между тем шейх, окруженный своим двором, показал знаком, что он желает говорить, и произнес речь, из которой Фергюссон не понял ни единого слова. Это была смесь языков арабского с багирми. Однако благодаря интернациональному языку жестов доктору вскоре стало ясно, что шейх настойчиво требует их немедленного удаления. Доктор и сам рад был бы убраться, но, к несчастью, из-за полного штиля это было невозможно. Неподвижность «Виктории», видимо, выводила из себя шейха, и его придворные начали орать, надеясь этим заставить чудовище исчезнуть.

Они были прекуръезны, эти придворные, каждый в пяти или шести пестрых рубахах и с огромными животами, часто накладными. Доктор очень удивил товарищей, сказав им, что эти

многочисленные рубахи и животы были одним из способов угодить своему султану. Тучность означала здесь важность. Все эти толстяки кричали и жестикулировали, но особенно выделялся среди них один, должно быть, судя по его толщине, премьер-министр. Толпа присоединяла свой вой к крикам придворных; их жестам все подражали, как обезьяны, так что десять тысяч рук воспроизводили одно и то же движение.

Когда все эти меры сочтены были недостаточными, начали применять более грозные. Выстроили в боевом порядке солдат, вооруженных луками и стрелами; но тут «Виктория» начала округляться, спокойно поднялась и оказалась недосягаемой для их стрел. Шейх схватил мушкет и прицелился в шар. Но зорко следивший за ним Кеннеди опередил его и, выстрелив из своего карабина, раздробил мушкет в его руках.

Этот неожиданный выстрел вызвал страшный переполох. Все мгновенно разбежались по своим хижинам, и город точно вымер.

Наступила ночь. Ветер совсем спал. Надо было примириться с необходимостью оставаться на высоте трехсот футов от земли. Внизу была крошечная тьма, ни единого огонька. Тишина стояла мертвая. Доктор удвоил бдительность, ведь очень может быть, что в этой тишине таится западня.

И как оказался прав Фергюссон, будучи настороже! Около полуночи весь город словно запылал. В воздухе переплетались сотни огненные линии.

– Вот странная вещь! – проговорил доктор.

– Господи помилуй нас, этот огонь как будто поднимается и приближается к нам, – сказал Кеннеди.

И в самом деле. Среди страшных криков и мушкетных выстрелов вся эта масса огня поднималась к «Виктории». Джо приготовился сбрасывать балласт. Фергюссон очень скоро сообразил, в чем дело.

Тысячи голубей, к хвостам которых прикрепили горящее вещество, были пущены на «Викторию». Перепуганные птицы разлетелись, описывая в воздухе огненные зигзаги. Кеннеди стал палить из всех имеющихся ружей в огненную стаю, но что мог он поделать против бесчисленного множества врагов! Голуби уже кружились вокруг «Виктории», и шар, отражая огни, сам казался заключенным в огненную сетку.

Доктор, не задумываясь, сбросил кусок кварца, и шар моментально поднялся выше стаи огненных птиц. Еще часа два видно было, как они там и сям кружились в воздухе, но мало-помалу число их все уменьшалось, и, наконец, огоньки совсем исчезли.

– Теперь мы можем спокойно заснуть, – объявил доктор.

– А знаете, совсем недурно придумано для дикарей, – проговорил Джо.

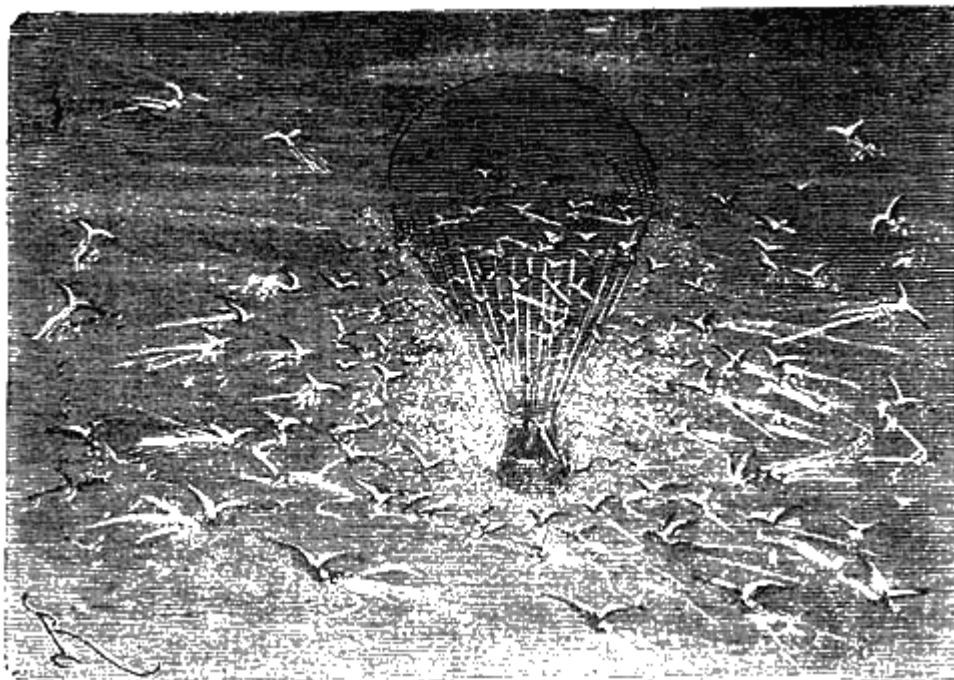
– Они нередко пускают в ход таких голубей, которые поджигают в деревнях соломенные крыши, – заметил доктор, – но на этот раз наша «летающая деревня» поднялась выше пернатых поджигателей.

– Вижу, что воздушному шару не страшны никакие враги, – заявил Кеннеди.

– Нет, ошибаешься, – возразил доктор.

– Какие же?

– Да неосторожные малые в его же корзине. Так вот, друзья мои, будемте начеку всегда и везде.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Отлет среди ночи. – Беседа. – Охотничий инстинкт Кеннеди. – Меры предосторожности. – Течение реки Шари. – Озеро Чад. – Свойства его воды. – Гиппопотам. – Выстрел впустую.

Стоя на вахте, Джо около трех часов ночи заметил, что город под ним стал, наконец, удаляться, – «Виктория» тронулась в путь. Кеннеди и доктор проснулись.

Фергюссон взглянул на компас и с удовольствием убедился, что ветер несет их к северо-северо-западу.

– Нам везет, – проговорил он. – Все нам удастся. Еще сегодня мы увидим озеро Чад.

– А большое оно? – поинтересовался Кеннеди.

– Довольно большое, дорогой Дик. В самых длинных и широких своих местах оно тянется миль на сто двадцать.

– Полет над водным пространством внесет некоторое разнообразие.

– На однообразие мы вообще жаловаться не можем, да к тому же все протекает при наилучших условиях.

– Что верно, то верно, Самуэль. Ведь, не считая отсутствия воды в пустыне, мы как будто не подвергались другим серьезным опасностям.

– Во всяком случае, «Виктория» все время вела себя как нельзя лучше. Сегодня у нас двенадцатое мая, а вылетели мы восемнадцатого апреля. Итого, в пути мы двадцать пять дней. Еще деньков десять – и мы закончим наш полет.

– Где же именно?

– Вот этого я сказать тебе не могу. Да и не все ли это равно?

– Ты прав. Доверимся провидению, пусть оно направляет нас и хранит, как хранило до сих пор. Разве сейчас мы похожи на людей, пронесшихся через самую губительную страну на свете?

– Видишь, мы были в силах лететь, и мы полетели!

– Да здравствуют воздушные путешествия! – крикнул Джо. – После двадцати пяти дней полета мы вполне здоровы, сыты и хорошо, даже, быть может, чрезмерно хорошо, отдохнули. Мои ноги, например, попросту онемели, и я ничего не имел бы против того, чтобы размять их, пройдя миль тридцать.

– Это удовольствие ты уж доставишь себе в Лондоне, – сказал доктор. – Мы выехали втроем, как Денхем, Клаппертон и Овервег, как Барт, Ричардсон и Фогель, и оказались более счастливыми, чем наши предшественники; мы все еще вместе – все трое. И нам очень важно не разделяться. Если бы один из нас вдруг очутился где-нибудь вдали от «Виктории» в минуту внезапной опасности, когда ей было бы необходимо подняться, – кто знает, быть может, мы никогда больше и не встретились бы. Вот почему, откровенно говоря, я не особенно люблю, когда Кеннеди отправляется на охоту.

– Но все-таки, дорогой Самуэль, ты разрешишь мне еще заняться моим любимым делом? Недурно ведь было бы пополнить наши запасы. Кроме того, вспомни: когда ты звал меня с собой, ты ведь соблазнял меня чудесной охотой. А я что-то мало отличился на этом поприще, не в пример Андерсону и Кёммингу.

– Дорогой Дик, или память тебе изменяет, или ты из скромности просто умалчиваешь о своих подвигах, но мне кажется, что, не говоря уже о мелкой дичи, у тебя на совести жизнь антилопы, слона и пары львов.

– Что все это значит, друг мой, для охотника, у которого под дулом ружья проносятся, кажется, все существующие на свете животные!.. Погляди-ка, погляди! Вон там целое стадо жирафов!

– Так это жирафы? – воскликнул Джо. – Но они не больше моего кулака.

– Это потому, что мы на высоте тысячи футов, а вблизи ты убедился бы, что они раза в три повыше тебя.

– А что ты скажешь, Самуэль, об этом стаде газелей, – продолжал Кеннеди, – или о тех страусах?.. Они мчатся как ветер.

– По-вашему, эти птицы – страусы? – опять удивился Джо. – Но это куры, настоящие куры.

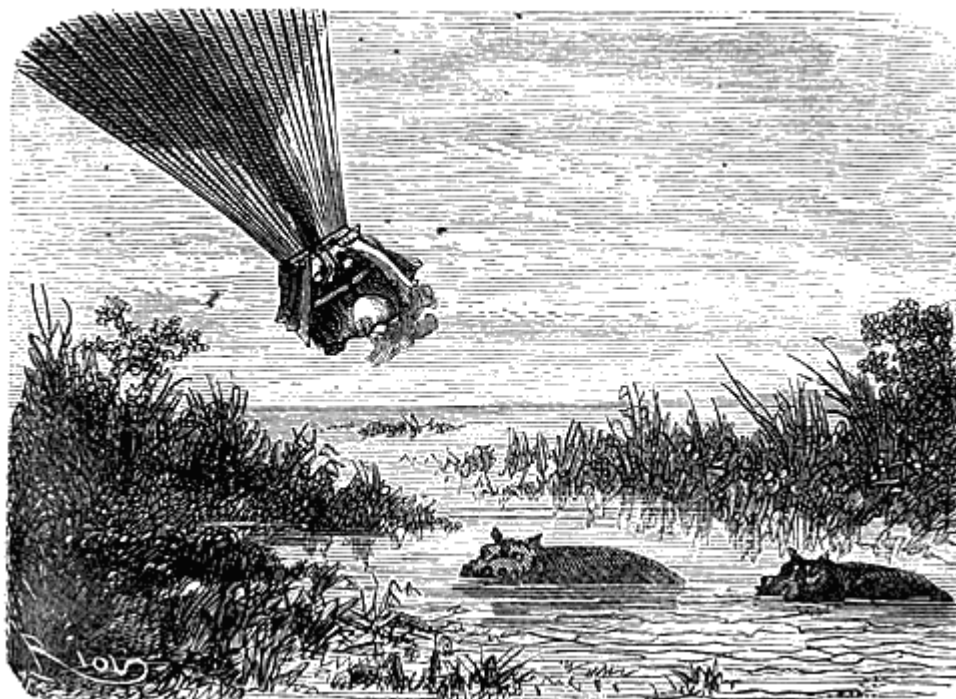
– Послушай, Самуэль, нельзя ли было бы как-нибудь к ним приблизиться?

– Приблизиться, конечно, можно. Дик, но спуститься-то на землю нам нельзя. А тогда, скажи на милость, какой толк убивать зверей, которыми невозможно воспользоваться? Еще будь это лев, тигр, гиена, я, пожалуй, понял бы тебя – все-таки одним свирепым зверем на свете стало бы меньше, – но таких мирных животных, как газель или антилопа, право, не стоит убивать исключительно для удовлетворения охотничьих инстинктов. Вообще же, друг мой, мы теперь будем держаться на высоте футов ста от земли, и если тебе попадетсЯ на глаза какойнибудь хищный зверь, – что же? Всади ему пулю в сердце, ты лишь доставишь нам удовольствие.

«Виктория» мало-помалу снизилась, но все еще держалась на порядочном расстоянии от земли. Ведь в этом диком густонаселенном крае всегда можно было ждать непредвиденных опасностей.

Путешественники летели теперь над рекой Шари. Очаровательные берега ее прятались в густых зарослях деревьев всевозможных оттенков. Лианы и другие вьющиеся растения сплетались, образуя яркую гамму красок. Крокодилы лежали на солнце или ныряли в воду с легкостью ящериц. Играя, они выбрасывались на многочисленные, разбросанные по реке, зеленые островки. Так шар пронесся над цветущей областью Маффатаи.

Около девяти часов утра доктор Фергюссон и его друзья достигли, наконец, южного берега озера Чад. Так вот оно, это Каспийское море Африки, самое существование которого так долго считалось басней, до чьих берегов добрались только экспедиции Денхема и Барта!

Доктор попробовал набросать теперешние контуры озера, уже сильно отличавшиеся от занесенных на карту в 1847 году. Постоянную карту этого озера получить невозможно. Дело в том, что берега озера покрыты почти непроходимыми болотами – в них едва не погиб Барт, – и болота эти, заросшие тростником и папирусом в пятнадцать футов вышиной, время от времени затопляются водами озера. Даже местные города, расположенные на берегу, часто затопляются, как случилось в 1856 году с городом Нгорну; гиппопотамы и аллигаторы ныряют теперь в тех самых местах, где недавно еще возвышались дома жителей Борну.

Ослепительные лучи солнца лились на неподвижные воды озера, смыкавшиеся на севере с горизонтом.

Доктор пожелал попробовать воду – она долгое время считалась соленой. Снизиться над озером можно было без всякой опаски, и «Виктория» как птица пронеслась всего в пяти футах от его поверхности. Джо на веревке спустил в воду бутылку и вытащил ее наполовину наполненной. Вода оказалась щелочной и поэтому малопригодной для питья.

В то время как доктор заносил в записную книжку заметки о взятой в озере воде, рядом с ним раздался выстрел. Это Кеннеди, не удержавшись, выпалил в чудовищного гиппопотама, показавшегося из воды. Но как видно пуля не задела его, а лишь заставила убраться.

– Лучше было бы его загарпунить, – заметил Джо.

– Чем это?

– Да нашим якорем – это был бы подходящий крючок для такого чудовища.

– И правда, Джо осенила блестящая мысль... – начал Дик.

– Которую я вас очень прошу не приводить в исполнение, – перебил его Фергюссон. – Это чудовище не замедлило бы утащить нас туда, куда мы совсем не стремимся попасть.

– Особенно теперь, когда нам известны свойства воды из озера Чад, – вставил Джо. – А кстати, мистер Фергюссон, что, это самое чудовище можно употреблять в пищу?

– Это, Джо, ведь млекопитающее из породы толстокожих. Говорят, его мясо превосходно и служит даже предметом оживленной торговли у прибрежных жителей, – ответил доктор.

– О, тогда я жалею, что мистер Дик промахнулся! – воскликнул Джо.

– Дело в том, что пуля Дика вообще не могла его поразить, – это животное можно ранить лишь в брюхо или между ребер. Вот если местность на севере озера покажется мне подходящей, мы сделаем там привал. Тогда Кеннеди очутится в настоящем зверинце и наверстает все, что он упустил.

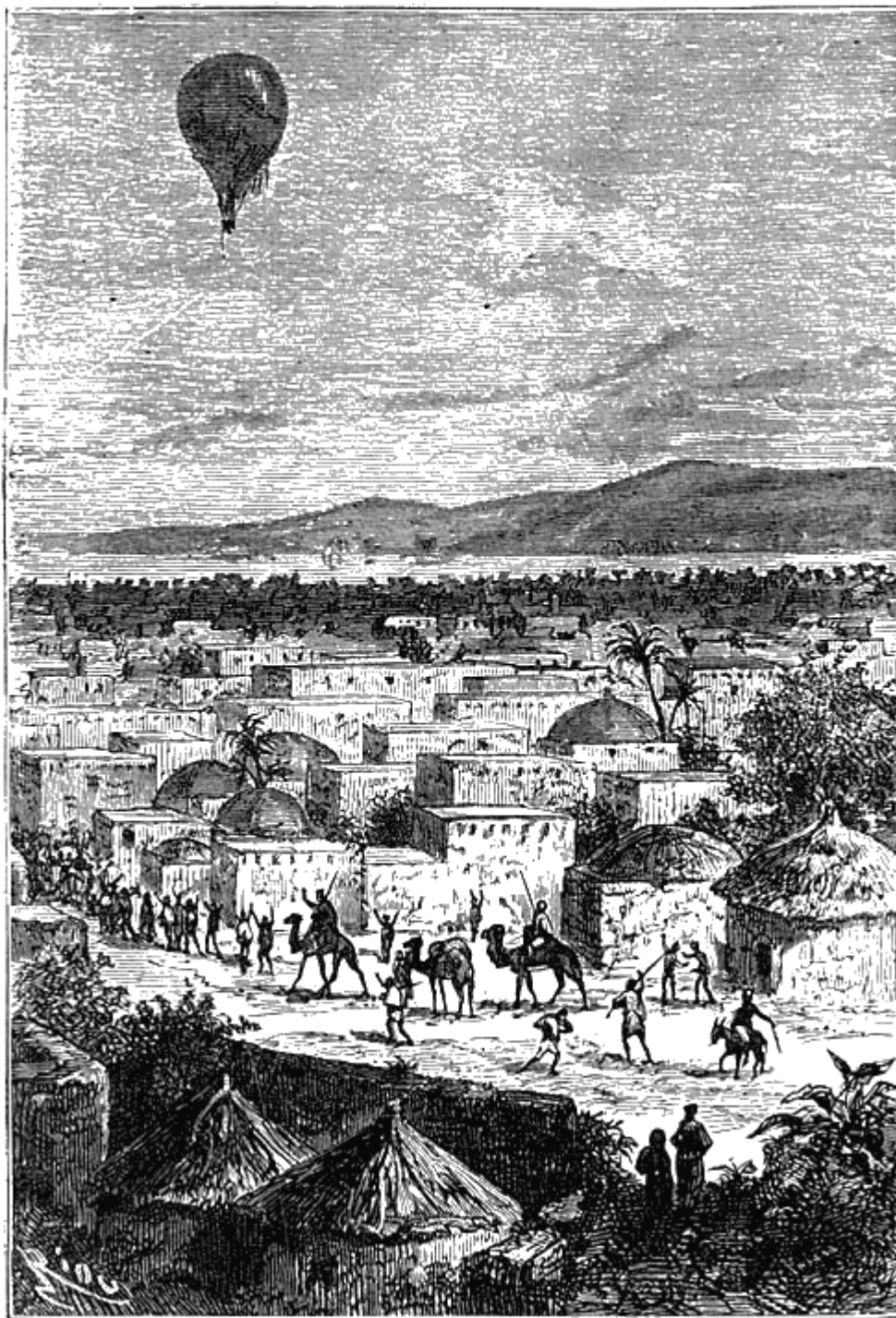
– Ну и прекрасно, – воскликнул Джо. – Пусть мистер Дик непременно поохотится на гиппопотамов. Мне так хотелось бы отведать мяса этого земноводного! А то как-то даже чудно: за-

браться в самый центр Африки и питаться куропатками да вальдшнепами, точно мы в Англии.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Столица Борну. – Острова племени биддиома. – Кондоры. – Беспокойство доктора. – Принятые им меры предосторожности. – Нападение в воздухе. – Оболочка шара прорвана. – Падение. – Великая самоотверженность Джо. – Северный берег озера Чад.

Над озером Чад «Виктория» попала в воздушное течение, которое понесло ее к западу. Облака умеряли зной, и от водной поверхности также веяло легкой прохладой. Но около часа дня «Виктория», пролетев по диагонали через озеро, снова понеслась над сушей и прошла семь-восемь миль.

Доктор сначала был не особенно доволен, но когда показалась знаменитая столица царства

Борну – Кука, он перестал сожалеть о том, что ветер занес их сюда. В течение нескольких минут Фергюссон мог рассматривать этот город, опоясанный стенами из белой глины. Среди множества арабских домов-кубиков тяжело поднимались довольно топорные мечети. Во дворах домов и на площадях росли пальмы и каучуковые деревья, увенчанные огромными, больше ста футов в диаметре, куполами зелени. Джо заметил, что эти гигантские зонтики соответствуют силе солнечных лучей, и из этого сделал весьма лестные для providения выводы.

Столица состояла в сущности из двух отдельных городов, между которыми тянулся широчайший, в триста туазов, бульвар, в эту минуту запруженный пешеходами и всадниками. По одну сторону этого бульвара раскинулся со своими высокими светлыми домами город богачей, по другую – жались низенькие с коническими крышами хижины, в которых влачили жалкое существование бедняки; в Куке нет ни торговли, ни промышленности, которые давали бы заработок населению. Кеннеди нашел, что Кука несколько напоминает Эдинбург этим делением на два резко отличающихся друг от друга города – с той разницей, что она расположена в долине.

Но путешественники едва успели рассмотреть открывшуюся перед ними панораму. Воздушные течения здесь отличаются большим непостоянством, и противный ветер вдруг подхватил «Викторию» и снова понес ее к озеру Чад.

Они пролетели миль сорок, и перед глазами Фергюссона и его товарищей развернулась новая картина: эта часть озера была усеяна множеством островов, населенных людьми племени биддиома – кровожадными и страшными пиратами, которых соседние племена боялись не менее, чем боялись в Сахаре туарегов.

Эти дикари только было приготовились бесстрашно встретить «Викторию» стрелами и камнями, как она уже пронеслась над ними, словно гигантский жук.

В это время Джо, пристально всматривавшийся в горизонт, сказал Кеннеди:

– Ей-ей, мистер Дик, вон там есть что-то для вас интересное: ведь вы, кажется, никогда не перестаете мечтать об охоте?

– А что там такое?

– И, знаете, на этот раз доктор вам ни слова не скажет.

– В чем же дело, Джо?

– Вон видите там целую стаю большущих птиц. Они движутся к нам.

– Птицы? – вскрикнул Фергюссон, хватая подозрную трубу.

– Да, я их вижу, – отозвался Кеннеди, – их по крайней мере дюжина.

– Четырнадцать, если хотите знать, мистер Дик, – поправил Джо.

– Дай бог, чтобы птицы эти Сказались какой-нибудь зловредной породой. Добросердный Самуэль не стал бы противиться моим выстрелам, – проговорил охотник.

– Одно лишь скажу, – заметил Фергюссон, – очень бы я хотел, чтобы эти самые птицы были как можно дальше от нас.

– Неужели вы боитесь этих пернатых, сэр? – с удивлением спросил Джо.

– Ведь это кондоры, да еще крупнейшие, и если только они вздумают напасть на нас...

– Ну, что же, Самуэль, будем защищаться! – перебил его Дик. – У нас для этого имеется целый арсенал. Не думаю, чтобы эти птицы были так уж страшны.

– Как знать! – отозвался доктор.

Через десять минут стая приблизилась на ружейный выстрел. Четырнадцать кондоров оглашали воздух хриплыми криками. Казалось, «Виктория» скорее приводила их в ярость, чем внушала страх.

– Что за крик! Что за шум! – проговорил Джо. – Должно быть, им не по вкусу, что мы забрались в их владения и смеем летать, как они,

– По правде сказать, вид их действительно грозен, и будь они вооружены карабинами вроде моего, я, пожалуй, счел бы их опасными врагами, – заявил Кеннеди.

– Увы! В карабинах они не нуждаются, – отозвался Фергюссон, становившийся все более озабоченным.

Между тем кондоры описывали огромные, все суживавшиеся круги и носились со сказочной быстротой вокруг «Виктории». Порой они стремительно бросались вниз, словно пули, рас-

секая воздух, и вдруг неожиданно и резко меняли направление полета.

Чтобы избегнуть этого опасного соседства, доктор решил подняться повыше. Он увеличил пламя горелки; газ начал расширяться, и «Виктория» пошла вверх. Но не тут-то было: видимо, кондоры и не собирались выпустить свою добычу – они стали подниматься вместе с шаром.

– Очень они разъярены, – заметил охотник, заряжая свой карабин.

И в самом деле, хищники все приближались; некоторые были уж в каких-нибудь пятидесяти футах. Оружие Кеннеди нисколько не утешало их.

– Ужасно мне хочется выстрелить в них! – воскликнул охотник.

– Нет, Дик, нет, – остановил его Фергюссон, – совсем не нужно раздражать их без надобности. Это, пожалуй, было бы для них сигналом к нападению.

– Но ведь я легко справлюсь с ними.

– Ошибаешься, Дик.

– Да у нас же, Самуэль, найдется пуля для каждого из них, – убеждал друга Кеннеди.

– А если они набросятся на верхнюю часть шара, как ты их достанешь? – возразил доктор. – Представь себе, что мы среди стаи львов в пустыне или среди стада акул в открытом океане. Так вот, понимаешь, для воздухоплателей данное положение не менее опасно.

– И ты говоришь это серьезно, Самуэль?

– Совершенно серьезно. Дик.

– Тогда обождем.

– Жди и будь готов на случай нападения, но, смотри, не стреляй без моего приказа.

Кондоры были уже совсем близко. Ясно виднелись их голые шеи, вздувшиеся от крика, яростно поднятые хрящеватые гребни с фиолетовыми отростками. Это были крупнейшие кондоры – свыше трех футов длиной. Белые крылья их сверкали на солнце. Ни дать ни взять белые крылатые акулы.

– Эти хищники гонятся за нами, – сказал Фергюссон, видя, как кондоры несутся вслед за «Викторией», – и сколько бы мы ни поднимались, они не отстанут, от нас, а могут, пожалуй, и опередить.

– Что же нам делать? – спросил Кеннеди. Доктор ничего не ответил.

– Послушай, Самуэль, – заговорил охотник, – этих птиц четырнадцать, а в нашем распоряжении, считая все оружие, семнадцать выстрелов. Да неужели нет возможности если не убить их всех, то хотя бы разогнать? Изрядную долю их я беру на себя.

– Я, Дик, не сомневаюсь в твоём искусстве, – ответил доктор, – и заранее считаю убитыми тех, кто попадет к тебе на прицел, но, повторяю, если эти хищники набросятся, на верхнюю часть «Виктории», ты даже не сможешь увидеть их там. Они прорвут оболочку нашего шара, а мы, не забывай, на высоте трех тысяч футов над землей.

В этот миг один из самых свирепых кондоров, раскрыв клюв и выпустив когти, бросился на «Викторию», готовый вцепиться в нее, готовый разорвать ее в клочья.

– Стреляй! Стреляй! – крикнул доктор.

Не успели прозвучать эти слова, как сраженный насмерть кондор, кружась, полетел вниз. Теперь Кеннеди схватил двустволку. Джо вскинул на плечо другую. Испуганные выстрелами, кондоры было разлетелись, но почти сейчас же снова со страшным бешенством ринулись в атаку. Тут Кеннеди первой же пулей почти оторвал голову ближайшей птице, а Джо раздробил крыло другой.

– Осталось всего одиннадцать! – прокричал Джо. Но в этот миг кондоры изменили свою тактику и всей стаей поднялись над «Викторией». Кеннеди посмотрел на Фергюссона. Как ни был стоек и невозмутим доктор, он побледнел. Наступила жуткая тишина. Вдруг послышался треск рвущейся шелковой материи; путешественникам показалось, что корзина уходит из-под их ног.

– Мы погибли, – крикнул Фергюссон, взглянув на быстро поднимавшийся барометр. – Долой балласт! Долой!

В каких-нибудь несколько секунд весь кварц был выброшен за борт.

– Мы все падаем! – крикнул Фергюссон. – Выливайте воду из ящиков! Слышишь, Джо!

Мы летим в озеро!

Вода была вылита, мгновенно. Доктор наклонился над бортом корзины. Казалось, озеро несло на них, как морской прилив.

Предметы внизу росли со страшной быстротой. Корзина была меньше чем в двухстах футах от поверхности озера Чад...

– Долой провизию! Провизию долой! – крикнул снова доктор.

И ящик со съестными припасами полетел в озеро. Падение несколько замедлилось, но шар все же продолжал падать вниз.

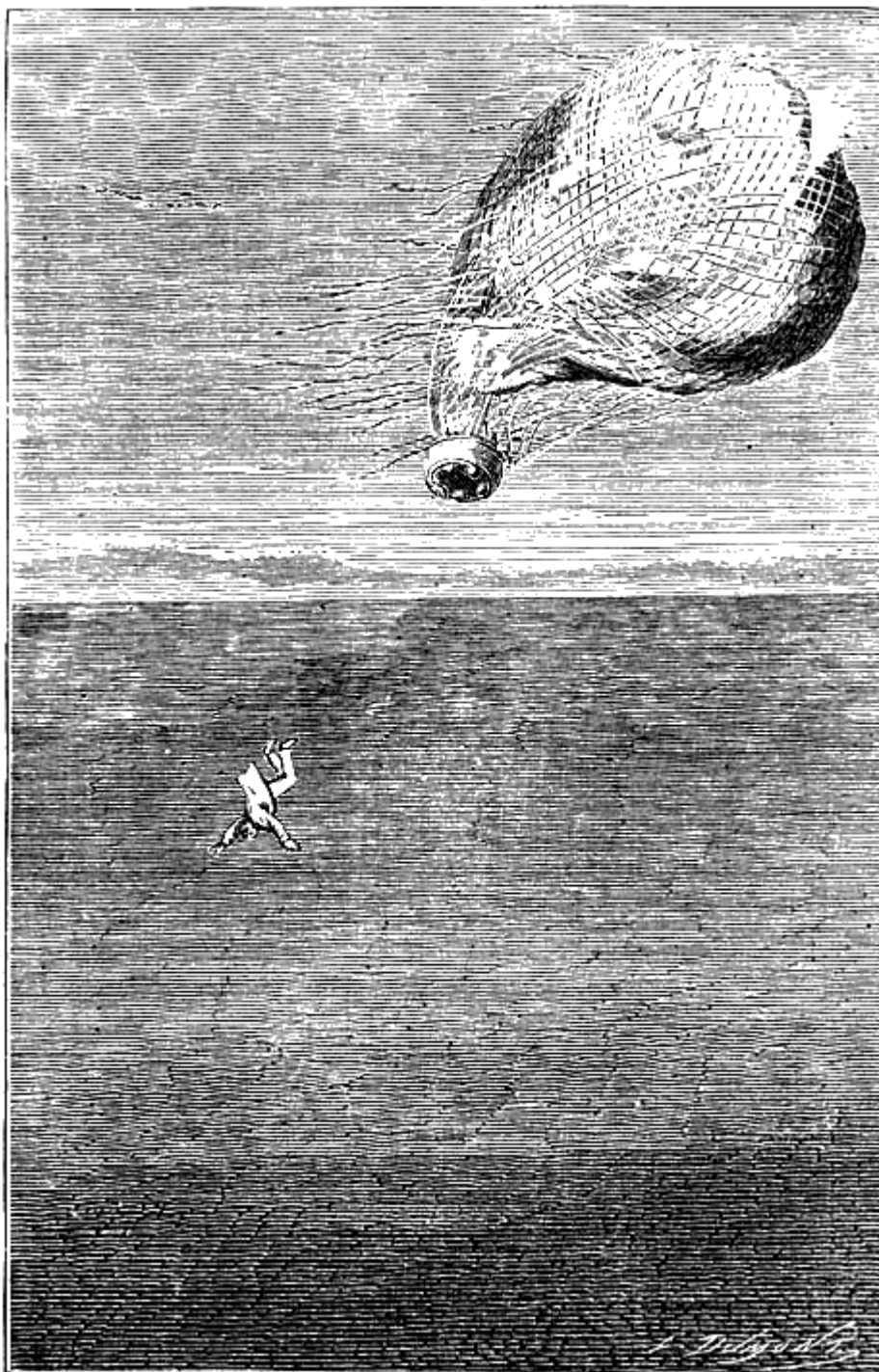
– Выбрасывайте! Выбрасывайте еще! – крикнул доктор.

– Бросать больше нечего, – отозвался Кеннеди.

– Нет есть, – лаконически ответил Джо и, быстро перекрестившись, исчез за бортом.

– Джо! Джо! – в ужасе закричал доктор.

Но Джо уже не мог его слышать... Облегченная корзина стала подниматься и на высоте тысячи футов была подхвачена ветром, который, свистя в прорванной оболочке, понес ее к северным берегам озера.

– Погиб! – с жестом отчаяния сказал Кеннеди.

– Погиб, чтобы нас спасти! – закончил Фергюссон.

И по щекам этих двух отважных людей скатились тяжелые слезы. Оба они перегнулись за борт, ища хоть следа несчастного Джо, но их уже отнесло далеко.

– Что же нам теперь предпринять? – спросил Кеннеди.

– Как только будет возможно, Дик, надо спуститься на землю, а затем ждать.

Пролетев шестьдесят миль, «Виктория» опустилась на пустынном берегу северной части озера. Якоря зацепились за дерево, и охотник прочно у-крепил их. Настала ночь, но ни Фергюссон, ни Кеннеди не могли ни на минуту сомкнуть глаз.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Догадки и предположения. – Восстановление равновесия «Виктории». – Новые вычисления

Фергюссона. – Охота Кеннеди. – Подробное исследование озера Чад. – Тангалия. – Возвращение. – Лари.

На следующий день, 13 мая, путешественники первым делом обследовали берег, где они находились. Это был как бы островок твердой суши среди огромных болот. Кругом, насколько мог охватить глаз, поднимались тростники, не уступающие по высоте европейским лесам.

Непроходимые топи создавали для «Виктории» безопасное положение. Надо было лишь не спускать глаз с озера. А оно тянулось на восток необозримым водным пространством, на котором не было видно даже островов.

Оба друга до сих пор все еще не решались заговорить о своем злосчастном товарище. Кеннеди первый высказал свои предположения.

– Быть может, Джо и не погиб, – начал он. – Малый он ловкий и пловец такой, каких мало. Ему ничего не стоило переплыть залив Ферт оф Форт в Эдинбурге. Мы, конечно, встретимся с ним, только где и когда? Но мы с тобой ни перед чем не должны останавливаться, чтобы облегчить ему возвращение.

– Да услышит тебя бог, дорогой Дик, мы сделаем все, чтобы найти нашего друга, – горячо ответил доктор. – Но прежде всего давай освободим нашу «Викторию» от ее внешней оболочки; служить нам она уже не может, а мы избавимся от тяжести в шестьсот пятьдесят фунтов. Из-за этого стоит потрудиться.

Доктор и Кеннеди сейчас же принялись за работу, которая оказалась очень трудной. Пришлось кусок за куском отдирать чрезвычайно прочную шелковую ткань оболочки и, разрезая ее на узкие полосы, вытаскивать сквозь сетку. Выяснилось, что разрыв, сделанный клювами кондоров, был длиною в несколько футов.

Работа заняла по крайней мере часа четыре. Наконец, удалось совершенно освободить внутреннюю оболочку, и она, к счастью, оказалась в полной исправности. «Виктория» уменьшилась на одну пятую своего объема.

Эта разница в объеме показалась Кеннеди настолько значительной, что встревожила его.

– Возможен ли теперь полет? – спросил он своего друга.

– На этот счет не беспокойся. Дик. Я восстановлю равновесие, и вернись наш бедняга Джо – мы и с ним будем в состоянии продолжать наш полет.

– Знаешь, Самуэль, если память не изменяет мне, то во время падения мы были недалеко от какого-то острова.

– Да, и мне так помнится, но тот остров, как и все здешние острова, конечно, населен дикарями. Туземцы, надо думать, были свидетелями нашей катастрофы, и если Джо попал в их руки, он погиб, если только его не спасет суеверие дикарей.

– Повторяю, Самуэль, наш Джо выпутается из любых затруднений. Я глубоко верю в его ловкость и смекалку.

– И я хочу надеяться на это. А теперь, Дик, отправляйся-ка на охоту, только не увлекайся и не заходи слишком далеко. Нам необходимо возобновить запасы съестного, ведь большей их частью пришлось пожертвовать.

– Ладно, Самуэль. Я скоро вернусь.

Кеннеди взял двустволку и по высокой траве направился в ближайший лесок. Вскоре частые выстрелы дали знать Фергюссону, что охота обещает быть удачной.

Между тем доктор занялся осмотром уцелевшего багажа и уравниванием «Виктории» с ее новой оболочкой. Он выяснил, что еще имелось фунтов тридцать пеммикана, небольшое количество чаю и кофе, около полутора галлонов водки и совершенно пустой ящик для воды. Но сушеного мяса совсем не осталось.

Доктор знал, что подъемная сила «Виктории» вследствие утечки водорода из внешней оболочки уменьшилась приблизительно фунтов на девятьсот. Теперь для установления равновесия шара ему это, конечно, нужно было учесть. Полный объем оболочки новой «Виктории» равнялся шестидесяти семи тысячам кубических футов, а газа она заключала в себе тридцать три тысячи четырехсот восемьдесят кубических футов. Аппарат для расширения газа, видимо, был в

совершенной исправности; не пострадали ни электрическая батарея, ни змеевик.

Подъемная сила новой «Виктории» равнялась приблизительно трем тысячам фунтов. Подсчитав вес аппарата, людей, корзины со всеми ее принадлежностями, пятидесяти галлонов воды и ста фунтов свежего мяса, доктор получил в общей сложности две тысячи восемьсот тридцать фунтов. Следовательно, он мог захватить с собой на какой-нибудь непредвиденный случай еще сто семьдесят фунтов балласта, обеспечив тем самым равновесие шара. Снаряжая «Викторию» в соответствии с этими вычислениями, доктор заменил Джо лишним балластом.

Целый день ушел на все эти приготовления, которые закончились только по возвращении Кеннеди. Охота была очень удачна: Дик притащил целую грудку диких гусей, уток, вальдшнепов, чирков и ржанок. Не теряя времени охотник принялся за работу; очистив дичь, он занялся ее копчением. Каждую птицу он надевал на палочку и вешал в дыму над костром из зеленых веток. Когда, по мнению опытного в этом деле Кеннеди, дичь достаточно прокоптилась, она была уложена в корзину. Этот запас надо было на следующий день еще пополнить.

Вечер застал путешественников за работой. Ужин их состоял из пеммикана, сухарей и чая. Напряженный труд принес им и аппетит и сон. Фергюссону и Кеннеди, когда они поочередно несли вахту, порой мерещилось, будто откуда-то доносится голос Джо, но, увы, этот голос, который они-так жаждали услышать, был далеко.

На заре доктор разбудил Кеннеди.

– Я долго думал над тем, что нам предпринять для розысков нашего друга, – начал Фергюссон.

– Что бы ты ни придумал, Самуэль, я заранее согласен с твоим планом.

– Прежде всего нам очень важно дать ему знать о себе.

– Конечно! А то вдруг славный малый вообразит, что мы бросили его.

– Он-то? Нет! Слишком хорошо он нас знает, и никогда это ему даже в голову не придет.

Но необходимо уведомить его о том, где именно мы находимся.

– А как это сделать?

– Сесть в корзину и снова подняться в воздух.

– Ну, а если ветер унесет нас в сторону?

– К счастью, этого не случится. Ты увидишь, Дик, ветер понесет нас над озером; вчера это было некстати, а нынче нам только этого и надо. Мы постараемся весь день держаться над озером, и Джо, который, конечно, все время будет искать нас глазами, не может не увидеть нашей «Виктории». Быть может, он даже умудрится дать нам знать о своем местонахождении.

– Если только он один и свободен, то, конечно, умудрится.

– Даже в том случае, если он в плену, то и тогда он увидит нас, он поймет, что мы ищем его, – сказал доктор, – ведь не в обычае дикарей запираť своих пленников.

– Ну, а если мы не получим никаких сигналов и не нападём на его след, – ведь все надо предвидеть, – что в таком случае делать?

– Тогда мы попытаемся возвратиться к северной части озера, стараясь по возможности быть на виду, затем остановимся, исследуем берега, куда рано или поздно Джо должен добратсья, и, уж конечно, мы не покинем этих мест, пока не сделаем все возможное для его отыскания.

– Ну, стало быть, надо отправляться, – согласился охотник. Доктор снял точный план того участка суши, который они собирались покинуть, и, справившись по карте, решил, что они находятся на северном берегу озера Чад, между городом Лари и селением Инжемини; в этих местах побывал исследователь майор Денхем. Пока Фергюссон был занят своей работой, Кеннеди успел еще поохотиться и пополнить запас свежего мяса. Несмотря на то, что в соседних болотах видны были следы носорогов, ламантинов и гиппопотамов, Дику не пришлось встретить ни одного из этих огромных животных.

В семь часов утра якорь был отцеплен от дерева ценой невероятных усилий, – а ведь бедняга Джо делал это с такой легкостью! Газ расширился, и новая «Виктория» поднялась на двести футов в воздух. Сначала она закружилась на месте, но вскоре, захваченная довольно сильным ветром, понеслась над озером со скоростью двадцать миль в час.

Доктор все время старался держаться не ниже двухсот футов и не выше пятисот. Кеннеди то и дело палил из своего карабина. Пронсясь над островами, путники, даже с некоторым риском, снижались, чтобы хорошенько рассмотреть перелески, деревья, кусты – словом, все места, где тень или скала могли дать приют их товарищу. Порой они низко спускались к длинным пирогам, бороздившим воды озера. Рыбаки с нескрываемым ужасом кидались в воду и с лихорадочной поспешностью плыли к своему острову.

– Нет, нигде не видно его, – грустно сказал Кеннеди после двух часов поисков.

– Подождем, Дик, и не будем падать духом. Мы, по-моему, теперь должны быть недалеко от места катастрофы.

К одиннадцати часам «Виктория» пролетела девяносто миль. Здесь она встретила новое воздушное течение, и оно почти под прямым углом отнесло ее миль на шестьдесят к востоку. Аэронавты парили над очень большим и густонаселенным островом, в котором доктор признал остров Феррам, где находится столица племени биддиома. Фергюссону казалось, что вот-вот из-

за куста выскочит Джо, что он бросится бежать, позовет их. Находишься он на свободе, ничего не было бы легче, как подобрать его, но даже и из плена мы могли бы его освободить, повторив маневр с миссионером. Он снова оказался бы среди своих друзей! Но, увы, доктор и Кеннеди нигде не обнаружили ни малейших признаков его присутствия. Было от чего прийти в отчаяние! В половине третьего дня показалась Тангалия – селение, расположенное на восточном берегу озера Чад. Это и был тот крайний пункт, которого достиг в своих путешествиях Денхем.

Доктора начинало беспокоить постоянство ветра. Для него стало ясно, что их относит опять к востоку, к центру Африки, к необозримым пустыням.

– Нам непременно надо остановиться, – сказал он, – и даже спуститься на землю. Мы должны, и главным образом в интересах Джо, вернуться к озеру. Но раньше, чем снизиться, попробуем найти обратное воздушное течение.

В продолжение часа с лишним Фергюссон искал это течение на различных высотах. «Викторию» все продолжало относить на восток, но, наконец, к счастью, на высоте тысячи футов ее подхватил очень сильный ветер и понес к северо-западу.

«Не может быть, чтобы Джо оказался на одном из островов, – пронеслось в голове доктора, когда он снова увидел северный берег озера Чад. – Уж он наверняка нашел бы способ как-нибудь дать о себе знать. Возможно, что его высадили на берег».

Нельзя было также допустить, чтобы такой замечательный пловец мог утонуть. Вдруг ужасная мысль одновременно поразила обоих друзей: мысль о крокодилах, во множестве водящихся в этих краях. Сначала Ни один из них не был в силах вслух высказать свое опасение. Наконец, доктор без всяких предисловий сказал:

– Крокодилы ведь встречаются только по берегам островов или озер, и у Джо, наверно, хватило бы ловкости ускользнуть от них. Да вообще здешние крокодилы не особенно опасны. Африканцы ведь безнаказанно купаются, не боясь нападения.

Кеннеди ничего не ответил. Он предпочитал молчать, чем обсуждать эту ужасную возможность.

Около пяти часов дня доктор объявил, что они проносятся над городом Лари. Жители в это время были заняты уборкой хлопка на огороженных, тщательно обработанных участках земли возле хижин из плетеного тростника. Этих хижин было с полсотни, они ютились в долине между невысокими горами. Доктору не очень-то нравилось, что ветер все усиливается, но, к счастью, он вдруг изменил направление и принес «Викторию» к тому самому месту, где аэронавты провели предшествующую ночь. Якорь на этот раз зацепился не за дерево, а за довольно плотную массу, образовавшуюся из тростника и густого болотного ила. Сначала было трудно удерживать на якоре шар, но с наступлением темноты ветер утих. Друзья, почти впавшие в отчаяние, провели вместе бессонную ночь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ураган. – Вынужденный полет. – Потеря одного якоря. – Печальные размышления. – Решение. – Смерч. – Занесенный песком караван. – Встречный и попутный ветры. – Возвращение на юг. – Кеннеди на посту.

Около трех часов утра поднялся такой сильный ветер, что «Виктории» стало небезопасно находиться так близко от земли. Высокие тростники хлестали по оболочке шара и могли разорвать ее.

– Надо пускаться в путь. Дик, – сказал доктор, – нам никак нельзя оставаться здесь в таком положении.

– А как же Джо?

– Уж конечно, я его не брошу, – ответил доктор, и пусть ураган занесет нас хотя бы за сто миль на север, я все-таки вернусь. Здесь же в данное время, повторяю, всем нам грозит большая опасность.

– Значит, лететь без него? – воскликнул глубоко огорченный шотландец.

– Да неужели ты думаешь. Дик, что и мое сердце не обливается кровью? Разве я не подчиняюсь самой крайней необходимости?

– Я в твоём распоряжении, – проговорил охотник. – В путь!

Но пуститься в путь было не так-то легко. Крепко засевший якорь не поддавался, а «Викторию» так рвало вверх, что это еще усиливало трудность подъема. Кеннеди никак не удавалось освободить якорь. Положение становилось опасным. «Виктория» могла вырваться и улететь прежде, чем Дик успеет взобраться в корзину.

Не желая подвергаться такому риску, Фергюссон заставил шотландца поскорее влезть в корзину, а затем перерубил якорный канат. «Виктория» подпрыгнула в воздух на триста футов и понеслась прямо на север. Фергюссону ничего не оставалось, как отдать шар во власть бури. Он скрестил на груди руки и погрузился в печальные размышления. Помолчав несколько минут, доктор повернулся к своему столь же безмолвному другу.

– Быть может. Дик, и вправду нам не следовало искушать бога – предпринимать подобное путешествие. Как видно, оно выше сил человеческих, – проговорил он с тяжелым вздохом.

– А помнишь, Самуэль, всего каких-нибудь несколько дней назад мы радовались, что избежали стольких опасностей, и жали друг другу руки?

– Бедный наш Джо! Какой он чудесный малый! Честнейший, искренний! Как охотно он пожертвовал своим богатством, хотя был им ослеплен в первую минуту! И вот он где-то далеко... А ветер с невероятной быстротой уносит нас.

– Но послушай, Самуэль! Если даже допустить, что он попал к какому-нибудь племени, живущему у озера, то почему надо думать, что его постигнет другая участь, чем, скажем, Денхем и Барита, которые побывали в этих же местах. Оба они ведь вернулись на родину?

– Эх, мой бедный Дик! Да ведь наш Джо не знает ни единого слова местных наречий. К тому же он один-одинешенек и без всяких средств. Исследователи, о которых ты упоминаешь, приближаясь к какому-нибудь населенному месту, обыкновенно посылали заранее подарки вождю, а затем появлялись перед ним и сами, вооруженные, с сильным конвоем. И при всем том заметить, они не могли избежать самых ужасных нападений. Что же после этого может ждать нашего несчастного товарища? Страшно подумать! Мне кажется, что никогда в жизни не переживал я большего горя.

– Но, Самуэль, ведь мы вернемся же!

– Конечно, вернемся, даже в том случае, если бы пришлось для этого бросить «Викторию». Тогда мы пешком дойдем до озера Чад и установим связь с султаном Борну. Я уверен, что у арабов не может быть плохих воспоминаний о первых европейцах, которые побывали у них.

– Самуэль, я всюду готов идти за тобой! – с жаром воскликнул охотник. – Ты можешь вполне рассчитывать на меня. Лучше не вернуться домой, чем бросить Джо. Он пожертвовал собой для нас, а мы за него отдадим свою жизнь.

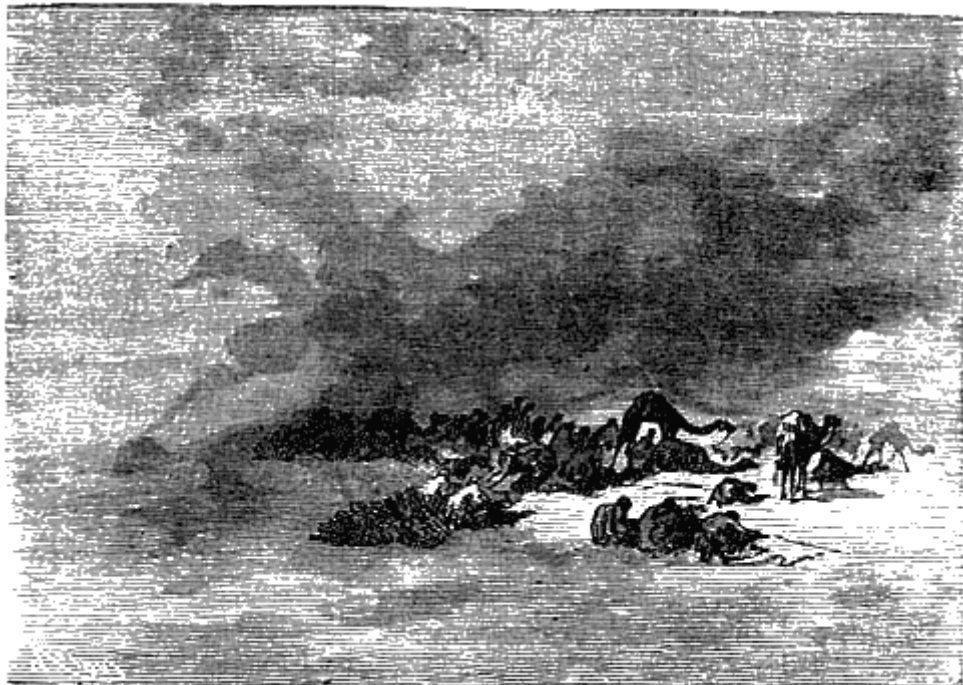
Такое решение несколько подбодрило их, влило в них новые силы. Фергюссон предпринял все возможное, чтобы попасть в воздушное течение, которое понесло бы их обратно к озеру Чад. Но, увы, это ни к чему не привело; да и нелегко было стать на якорь при таком урагане на голом месте.

«Виктория» пронеслась над землями, населенными племенем тиббу, промчалась над Беладэль-Джерид – пустынной страной, заросшей колючим кустарником, служившей как бы преддверием Судана, – и, наконец, очутилась над пустыней; пески ее были изборождены следами проходящих здесь караванов. Последние признаки растительности слились на юге с горизонтом, а вскоре промелькнул внизу и главный оазис этой части Африки, где пятьдесят колодцев осеяны великолепными деревьями. Но снизиться не удалось и здесь. Дальше показалась, внеся оживление в эту пустыню, стоянка арабов, с ее полосатыми шатрами и верблюдами, вытягивавшими на песке свои змееподобные головы. Над всем этим «Виктория» промелькнула, как падающая звезда. В течение трех часов ее умчало на целых шестьдесят миль. И Фергюссон был совершенно бессильно замедлить этот стремительный полет.

– Мы никак не можем остановиться, – проговорил доктор. – А спуститься нелегко. Кругом не видно ни единого деревца, ни единого холмика. Неужели нам снова придется прене-

стись над Сахарой? Да, небо против нас!

В тот момент, когда доктор говорил это с отчаянием и даже яростью, он вдруг увидел на севере, как вздымаются облаками пыли пески пустыни, кружимые противоположными воздушными течениями. Очевидно, там свирепствовал смерч. И в нем, разбросанный, опрокинутый, заносимый песками, погибал караван. Глухо и жалобно стонали валявшиеся на земле верблюды. Из удушливого тумана неслись крики и вопли людей. Кое-где среди хаоса пестрела яркая одежда. И над всей этой картиной разрушения ревел и завывал чудовищный вихрь...

Вскоре на глазах путешественников на совершенно гладкой до этого песчаной равнине вырос колеблющийся холм – огромная могила погибшего каравана. Доктор и Кеннеди, бледные, смотрели на страшное зрелище. Они ничего не могли поделать со своим шаром, который закружился между противоположными воздушными токами. Расширение газа не производило на шар ни малейшего действия. Захваченный вихрями, он вертелся с головокружительной быстротой. Корзину бросало во все стороны.

Инструменты, висевшие под тентом, с силой ударялись друг о друга, трубки змеевика сгибались, готовые каждую секунду лопнуть, а ящики от воды с грохотом перекатывались с места на место. Фергюссон и Кеннеди на расстоянии двух футов не слышали друг друга. Судорожно вцепившись в веревки снастей, они старались противостоять бешенству урагана.

Кеннеди, с растрепанными волосами, молча смотрел в одну точку. К доктору среди опасностей вернулось обычное его мужество, и на его лице нельзя было прочесть волнения даже тогда, когда «Виктория» вдруг замерла на месте. Северный ветер взял верх и с не меньшей быстротой помчал «Викторию» обратно по ее утреннему пути.

– Куда мы идем? – спросил Кеннеди.

– Предадимся воле провидения, дорогой Дик. Я напрасно сомневался в нем. Оно лучше нас с тобой знает, что творит, и вот мы возвращаемся на те места, которых уже не надеялись увидеть.

Пустыня, плоская и ровная несколько часов назад, теперь походила на взволнованное после бури море. Здесь и там возвышались холмы песка. Ветер не ослабевал, и «Виктория» все неслась в воздушном пространстве. Но неслась она в несколько другом направлении, чем утром, и поэтому в девять часов вечера вместо берегов озера Чад перед их глазами была все еще пустыня.

Кеннеди обратил на это внимание своего друга.

– Это не так важно, – ответил тот, – лишь бы нам вернуться на юг. Если на пути попадутся города Борну, Вудди или Кука, я без колебания остановлюсь в одном из них.

– Ну, раз ты доволен направлением ветра, то и я ничего не имею против. Только одного я

жажду: чтобы нам не пришлось переправляться через пустыню подобно тем несчастным арабам. То, что мы видели с тобой, Самуэль, просто ужасно.

– Это случается далеко не редко. Переходы через пустыню вообще гораздо опаснее, чем через океан. Пустыня заключает в себе все опасности моря вплоть до возможности в ней утонуть, прибавляя к ним еще невыносимую усталость и всяческие лишения.

– Мне кажется, что ветер стихает, – заметил Кеннеди, – песчаная пыль не так уж густа, волны песка менее высоки, горизонт светлеет.

– Тем лучше! А теперь надо вооружиться подзорной трубой и внимательно следить за тем, что может показаться на горизонте.

– Это уж я беру на себя, Самуэль, и как только покажется дерево, тотчас же скажу тебе.

И Кеннеди, с подзорной трубой в руках, занял наблюдательный пост в передней части корзины.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

История Джо. – Острова племени биддиома. – Поклонение. – Затонувший остров. – Берега озера. – «Дерево змей». – Путешествие пешком. – Страдания. – Москиты и муравьи. – Голод. – Появление «Виктории». – Ее исчезновение. – Отчаяние. – Болото. – Последний крик.

Но что же происходило с самим Джо во время этих тщетных поисков?

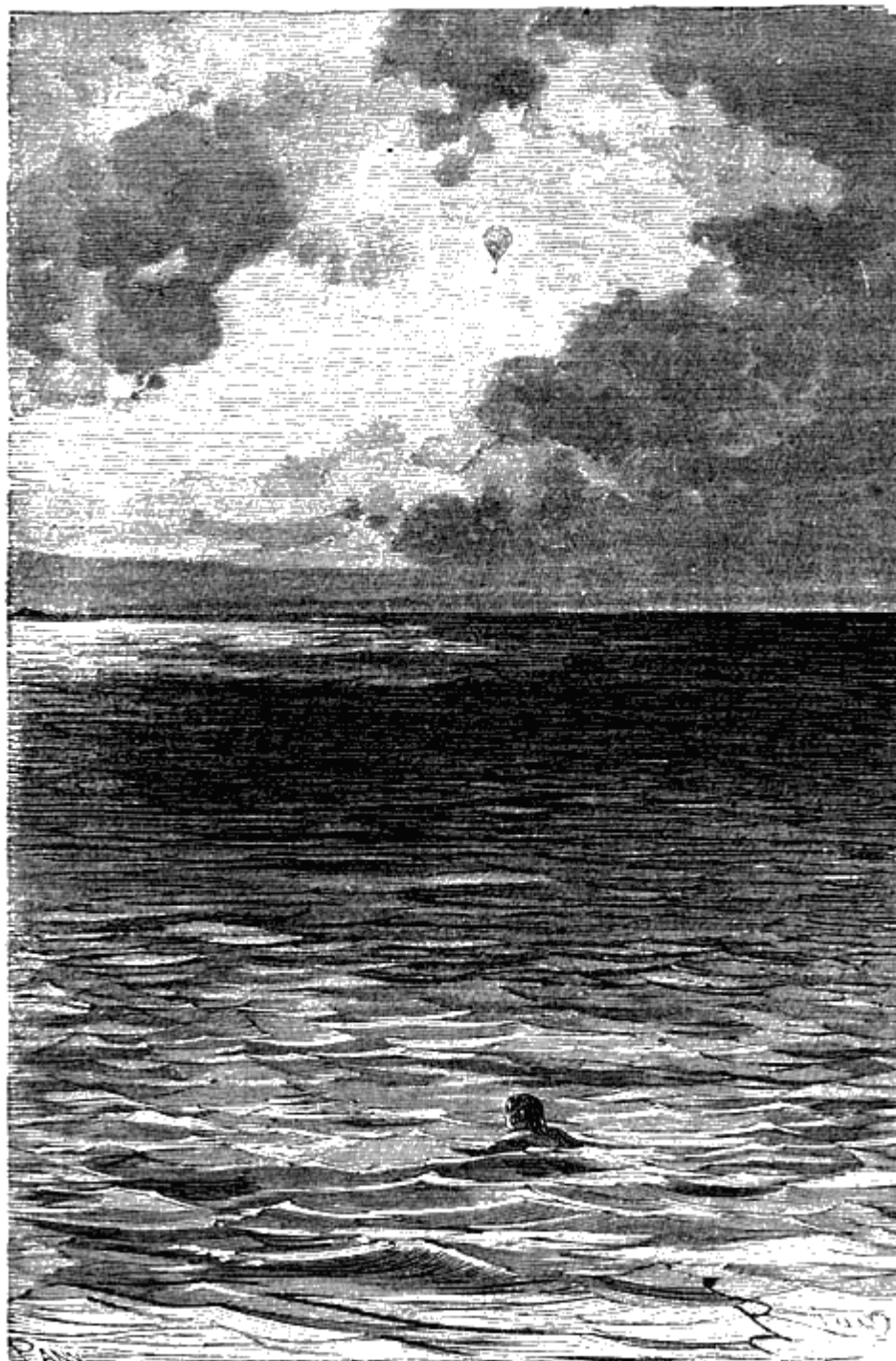
Бросившись в озеро и вынырнув на поверхность, он первым делом поднял глаза вверх. «Виктория» уже была высоко в воздухе; она продолжала подниматься, все уменьшаясь; вскоре, очевидно, попала в сильное воздушное течение и понеслась к северу. Друзья были спасены.

«Ах, какое счастье, что мне пришла в голову мысль броситься в озеро, – подумал Джо. – Конечно, то же самое без всяких колебаний сделал бы и мистер Кеннеди: ведь так просто, чтобы один человек пожертвовал собой для двух других. Простой арифметический расчет».

Успокоившись за судьбу своих друзей, Джо стал думать о собственном положении. Он находился посреди огромного озера, вокруг которого жили неизвестные и, быть может, свирепые племена. Приходилось выпутываться из всей этой истории, рассчитывая только на собственные силы. И все-таки он не очень-то был перепуган. Еще до нападения кондоров, которые, по его мнению, вели себя нормально, как полагается хищникам, Джо заметил на горизонте остров, и вот теперь, избавившись от наиболее стеснявшей его одежды, он решил добраться до него, пустив в ход все свое искусство пловца. Расстояние в пять-шесть миль его нисколько не смущало.

Проплыв часа полтора, Джо значительно приблизился к острову, но тут его стала тревожить мысль об аллигаторах; сначала она только промелькнула, но затем всецело завладела им. Ведь он знал, что они водятся по берегам этого озера, и ему была хорошо известна прожорливость этих огромных животных. Как ни склонен был Джо все на свете находить естественным, но тут он все же не мог не почувствовать непреодолимого волнения. Он не на шутку боялся, что мясо белого человека, чего доброго, особенно придется по вкусу крокодилам, и поэтому приближался к берегу с чрезвычайной осторожностью. Саженьях в ста от Берега, на котором росли тенистые зеленые деревья, на него повеяло резким запахом мускуса.

«Ну, вот! Чего боялся, на то и наткнулся: крокодил, значит, здесь поблизости», – пронеслось в голове Джо.

Поспешно нырнув, он все же задел за какое-то огромное тело, царапнувшее его своей чешуйчатой кожей. Бедняга, считая себя безнадежно погибшим, стремительно рванулся вперед и поплыл из всех сил. Вынырнув, он перевел дух и снова исчез под водой. Так провел он четверть часа в несказанном страхе, который он при всем своем философском отношении к жизни не мог преодолеть. Ему все казалось, что он слышит за собой щелканье огромных челюстей, готовых схватить его. Как можно тише поплыл он под водой – и вдруг почувствовал, что кто-то схватил его за руку, а затем поперек тела.

Бедный Джо! Последнее, что промелькнуло у него в голове, была мысль, о докторе. Он стал отчаянно бороться и почувствовал, что его тащат не на дно, как обычно поступают со своей добычей крокодилы, а, наоборот, на поверхность воды.

Когда Джо перевел дух и открыл глаза, он увидел подле себя двух черных, как смола, негров. Эти африканцы, странно крича, крепко держали его.

«Вот оно что! – не мог удержаться, чтобы не воскликнуть, Джо. – Вместо крокодилов

негры! Ей-ей, это все-таки будет лучше. Но как эти молодцы решаются купаться в здешних местах!»

Джо не знал, что чернокожие обитатели берегов и островов озера Чад преспокойно купаются в водах, кишаших аллигаторами, совершенно не обращая на них внимания, ибо местные земноводные имеют заслуженную репутацию довольно безобидных животных. Но если Джо избежал одной опасности, то не грозила ли ему другая? Он решил, что это покажет будущее, и раз ему не оставалось ничего другого, предоставлял тащить себя на берег, не проявляя при этом никакого страха.

«Они видели, конечно. – говорил он себе, – как наша „Виктория“, словно какое-то воздушное чудовище, пронеслась над водами озера. На их глазах я упал, и они не могут не чувствовать почтения к человеку, свалившемуся с небес. Посмотрим, что они станут делать дальше».

Пока все эти мысли бродили в голове Джо, – он со своими неграми достиг берега. Здесь он очутился среди завывавшей толпы обоего пола, разных возрастов, но одинакового цвета. Джо попал к племени биддиома, отличающемуся великолепной черной кожей. Ему не приходилось даже краснеть за легкость своего костюма, ибо он был «раздет» по последней местной моде. Раньше чем Джо успел отдать себе отчет в том, куда он попал, ему стало ясно, что он служит предметом поклонения. Это успокоило его, хотя ему вспомнилась история в Казехе.

«Я предчувствую, что снова сделаюсь богом, каким-нибудь сыном Луны, – думал Джо. – Ну, что же! Это ремесло не хуже всякого другого, особенно когда нет выбора. Главное – выиграть время. Если „Виктория“ снова появится, то я, пользуясь своим новым положением, разыграю перед своими поклонниками сцену чудесного вознесения на небо».

Между тем толпа все более и более надвигалась на него, окружая тесным кольцом. Чернокожие падали перед ним ниц, вопили, дотрагивались до него руками. Хорошо еще, что им пришлось в голову на славу попотчевать божество, поставив перед ним кислое молоко, толченый рис и мед. Добрый малый, легко мирившийся со всем, с величайшим аппетитом уничтожил предложенное ему угощение, показав своим поклонникам, как едят в торжественных случаях боги.

Когда наступил вечер, жрецы взяли его почтительно под руки и отвели в хижину, обещанную кругом талисманами. Входя туда, Джо не без тревоги бросил взгляд на кучу костей, наваленных вокруг этого святилища. Когда его заперли в священной хижине, он мог спокойно обдумать свое положение. Весь вечер и часть ночи до него доносились праздничные песни, бой барабанов, лязг железа – звуки, вероятно, очень приятные для ушей африканцев. Под аккомпанемент этой музыки вокруг священной хижины шли бесконечные танцы. Негры хором вопили, горланили, производили судорожные телодвижения, корчили ужаснейшие гримасы. Джо слышал этот оглушительный шум, проникавший через стены тростниковой хижины. Быть может, при других обстоятельствах Джо и понравились бы устроенные в честь его празднества, но тут его вскоре стали мучить довольно неприятные размышления. Как он ни старался смотреть на вещи с лучшей стороны, мысль, что он затерян в этой неведомой стране, среди дикарей, казалась ему нелепой и грустной. Немногие из путешественников, которые отважились проникнуть в эти места, благополучно вернулись на родину. Да и можно ли довериться чувствам толпы, поклоняющейся ему? Он уже имел случай убедиться, как непостоянны и непрочны блеск и величие. Он задавал себе вопрос, не дойдет ли в конце концов обожание до того, что его просто захотят съесть.

Несмотря на эту мало приятную перспективу, усталость после нескольких часов грустных размышлений все-таки взяла свое, и Джо довольно крепко заснул. Он проспал бы до утра, если бы вдруг его не разбудило ощущение откуда-то появившейся сырости. Вскоре в хижине появилась вода, быстро поднимавшаяся ему до пояса.

– Что такое? – громко проговорил он. – Наводнение, ливень, пытка? Ну, уж во всяком случае я не стану ждать, пока вода поднимется мне до горла.

И, плечом вышибив стену, Джо очутился... Да где же? – В самом озере! Острова как не бывало. За ночь он погрузился в воду, и на его месте было необъятное озеро.

«Плохой край для земледельцев», – подумал про себя Джо и, взмахнув руками, снова пу-

стил в ход свое искусство пловца.

Джо освободился из плена благодаря явлению, не редкому на озере Чад. Не один из его островов, казалось бы, прочных, как скала, исчез таким образом, и прибрежным племенам время от времени приходилось давать приют тем несчастным жителям исчезнувшего острова, которым удавалось спастись от страшной катастрофы.

Джо не знал этой местной особенности, но не преминул воспользоваться ею. Заметив какую-то носящуюся по воде лодку, он сейчас же взобрался в нее. Лодка эта, как оказалось, была грубо выдолблена из древесного ствола. К счастью, в ней нашлась пара примитивных весел, и Джо поплыл, пользуясь довольно быстрым течением.

– Ну, теперь надо ориентироваться, – проговорил он. – На помощь мне придет полярная звезда. Она ведь свое дело знает, всем указывает путь на север, так не откажет и мне.

К великому своему удовольствию, он убедился, что течение как раз и несет его к северному берегу озера, и отдался на его волю. Около двух часов ночи он пристал к мыску, поросшему таким колючим тростником, что он не мог прийтись по вкусу даже философу. Но на берегу, как будто нарочно для того, чтобы дать ему приют, росло одинокое дерево. Джо для большей безопасности взобрался на него и не то чтобы заснул, а скорее продремал там до рассвета.

Как всегда в экваториальных странах, день наступил сразу; Джо бросил взгляд на дерево, служившее ему убежищем ночью. Ему представилось такое неожиданное зрелище, что он остолбенел. Ветви дерева, где он провел ночь, были буквально унижены змеями и хамелеонами. Из-за них почти не видно было листвы. Можно было подумать, что это дерево новой породы, на котором произрастают пресмыкающиеся. Под первыми лучами солнца все это принялось ползать и извиваться. Ужас, смешанный с отвращением, охватил Джо, и он мигом спрыгнул на землю.

– Вот уж чему никто не захочет поверить! – пробормотал он.

Он не знал, что Фогель в своих последних письмах писал об этом особом свойстве берегов озера Чад: они кишмя кишат земноводными, которые нигде в мире не водятся в таком количестве.

После этого происшествия Джо решил впредь быть осторожнее, а затем, ориентируясь по солнцу, зашагал на северо-восток. Дорогой он самым старательным образом избегал хижин, – лачуг, шалашей – словом, всех тех мест, где он мог бы натолкнуться на представителей человеческой породы.

Часто смотрел он вверх, все надеясь увидеть «Викторию». Хотя его поиски в течение целого дня и оказались тщетными, тем не менее уверенность, что доктор не может его покинуть, ничуть не поколебалась в нем. Надо было иметь сильный характер, чтобы так философски относиться к своему положению. К усталости присоединился голод: ведь кореньями и сердцевинкой растений, таких как «меле» или плоды думпальмы, сыт не будешь. По приблизительному под-

счету Джо, он прошел все-таки за этот день к западу миль тридцать. Все его тело было исцарапано колючим тростником, мимозами и акациями; окровавленные ноги давали о себе знать жестокой болью. Наконец, с наступлением вечера Джо мог дать отдых измученным ногам. Он решил сделать привал на самом берегу озера. Здесь его ждала новая напасть – мириады насекомых. Мухи, москиты, муравьи в полдюйма длиной буквально покрывают в этих местах всю землю. Через два часа не оставалось уже ни клочка той жалкой одежды, которая еще была на Джо, – насекомые все пожрали. То была ужасная ночь: несмотря на усталость, несчастный путник ни на минуту не мог сомкнуть глаз. В кустах ревели кабаны, дикие буйволы, а в воде – ажубы, разновидность ламантинов, этих свирепых животных. Кругом, среди ночного мрака, в кустах и водах озера раздавался концерт хищных зверей. Джо не смел пошевелинуться. Как ни был он терпелив и стоек, но свое положение выносил с трудом.

Наконец, настал день. Джо проворно вскочил. Можно представить себе его отвращение, когда он увидел, что за поганая тварь провела подле него всю ночь. Это была жаба, да еще какая жаба! Величиной дюймов в пять, безобразная, отталкивающая, она уставилась на него большими круглыми глазами. Джо отвернулся от нее с отвращением, которое подстегнуло его: он с новыми силами помчался к озеру освежиться. Купанье несколько успокоило мучительный зуд, и он, пожевав листьев, снова упрямо пустился в путь. Джо не знал, какая сила гонит его, но чувствовал в себе присутствие этой силы, не дававшей ему впадать в отчаяние. Между тем его начинал терзать страшнейший голод. Желудок не так безропотно, как его хозяин, покорялся своей участи, и Джо, сорвав стебель лианы, подтянул себе потуже живот. Хорошо еще, что жажда он мог утолять на каждом шагу, и, вспоминая муки, перенесенные в пустыне, он находил уже счастьем то, что не страдает от недостатка воды.

«Где же может быть „Виктория“? – все спрашивал он себя. – Ветер дул с севера, и она должна была возвратиться к озеру. Конечно, мистеру Самуэлю необходимо было заняться восстановлением её равновесия, но для этого довольно было и вчерашнего дня. Значит, возможно, что сегодня... Но все-таки будем действовать так, как будто совсем нет надежды ее увидеть. В сущности, если я доберусь до какого-нибудь большого города на берегу озера, то попаду в такое же положение, в каком бывали те путешественники, о которых нам не раз рассказывал доктор. Почему же мне не выпутаться из беды как делали те? Ведь вернулись же некоторые из них на родину, черт возьми! Ну, смелей вперед!»

Разговаривая так с самим собой, отважный Джо все шагал да шагал и неожиданно посреди леса наткнулся на толпу дикарей. К счастью, он успел вовремя остановиться, и его не заметили. Негры были заняты смазыванием своих стрел ядовитым соком молочая. Это весьма важное для местных племен занятие обставляется у них очень торжественно.

Джо, затаив дыхание, забился в чащу, но вдруг, подняв глаза, он в просвете листвы увидел «Викторию». Подумать только: «Викторию»! Она неслась к озеру всего в каких-нибудь ста футах над ним. А бедняга не мог ни крикнуть, ни показаться!

Глаза его застилало влагой, но это были не слезы отчаяния, а слезы благодарности: доктор ищет его, доктор не покинул его. Ему пришлось повременить, пока убрались чернокожие. Наконец они ушли, и он вышел из своего убежища и помчался к озеру.

Но, увы, «Виктория» уже исчезла вдали. Джо решил, что она непременно вернется, и стал ждать. И она действительно появилась снова, но восточнее. Джо бросился бежать, он кричал изо всех сил, он размахивал руками... Все было напрасно. Сильнейший ветер уносил «Викторию» с непреодолимой быстротой.

Впервые несчастный Джо пал духом. Ему казалось, что он погиб. Решив, что доктор улетел окончательно, бедняга уже не был в силах ни надеяться на что-либо, ни строить какие-либо планы. В каком-то безумном состоянии, с окровавленными ногами, с ноющим от боли телом, шел он целый день и часть ночи. Порой ему приходилось даже тащиться ползком. Он чувствовал, что силы вот-вот покинут его и останется одно: умереть. Бредя таким образом, он попал в болото, но не сразу это заметил, так как была уже ночь. Вдруг он свалился в вязкую грязь и, несмотря на все свои отчаянные усилия, почувствовал, что мало-помалу трясина засасывает его. Еще несколько минут – и он увяз по пояс.

«Вот она, смерть! И какая ужасная смерть!»— пронеслось в его мозгу. И он стал еще яростнее бороться, пытаясь высвободиться из засасывающей его топи, но лишь все глубже и глубже уходил в нее. А кругом — ни единого деревца, ни даже тростника, за который можно было бы ухватиться. Он закрыл глаза.

— Доктор, доктор! Ко мне! — закричал он. Но его отчаянный, одинокий крик затерялся среди ночного мрака.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

На горизонте что-то виднеется. — Толпа арабов. — Погоня. — «Это он!» — Падение с лошади. — Задушенный араб. — Выстрел Кеннеди. — Маневр. — Похищение на лету. — Джо спасен!

Кеннеди снова занял свой наблюдательный пост в корзине «Виктории» и не переставал самым внимательным образом следить за горизонтом. Через некоторое время, повернувшись к доктору, он сказал:

– Если не ошибаюсь, вон там что-то движется, но пока невозможно определить, что именно – люди или животные. Во всяком случае, они здорово мечутся, и поднимают целое облако пыли.

– Уж не смерч ли это опять? Как бы он еще не отбросил нас к северу, – проговорил Самуэль, вставая, чтобы лучше видеть то, что происходило у горизонта.

– Не думаю, Самуэль, – отозвался Кеннеди. – По-моему, это стадо газелей или диких быков.

– Может быть, и так. Дик, но это скопище находится от нас на расстоянии девяти или десяти миль, и даже в подзорную трубу я пока ничего не в состоянии рассмотреть.

– Во всяком случае, Самуэль, я не спущу глаз с горизонта: там творится что-то необычайное, я просто заинтригован. Знаешь, это напоминает маневры кавалерии. Ну вот, видишь, я не ошибся: конечно, это всадники. Взгляни-ка!

Доктор принялся внимательно смотреть в указанном направлении.

– Да, ты, кажется, прав, – сказал он через некоторое время. – Это отряд арабов, или тиббу. Движется он в том же направлении, что и мы. Но так как «Виктория» несется быстрее, то мы легко их нагоним. Через полчаса всадники будут нам видны как на ладони, и тогда мы решим, что нам делать.

Кеннеди снова взялся за подзорную трубу и стал внимательно наблюдать. Теперь всадники были видны яснее. Некоторые из них отделились от общей массы.

– Знаешь, – заговорил он, – это или маневры, или охота. Всадники эти кого-то преследуют. Очень хотелось бы знать, в чем тут дело.

– Потерпи, Дик, мы скоро их не только догоним, но даже перегоним, если они будут продолжать двигаться по тому же направлению. Мы ведь несемся со скоростью двадцати миль в час, а ведь ни одна лошадь не в состоянии мчаться с такой быстротой.

Кеннеди опять принялся наблюдать и через несколько минут заявил:

– Это арабы, и скажут они во весь опор. Теперь я прекрасно все вижу. Их человек пятьдесят. Вон как развеваются от ветра их бурнусы! Это кавалерийское учение, что ли. В ста шагах впереди скачет, должно быть, предводитель этого отряда, а все остальные мчатся вслед за ним.

– Во всяком случае. Дик, кто бы они ни были, бояться нам их нечего, а если понадобится, я в мгновение ока поднимусь ввысь, – сказал доктор.

– Постой, постой, Самуэль! Тут происходит что-то странное – сказал Дик через некоторое время. – Хорошенько не могу понять, в чем тут дело. Они несутся врассыпную и изо всех сил; по-моему, это не маневры, а скорей преследование.

– Ты уверен в этом, Дик?

– Вполне. Нет, я не ошибаюсь! Это, очевидно, охота, но охота за человеком. Не за предводителем они скажут, а ловят беглеца.

– Беглеца? – с волнением повторил Самуэль.

– Да.

– Так не надо терять их из виду. Будем ждать! – нервно проговорил доктор.

Как ни бешено мчались всадники, но «Виктория» через тричетыре мили нагнала их.

– Самуэль! – закричал Кеннеди дрожащим голосом.

– Что с тобой, Дик?

– Неужели это галлюцинация? Да возможно ли это?

– Что ты хочешь сказать?

– Подожди!

И охотник, быстро протерев стекла подзорной трубы, снова принялся смотреть в нее.

– Ну, что? – спросил доктор.

– Это он, Самуэль!

– Он?! – крикнул доктор.

Слово «он» все сказало. Называть имя было излишне.

– Он. Верхом. Скачет меньше чем в ста шагах от своих врагов. Спасается от них бегством.

– Конечно, это Джо, – подтвердил, бледнея, доктор.

– Он так мчится, что не может видеть нас, Самуэль.

– Нет, он нас увидит, – возразил Фергюссон, ослабляя пламя горелки.

– Но как?

– Через пять минут мы будем в пятидесяти футах от земли, а через пятнадцать спустимся к нему.

– Надо предупредить его ружейным выстрелом, – предложил Дик.

– Нет, ведь повернуть он все равно не может, он отрезан.

– Что же делать?

– Ждать.

– Ждать! А арабы?

– Мы их догоним! Мы их опередим! Осталось две мили, да и того меньше. Только бы лошадь Джо выдержала!

– Ай-ай-ай! – закричал Дик.

– Что такое?

Крик отчаяния вырвался у Кеннеди, когда он увидел Джо на земле; его загнанная вконец лошадь валялась тут же.

– Джо заметил нас! – крикнул доктор. – Поднимаясь с земли, он сделал нам знак.

– Но ведь арабы сейчас захватят его! Чего он ждет? Ах, молодчина! Ура! – закричал охотник, не в силах более сдерживаться.

Упав, Джо моментально вскочил на ноги и в тот миг, когда самый прыткий из всадников бросился к нему, отпрянул от него в сторону, как пантера. Еще мгновение – и он уже был на крупе лошади араба. Схватив врага за горло своими сильными руками, своими стальными пальцами, Джо задушил его, сбросил на песок и снова бешено помчался вперед...

Громкий вопль вырвался у всадников. Они еще с большей яростью устремились за беглецом и, увлеченные преследованием, не замечали «Виктории», а она теперь находилась всего в какихнибудь пятистах футах от них и меньше чем в тридцати от земли.

Один из всадников уже догоняет Джо и вот-вот пронзит его копьем, но у Кеннеди зоркий глаз и твердая рука: он выстрелом сваливает араба на песок.

Джо даже не оборачивается на звук выстрела. Часть отряда, увидев «Викторию», спешивается и падает ниц перед нею, а другая продолжает преследование.

– Но что же Джо? – кричит Кеннеди. – Он и не думает останавливаться?

– Джо поступает гораздо умнее, – отозвался доктор, – я понял его: он скачет в том же направлении, куда несется «Виктория», и полагается на нашу сметку. Ну и молодчина! Мы вырвем его из-под носа у этих арабов! Ведь до него осталось не больше двухсот шагов.

– Что же теперь делать? – спросил Кеннеди.

– Отложи в сторону свое ружье.

– Есть! – отозвался охотник.

– Можешь ли ты сдержать полтораста фунтов балласта?

– Смогу даже больше.

– Хватит и этого.

И Фергюссон тут же нагрузил своего друга мешками с балластом.

– Теперь, Дик, стань позади и будь готов сразу сбросить весь этот балласт, – проговорил он. – Но заклинаю тебя сделать это не раньше, чем я прикажу.

– Будь спокоен!

– Иначе мы можем упустить Джо, и тогда он погиб.

– Положись на меня!

В это время «Виктория» была почти над головами всадников, несшихся во весь опор вслед за Джо. Доктор стоял в передней части корзины, развернув шелковую лестницу и готовый в любую минуту сбросить ее. Джо все продолжал скакать футах в пятидесяти от своих преследовате-

лей. Но вот «Виктория» обгоняет всадников...

– Внимание! – говорит Самуэль.

– Готов! – отзывается Дик.

– Джо! Берегись! – кричит доктор зычным голосом, бросая лестницу, которая, коснувшись земли своими перекладинами, поднимает облако пыли.

Услышав голос Фергюссона, Джо, не замедляя бега лошади, оборачивается, лестница приближается к нему, и в то самое мгновение, когда он в нее вцепляется, доктор кричит Кеннеди:

– Бросай!

– Есть!

И «Виктория», освобожденная от балласта, весившего больше, чем Джо, в один миг поднимается на полтораста футов ввысь.

Несмотря на то, что «Викторию» сильно качает, Джо крепко держится за лестницу. Когда шар приходит в более спокойное состояние, Джо делает неопиcуемый жест в сторону арабов,

затем, карабкаясь по лестнице с ловкостью акробата, добирается до друзей, и те хватают его в свои объятия.

Внизу арабы вопят от изумления и бешенства: воздушное чудовище на лету вырвало из их рук беглеца и быстро уносит его вдаль...

– Мистер Самуэль! Мистер Дик! – только и сказал Джо. Он изнемог от усталости, от волнения и лишился чувств.

– Спасен! Спасен! – не помня себя, кричал Кеннеди.

– Ну, Конечно! – отозвался доктор, к которому уже успело вернуться его невозмутимое самообладание.

Джо был почти голый. Окровавленные руки, ссадины и синяки, покрывавшие его тело, говорили о перенесенных им муках. Фергюссон перевязал его раны и вместе с Диком уложил его под тент.

Вскоре Джо очнулся и попросил стаканчик водки. Доктор не считал нужным отказать ему в этом. Ведь Джо требовал особого подхода, и лечить его надо было не так, как других. Выпив водки, он крепко пожал руки обоим друзьям и собрался было уже рассказать о пережитых им злоключениях, но ему не разрешили атого сделать. Он не замедлил крепко заснуть, в чем, конечно, очень нуждался.

«Виктория» же, несколько уклонившись на запад, снова понеслась, подхваченная сильнейшим ветром, над окраиной пустыни, заросшей в этих местах колючим кустарником, над пальмами оазисов, согнутыми ураганом или вырванными с корнем. К вечеру сделав около двухсот миль от места похищения Джо, она достигла 10° долготы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Полет к западу. – Пробуждение Джо. – Его упрямство. – Конец его истории. – Тяжелель. – Беспокойство Кеннеди. – Полет на север. – Ночь близ Агадеса.

К вечеру ветер стих, и «Виктория» спокойно простояла всю ночь, зацепившись якорем за вершину большого сикомора. Доктор и Кеннеди поочередно несли вахту, а Джо проспал богатырским сном целые сутки.

Это именно то лекарство, какое ему нужно, – заметил Фсогюссон, его излечит сама природа.

С рассветом порывистый ветер усилился, и «Викторию» сначала бросало то к северу, то к югу, пока, наконец, не понесло к западу. Доктор определил по карте, что они проносятся над царством Дамергу – холмистым, очень плодородным краем, население его жило в легких, сплетенных из тростника хижинах. В полях мелькали многочисленные скирды хлеба. Все они были поставлены на невысокие подпорки, вероятно для того, чтобы предохранить их от полевых мышей и термитов. Вскоре аэронавты увидели город Зиндер. Его легко можно было узнать по обширной площади, где происходили казни. В центре площади возвышалось «дерево смерти». Под ним все время дежурил палач. И стоило кому-нибудь пройти под тенью этого страшного дерева как его немедленно вздергивали на виселицу.

Кеннеди взглянул на компас и с некоторым беспокойством заметил:

– А нас опять относит к северу.

– Ну что ж из этого? – отозвался доктор. – Если «Виктория» занесет нас в Тимбукту, жаловаться не придется. Никогда подобное путешествие не совершалось в лучших условиях.

– И при лучшем состоянии здоровья путников, – закончил Джо, поднимая край тента и высовывая оттуда свою славную улыбающуюся физиономию.

– А! Вот, наконец, проснулся наш храбрый друг, наш спаситель! – закричал охотник. – Ну, как ты себя чувствуешь, Джо?

– Вполне нормально, мистер Кеннеди, вполне нормально! Кажется, никогда лучше себя и не чувствовал. Ничто ведь не может подбодрить человека так, как подобная увеселительная прогулочка после купанья в озере Чад! Не так ли, мистер Самуэль?

– Славный ты человек! – сказал Фергюссон, крепко пожимая ему руку. – Сколько тревоги и мучений ты нам доставил!

– А вы думаете, что я на ваш счет был спокоен, что ли? Можете гордиться тем, что заставили меня просто дрожать от страха за вас.

– Вот и пойми его! Как это он все повернул.

– Вижу, что падение в озеро нисколько не изменило нашего Джо, – заметил Кеннеди.

– Ты, друг мой, проявил великую самоотверженность, – продолжал доктор, – ты спас нас: ведь «Виктория» падала в озеро, и оттуда никто не мог бы ее извлечь.

– Подумаешь, если я кубарем полетел в воду, так что из этого? Какая тут самоотверженность – разве я этим не спас и себя самого? Ведь вот теперь мы все трое здесь в добром здравье! Значит, нам не в чем упрекать друг друга.

– Нет! С этим малым никогда не сговоришься! – воскликнул Кеннеди.

– Лучший способ сговориться со мной – это никогда не поминай того, что было, – заявил Джо. – Что сделано, то сделано. Хорошо ли, плохо ли, не стоит к этому возвращаться.

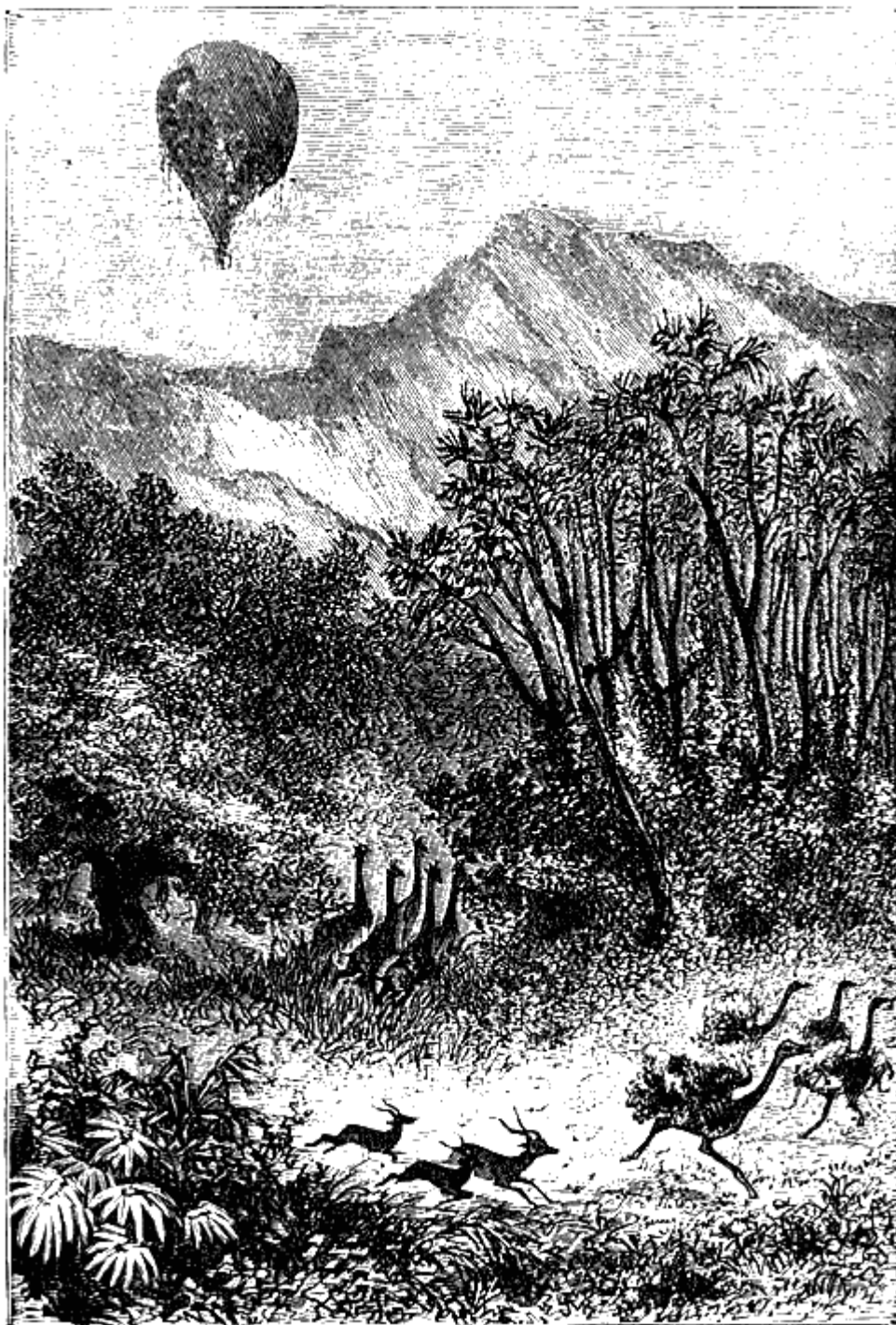
– Ах ты, упрямец! – смеясь, проговорил доктор. – Но не расскажешь ли ты нам, по крайней мере, о своих похождениях?

– Хорошо, если вы непременно этого желаете. Только раньше мне хочется зажарить на славу вот этого жирного гуся. Вижу, мистер Дик времени даром не терял.

– Верно, верни, Джо, – отозвался доктор.

– Ну, так посмотрим, как африканская дичь почувствует себя в европейских желудках.

Гусь был зажарен на пламени горелки, и его сейчас же съели с большим аппетитом. Джо, не евшему несколько дней, досталась, конечно, львиная доля. После чая и грога он начал рассказывать друзьям свои приключения. Он говорил взволнованно, хотя, по своему обыкновению, ко всему относился философски. Видя, что чудесный малый все время больше, чем о себе, думал о нем, Фергюссон не мог не пожать ему руку. Когда Джо рассказал об исчезновении острова, населенного племенем биддиома, доктор объяснил, что на озере Чад это частое явление.

Наконец, в своем рассказе Джо дошел до того момента, когда он в отчаянии завопил, засасываемый трясинной.

— Я считал, что погибаю; моя последняя мысль была о вас, мистер Самуэль. Тут я опять начал выбираться из болота. Как? Я и сам не знал, но решил биться до последнего. И вдруг совсем близко от себя увидел... ну, как бы вы думали, что? Конец каната, видимо, недавно отрезанного. Уж каким-то образом умудрился я добраться до этого самого каната. Потянул за него, смотрю — держится. Я поднимаюсь, делаю еще усилие и вот я на твердой земле... а на конце каната вижу якорь. Да, мистер Самуэль, можно сказать — это уж доподлинно был «якорь спасения»! Я узнал его сейчас же! Якорь с нашей «Виктории»! Значит, вы здесь останавливались! Я проследил направление каната и по нему догадался, куда вы отправились. Тут и дух у меня поднялся и силы явились. Выбрался я из трясины и снова зашагал. Шел часть ночи, держась подалеже от озера. Наконец, добрался до опушки огромного леса. Здесь в загоне спокойно пасся табун лошадей. Не правда ли, в жизни бывают минуты, когда каждый умеет ездить верхом? И

вот недолго думая я вскакиваю на одного из этих четвероногих и мчусь к северу. Не буду вам говорить ни о городах, ни о селениях – я их не видел, я их избегал. Несусь по засеянным полям, перескакиваю через кустарники, изгороди, понукаю своего скакуна, заставляю его брать препятствия... Так домчался я до границы возделанных земель. Передо мной пустыня. «Вот и прекрасно, – сказал я себе, – это мне на руку: здесь, по крайней мере, далеко видно. Я ведь ждал, что вот-вот появится наша „Виктория“. Но она все не появлялась. Так я скакал часа три и вдруг, как дурак, нарвался на стоянку арабов. Ну, и началась же тут погоня! Скажу вам, мистер Кеннеди, ни один охотник не знает как следует, что такое охота, пока за ним самим не поохотятся. И, признаться, не посоветовал бы я ему этого испробовать! Но вот моя лошадь падает от изнеможения, меня уже настигают, сам я валюсь на землю, вскакиваю на круп коня какого-то араба... Я не желал ему зла, но пришлось-таки придушить его. Тут я вас и увидел... А что было дальше, вы знаете сами... „Виктория“ мчится по моим следам, и вы подхватываете меня на лету, как всадник подхватывает перстень. Но, скажите, разве я был неправ, рассчитывая на вас? Видите, мистер Самуэль, как все это понятно и просто! И если только когда-нибудь вам понадобится, я готов в любой момент все это проделать снова. Ну, а теперь еще раз повторяю: об этом вообще больше не стоит говорить.

– Дорогой мой Джо, – взволнованно заговорил доктор, – мы не даром полагались на твой ум и ловкость.

– Да что там, сэр! Надо только следовать за событиями, и тогда всегда вывернешься. Знаете, самое верное – это принимать все так, как оно случается.

За то время, что Джо повествовал о своих приключениях, «Виктория» успела пролететь немалое расстояние. Вскоре Кеннеди указал на строения, показавшиеся на горизонте и имевшие вид города. Доктор сейчас же справился по карте и убедился, что это небольшой городок Тажелель в стране Дамергу.

– Мы опять попали на путь исследователя Барта, – сказал Фергюссон. – Именно в этом городе он расстался со своими двумя товарищами Ричардсоном и Овервегом. Первый направился в Зиндер, второй в Маради. Помните, я вам рассказывал, что из троих только Барту удалось вернуться в Европу.

– Итак, мы несемся прямо на север? – спросил охотник, следя по карте за направлением «Виктории».

– Прямо на север, дорогой Дик.

– И тебя, Самуэль, это нисколько не беспокоит?

– А почему бы это могло меня беспокоить?

– Да потому, что это течение несет нас к Триполи и нам придется снова перелетать через Сахару.

– О, так далеко мы не залетим. По крайней мере я надеюсь на это, – ответил доктор.

– Где же ты, Самуэль, думаешь остановиться?

– Признаться, Дик, разве тебе не было бы интересно побывать в Тимбукту?

– Тимбукту? – переспросил Кеннеди.

– Уж, конечно, было бы странно путешествовать по Африке и не осмотреть Тимбукту, – вмешался Джо.

– Знаешь, Дик, ты будешь пятым или шестым европейцем, посетившим этот таинственный город, – добавил доктор.

– Ладно! Летим в Тимбукту!

– Дай нам только добраться до семнадцати с половиной градусов широты, а там уж мы начнем разыскивать попутный ветер на запад.

– Хорошо, – отозвался охотник. – Но, скажи, сколько приблизительно миль нам еще придется нестись на север?

– По крайней мере, миль сто пятьдесят.

– В таком случае я немного посплю, – заявил Кеннеди.

– Конечно, поспите, мистер Дик, – откликнулся Джо, – да и вам тоже, мистер Самуэль, не мешает соснуть. Ведь оба вы нуждаетесь в отдыхе – замучились без сна по моей милости.

Охотник улегся под тентом, но Фергюссон, который не так-то легко поддавался усталости, не оставил своего наблюдательного поста.

Через три часа «Виктория» проходила над каменистой местностью, по которой тянулась обнаженная гранитная цепь гор. Некоторые отдельные вершины этой цепи достигали четырех тысяч футов. После бесплодия пустыни природа как бы наверстывала упущенное: здесь буйно разрослись леса акаций, мимоз и финиковых пальм; с необыкновенной быстротой носились и прыгали жирафы, антилопы и страусы. Это была страна племени Кель-Уй. У них, как и у свирепых их соседей – туарегов, существовал обычай закрывать лицо хлопчатобумажной повязкой.

В десять часов вечера, сделав за день великолепный перелет в двести пятьдесят миль, «Виктория» остановилась над большим городом. При свете луны было видно, что часть его покрыта развалинами. Здесь и там, облитые лунным светом, высились минареты. Доктор установил, что «Виктория» находится над Агадесом.

Этот город некогда был центром обширной торговли, но к тому времени, когда его посетил Барт, он пришел в упадок.

Среди ночи, никем не замеченная, «Виктория» опустилась милях в двух севернее Агадеса, на обширном поле, засеянном просом.

Ночь прошла спокойно, а на рассвете, в пять часов утра, легкий ветер стал дуть на запад и даже несколько на юго-запад. Фергюссон поспешил воспользоваться этим благоприятным обстоятельством. Он быстро заставил подняться «Викторию», и та умчалась дальше, купаясь в солнечном свете.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Быстрый перелет. – Осторожные решения. – Караваны. – Бесперывные ливни. – Гао. – Нигер. – Гольберри, Жоффруа, Грей, Мунго Парк, Ленг, Ренз, Кайе, Клаппертон, Джон и Ричард Лендер.

День 17 мая прошел спокойно, без всяких происшествий. Снова началась пустыня. Ветер средней силы нес «Викторию» на юго-запад. Она не отклонялась ни вправо, ни влево. Ее тень прочерчивала на песке прямую линию.

Прежде чем пуститься в путь, доктор благоразумно позаботился о том, чтобы возобновить запас воды. Он боялся, что в районе, заселенном племенем туарегов, нельзя будет снизиться.

Плоскогорье, лежащее на высоте тысячи восьмисот футов над уровнем моря, постепенно понижалось к югу. Аэронавты пересекли проторенную караванами дорогу, ведущую из Агадеса в Мурзук, и, пролетев в этот день сти восемьдесят миль, вечером оказались на 16° северной широты и 4° 55' восточной долготы. Весь день Джо посвятил заготовлению впрок дичи, – трофеев последней охоты Кеннеди, – ей, за недостатком времени, уделили мало внимания. К ужину он подал вкусно зажаренных на вертеле вальдшнепов. Так как ветер был очень благоприятен, доктор решил лететь всю ночь, благо полная луна ярко светила. «Виктория», сделав в эти ночные часы около шестидесяти миль на высоте пятисот футов, неслась так спокойно, что даже самый чуткий сон не был бы потревожен.

В воскресенье утром направление ветра снова изменилось. Шар теперь летел на северо-запад. В воздухе носилось несколько воронов, а у горизонта – стая ястребов, к счастью, державшихся далеко от «Виктории».

Эти птицы напомнили путешественникам о встрече с кондорами, и Джо поздравил доктора с тем, что он сделал для шара две оболочки.

– Будь у «Виктории» одна оболочка, что было бы с нами? – с жаром сказал он. – Знаете, эта вторая оболочка – то же, что спасательная шлюпка на судне. Благодаря ей при крушении всегда можно спастись.

– Ты прав, друг мой, но должен сказать тебе, что моя «шлюпка» начинает меня немного беспокоить.

– Что ты этим хочешь сказать, Самуэль? – вмешался в разговор Кеннеди.

– А вот что: новая «Виктория» не стоит прежней. Уж не знаю, почему: ткань ли слишком много вытерпела, или гуттаперча местами расплавилась от жара змеевика, но я обнаруживаю утечку газа. Пока она незначительна, но с этим надо считаться. У «Виктории» появилась склонность снижаться, и мне, чтобы удерживать ее на нужной высоте, приходится все больше расширять водород.

– Черт побери! – воскликнул Кеннеди. – Я не вижу, как это можно поправить.

– То-то и есть, что мы тут бессильны, – сказал доктор. – Вот почему нам надо во что бы то ни стало торопиться и даже избегать ночных стоянок.

– А как далеко мы от берега? – спросил Джо.

– От какого берега, друг мой? Разве мы знаем, куда нас закинет слепой случай? Все, что я могу тебе сказать, так это то, что Тимбукту находится на западе, в четырехстах милях от нас.

– Сколько же времени нам понадобится, чтобы туда добраться? – продолжал спрашивать Джо.

– Если ветер будет благоприятным, то я рассчитываю попасть в этот город во вторник к вечеру, – ответил Фергюссон.

– Ну, в таком случае мы будем там скорее, чем вон те, – проговорил Джо, указывая на длинную вереницу верблюдов, извивавшуюся среди песков пустыни.

Фергюссон и Кеннеди перегнулись за борт и увидели огромный караван: одних верблюдов в нем было больше ста пятидесяти; такие верблюды перевозят из Тимбукту в Тафилалет поклажу в сто пятьдесят фунтов (за что их хозяева получают двенадцать золотых муткалов, то есть сто двадцать пять франков). Под хвостами у них подвязаны мешочки, предназначенные для сбора помета – единственного топлива, на которое можно рассчитывать в пустыне.

Верблюды туарегов считаются наилучшими. Они могут от трех до семи суток обходиться без воды и по двое суток без пищи. Передвигаются они быстрее лошадей и очень разумно повинуются голосу кабира – начальника каравана. В здешних местах эти верблюды известны под именем «мегари».

Все эти подробности доктор сообщил своим товарищам, в то время как они с интересом рассматривали толпу мужчин, женщин и детей, с трудом передвигавшуюся по сыпучему песку, где только местами проглядывали чертополох, чахлая, высохшая трава и жалкие кустики. Ветер почти тотчас же заметал следы каравана.

Джо спросил у доктора, каким образом умудряются арабы проходить через огромную пустыню и находить разбросанные в ней колодцы.

– Видишь ли, – ответил Фергюссон, – у арабов есть какое-то прирожденное чутье к распознаванию дороги. Там, где европейец наверняка сбился бы с пути, для араба нет никаких затруднений. Ему, для того чтобы ориентироваться, достаточно какого-нибудь незначительного камешка, пучка травы, даже цвета песка. Ночью им указывает дорогу Полярная звезда. Передвигаются эти караваны не быстрее двух миль в час. Во время полуденной жары делают привал. Вы представляете себе теперь, сколько времени нужно каравану, чтобы пройти по огромной пустыне миль девятьсот!

«Виктория» уже исчезла на глазах у изумленных арабов. Как, должно быть, они ей завидовали!

Вечером она перелетела через 2° 20' восточной долготы, а за ночь еще пронеслась больше чем на один градус.

На следующий день, в понедельник, погода резко изменилась. Полил сильнейший дождь. Приходилось бороться и с ливнем и с увеличившимся от впитывания воды весом шара и корзины. Этими ливнями объяснялось происхождение болот и топей, которых было так много в этой местности. Зато здесь снова появились мимозы, баобабы и тамаринды. «Виктория» летела по стране Сонраи; мелькали селения с конусообразными хижинами. Здесь было мало гор, но довольно много холмов, между которыми лежали долины, где носились вальдшнепы и цесарки. Там и сям бурные потоки пересекали дорогу. Туземцы перебирались через них, цепляясь за лианы, перекидывавшиеся с дерева на дерево. Дальше расстилались джунгли, где копошились аллигаторы, гиппопотамы и носороги.

– По-видимому, мы скоро будем у Нигера, – сказал доктор. – Характер природы меняется на подступах к большой реке. Эти «движущиеся» дороги, как очень метко называют большие реки, сначала несут с собой растительность, а позднее и цивилизацию. Так, на берегах Нигера, реки длиною в две тысячи пятьсот миль, расположены самые крупные города Африки.

– Это напоминает мне рассказ об одном простаке, – вставил Джо. – Он, представьте себе, восторгался мудростью провидения, которое, по его мнению, устроило так, чтобы большие реки непременно протекали через большие города.

В полдень «Виктория» пролетела над Гао – небольшим городком с довольно жалкими хижинами.

– А когда-то этот городок был столицей. Именно здесь Барт переправился через Нигер, возвращаясь из Тимбукту, – начал рассказывать доктор. – Вот он, Нигер, – эта знаменитая в древности река, соперница Нила. Язычники даже приписывали ей божественное происхождение. Как и Нил, Нигер привлекал внимание географов всех времен. Исследованию Нигера было принесено в жертву, пожалуй, еще большее количество человеческих жизней, чем даже изучению Нила.

Нигер катил к югу свои полные бурные воды. Но «Виктория» так быстро уносила вдаль путешественников, что они едва могли рассмотреть могучую реку и ее живописные окрестности.

– Я только собираюсь рассказать вам об этой реке, – начал Фергюссон, – а как она уже далека от нас! Под названием Джолиба, Майо, Эггйреу, Кворра и еще другими она пробегает громадное расстояние и по длине своей почти равна Нилу.

Ее многочисленные названия означают просто-напросто «река» на языке тех стран, через которые она протекает.

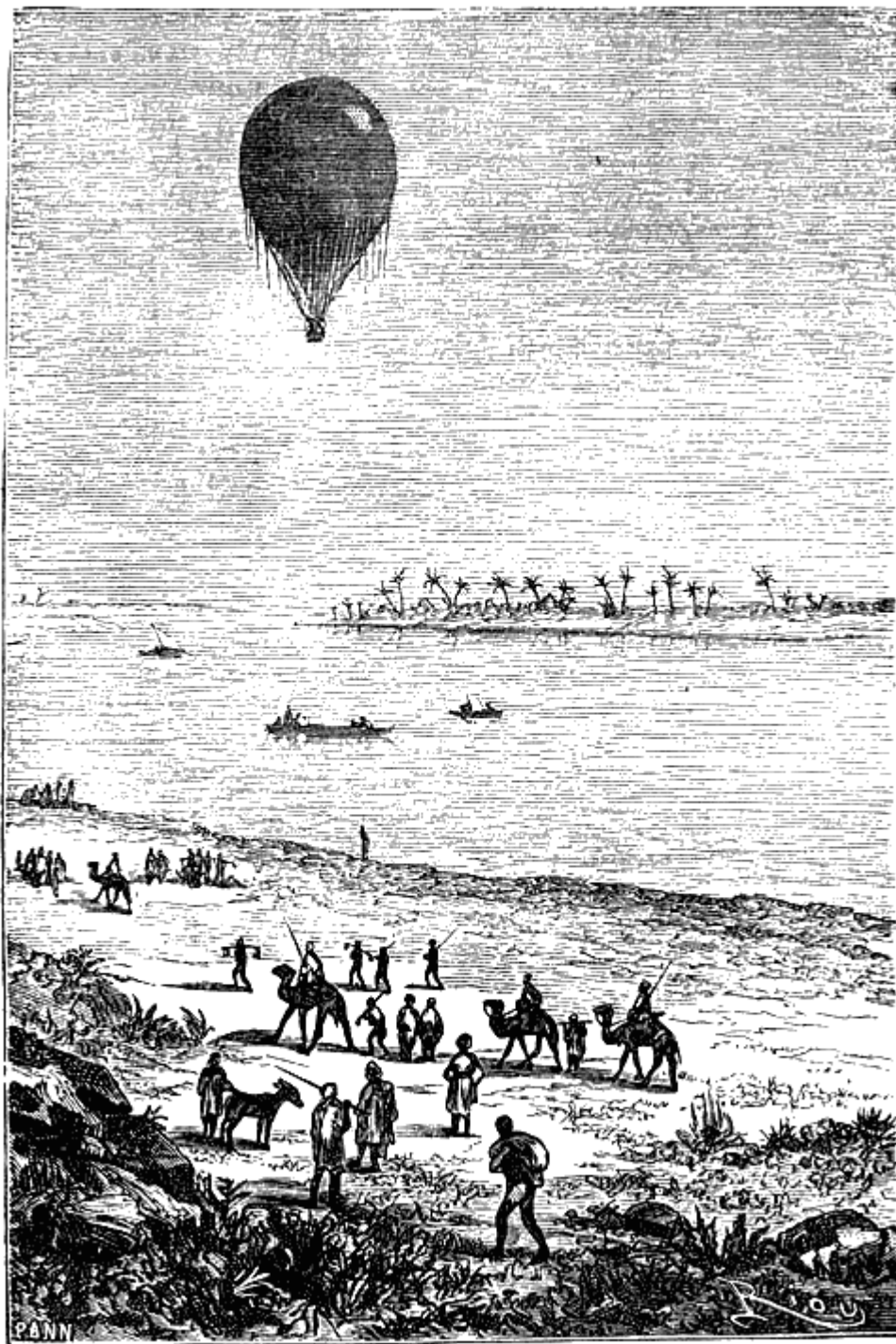
– А доктор Барт прошел здесь тем же путем, что и мы? – спросил Кеннеди.

– Нет, Дик; покинув озеро Чад, он побывал в главных городах страны Борну и пересек Нигер в том месте, где расположен Сай, на четыре градуса ниже Гао, затем он проник в те еще не исследованные страны, которые лежат в излучине Нигера, и после восьми месяцев новых утомительных трудов достиг Тимбукту; нам для этого понадобятся каких-нибудь три дня или еще того меньше при хорошем ветре.

– А истоки Нигера исследованы? – спросил Джо.

– Давно уже, – ответил доктор. – Нигер вместе с его притоками изучался многими исследователями, и я могу назвать вам главных. С тысяча семьсот сорок девятого по тысяча семьсот пятьдесят восьмой год этой задаче посвятил себя Адамсон, побывавший в Горэ. С тысяча семьсот восемьдесят пятого по тысяча семьсот восемьдесят восьмой год Гольберри и Жоффруа изучали пустыни Сенегамбии и проникли в страну мавров, которые убили Сонье, Бриссона, Адама, Рилея, Кошле и многих других. На смену им явился знаменитый Мунго Парк, друг Вальтера Скотта, шотландец, как и он. Посланный в тысяча семьсот девяносто пятом году лондонской «Африканской ассоциацией», он достигает Бамбара, видит Нигер, проходит пятьсот миль вместе с одним работником, исследует берега реки Гамбии и возвращается в Англию в тысяча семьсот девяносто седьмом году; затем он снова отправляется в Африку тридцатого января тысяча восемьсот пятого года со своим деверем Андерсоном, рисовальщиком Скоттом и целым отрядом рабочих; приехав в Горэ, Мунго Парк отбывает оттуда в сопровождении отряда солдат из тридцати пяти человек и девятнадцатого августа снова видит Нигер. К этому времени вследствие усталости, лишений, столкновений с туземцами, непогоды, нездорового климата из сорока европейцев остается только одиннадцать. Жена Мунго Парка получила его последние письма шестнадцатого ноября, а через год стало известно со слов одного из местных торговцев, что лодку несчастного путешественника опрокинуло течением на одном из порогов, а сам он был убит туземцами.

– И этот ужасный конец не остановил исследователей?

– Напротив, Дик. Ведь теперь, кроме изучения реки, явилась новая задача – разыскать материалы, оставленные ученым. В тысяча восемьсот шестнадцатом году в Лондоне организуется экспедиция, в которой принимает участие майор Грей; она приезжает в Сенегал, проникает в Фута-Джалон и, побывав среди местных племен, возвращается в Англию. В тысяча восемьсот двадцать втором году майор Ленг исследует часть Западной Африки, примыкающую к английским владениям; он-то первый и изучил истоки Нигера. Судя по его материалам верховье этой могучей реки не имеет и двух футов в ширину.

– Через нее, значит, можно легко перепрыгнуть, – сказал Джо.

– Как будто бы легко, – ответил доктор. – Но, если верить преданию, всякий, кто пытался перепрыгнуть через исток Нигера, сваливался в воду и тонул. А кто хочет зачерпнуть в нем воды, тот чувствует, что его отталкивает чья-то невидимая рука.

– Но вы разрешите не верить этому преданию?

– Разрешаю. Пять лет спустя майор Ленг прошел через всю Сахару, проник в Тимбукту,

но затем, несколькими милями выше, его задушили улед-слиманы, которые хотели заставить его принять мусульманство.

– Еще одна жертва! – сказал охотник.

– И вот тогда один отважный юноша предпринимает на свои скудные средства самое удивительное из современных путешествий; я говорю о французе Ренэ Кайе. После попыток, сделанных им в тысяча восемьсот девятнадцатом и в тысяча восемьсот двадцать четвертом годах, он отбывает девятнадцатого апреля тысяча восемьсот двадцать седьмого года из Риу-Нуныши; третьего августа он приезжает в Тиме до такой степени изнуренный и больной, что лишь в январе тысяча восемьсот двадцать восьмого года, через шесть месяцев, в состоянии возобновить путешествие; сменив свой европейский костюм на восточный, он присоединяется к каравану, достигает Нигера десятого марта, проникает в город Дженнэ и на лодке спускается вниз по течению до Тимбукту, куда он прибывает тридцатого апреля. Может быть, этот любопытный город посетил и другой француз, Эмбер, в тысяча шестьсот семидесятом и англичанин Роберт Адаме в тысяча восемьсот десятом году, но Ренэ Кайе – первый европеец, представивший о нем точные данные. Он покидает эту столицу пустыни четвертого мая, а девятого находит то место, где был убит майор Ленг. Девятнадцатого он приезжает в торговый город Эль-Арауан, а затем, подвергаясь бесчисленным опасностям, совершает переход через обширную пустыню, которая тянется между Суданом и Северной Африкой; наконец, прибывает в Танжер и двадцать восьмого сентября садится на пароход, отплывающий в Тулон. За девятнадцать месяцев Кайе пересек Африку с запада на север, хотя проболел сто восемьдесят дней. Если бы Кайе родился в Англии, он был бы прославлен как самый бесстрашный из современных исследователей наравне с Мунго Парком. Но во Франции его не достаточно оценили²⁵.

– Это храбрец, – сказал охотник. – А его дальнейшая судьба?

– Умер тридцати девяти лет; труды и лишения, перенесенные за время путешествия, подорвали его здоровье. Во Франции считали, что достаточно почтили его, раз Географическое общество, присудило ему премию. В Англии ему были бы возданы величайшие почести. Между прочим, как раз в то время, когда Кайе совершал свое удивительное путешествие, один англичанин предпринял такую же попытку и проявил не меньше мужества. Но счастье не благоприятствовало ему. Это капитан Клаппертон, спутник Денхема. В тысяча восемьсот двадцать восьмом году он прошел по западному побережью Африки до залива Бенин, затем отправился по следам Мунго Парка и Ленга, нашел в городе Бусса документы, относящиеся к смерти Мунго Парка, приехал двадцатого августа в Сокото, где был взят в плен и умер на руках своего верного слуги Ричарда Лендера.

– А что случилось с этим Лендером? – спросил сильно заинтересованный Джо.

– Ему удалось вернуться на побережье, и он благополучно прибыл в Лондон с бумагами капитана и точным донесением о своем собственном путешествии. Лендер предложил правительству свои услуги: завершить исследование Нигера. Он соединился со своим братом Джоном. Они были родом из Корнуолла, из бедной семьи. Братья спустились по реке от города Буссы до устья, описывая ее берега, селение за селением, город за городом. Это путешествие, начатое в тысяча восемьсот двадцать девятом году, закончилось в тысяча восемьсот тридцать первом году.

– И оба брата избегнули общей участи? – спросил Кеннеди.

– Да, по крайней мере на этот раз. Но в тысяча восемьсот тридцать третьем году Ричард предпринял третье путешествие по Нигеру и погиб возле самого устья реки от пули, пущенной неизвестно кем. Вы видите, друзья мои, страна, над которой мы летим, была свидетельницей благородных и самоотверженных подвигов, наградой которым слишком часто бывала лишь смерть.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

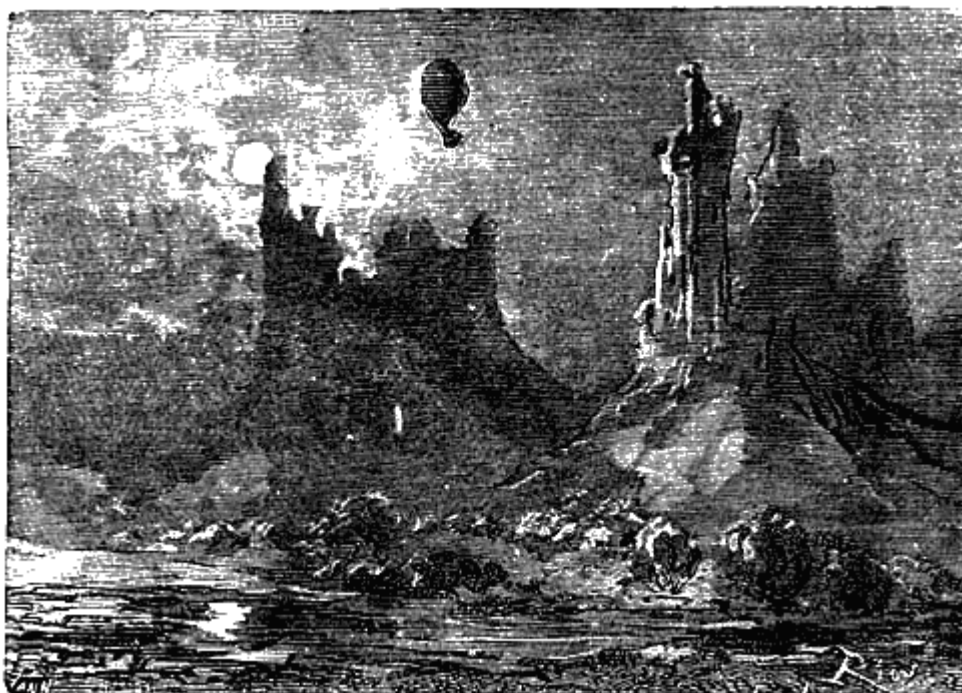
²⁵ Доктор Фергюссон как англичанин, может быть и преувеличивает: тем не менее нельзя не признать, что Ренэ Кайе не пользуется во Франции той славой, которую он заслужил своим мужеством и самоотверженностью.

Излучина Нигера. – Фантастический вид гор Хомбори. – Кабара. – Тимбукту. – План доктора Барта. – Упадок Тимбукту. – По воле неба.

Доктору доставляло удовольствие рассказывать своим товарищам в этот дождливый, сумрачный день тысячи подробностей о проносящейся под ними местности. Она была плоской, и потому препятствий для полета никаких не представляла. Одно лишь тревожило Фергюссона – проклятый северо-восточный ветер. Он дул со страшной силой и относил «Викторию» несколько в сторону от Тимбукту.

Дойдя на севере до Тимбукту, Нигер изгибается, словно гигантский фонтан, а затем целым снопом сверкающих рукавов несется к Атлантическому океану.

Внутри этой грандиозной излучины Нигера природа чрезвычайно разнообразна. Здесь и буйная растительность и полнейшее бесплодие: невозделанные равнины сменяются полями маиса, а за ними тянутся обширные пространства, поросшие дроком. Всевозможные водяные птицы – пеликаны, чирки, зимородки – целыми стаями носятся над притоками Нигера и над его болотистыми рукавами.

Время от времени мелькают деревни туарегов. Мужчины отдыхают в кожаных шатрах, а женщины, куря большие трубки, занимаются домашними работами, доят верблюдов.

К восьми часам вечера «Виктория» пролетела на запад больше двухсот миль, и здесь перед глазами путешественников развернулась чудесная картина: лунные лучи, прорываясь сквозь тучи и скользя между полосами дождя, заливали своим светом горную цепь Хомбори. Как причудливы очертания этих базальтовых вершин! Они вырисовываются на фоне темного неба фантастическими силуэтами, напоминая, подобно плавучим льдам полярных морей, легендарные развалины какого-то огромного средневекового города.

– Вот картина из «Удольфских тайн», – сказал доктор, – Анна Радклиф не сумела бы придать горному пейзажу более мрачный и таинственный вид.

– Право же, – ответил Джо, – не хотелось бы мне очутиться одному ночью в этой стране призраков. Знаете ли, сэр, я с удовольствием перенес бы этот пейзаж в Шотландию. Он был бы недурен на берегу озера Ломонд, и туристы устремились бы туда толпой.

– В нашем шаре маловато места и удовлетворить твою фантазию было бы трудно. Но смотрите-ка, направление полета как будто меняется. Превосходно! Духи этой таинственной местности очень любезны; они надули для нас с юга-востока ветер, – а нам того и надо.

Действительно, «Виктория» взяла курс к северу и 20 мая утром уже неслась над запутан-

ной сетью речек – притоков Нигера. Некоторые из них так заросли травой, что издали производили впечатление тучных лугов. Это был путь, пройденный Бартом, когда он спустился вниз по реке до Тимбукту. Нигер, в этом месте достигая восьмисот футов ширины, протекал среди берегов, обильно поросших крестоцветными всевозможных видов и тамариндами. В густой траве прыгали, погружая в нее кольчатые рога, стада газелей, а аллигаторы подстерегали их. Длинные вереницы ослов и верблюдов, нагруженных товарами, тянулись по дорогам среди великолепных деревьев. Скоро за излучиной реки появились расположенные амфитеатром низкие домики. На их крышах и террасах было навалено скошенное сено.

– Это Кабара, порт Тимбукту! – весело закричал доктор. – А до самого города, пожалуй, не будет и пяти миль.

– Значит, вы довольны, сэр? – спросил Джо.

– Я в восторге, мой милый!

– Прекрасно! Значит, все к лучшему.

Действительно, в два часа дня столица пустыни, таинственный Тимбукту, имевший в былые времена, как некогда Афины и Рим, свои школы ученых и свои кафедры философов, развернулся перед взорами воздухоплавателей.

Тут Фергюссон, следя по карте, сделанной собственноручно доктором Бартом, убедился, насколько она была точна. Город этот представляет собой огромный треугольник, как бы начерченный на безбрежных белых песках. Вершина его направлена к северу и врежется в пустыню. Кругом – ничего, кроме диких злаков, карликовых мимоз и чахлого кустарника.

Самый город с высоты птичьего полета представлялся кучей шариков и кубиков. Улицы были довольно узки. Их обрамляли одноэтажные квадратные дома из необожженного кирпича и тростниковые хижины с остроконечными соломенными крышами. На террасах домов там и сям были видны лежащие в небрежных позах люди в ярких одеждах, с копьями или мушкетами в руках. В этот час на улицах не было женщин.

– А говорят, что они здесь очень красивы, – заметил доктор. – Видите, – продолжал он, – три башни на трех мечетях. Это почти все, что осталось от бывшего величия Тимбукту. В вершине треугольника высится мечеть Сонкоре, окруженная галереями, которые покоятся на аркадах довольно чистого рисунка; несколько дальше, возле квартала Сан-Гунгу, мечеть Сиди-Ягия и несколько двухэтажных домов. Не ищите ни двооцов, ни па мятников. Здешний шейх – всего-навсего купец и его царственное жилище – только контора.

– Мне кажется, – сказал Кеннеди, – что я различно полуразвалившиеся каменные стены.

– Они были разрушены фулаками в тысяча восемьсот двадцать шестом году, тогда город был на одну треть больше. Тимбукту с одиннадцатого века являлся для всех вожделенной добычей и поочередно принадлежал туарегам, сонраи, марокканцам и фулакам. Да, этот когда-то великий центр цивилизации, где в шестнадцатом веке ученый Ахмед-Баба владел библиотекой в тысячу шестьсот рукописей, теперь не что иное, как торговый склад Центральной Африки.

Город в самом деле казался заброшенным. На нем лежал отпечаток неряшливости, как на всех отживающих свой век городах. На окраинах скопились огромные кучи мусора; они высились как пригорки – единственные в этой ровной местности, если не считать холма, стоявшего в центре рыночной площади.

Когда «Виктория» проносилась над городом, в нем началось движение, забили даже барабаны. Но вряд ли последний захудалый местный ученый имел время исследовать новое удивительное явление. Воздухоплаватели, подхваченные могучим ветром пустыни, уже неслись над извилистыми берегами Нигера, и вскоре город Тимбукту стал одним из их мимолетных путевых впечатлений.

– Куда же теперь занесет нас судьба? – задумчиво проговорил доктор.

– Хорошо, если б на запад, – заметил Кеннеди.

– Вот как! – воскликнул Джо. – А что касается меня, то, если б пришлось вернуться тем же путем на Занзибар и даже лететь через Атлантический океан в Америку, – это ничуть меня бы не испугало.

– Но, видишь ли, Джо, прежде всего надо иметь возможность это сделать, – возразил

Фергюссон.

– А чего нам, мистер Самуэль, не хватает для этого?

– Газа, мой милый. Подъемная сила нашей «Виктории» заметно слабеет. И надо очень бережно относиться к водороду, чтобы нам его хватило до побережья океана. Мне придется даже начать выбрасывать балласт. Как видно, мы стали слишком тяжелы.

– Вот что значит, мистер Самуэль, ничего не делать! – воскликнул Джо. – Лежишь себе по целым дням в гамаке, как бездельник, ну, поневоле начнешь жиреть и прибавлять в весе. Когда мы вернемся, все найдут, что мы невозможно растолстели.

– Да, можно сказать, размышления, достойные Джо, – отозвался охотник. – Но подожди, друг мой, еще неизвестно, что будет впереди. Мы далеко еще не у цели... А скажи, Самуэль, в какую точку побережья мы, по-твоему, попадем?

– Очень затрудняюсь ответить тебе на это, Дик. Мы ведь находимся во власти очень непостоянных ветров. Скажу одно: я был бы счастлив, если бы удалось спуститься между Сьерра Леоне и Портендиком. Там мы нашли бы друзей.

– Приятно было бы пожать им руки, – промолвил Дик. – Ну, а в данную минуту мы летим в нужном направлении?

– Не совсем, Дик, не совсем. Взгляни на стрелку компаса – нас сейчас несет на юг, и мы поднимаемся к истокам Нигера.

– Какой был бы прекрасный случай открыть эти самые истоки, если бы, к сожалению, их уже не открыли до нас, – вмешался Джо. – А что, никак нельзя, мистер Самуэль, открыть еще какие-нибудь его истоки?

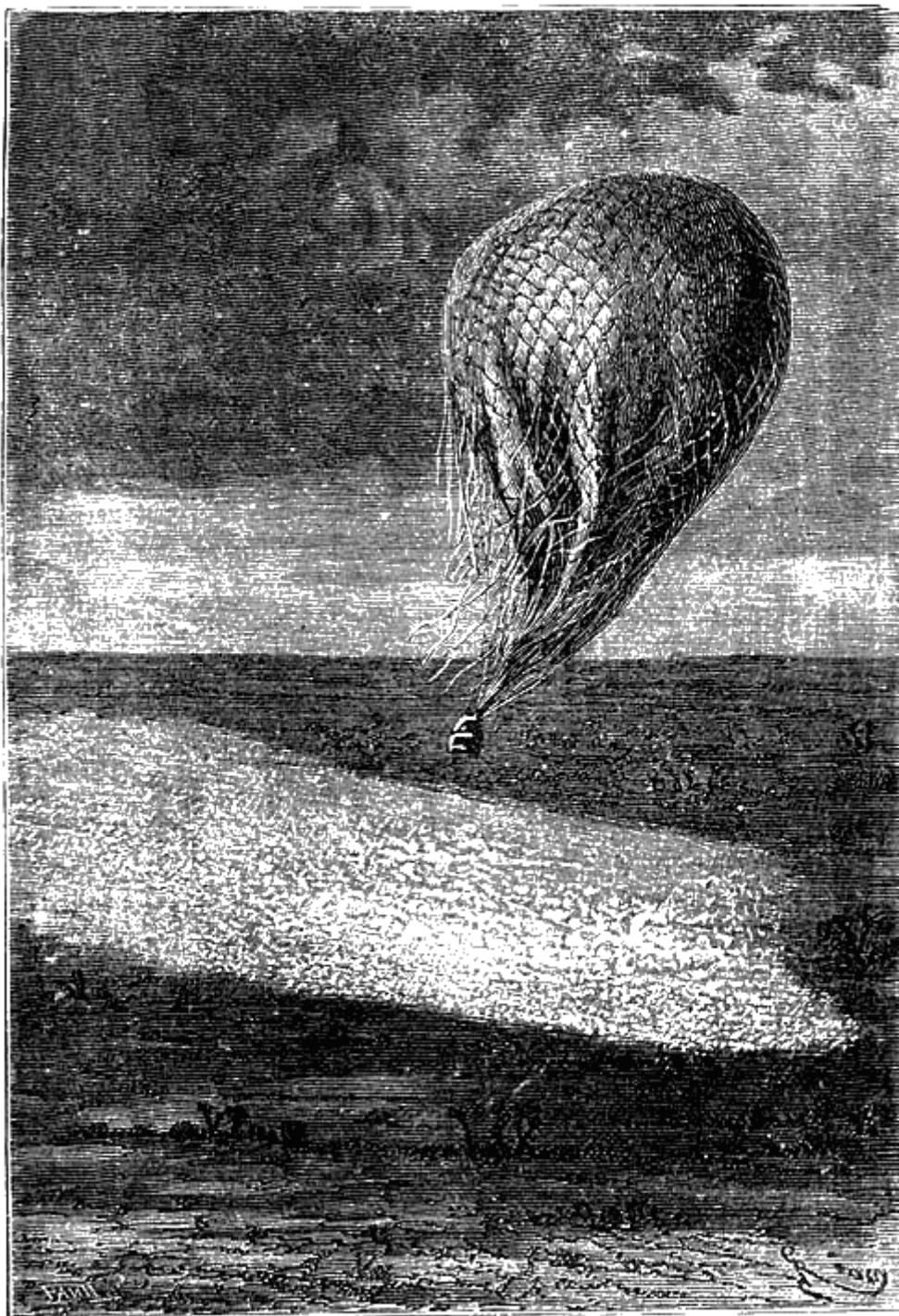
– Нет, Джо. Но успокойся, – я надеюсь, мы не залетим так далеко.

При наступлении ночи доктор сбросил последний балласт, и «Виктория» поднялась. Но вскоре горелка при полном пламени едва была в состоянии поддерживать ее на одной и той же высоте. В это время «Виктория» находилась в Шестидесяти милях южнее Тимбукту, а на следующее утро она уже была на берегах Нигера, недалеко от озера Дебо.

ГЛАВА Сороковая

Беспокойство доктора Фергюссона. – Упорное воздушное течение к югу. – Туча саранчи. – Город Дженнэ. – Столица Сегу. – Перемена ветра. – Сожаления Джо.

В том месте, где очутилась «Виктория», русло Нигера было разделено большими островами на мелкие рукава с очень быстрым течением. На одном из островов путешественники увидели несколько хижин пастухов, но сделать точные съемки этих мест было невозможно, ибо скорость, с которой неслась «Виктория», все возрастала. К несчастью, ее относил к югу, и она в каких-нибудь несколько минут промчалась над озером Дебо.

Фергюссон, расширяя, насколько мог, водород, искал на разных высотах другое воздушное течение, но не находил его и вскоре отказался от этого маневра, вызывавшего усиленную утечку газа, который просачивался через изношенные стенки аэростата.

Доктор не говорил ни слова, но стал очень беспокоиться. Упорное воздушное течение, уносившее шар к югу, разрушало все его планы. Он теперь уж не знал, на кого и на что рассчитывать. Если они не доберутся до английских или французских владений, что будет с ними среди дикарей, опустошающих побережье Гвинеи? Как дожидаться там судна, на котором они могли бы вернуться в Англию? А этот ветер несомненно мчал их к стране Дагомее, обитатели которой отличались особенной дикостью; султан, — а в его руки они должны были неминуемо попасть, — имел обыкновение во время народных празднеств приносить в жертву тысячи людей. Там, конечно, их ждет верная гибель. С другой стороны, «Виктория» все больше выдыхалась, и доктор чувствовал, что скоро она окончательно сдаст.

Между тем погода как будто стала проясняться, и у Фергюссона появилась было надежда

на то, что с прекращением дождя могут наступить перемены в воздушных течениях.

Вдруг замечание Джо вернуло его к печальной действительности.

– Ну вот, – проговорил тот, – дождь опять усилился, и на этот раз, судя по приближающейся туче, это уж будет настоящий потоп.

– Как? Опять надвигается туча? – воскликнул доктор.

– Да еще какая! – отозвался Кеннеди.

– Могу сказать, что подобной тучи я в жизни не видывал, – прибавил Джо, – края ее как-то вытянуты, словно по шнуру.

– А я уж было встревожился, – сказал Фергюссон, откладывая в сторону зрительную трубу, – это совсем не дождевая туча.

– Что же это такое? – удивился Джо.

– Это туча, но туча саранчи.

– Саранчи! – воскликнул Джо.

– Да, это миллиарды саранчи, как смерч, проносящиеся над краем. И горе ему, если она здесь сядет, – все подвергнется опустошению.

– Хотелось бы мне на это посмотреть! – заявил Джо.

– погоди, мой милый, минут через десять туча нас догонит, и ты увидишь все это собственными глазами.

Фергюссон был прав: темная плотная туча в несколько миль длиной уже приближалась с оглушительным шумом, бросая на землю огромную тень; это была несметная орда саранчи. Шагах в ста от «Виктории» вся эта масса опустилась на цветущий ярко-зеленый край. Через каких-нибудь четверть часа саранча поднялась и понеслась дальше, а аэронавты успели еще увидеть издали совершенно голые кусты, деревья и словно скошенные луга. Можно было подумать, что внезапно наступившая зима сковала землю и сделала ее бесплодной.

– Ну, что ты скажешь, Джо? – обратился к нему Фергюссон.

– Что я скажу, мистер Самуэль? Что это очень любопытно и вместе с тем очень естественно.

– Пугающее ливня и даже града, – заметил Кеннеди.

– От саранчи нет никакого спасения, – сказал Фергюссон. – Бывали случаи, когда жители зажигали леса и даже хлебные поля, чтобы остановить движение этих насекомых, но тут первые ряды бросались в огонь, тушили собой пожар, а затем вся масса саранчи непреодолимо двигалась вперед. Хорошо еще, что в этих странах жители вознаграждают себя за такое опустошение тем, что ловят эту самую саранчу в большом количестве и с удовольствием поедают ее.

– Это, должно быть, те же креветки, но только крылатые. Жаль, что мне не удалось попробовать их: надо все знать, – промолвил Джо.

К вечеру внизу стали проноситься более топкие места, леса сменились отдельными группами деревьев, по берегам Нигера можно было различить табачные плантации и болота, поросшие густой травой. Вскоре на большом острове показался город Дженнэ с двумя башнями глиняной мечети; от миллионов ласточкиных гнезд, облепивших городскую стену, исходило ужасное зловоние. Между домами здесь и там возвышались вершины баобабов, мимоз и финиковых пальм. Хотя была уже ночь, но в городе царил ббльшее оживление. Дженнэ – бойкий торговый центр. Он снабжает всем необходимым Тимбукту. Лодки по Нигеру и караваны по тернистым дорогам перевозят туда все изделия местной промышленности.

– Если б это не затягивало нашего путешествия, – сказал доктор, – я попытался бы спуститься в этот город. Здесь, наверно, нашелся бы не один араб, бывавший и во Франции и в Англии, которого, быть может, и не удивил бы наш способ передвижения. Но остановиться здесь было бы, пожалуй, не очень благоразумно.

– Так отложим это до нашей следующей экскурсии, – смеясь, предложил Джо.

– К тому же, друзья мои, – добавил доктор, – если я только не ошибаюсь, ветер имеет наклонность дуть с востока, а такого случая упускать не надо.

Тут Фергюссон выбросил из корзины несколько ненужных предметов, пустые бутылки и ящик от мяса, и благодаря этому ему удалось поднять «Викторию» в зону, более благоприят-

ствующую его планам. В четыре часа утра первые лучи солнца осветили столицу Бамбара – Сегу. Ее легко узнать: она в сущности состоит из четырех отдельных городов. Своеобразный отпечаток придают ей также мавританские мечети и непрерывное движение паромов, развозящих жителей по различным кварталам. Но аэронавты не имели времени рассматривать эту столицу, и сами не были замечены. Они быстро и прямо мчались на северо-запад, и опасения доктора мало-помалу рассеялись.

– Еще два дня полета с такой скоростью по тому же направлению – и мы будем на реке Сенегал, – объявил он своим товарищам.

– И в дружеской стране? – спросил охотник.

– Не совсем; но, видишь ли, в крайнем случае, если бы наша «Виктория» вдруг сплеховала, мы оттуда могли бы уже пешком добраться до французских владений. Но будем надеяться, что она еще продержится несколько сотен миль; это избавило бы нас от усталости, страхов, опасностей, и мы спокойно добрались бы до западного побережья.

– И это будет конец нашему путешествию! – воскликнул Джо. – Но знаете, что я вам скажу? Если бы не желание рассказать людям обо всем, нами виденном, я предпочел бы никогда не спускаться на землю. А как вы думаете, мистер Самуэль, поверят ли нашим рассказам?

– Как знать, милый мой Джо! Во всяком случае, трудно спорить против фактов: тысячи людей видели, как мы вылетели с одного побережья Африки, и тысячи увидят, как мы прилетим на другое побережье.

– А при таких данных, мне кажется, трудно будет утверждать, что мы не перелетели, через Африку, – отозвался Кеннеди.

– Ах, мистер Самуэль! – с тяжким вздохом проговорил Джо. – Не один раз еще я пожалею о своих камнях из чистого золота! Вот что придало бы вес и правдоподобность нашим рассказам! Только начини я раздавать по грамму золота на слушателя, воображаю, какая толпа собралась бы слушать меня и, пожалуй, восхищаться мной!

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Приближение к реке Сенегал. – «Виктория» продолжает уменьшаться в объеме. – Необходимость облегчать ее. – Марабут Эль-Хаджи. – Паскаль, Венсан, Ламбер. – Соперник Магомета. – Труднопреодолимые горы. – Ружья Кеннеди. – Маневр Джо. – Стоянка над лесом.

27 мая к девяти часам утра местность начала менять свой вид. На покато́й равнине стали появляться холмы, указывающие на близость гор. Предстояло перелететь через горную цепь, отделявшую бассейн Нигера от бассейна Сенегала и служившую водоразделом между реками, текущими к Гвинейскому заливу и Зеленому мысу.

Вся эта часть Африки до Сенегала считалась очень опасной. Фергюссон знал это из рассказов своих предшественников – исследователей; здесь в стране негров они вынесли бесчисленные лишения и подвергались бесчисленным опасностям. Многие из спутников Мунго Парка погибли в этих местах из-за вреднейшего климата. Поэтому Фергюссон твердо решил не спускаться в этом негостеприимном крае.

Но он не имел ни минуты покоя. «Виктория» очень заметно сдавала, и приходилось время от времени, особенно когда надо было преодолеть какую-нибудь вершину, выбрасывать наименее нужные вещи. Это проделывалось на протяжении перелета в сто двадцать миль. Эти спуски и подъемы были очень утомительны. «Виктория», как сизифов камень, падала, как только ее удавалось поднять, и вид ее был далеко не прежний. От недостатка водорода «Виктория» вытянулась в длину и бока ее запали. Ветер, ударяя по ослабевшей оболочке, местами смял ее.

Видя это, Кеннеди не мог удержаться, чтобы не спросить:

– Как ты думаешь, Самуэль, нет ли трещины в оболочке «Виктории»?

– Трещины-то нет, – отозвался доктор, – но, очевидно, гуттаперча под влиянием высокой температуры расплавилась, и тафта стала пропускать водород.

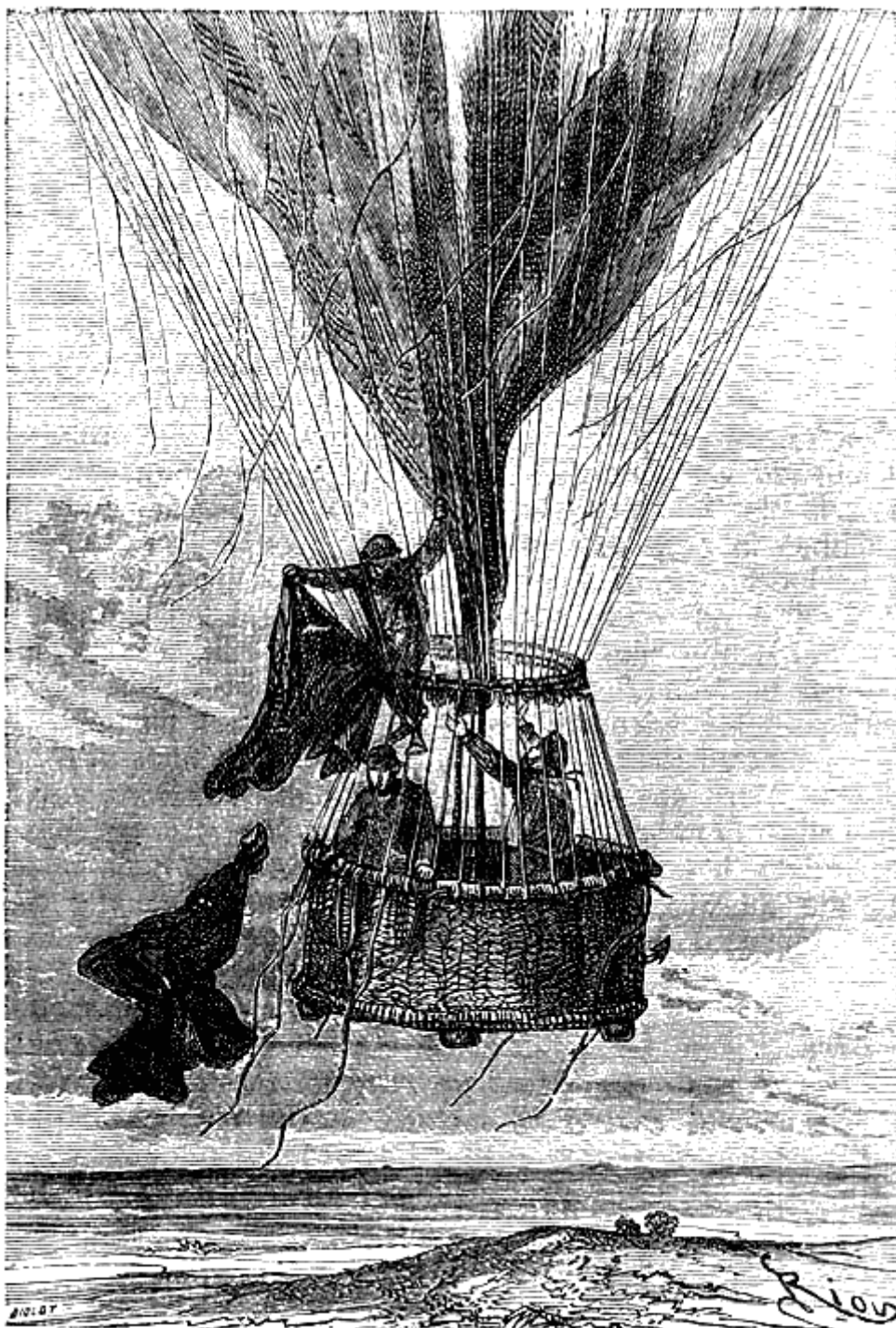
– А как же бороться с этой утечкой? – допрашивал Дик.

– Тут ничего нельзя поделать. Единственно, что остается, – это уменьшить наш груз. Будем выбрасывать все, что только можно.

– Что же еще можно выбросить? – проговорил охотник, оглядывая уже достаточно опустошенную корзину.

– Да хотя бы тент, ведь он весит немало.

Джо, поняв, что этот приказ относится к нему, вскарабкался на металлический круг, к которому была прикреплена сетка шара, откуда без труда снял обе части тента и сбросил их вниз.

– Этим тентом можно одеть целое племя, – заметил он, – ведь туземцам требуется не так-то много одежды.

«Виктория» немного поднялась, но скоро стало очевидно, что она снова снижается.

– Давайте спустимся, – сказал Кеннеди, – и посмотрим, что можно сделать с оболочкой.

– Говорю же тебе, Дик, что нет способа ее починить.

– В таком случае, что же нам делать?

– Пожертвовать всем, что не является совершенно необходимым, – ответил доктор. – Я хочу во что бы то ни стало избежать стоянки в этой местности. Вот эти леса, над которыми мы пролетаем, далеко не безопасны.

– Что же там водится, мистер Самуэль, львы или гиены? – с презрительным видом проговорил Джо.

– Получше этого, милый мой: люди, и самые свирепые во всей Африке.

– А откуда это известно? – поинтересовался Джо.

– Да из рассказов бывших здесь до нас путешественников, а также французов. Те, живя в своих колониях на Сенегале, поневоле должны сноситься с окружающими их племенами... При полковнике Федербе была предпринята разведка в глубине страны. Некоторые из посланных туда офицеров, например Паскаль, Венсан, Ламбер, вернулись из своих экспедиций с ценным материалом. Они исследовали страну, находящуюся в излучине Сенегала, там, где война и грабежи оставили после себя одни лишь развалины.

– Что же там произошло?

– А вот что: в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году один марабут (отшельник) из Сенегальской Футы, Эль-Хаджи, стал выдавать себя за пророка – он утверждал, что вдохновлен свыше, как Магомет. Он призывал население к войне против неверных, то есть европейцев. Район между рекой Сенегалом и его притоком Фалеме подвергся разрушению и опустошению. Три орды фанатиков под предводительством Эль-Хаджи прошли по всей стране, не пощадив ни одного селения, ни одной хижины, убивая и грабя. Они вторглись даже в долину Нигера и дошли до города Сегу, который долго был под угрозой. В тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году Эль-Хаджи подался на север и обложил форт Медину, построенный французами на побережье реки; форт оказал ему героическое сопротивление под командованием Поля Голла, который продержался несколько месяцев без продовольствия, без снаряжения, пока на выручку не подошел полковник Федерб. Тогда Эль-Хаджисо своими отрядами снова перешел через Сенегал и вернулся в страну Каарт, опустошая и грабя ее. А теперь мы летим как раз над тем краем, где он нашел убежище со своими ордами, и уж поверьте мне, что попасть к ним в руки было бы далеко не сладко.

– Ну, так мы и не попадем к ним в руки, хотя бы для поднятия нашей «Виктории» пришлось пожертвовать даже обувью, – сказал Джо.

– Мы уже недалеко от Сенегала, – объявил доктор, – но я предвижу, что перелететь на другой берег мы будем не в силах.

– Во всяком случае, давайте добираться до берега Сенегала, и то уж будет хорошо, – заметил охотник.

– Попробуем, – отозвался доктор, – но, знаете, меня беспокоит одно обстоятельство.

– Какое именно?

– Нам ведь предстоит перелететь через горную цепь, сделать это будет очень трудно; ведь как бы я ни накаливал горелку, увеличить подъемную силу нашей «Виктории» я не смогу.

– Подождем, – промолвил Кеннеди, – а там будет видно.

– Бедная «Виктория»! – воскликнул Джо. – Я привязался к ней, как моряк привязывается к своему кораблю. Признаться, мне нелегко будет с ней расстаться. Конечно, она уж далеко не та, что была, когда мы вылетели из Занзибара, но и хулить ее все-таки не следует: ведь она оказала нам немалые услуги, и бросить ее будет жалко.

– Успокойся, Джо, – сказал доктор. – Мы покинем нашу «Викторию» только в самом крайнем случае, если уж иначе нельзя будет. Она нам будет служить до полного истощения своих сил. Хорошо, если бы этих сил хватило ей еще на сутки.

– Да, силы ее истощаются, – сказал Джо. – Она худеет и, можно сказать, испускает дух. Бедная «Виктория»!

– Если я не ошибаюсь, там, на горизонте, виднеется горная цепь, о которой ты говорил, Самуэль, – заявил Кеннеди.

– Да, это, конечно, те самые горы, – отозвался доктор, посмотрев в подзорную трубу. – Но,

однако, какими они мне кажутся высокими! Трудно нам будет перебраться через них.

– Нельзя ли, Самуэль, избежать этого?

– Не думаю. Дик, чтобы это было возможно. Посмотри, какое огромное пространство они занимают, – чуть не половину горизонта. Нет, перелет через них неизбежен.

– Они даже, кажется, обступают нас со всех сторон... Теперь они видны справа и слева.

– Нет, нам их никак не миновать.

Между тем эта столь опасная преграда, казалось, приближалась с удивительной быстротой, или, вернее сказать, сильнейший ветер мчал «Викторию» прямо к остроконечным вершинам. Чтобы не стукнуться о них, надо было во что бы то ни стало подняться.

– Вылить воду из ящика! Оставить то, что нужно на один день! – приказал Фергюссон.

– Есть! – отозвался Джо.

– Ну как, мы поднимаемся? – спросил Кеннеди.

– Немного поднялись, на каких-нибудь пятьдесят футов, – ответил доктор, не спускавший глаз с барометра, – но этого недостаточно.

В самом деле, скалистые вершины неслись навстречу воздухоплавателям, словно угрожая им. Увы! они высились над шаром более чем на пятьсот футов.

Воду для горелки тоже вылили за борт, оставив всего несколько пинт; но и этого было недостаточно.

– Надо же, однако, подняться, – проговорил доктор.

– Давайте сбросим ящики, раз уж мы вылили из них воду, – предложил Кеннеди.

– Бросайте!

– Есть! – ответил Джо. – Но все-таки, скажу вам, невесело выбрасывать так все, одно за другим, – прибавил он.

– Слушай, Джо, – обратился к нему Фергюссон, – смотри, не вздумай снова принести себя в жертву. Сейчас же поклянись мне, что ни в каком случае не покинешь нас.

– Будьте спокойны, мистер Самуэль, мы с вами не расстанемся.

«Виктория» поднялась еще туазов на двадцать, но остроконечная каменистая вершина, увенчивавшая крутую, как стена, гору, еще возвышалась над ней больше чем на двести футов.

«Если только нам не удастся подняться над этими скалами, то наша корзина через десять минут будет разбита вдребезги», – пронеслось в голове Фергюссона,

– Ну что еще делать, мистер Самуэль? – спросил Джо, словно прочитав его мысли.

– Оставь только запас пеммикана, а все это тяжелое мясо долой за борт!

«Виктория» освободилась таким образом еще фунтов от пятидесяти и поднялась на порядочную высоту, но это не имело значения, ибо она все-таки была ниже вершины. Положение становилось ужасным. «Виктория» неслась с огромной быстротой. Казалось, что вот-вот она со страшной силой ударится о скалы и все разлетится вдребезги.

Доктор обвел глазами корзину. Она была почти пуста.

– Дик, если понадобится, будь готов пожертвовать своими ружьями, – проговорил Фергюссон.

– Как! Пожертвовать моими ружьями?! – воскликнул с волнением охотник.

– Друг мой, раз я потребую этого, значит это будет совершенно необходимо.

– Самуэль! Самуэль!

– Пойми, твои ружья, запас пуль и пороха могут нам стоить жизни!..

– Приближаемся, приближаемся! – крикнул Джо.

А гора все была выше «Виктории» туазов на десять. Джо схватил одеяла и вышвырнул их. Не говоря ни слова Кеннеди, он выбросил также несколько мешочков с пулями и дробью. На этот раз шар «Виктории» поднялся выше опасной вершины, его верх озарился солнцем, но корзина все-таки была ниже скал и неминуемо должна была о них разбиться.

– Кеннеди! Кеннеди! – закричал доктор. – Бросай свои ружья – или мы погибли!

– Погодите, мистер Дик! Погодите! – остановил его Джо. И Кеннеди, обернувшись, увидел, как он скрылся за бортом корзины...

– Джо! Джо! – в отчаянии закричал он.

– Несчастный! – вырвалось у доктора.

Площадка на вершине горы была шириной футов в двадцать, а с другой стороны склон был еще менее отлогим. Корзина как раз опустилась на эту, довольно ровную, площадку и, скрипя по острому щебню, волочилась по ней.

– Проходим! Проходим! Прошли! – раздался голос, заставивший радостно забиться сердце Фергюссона.

Отважный Джо, держась руками за нижний край корзины, бежал по площадке, освободив таким образом «Викторию» от веса своего тела. Ему даже приходилось изо всех сил удерживать шар, рвавшийся ввысь.

Когда Джо очутился у противоположного склона и перед ним раскрылась пропасть, он могучим движением рук поднялся и, ухватившись за веревку, через мгновение был уже подле своих спутников.

– Не так уж было трудно это проделать, – заявил он.

– Славный мой Джо! Друг мой! – проговорил взволнованный доктор.

– Только не думайте, пожалуйста, мистер Самуэль, что это я для вас сделал. Нет, нет! Это для карабина. Я ведь был в долгу у мистера Дика со времени истории с арабом. Но я люблю возвращать долги, и вот теперь мы с ним квиты. – добавил он, подавая охотнику его любимый карабин. – Мне было бы слишком тяжело, если бы вы лишились его, – добавил он.

Кеннеди крепко пожал ему руку, но сказать что-либо был не в силах.

Теперь «Виктории» надо было только спускаться. Это было делом для нее нетрудным. Вскоре, она оказалась в двухстах футах от земли и на этой высоте пришла в полное равновесие. Но тут местность стала очень неровной, на ней появилось много возвышенностей, избегать которые было очень нелегко в ночное время, да еще воздушному шару, плохо поддающемуся управлению.

Вечер надвигался чрезвычайно быстро, и доктор волей-неволей вынужден был решиться сделать привал до утра.

– Надо нам поискать подходящее место для спуска, – сказал он.

– Значит, Самуэль, ты все-таки решил спуститься? – отозвался Кеннеди.

– Да, я долго думал над планом, который нам надо будет привести в исполнение. Сейчас всего шесть часов, и у нас на это хватит времени. Джо, сбрось-ка якорь.

Джо немедленно выполнил приказ.

– Мы будем лететь над самыми вершинами вон того огромного леса и зацепимся за одно из деревьев, – сказал доктор, – я ни за что на свете не хотел бы в здешних местах провести ночь на земле.

– А можно будет вылезть, Самуэль? – спросил Кеннеди.

– Зачем? Повторяю: здесь нам очень опасно разделяться. К тому же я буду просить вас обоих помочь мне в трудной работе.

«Виктория», летевшая над густым лесом, едва не касаясь верхушек деревьев, вдруг остановилась. Ее якорь, наконец, зацепился. К ночи ветер совсем спал, и «Виктория» почти неподвижно повисла над зеленым морем сикоморов.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Борьба великодушный. – Последняя жертва. – Прибор для расширения газа. – Ловкость Джо. – Полночь. – Вахта доктора:– Вахта Кеннеди. – Его сон. – Пожар. – Крики и выстрелы. – Вне опасности.

Фергюссон начал с того, что по звездам определил свое местонахождение. Оказалось, что они были на расстоянии миль двадцати пяти от Сенегала.

Отметив это на карте точкой, доктор сказал:

– Все, что мы можем сделать, друзья мои, – это переправиться через Сенегал. Но так как в нашем распоряжении не будет ни моста, ни лодки, нам надо во что бы то ни стало перебраться через реку на нашей «Виктории». Поэтому совершенно необходимо еще облегчить ее.

– Но я не вижу, что мы тут можем сделать, – сказал Кеннеди, все опасавшийся за свои ружья. – Единственный выход, по-моему, в том, чтобы кто-нибудь из нас пожертвовал собой, оставшись позади... И на этот раз я очень прошу эту честь оказать мне.

– Ну, вот еще! – воскликнул Джо. – Как будто я не привык...

– Тут, друг мой, – перебил его Кеннеди, – речь идет вовсе не о том, чтобы выброситься из «Виктории», а о том, чтобы пешком добраться до побережья океана. Я же хороший ходок, хороший стрелок...

– Никогда на это не соглашусь! – закричал Джо.

– Ваш спор совсем ни к чему, друзья мои, – вмешался Фергюссон. – Мне думается, что мы не дойдем до такой крайности. Но если даже и так, мы, конечно, не расстались бы, а все втроем попытались бы пешком пробраться через этот край.

– Хорошо сказано! – воскликнул Джо. – Маленькая прогулка, понятно, не повредила бы

нам!

– Но раньше, – продолжал доктор, – мы прибегнем к последнему способу, чтобы облегчить нашу «Викторию».

– Что же это за способ? – спросил Кеннеди.

– Нужно избавиться от ящиков, соединенных с горелкой, а также от батареи Бунзена и змеевика. Ведь во всем этом около девятисот фунтов.

– Но, Самуэль, как же ты станешь расширять газ?

– Да я и не буду его расширять. Мы обойдемся без этого.

– А все-таки...

– Послушайте, друзья мои, – перебил доктор своего друга, – я самым точным образом считал, какая подъемная сила останется в нашем распоряжении. Она достаточна, чтобы поднять нас троих с тем немногим, что будет у нас в корзине. Все это, считая даже два якоря, которые я хотел бы сохранить, не будет весить и пятисот фунтов.

– Что тут говорить, дорогой Самуэль, ты лучше нас разбираешься в таких вопросах, – сказал охотник. – Один ты можешь верно оценить наше положение. Говори нам, что надо делать, и мы все исполним.

– К вашим услугам, мистер Самуэль, – присоединился к Кеннеди Джо.

– Повторяю, друзья мои, как ни серьезен этот шаг, но нам надо пожертвовать всеми нашими приборами.

– Ну, и пожертвуем ими! – поддержал его Кеннеди.

– Тогда за работу! – воскликнул Джо.

А работа была не из легких. Надо было разобрать механизм: сначала снять смесительную камеру, потом камеру нагрева с горелкой и, наконец, ящик, где происходило разложение воды. Трем аэронавтам едва удалось совместными усилиями оторвать все эти приборы от дна корзины, к которому они крепконакрепко были приделаны, но Кеннеди обладал огромной силой, Джо – ловкостью, а Самуэль – изобретательностью, и в конце концов они все-таки добились своего. Все приборы были выброшены за борт и исчезли, нанеся немалый урон листве сикоморов.

– Воображаю, как будут удивлены негры, найдя в своем лесу подобные вещицы! – заметил Джо, – Пожалуй, они способны сделать из них идолов.

Затем надо было заняться трубками, идущими в оболочку шара. Джо сейчас же взобрался на несколько футов выше корзины и там перерезал каучуковые соединения. Но с самими трубками дело было потруднее, так как верхние их концы были прикреплены с помощью латунных проволок к ободу клапана. Тут Джо проявил удивительную ловкость: босой, чтобы не повредить оболочки, он, несмотря на раскачивание шара, вскарабкался по сетке до верхушки «Виктории» и там, держась одной рукой, умудрился отвинтить наружные гайки, закреплявшие трубки. Эти трубки с легкостью отделились и были удалены через нижний придаток, отверстие которого Джо снова герметически закрыл. «Виктория», освободившись от значительного груза, распрямилась и сильно натянула веревку, привязанную к якорю.

К двенадцати часам ночи эта работа, потребовавшая стольких усилий, была благополучно закончена. Путешественники наскоро поужинали пеммиканом и холодным грогом, – ведь, увы, горелки в распоряжении Джо уже не было.

Джо и Кеннеди просто падали от усталости. Заметив это, Фергюссон сказал им:

– Теперь, друзья мои, укладывайтесь и спите, я же буду нести первую вахту. В два часа я разбужу Кеннеди, а он в четыре – Джо. В шесть утра мы должны вылететь, и да поможет нам небо в этот последний день.

Не заставляя себя просить, оба спутника доктора улеглись на дно корзины и мгновенно заснули крепчайшим сном.

Кругом все было спокойно. По временам несколько тучек набегало на луну. Находясь в последней четверти, она едва светила. Фергюссон, опершись на борт корзины, оглядывал окрестность. Он внимательно наблюдал за темной листвой, расстилавшейся под его ногами и скрывавшей от него землю. Малейший шум казался ему подозрительным, он искал объяснения даже легкому трепету листвы. Фергюссон был в том настроении, когда на ум идут тревожные

мысли о всевозможных ужасах; одиночество еще обостряло эти смутные опасения. Преодолев столько препятствий и приближаясь к цели, он был взволнован, страхи его усилились, и ему казалось, что конец пути словно уносится от него.

К тому же положение путешественников было не из приятных. Находились они среди свирепых дикарей и располагали далеко не надежным способом передвижения. Прошло время, когда доктор мог полагаться на свою «Викторию» и проделывать на ней смелые маневры.

Фергюссону в его тревожном состоянии духа порой казалось, что до него доносится из леса какой-то неопределенный шум, а однажды между деревьями даже как будто блеснул огонек. Вооружившись подозрительной трубой, он еще внимательнее стал всматриваться в темноту, но решительно ничего не увидел и не услышал. Очевидно, у него была галлюцинация. Он снова стал прислушиваться, но не мог уловить ни малейшего шума. В это время как раз заканчивалась его вахта, он разбудил Кеннеди и, наказав ему быть особенно бдительным, улегся подле Джо, спавшего мертвым сном. А Кеннеди, протирая слипавшиеся глаза, спокойно зажег свою трубку и, опершись на борт корзины, стал усиленно курить, чтобы этим разогнать одолевавший его сон.

Кругом царил мертвая тишина. Легкий ветерок слегка шевелил верхушки деревьев и, покачивая «Викторию», как бы убаюкивал сонного охотника. Тот изо всех сил старался стряхнуть с себя дремоту: поднимал отяжелевшие веки, таращил в темноте почти ничего не видевшие глаза, но в конце концов, поддавшись непреодолимой усталости, все-таки заснул.

Сколько времени проспал Дик, он и сам не мог бы сказать. Вдруг он был разбужен неожиданным светом и потрескиванием.

Он открыл глаза и вскочил. Ему в лицо пахнуло сильнейшим жаром. Лес. внизу пылал...

– Пожар! Горим! – закричал он, хорошенько не понимая, что вокруг него творится.

Оба товарища его вскочили со своих мест.

– Что такое? – спросил Самуэль.

– Пожар! – отозвался Джо. – Но кто мог...

В этот миг под залитой огнем листвой раздались громкие крики.

– А, дикари! – закричал Джо. – Это они подожгли лес, чтобы уж наверняка нас изжарить.

– Это племя талиба. Головорезы Эль-Хаджи, – сказал доктор.

Кругом «Виктории» свирепствовал огонь. Треск сухих ветвей смешивался с шипеньем зеленых. Лианы, листья – словом, все живое в этой растительности извивалось от действия разрушительной стихии. Всюду бушевал океан пламени. На фоне его вырисовывались черные стволы огромных деревьев с обуглившимися ветвями. И этот пылающий океан отражался в тучах. Самый воздух, казалось, был объят пламенем.

– Скорее на землю! – крикнул Кеннеди. – В этом наше спасение!

Но Фергюссон, крепко схватив своего друга за руку, удержал его, а затем бросился к якорному канату и одним взмахом топора перерубил его. Огонь со всех сторон подбирался ю «Виктоии», он уже лизал ее освещенные бока, но она, освободившись от своих уз, взвилась на тысячу футов ввысь.

По лесу понеслись ужасающие вопли, раздались оглушительные ружейные выстрелы.

А «Виктория», подхваченная утренним ветром, уже неслась к западу. Было четыре часа утра.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

Племя талиба. – Погоня. – Опустошенный край. – Умеренный ветер. – «Виктория» все снижается. – Выброшены последние продукты. – Скачки «Виктории». – Защита с оружием в руках. – Ветер свежееет. – Река Сенегал. – Гуннский водопад. – Нагретый воздух. – Перелет через Сенегал.

– Не сними мы с вами вчера вечером приборов с нашей «Виктории», нам, без всякого сомнения, пришел бы конец, – заговорил доктор.

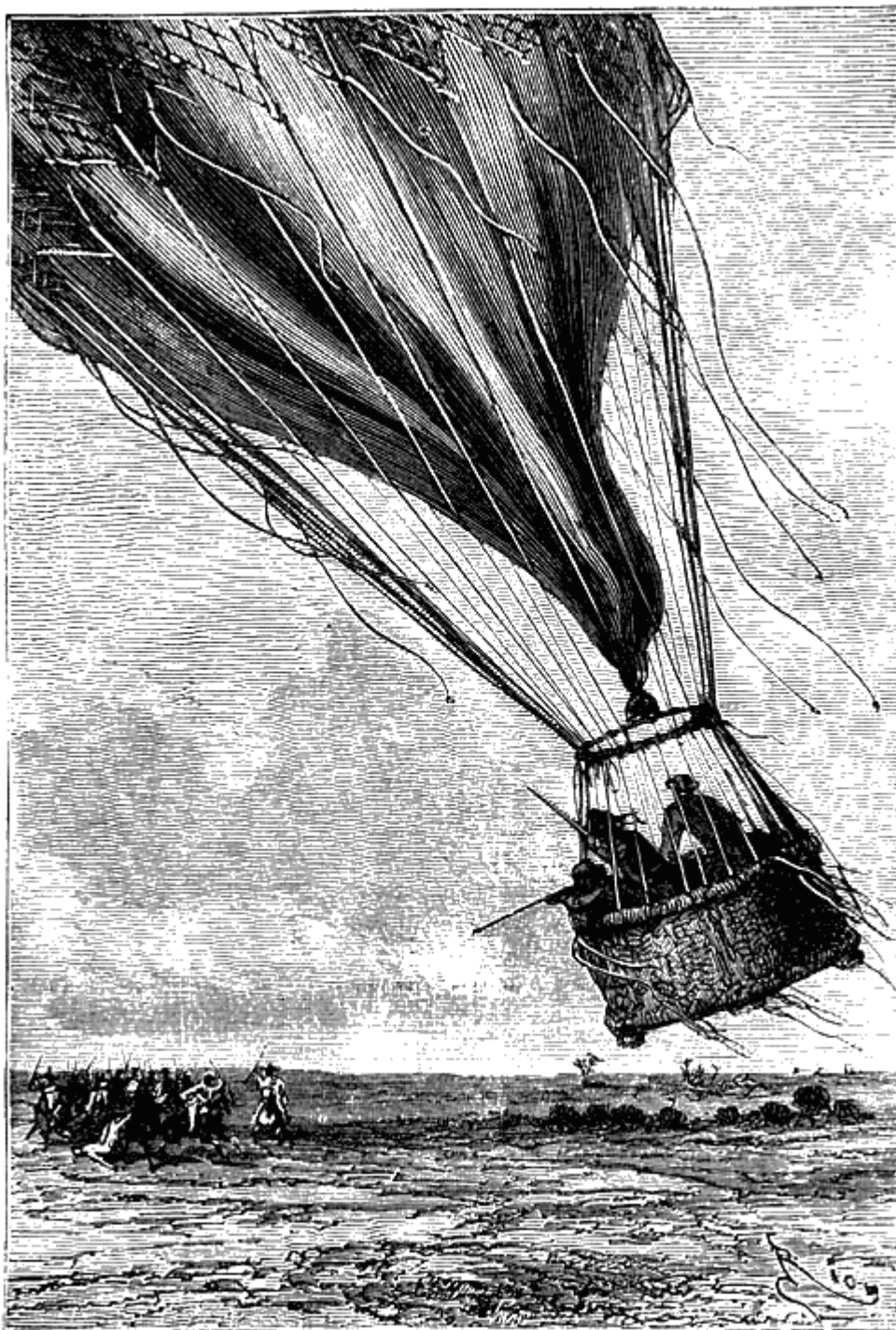
– Вот что значит сделать все вовремя, – заметил Джо. – Спаслись, и так просто.

– Но мы еще далеко не вне опасности, – возразил Фергюссон.

– Что же тебя пугает, Самуэль? – спросил Кеннеди. – Ведь опуститься «Виктория» не может, а если бы даже она и опустилась, велика ли беда?

– Велика ли беда? – повторил доктор. – А ну-ка. Дик, взгляни!

«Виктория» как раз пролетала над опушкой леса, и там аэронавты увидели человек тридцать всадников, одетых в широкие шаровары и развевающиеся по ветру бурнусы. Всадники были вооружены копьями и мушкетами и скакали рысью на своих резвых, горячих лошадях по тому же направлению, по которому двигалась потерявшая свою скорость «Виктория».

Завидев шар, всадники принялись дико кричать и размахивать оружием. Их смуглые лица, казавшиеся еще более свирепыми благодаря жидким всклокоченным бородам, выражали лютую ненависть и жажду разделаться со своими жертвами. И они с большой легкостью неслись по равнине, спускавшейся к реке Сенегал.

– Конечно, это жестокие дикари племени талиба, свирепые сподвижники Эль-Хаджи, – сказал Фергюссон, – Да, признаться, я предпочел бы очутиться в лесу среди хищных зверей, чем попасть в руки этих бандитов.

– Вид у них действительно не особенно мирный, – отозвался Кеннеди, – и притом какие здоровенные детины.

– Хорошо еще, что такие звери не летают, – промолвил Джо. – Это все-таки выигрыш для нас.

– Взгляните-ка, – продолжал Фергюссон, – на эти разоренные поселения, на сожженные хижины, – это ведь все их рук дело. Там, где были возделанные, цветущие поля, теперь полней-

шее запустение.

– Ну, им нас не догнать, – заметил Кеннеди, – а если нам еще удастся перелететь через Сенегал, то там уж мы будем в полной безопасности.

– Совершенно верно Дик, но все это при условии, если мы не станем снижаться, – проговорил доктор, не спуская глаз с барометра.

– А знаешь, Джо, нам с тобой совсем не лишнее иметь наготове ружья, – промолвил Кеннеди.

– Конечно, мистер Дик, это повредить не может, – отозвался Джо. – Как хорошо, что мы их не посеяли в пути!

– Ах, драгоценный ты мой карабин! – воскликнул охотник. – Надеюсь, я никогда с тобой не расстанусь!

И Кеннеди зарядил ружье с особенной тщательностью. К счастью, пороха и пуль еще имелось в достаточном количестве.

– На какой мы сейчас высоте, Самуэль? – спросил Дик своего друга.

– Приблизительно на высоте семисот пятидесяти футов. Но теперь уж не в нашей власти подниматься и опускаться, искать в воздухе благоприятных течений. Мы находимся в полной зависимости от нашей «Виктории».

– Это очень прискорбно, – промолвил Кеннеди. – Ветер как назло очень умеренный. Вот повстречай мы такой ураган, какой свирепствовал все последние дни, давно бы мы потеряли из виду этих бандитов!

– Теперь эти плуты не особенно что-то спешат, – заметил Джо, – они не утруждают себя и едут рысцой, словно на прогулке.

– Будь мы от них на расстоянии ружейного выстрела, уж позабавился бы я – стал бы вышибать их из седла одного за другим, – заявил охотник.

– Так-то так, – отозвался доктор, – но ведь и мы тогда очутились бы на расстоянии ружейного выстрела от них, и наша «Виктория» была бы превосходной мишенью для их длинных мушкетов. А ты можешь себе представить, в каком положении мы бы очутились, если бы они продырявили ее оболочку!

Погоня продолжалась все утро. К одиннадцати часам «Виктория» едва пролетела пятнадцать миль на запад.

Доктор внимательно следил за каждым облачком на горизонте. Он все боялся перемены направления ветра. Что было бы с ними, если бы их отбросило назад, к Нигеру! К тому же он видел, что «Виктория» вообще заметно снижается. С момента вылета она успела опуститься более чем на триста футов, а Сенегал был от них еще милях в двенадцати. Передвигаясь с такой скоростью, они могли добраться до него не раньше чем в три часа.

Вдруг внимание Фергюссона привлекли вновь раздавшиеся крики. Всадники в страшном возбуждении гнали всю своих коней.

Доктор бросил взгляд на барометр и сразу понял, что значат эти завывания.

– Мы опускаемся, Самуэль? – спросил Кеннеди.

– Да, – сказал Фергюссон.

«Черт возьми!» – подумал Джо.

Через четверть часа «Виктория» была меньше чем в ста пятидесяти футах от земли, но, к счастью, ветер несколько усилился.

А всадники неслись во всю прыть, и вскоре прогремел залп из их мушкетов.

– Не попали, дурареи! – воскликнул Джо. – Но, кажется, следует держать этих негодяев на приличном расстоянии, – добавил он и, целясь в скачущего впереди всадника, выстрелил. Тот скатился с лошади; товарищи его остановились, и благодаря этому «Виктория» несколько опередила своих врагов.

– Они осторожны, – заметил Кеннеди.

– Да, но потому, что не сомневаются в успехе, – сказал Фергюссон, – и, конечно, им удастся захватить нас, если мы спустимся еще ниже. Необходимо во что бы то ни стало подняться!

– Что же еще выбросить? – спросил Джо.

– Весь пеммикан, какой только остался. Все-таки избавимся еще фунтов от тридцати.

– Есть, мистер Самуэль! – ответил Джо, выполняя приказ.

Корзина, почти касавшаяся земли, в этот миг поднялась. У дикарей вырвался крик ярости. Но через каких-нибудь полчаса «Виктория» опять стала быстро снижаться; очевидно, газ уходил через трещины оболочки. Вскоре корзина снова стала задевать за землю. Негры бросились к ней. Но «Виктория», как это обычно бывает, ударившись о землю, подскочила вверх и, только пролетев еще с милю, снова стала падать.

– Да неужели нам не удастся вырваться?! – с бешенством воскликнул Кеннеди.

– Джо, бросай наш запас водки! – крикнул Фергюссон. – Бросай инструменты, бросай все, имеющее какой-либо вес! Бросай даже наш последний якорь! Это необходимо!

Джо стал срывать и кидать барометры, термометры, но всего этого было мало, и «Виктория», на минуту подпрыгнув, снова начала опускаться на землю. Негры мчались к ней и были уже шагах в двухстах.

– Бросай оба ружья! – крикнул доктор.

– Но уж не раньше, чем выпалим из них! – воскликнул охотник.

И четыре выстрела, направленные в гущу всадников, раздались один за другим. Четыре негра свалились на землю под бешеные, неистовые крики остальной шайки.

Сброшенные ружья дали возможность «Виктории» снова подняться, и тут она, словно колоссальный упругий мяч, отскакивая от земли, начала делать огромные прыжки.

Странное зрелище! Трое несчастных пытаются уйти от своих врагов, делая гигантские шаги, и, точно Антей, набираются новых сил от прикосновения к земле!

Но это ужасное положение должно было кончиться! Приближался полдень. «Виктория» вся как-то съежилась, вытянулась; дряблая ее оболочка развевалась, складки тафты, шурша, терлись друг о друга.

– Бог покинул нас! – вырвалось у Кеннеди. – Нам неминуемо предстоит свалиться.

Джо молча посмотрел на Фергюссона.

– Нет! – проговорил доктор. – Мы можем еще сбросить больше ста пятидесяти фунтов.

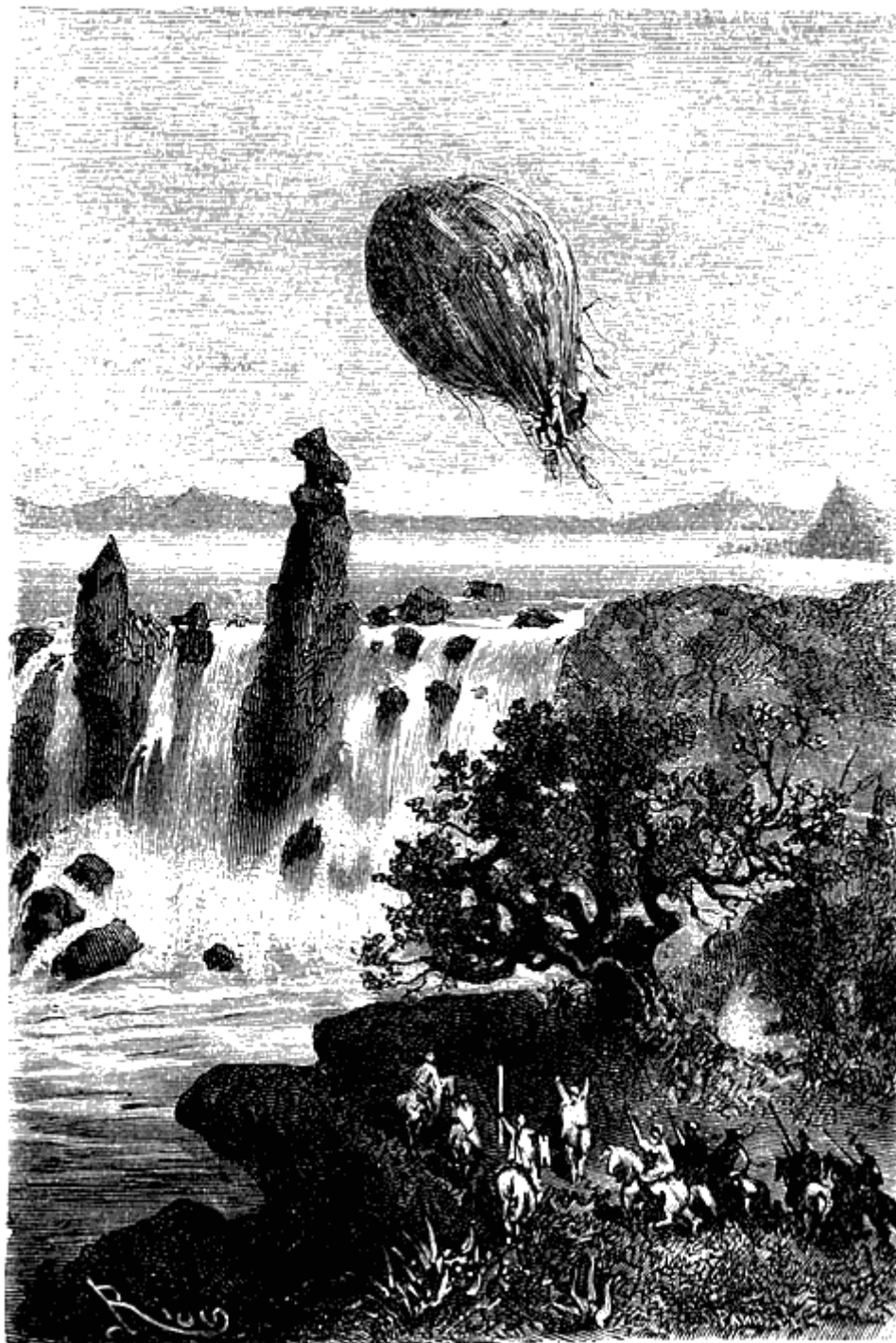
– Что же именно? – спросил Кеннеди, у которого в голове мелькнула страшная мысль, что его друг сошел с ума.

– Корзину! – ответил Фергюссон. – А сами уцепимся за сетку и так, держась за неё, достигнем Сенегала. Скорей же! Скорей за дело!

Отважные люди без колебания ухватились и за этот способ спасения. Как сказал доктор, они вцепились в петли сетки. Джо, держась за сетку одной рукой, другой перерезал веревки, на которых висела корзина, и она упала в то мгновение, когда «Виктория» окончательно опускалась вниз.

– Ура! Ура! – закричал Джо, когда облегченный шар сразу подпрыгнул вверх футов на триста.

Всадники изо всех сил гнали своих лошадей, которые почти распластались по земле, но «Виктория», попав в благоприятное воздушное течение, опередила их и быстро неслась к холму, вырисовывавшемуся на западе. Для путешественников это было выгодно: они перелетели через холм, а шайке их преследователей пришлось объехать его с северной стороны.

Три друга продолжали крепко держаться за сетку. Они умудрились связать под собой висевшие веревки, и получилось нечто вроде большого свободного кармана. Перелетев через холм, доктор радостно закричал:

– Река! Река! Сенегал!

В самом деле, в каких-нибудь двух милях от них могучая река катила свои бурные, воды. Ее противоположный берег, низкий и цветущий, сулил им верное убежище и был удобен для спуска.

– Еще четверть часа – и мы спасены! – радостно сказал Фергюссон.

Но, увы, их полету не суждено было кончиться так благополучно. «Виктория», теряя свой последний водород, все больше и больше снижалась. Она летела теперь, над совершенно бесплодной местностью. Отлогие склоны чередовались с каменистыми равнинами. Кое-где лишь виднелись жалкие кустики и густая, совершенно высохшая под жгучими лучами солнца трава.

«Виктория», несколько раз коснувшись земли, снова поднималась, но скачки ее с каждым

разом делались все ниже и короче. И вдруг она зацепилась верхней частью своей сетки за ветки одиноко стоявшего среди пустыни баобаба.

– Ну, теперь конец! – проговорил Кеннеди.

– И всего в ста шагах от реки, – добавил Джо.

Трое несчастных воздухоплавателей спустились на землю, и доктор побежал со своими товарищами к Сенегалу. От реки неслся неимоверный шум. Дойдя до берега, доктор догадался, что это был Гуинский водопад. Кругом не было ни единой лодки, ни единого живого существа.

Сенегал, в этом месте шириной в две тысячи фунтов, с оглушительным шумом низвергался с высоты ста пятидесяти футов. Река текла с востока на запад, а линия скал, преграждавших ей путь, тянулась с севера на юг. Волны разбивались об огромные утесы причудливой формы, напоминавшие чудовищных допотопных животных. Было совершенно очевидно, что перебраться через эту бездну невыносимо.

У Кеннеди невольно вырвался, жест отчаяния. Но энергичный и отважный Фергюссон и тут нашелся.

– Не все еще потеряно! – воскликнул он.

– Так я и знал! – отозвался Джо, ни на минуту не перестававший верить в своего доктора.

При виде сухой травы в голове Фергюссона мелькнула смелая мысль. «Да, – сказал он себе, – это единственное, что может спасти нас», и сейчас же повел своих товарищей обратно к оболочке шара.

– Этим бандитам не доскакать до нас раньше чем через час, – начал Фергюссон, – нам нельзя терять ни минуты. Соберите как можно больше сухой травы, – мне ее понадобится по крайней мере фунтов сто.

– Зачем она тебе? – поинтересовался Кеннеди.

– Раз у меня нет газа, – что ж, я перелечу через реку при помощи нагретого воздуха!

– Ах, Самуэль, ты поистине великий человек! – воскликнул Кеннеди.

Тут Джо и Кеннеди немедленно принялись за работу, и вскоре целый стог сена вырос у баобаба, Фергюссон же начал с того, что выпустил из шара через клапан весь остаток водорода, а затем увеличил отверстие внизу оболочки, срезав нижнюю часть шара. Закончив приготовления, он нагреб под отверстие некоторое количество сухой травы и зажег ее.

Чтобы наполнить шар нагретым и, следовательно, легким воздухом, требуется немного времени; температуры в 100° достаточно, чтобы наполовину уменьшить вес содержащегося в нем воздуха, разрезая его. И вскоре «Виктория» начала все больше и больше округляться, благо в сухой траве не было недостатка и доктор усердно ее подбрасывал.

Было без четверти час.

В этот момент показался на севере, не дальше чем в двух милях, отряд преследователей. Уже доносились их крики и громкий топот мчавшихся галопом коней.

– Через двадцать минут они будут здесь, – проговорил Кеннеди.

– Джо! Травы! Еще травы! – крикнул Фергюссон. – И через десять минут мы будем в воздухе!

– Извольте, мистер Самуэль!

«Виктория» была уже на две трети наполнена нагретым воздухом.

– Ну, а теперь, друзья мои, – сказал доктор, – давайте снова уцепимся за сетку.

– Есть! – отозвался охотник.

Минут через десять толчки шара показали, что он вот-вот поднимется.

Всадники уже приближались, они были всего шагах в пятистах.

– Держитесь крепче! – крикнул Фергюссон.

– Не бойтесь за нас, мистер Самуэль! Не бойтесь!

Тут доктор ногой подбросил в костер еще некоторое количество сухой травы, и «Виктория», окончательно наполнившись, быстро стала подниматься, задевая по пути за ветви баобаба.

– Полетели! – радостно закричал Джо.

Как бы в ответ на это, раздался залп из мушкетов, и одна из пуль задела плечо Джо. Но Кеннеди, нагнувшись, одной рукой выстрелил из своего карабина, и еще один враг свалился на

землю. Дикари яростно вопили при виде поднимавшейся ввысь «Виктории». Но она, захваченная на высоте восьмисот футов сильным воздушным течением, раскачиваясь, уже неслась через Сенегал. Отважный доктор и его товарищи смотрели вниз, на бушующий под ними водопад.

Через десять минут бесстрашные аэронавты в глубоком молчании начали спускаться к противоположному берегу Сенегала.

Там стояло человек десять, одетых во французскую военную форму, – удивленных, восхищенных, испуганных. Можно представить себе, до чего их ошеломило появление «Виктории», поднимавшейся с того берега. Они были недалеко от того, чтобы увидеть в этом спускавшемся с небес шаре чудо. Но их начальники, лейтенант морской пехоты и мичман, знали из европейских газет о смелой экспедиции доктора Фергюссона и сейчас же поняли, что происходит.

Между тем «Виктория», понемногу теряя подъемную силу, стала снижаться со своими смельчаками-воздухоплавателями, вцепившимися в ее сетку. Казалось сомнительным, чтобы она могла достигнуть земли. И вот французы бросились в реку и подхватили трех англичан в тот момент, когда «Виктория» свалилась в воду в нескольких саженях от левого берега Сенегала.

– Доктор Фергюссон? Не правда ли? – крикнул лейтенант.

– Он самый и два его друга, – спокойно ответил доктор.

Французы на руках вынесли путешественников из реки, а «Виктория», съезжившись, понеслась, словно огромный пузырь, по мчавшимся водам Сенегала и вместе с ними исчезла в Гвинском водопаде.

– Бедная «Виктория»! – воскликнул Джо.

На глазах доктора блеснули слезы, которых он не мог сдержать. Он протянул руки двум друзьям своим, и те, охваченные волнением, бросились в его объятия...

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

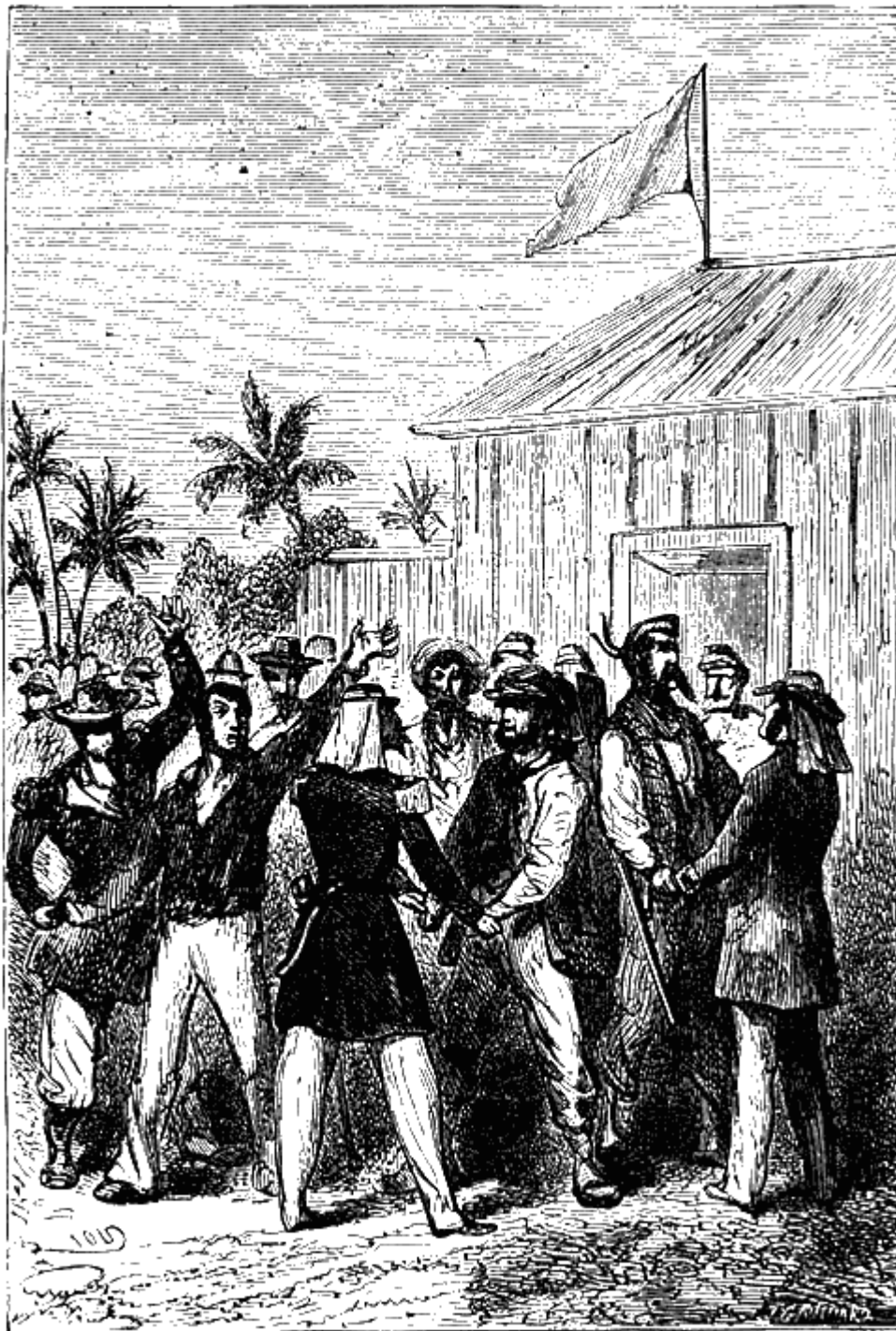
Заключение. – Протокол. – Французские учреждения. – Мединский военный пост. – Пароход «Базилика». – Сен-Луи. – Английский фрегат. – Возвращение в Лондон.

Французы, находившиеся на берегу, принадлежали к экспедиции, посланной сюда сенегальским губернатором. То были два офицера – лейтенант морской пехоты Дюфрэн и мичман Родамель, – один сержант и семеро солдат.

Проведя два дня в поисках наиболее удобного места для устройства военного поста в

местности Гуина, они стали очевидцами прибытия доктора Фергюссона.

Нетрудно себе представить, какой горячий прием был оказан трем путешественникам. Их обнимали, поздравляли. Французы, на глазах которых завершился отважный перелет, тем самым становились свидетелями прибытия Самуэля Фергюссона на Гуинский водопад. Потому-то доктор и обратился к лейтенанту Дюфрэсу с просьбой официально удостоверить этот факт.

– Надеюсь, вы не откажетесь поставить свое имя под протоколом? – спросил он.

– К вашим услугам, доктор Фергюссон, – с жаром ответил лейтенант Дюфрэс.

Французы тотчас же отвели англичан на свой временный пост, находившийся неподалеку, на берегу Сенегала. Здесь их окружили вниманием, заботами, накормили обильным обедом. Тут же был составлен и подписан следующий протокол, находящийся и поныне в архиве Лондонского географического общества:

«Мы, нижеподписавшиеся, заявляем, что сего числа были очевидцами появле-

ния на воздушном шаре доктора Фергюссона и его двух спутников, Ричарда Кеннеди и Джозефа Вильсона, державшихся за сетку этого шара. Самый воздушный шар упал в реку Сенегал всего в нескольких метрах от нас и, унесенный течением, исчез в Гуннском водопаде. В удостоверение вышесказанного мы и подписываем совместно с названными лицами настоящий протокол.

Гуинский водопад. 24 мая 1862 года.

Самуэль Фергюссон. Ричард Кеннеди. Джозеф Вильсон.

Лейтенант морской пехоты Дюфрэн.

Мичман Родамель. Сержант Дюфэ.

Солдаты: Флиппо, Мейер, Пелисье, Лоруа, Расканье, Гильон, Дебель».

Так закончился удивительный перелет доктора Фергюссона и его славных товарищей – перелет, засвидетельствованный очевидцами. Теперь они были в кругу друзей, среди мирных туземных племен, имевших частые сношения с местными французскими учреждениями.

Путешественники прибыли на берег Сенегала в субботу 24 мая, а уже 27 мая отправились на Мединский военный пост, расположенный несколько севернее, на берегу Сенегала.

Здесь французские офицеры встретили их тоже с распротертыми объятиями и оказали им самое широкое гостеприимство. Фергюссон и его товарищи в тот же день сели на маленький пароходик «Базилика», спускавшийся вниз по течению к устью Сенегала. Через две недели, 10 июня, трое друзей прибыли в Сен-Луи, где местный губернатор, устроил им торжественный прием.

За это время они совершенно оправились от пережитых волнений и усталости. Джо не переставал повторять:

– Если хорошенько подумать, это было довольно-таки скучное путешествие. По правде сказать, я не посоветовал бы предпринимать подобный перелет любителю сильных ощущений. Под конец он становится скучным, и не будь приключений на озере Чад и на Сенегале, пожалуй, можно было помереть с тоски.

Из Сен-Луи отходил английский фрегат, который и взял на борт путешественников. Они высадились в Портсмуте 25 июня, а на следующий день были в Лондоне.

Мы не станем описывать прием, оказанный аэронавтам Лондонским географическим обществом, и встретивший их всеобщий восторг.

Вскоре после чествования Кеннеди уехал к себе в Эдинбург, не позабыв, конечно, взять с собой знаменитый свой карабин. Дику не терпелось поскорее успокоить свою старую экономку.

Фергюссон с верным Джо остались все такими же, какими мы знали их, но в их отношениях незаметно для них самих появилось что-то новое – они стали друзьями.

Все газеты не только Англии, но и всей Европы были переполнены самыми восторженными отзывами об отважных аэронавтах. А газета «Дейли телеграф», напечатавшая лишь краткое описание их перелета, разошлась в этот день в количестве девятисотсорока семи тысяч экземпляров.

Доктор Фергюссон сделал доклад о своей воздушной экспедиции в Лондонском географическом обществе; медаль за самое замечательное исследование в 1862 году была присуждена доктору Фергюссону и обоим его спутникам.

Экспедиция доктора Фергюссона, во-первых, подтвердила самым точным образом все факты, установленные его предшественниками – Бартом, Бёртоном, Спиком и другими, все съемки, сделанные ими. Экспедиции же, недавно предпринятые Спиком и Грантом, Хейглином и Мунцингером к истокам. Нила и в Центральную Африку, вскоре дадут нам возможность проверить открытия, сделанные самим доктором Фергюссоном на огромном пространстве Африканского континента между четырнадцатым и тридцать третьим градусами восточной долготы.

